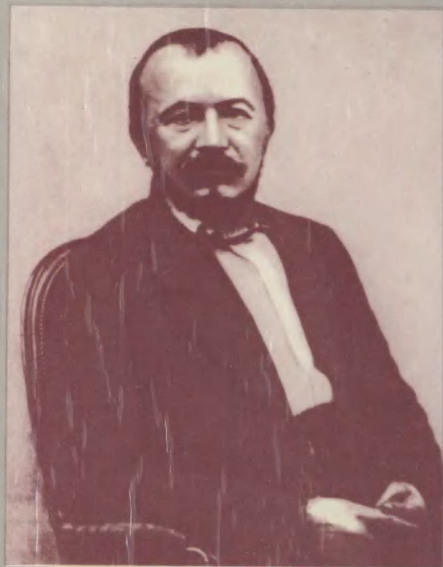

2 р. 50 к.

Жерар де Нерваль (1808—1855) — видный представитель французского романтизма.

Книга Жерара де Нерваля «Путешествие на Восток» — описание путешествия француза в арабские страны и Турцию, передающее аромат и экзотику жизни народов этих стран того времени (первой половины XIX века). Это не исследование ученого, а записки пытливого и наблюдательного путешественника, наделенного немалой долей фантазии.

Книга «Путешествие на Восток» оставила заметный след во французской ориенталистике.

Жерар де Нерваль

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

Жерар де Нерваль

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ВОСТОК**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Жерар де Нерваль

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

ББК л8
Н54

Gérard de Nerval
VOYAGE EN ORIENT
Paris, 1958

Редакционная коллегия
К. В. Малаховский (председатель),
Л. Б. Алаев, Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония

Сокращенный перевод с французского
М. Е. ТАЙМАНОВОЙ

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

И $\frac{4793000000-080}{013(02)-86}$ 71-86

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Жерар Лабрюни, которому суждено было прославиться под литературным именем Жерара де Нерваля, родился в Париже в 1808 году. Лихорадочная, блиставшая мишурой побед эпоха кануна падения Империи наложила на его судьбу трагическую печать. Отец Жерара, военный хирург Эжен Лабрюни, по долгу службы участвовавший в наполеоновских кампаниях, вскоре после рождения сына отправился на восток, в Ганновер, а за ним, оставив ребенка на попечение кормилицы, последовала и мать будущего писателя. Для нее эта поездка оказалась роковой: вскоре, в 1810 году, она умерла в далекой Силезии, сломленная тяготами походной жизни и какой-то инфекционной болезнью. Нерваль впоследствии писал, что он никогда не видел своей матери даже на портрете. Ему только было известно то, что лицо ее походило на аллегорическое изображение скромности на одной виденной им гравюре с картины то ли Фрагонара, то ли Приюдона. Многократно перечитываемые в семье пожелтевшие письма матери с берегов Балтийского моря, Шпрее и Дуная остались в его памяти как самое яркое впечатление детства. Сам он считал, что именно эти письма и ощущение непоправимой утраты еще в раннем возрасте заронили в его душу семена будущей страсти к дальним странствиям.

До семи лет ребенок воспитывался в доме своего дяди по материнской линии Антуана Буше в затерявшейся среди лесов деревне Мортфоптен, расположенной в старинной области Валуа. Место, где прошло раннее детство Нерваля и куда он часто возвращался впоследствии на каникулы, существенным образом сказалось на формировании его литературного таланта. «Часто оставляемый на попечение домашних и крестьян,— писал он,— я насыщал свой дух причудливыми верованиями, легендами и древними песнями»¹. К этому безмятежно счастливому существованию в сельской глуши писатель не раз обращался впоследствии как к богатой ассоциациями литературной теме. И еще одна тема, с течением времени набравшая все большую и большую силу в твор-

¹ *Nerval G. de. Oeuvres. T. I. P., Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1952, с. 159.*

честве Нерваля. ухлтит в глубины его детства. Прнезжая на канпкты, он часто проводил время за чтением ветхих томов, которые Антуан Буше хранил от посторонних глаз в самом глухом углу чердака. То были сочинения о редких религиозных культах, о кабалистике, о черной и белой магии и о многих других столь же таинственных вещах. Позднее все эти знания очень пригодились Нервалю при сравнительном изучении религий различных народов.

После очередного ранения выйдя по инвалидности на пенсию, вернулся наконец отец. Он забрал Жерара в Париж, где постарался дать ему хорошее образование. «Я изучал одновременно итальянский, греческий и латинский, немецкий, арабский и персидский языки. „Пастор Фидо“, „Фауст“, Овидий и Анакреон были моими любимыми поэмами и поэтами»²,— писал Нерваль о той поре своей жизни. Это приобщение в раннем возрасте к филологическим святыням послужило прекрасным фундаментом для тех знаний, которые он получил затем в лицее Карла Великого, куда он поступил в конце 1820 года и где его товарищем по классу оказался известный впоследствии писатель Теофиль Готье. В лицее было неплохо поставлено преподавание языков и литературы, что в значительной мере предопределило дальнейший жизненный путь Жерара. А кроме того, в разные периоды школьной жизни он изучал также музыку и живопись, что придало определенную универсальность его эстетическому воспитанию.

У него рано проявилась склонность сочинять стихи, и уже в 1826 году ему удалось издать свой первый поэтический сборник «Национальные элегии», проникнутый пафосом прославления Наполеона. То было время поляризации политических сил, когда в сознании противника реакционного режима Реставрации бонапартизм ассоциировался с либерализмом и по проици судьбы император, насаждавший в годы своего антипоэтического правления классицизм, после низвержения, а особенно после смерти стал предметом романтической поэзии. Подлинный успех пришел к Жерару двумя годами позже, когда был опубликован его перевод «Фауста», оказавшийся более удачным, чем два других изданных ранее. Его высоко оценил сам Гёте, несмотря на то что в большей своей части он был прозаическим. По свидетельству Эккермана, автор «Фауста», устав на склоне лет читать свое произведение по-немецки, читал его только по-французски в переводе Нерваля.

В 1830 году вышла составленная Нервалем книга «Избранные немецкие стихи» с его переводами из Гёте, Шиллера, Новалиса, Гердера, Бюргера, Клопштока и с его же вступительной статьей. Немецкая поэзия дала определенный импульс его собственному

² *Nerval G. de. Oeuvres. T. I., c. 160.*

творчеству. Стихотворения немецких поэтов, так же как и «Фауст», отвечали стремлению Нерваля постичь смысл мироздания и попытаться установить связь между тайнами космоса и тайнами человеческой природы. При этом старую, народную Германию он понял лучше и глубже, чем кто-либо из его соотечественников: лучше, чем его блистательная предшественница г-жа де Сталь, лучше, чем его современники-романтики. Однако, как выразился Готье, Нерваль, «несмотря на свои постоянные контакты с немецкой культурой и несмотря на свое прекрасное знание Гёте, оставался и по духу, и по темпераменту самым французским писателем из всех своих современников»³. Таково же было мнение и самого Нерваля, ссылавшегося на свою безусловную принадлежность французской традиции в литературе. С первых моментов сознательного существования ему органически была присуща любовь к фольклору, и большая его заслуга в том, что он сохранил и прославил старинное поэтическое и песенное наследие Франции. Немецкая же поэзия ему была нужна прежде всего как инструмент познания, с помощью которого он надеялся найти ключ к возрождению и использованию старинных традиций в современной поэзии. Немецкие поэты накопили большой опыт в извлечении сокровищ народного творчества, который потом очень пригодился французским романтикам.

В том же, 1830 году Нерваль издал «Избранные статьи Ронсара» с вводной статьей о поэзии «Плеяды». Будучи сыном романтической эпохи, он разделял новаторские устремления своего поколения, которое в 20—30-е годы штурмовало бастионы классицизма. Он, в частности, принял самое активное участие в знаменитой битве за драму Виктора Гюго «Эрнани», победа в которой позволила романтикам потеснить псевдоклассицистов на подмостках французских театров. Однако Нерваль был меньшим максималистом, чем многие из его современников, и не желал отказываться от того, что дали французской литературе Возрождение и философия Просвещения. В его собственном творчестве весьма отчетливо выражены преемственность поколений и связь эпох. Например, связь литературных эпох явственно ощущается в его «Маленьких одах», написанных в 1830—1835 годах.

Обращаясь к этому прославленному Ронсаром жанру, Нерваль попытался осуществить тонкий синтез оды с французскими народными песнями. У П. Ронсара он частично заимствовал словарный состав, но при этом сильно обновил тематику и образный строй старинного жанра. Его оды написаны легким пером, и в них переплетаются реалистические картинки быта, зарисовки уличных сцен со сновидениями, мечтаниями, воспоминаниями и книжны-

³ *Gautier Th. Histoire du Romantisme. P., 1874, c. 18.*

ми реминисценциям. Их самая характерная черта — острое ощущение бега времени. Они как бы перекидывают мост между прошлым и настоящим французской литературы. Есть среди них такие, например, как «Бабочки», «Апрель», которые похожи на простую имитацию Ронсара. Другие, например, «Спидализки» — о безвременно умерших девушках, напоминают миниатюры из «Галантных празднеств» Верлена. А наиболее известное стихотворение этого цикла «Фантазия», где речь идет о прекрасной даме, увиденной поэтом в обстановке XVII века, выглядит лирическим предвосхищением прустовских поисков утраченного времени. Во многих из них упоминается о смерти, но, по существу, они не трагичны, а скорее только меланхоличны и в этом несколько напоминают картины Ватто.

Несмотря на относительно ранние и многочисленные свидетельства успеха, жизнь Нерваля складывалась нелегко. Этьену Лабрюпи литературная карьера не внушала уважения, и он пытался оказать на сына давление, чтобы тот выбрал более солидную профессию. Следуя воле отца, Жерар записался на медицинский факультет и некоторое время там учился, не оставляя, однако, литературных занятий. Именно к этой поре его жизни относится участие в так называемом «Малом сенакле» — творческом объединении, созданном им вместе с Петрюсом Борелем, Селестеном Нантейем, Жаном Дюсенером в подражание знаменитому романтическому «Сенаклю».

В 1834 году Нерваль получил в наследство от деда по материнской линии весьма значительную по тем временам сумму в тридцать тысяч франков. И сразу же, воспользовавшись этой возможностью, отправился в путешествие. Свое первое большое путешествие он совершил на юг Франции и в Италию. Наследство также позволило писателю освободиться от деспотической отцовской опеки. Вернувшись из странствий, он вместе с друзьями — Теофилом Готье, Арсеном Уссе, Камиллом Рожье, Эдуардом Урлиаком — снял квартиру на улице Дуаенне и принялся за работу. Лихорадка творчества сменялась бессонными ночами, бурными спорами и шумными праздниками. Этот образ жизни, который принято называть богемным, отражал стремление Нерваля и его друзей преобразовать фривольную сторону бытия в служение высоким идеалам искусства. Жерар был душой общества. Многочисленные друзья любили его за неистощимую изобретательность, за прекрасный характер, за доброту и отзывчивость. Те годы писатель вспоминал как самый благословенный период своей жизни: «Какое счастливое время! Мы давали балы, устраивали ужины, карнавалы, играли старые комедии (...). Мы были молоды, всегда веселы, часто богаты...»⁴. Беззаботное существование в этом брат-

⁴ *Nerval G. de. Oeuvres. T. I, c. 90.*

стве художников и литераторов наложило неэстетичную печать на характер самого Нерваля. Многие из его друзей впоследствии остепенились, обзавелись собственными домами и семьями. Для него же богема навсегда осталась стилем его жизни.

В 1834 году на одном из театральных представлений писатель увидел молодую актрису Жени Колон, которая на долгие годы стала объектом его поклонения. То была любовь вполне в духе романтической эпохи, сочетавшая в себе благоговейное поклонение идеализированному в традиции Данте и Петрарки священной образу и мистический страх перед таинственными и зловещими чарами «фатальной женщины».

В том же, 1834 году писатель основал журнал «Монд драматик». Распространено мнение, что с помощью этого издания он надеялся способствовать сценическим успехам Жени Колон и таким образом добиться ее расположения. Возможно, что так оно в какой-то степени и было. Однако имя возлюбленной поэта встречалось в журнале не чаще, чем имена других актрис. Интерес Нерваля к сцене был обусловлен прежде всего тем, что именно театр в начале тридцатых годов был ареной схваток между романтиками и эпигонами классицизма. Он сам был драматургом, автором многочисленных пьес, а эстетические битвы пробудили в нем задор и талант полемиста. В такой ситуации собственный журнал, где можно свободно высказывать свои мнения, был необходим. Нерваль смотрел на журнал также как на мероприятие, с помощью которого можно было бы упрочить свое финансовое и социальное положение. В одном из писем он сообщал, что перейти от чисто литературной деятельности к изданию журнала его побудили «постоянные опасения родных» за его будущее. Надежды, однако, остались неосуществленными: на следующий год журнал прогорел, и крах не только поглотил все состояние владельца, но и повлек за собой многочисленные долги, которые он не смог выплатить до самой смерти.

С тех пор журналистика стала для Нерваля практически единственным способом добывания денег. А поскольку журналы находились в зависимости от читательского спроса, то литературная работа даже в самых интеллектуальных из них, например, в таких, как «Ревю де де монд», несла на себе печать вторичности, популяризаторства. Творчество превращалось в предмет купли-продажи, что предопределило форму, размеры и другие особенности многих работ Нерваля. Чтобы сводить концы с концами, приходилось по нескольку раз использовать одни и те же тексты, слегка варьируя их форму и содержание. Все это создавало у писателя ощущение постоянной неуверенности, травмировало психику. Нерваль не раз высказывал сожаление, что отсутствие денег не позволяет ему всецело посвятить себя любимому делу. «Как

раз те литераторы,— объяснял он в одном из писем своему отцу.— у которых, как, например, у Ламартина, Шатобриана, Вильи, Казимира Лавинья, Гюго, было что-то вроде ренты, состояние или какой-либо иной посторонний доход, и продвинулись дальше всех вперед и даже денег заработали больше всех, потому что они чем-то уже располагали и им не нужно было растрачивать свои силы на бесплодный, хотя и привлекательный в своей легкости труд вроде сочинения романов и работы в газетах»⁵. Этьен Лабрюни был, однако, не тем человеком, который мог бы войти в положение сына, оказать денежную помощь или поддержать морально. Искренняя и преданная любовь Жерара к отцу наталкивалась на лед безразличия, скептицизма, недоверия, скупости, непонимания. Смешно и грустно читать те места из писем Нерваля, где он объясняет отцу, что литература является серьезным и вполне благопристойным занятием, и где он уверяет его, что Готье, Дюма, Гюго и другие друзья-писатели вовсе не оказывали на него «дурного влияния», а, напротив, всячески помогали ему находить литературные заработки.

Издержки поденного журналистского труда не помешали Нервалю занять место в первых рядах критиков, таких, как Сент-Бёв, Бодлер, Готье. Среди его работ в области литературоведения и театроведения есть настоящие шедевры. Наибольшего внимания заслуживают его эссе о греческой драме, о театре Вольтера, о будущем трагедии, о немецкой поэзии, о французских поэтах XVI века, о творчестве Гейне, о музыке Доницетти. Добрую услугу в этой работе писателю оказывала его энциклопедическая образованность: знание древних и современных европейских литератур, начитанность в восточных литературах, богатые, глубокие, редкие для непрофессионала познания в музыке и живописи. Его суждения о Бальзаке и Гюго — кстати, более проникательные, чем у недооценившего гений двух своих великих современников самого влиятельного в ту пору критика Сент-Бёва,— о Корпеле и Вольтере, о Берлиозе и Вагнере не потеряли своей актуальности и по сей день.

Будучи новатором и в литературе, и в критике, Нерваль часто обрушивался на косность вкусов буржуазной публики, на конформизм идущих у нее на поводу руководителей театров. Доставалось от него также университету и церкви за ретроградную, консервативную политику в области искусства. Разделяя взгляды своих друзей романтиков в том, что касается необходимости обновления литературных форм, он проявлял в своих статьях большую, чем они, сдержанность в испровержении прежних авторитетов. Например, многие из идей его эссе о французских поэ-

⁵ Там же, с. 797.

тах XVI века перекликаются с положениями знаменитого Предисловия к «Кромвелю», но высказаны они без свойственной Гюго запальчивости и с неизменным тактом по отношению к наследию классицизма.

Придавая большое значение влиянию географических, исторических, национальных факторов на литературу, Нерваль в определенной мере оказался предшественником Ипполита Тена. При этом, однако, ему был чужд догматизм позитивистской эстетики. Он был принципиальным противником любой идеи нормативности в искусстве. При всех своих симпатиях к «Плеяде» Нерваль критиковал Ронсара и его соратников за то, что они, установив гегемонию определенного литературного вкуса, деспотически подавляли и устраняли все, что было связано с низовой народной культурой.

Обычно Нерваль стремился анализировать произведения в их имманентной индивидуальности, уделяя мало внимания их взаимосвязи с теми или иными течениями и школами. В известной степени он был почти что критиком-импрессионистом, для которого исходным моментом является не объективное существование предмета искусства, а собственное восприятие последнего. Правда, в процессе анализа произведения он его все же включал в общий исторический и социальный контекст, что позволяло ему преодолевать узость импрессионистической критики. Например, признавая величие Корнеля, он считал необходимым обратить внимание на архаический аспект его творчества, затрудняющий его восприятие в XIX веке. Важное место в системе эстетических ценностей Нерваля занимал критерий соответствия искусства действительности. Гармонию между тем и другим он считал одним из самых характерных признаков современной ему литературы и драматургии. Театр он называл зеркалом жизни.

Часто журналистская деятельность, какой бы стороны жизни она ни касалась, бывает тесно связана с политикой. Для Нерваля же, напротив, характерна скорее отстраненность от политики. В юные годы он еще питал какие-то надежды относительно устройства справедливого общества, бунтовал, участвовал в студенческих демонстрациях, за что однажды был даже посажен в тюрьму⁶. В душе он и в зрелые годы оставался демократом и либералом, однако шутовской хоровой Июльской монархии, пришедшей на смену революционному подъему, заставил писателя расстаться с некоторыми иллюзиями. Позднее, характеризуя умонастроения своего поколения, Нерваль говорил о причудливом сочетании «активности, колебаний и лени, ярких утопий, философских либо религиозных устремлений, смутного энтузиазма, к которому при-

⁶ Подробнее см. в статье М. Кудинова в: *Жерар де Нерваль*. Избранное. М., 1984, с. 3—24.

мешивались какие-то импульсы возрождения»⁷. В ту эпоху безвременья, когда практичные люди занимались финансовыми операциями и политикой, Нерваль и его друзья в знак протеста строили алтарь чистого искусства. «Наш возраст, однако,— объяснял Нерваль,— предохранял нас от честолюбия, а жадная свалка вокруг должностей и почестей отдаляла от сфер возможного приложения сил. Нам оставалась в качестве пристанища только та башня из слоновой кости поэтов, куда мы поднимались все выше и выше, чтобы изолировать себя от толпы. На этих возвышенных местах, куда нас вели наши учителя, мы наконец вдыхали чистый воздух одиночества, пили забвение в золотой чаше легенд, опьянялись поэзией и любовью»⁸.

Между тем любовь Нерваля не была счастливой. В 1838 году Женни Колон вышла замуж за музыканта, и пьянивший воображение поэта образ стал постепенно превращаться в воспоминание, в сновидение, в миф, но образ этой женщины прослеживается во многих произведениях Нерваля. Внешне он прореагировал на этот брак совершенно спокойно. Однако веселый и беззаботный вид, как он признавался впоследствии в автобиографической повести «Аурелия», был лишь маской, призванной скрыть потрясение. Неразделенное чувство явилось одной из причин нарушения душевного равновесия поэта, которое в дальнейшем не раз приводило его на порог творческого кризиса. Однако несомненно также и наличие других факторов, способствовавших возникновению кризисных состояний, и прежде всего тяжелое материальное положение, неустроенность, постоянное чувство неуверенности в завтрашнем дне и сопряженная с ней невозможность творить с полной отдачей.

Начало 40-х годов стало для писателя переломным моментом. Еще во время поездки в Вену в 1840 году, где он написал серию очерков о французской литературе для венских газет, Нерваль, осознавая, что молодость прошла, что много сил оказалось растрчено впустую, решил более энергично взяться за укрепление своей литературной репутации. А для этого нужны были крупные работы. Именно с этой целью по возвращении из Австрии он взялся за перевод второй части «Фауста». Поездка на Ближний Восток, предвещавшая богатую литературную жатву, оказалась как нельзя более кстати.

Нерваль вообще очень много путешествовал. Излюбленными его маршрутами в Европе были Италия, Германия, Бельгия, Голландия, Англия, Австрия. Уже в 1838 году он не без гордости заявлял, что «объехал столько же стран, сколько Джоконда», и

⁷ *Nerval G. de. Oeuvres. T. I, c. 266.*

⁸ Там же,

что ему довелось «выезжать либо въезжать через все ворота Франции». А начиная с 1846 года и до конца жизни помимо длительных путешествий за границу он постоянно совершал прогулки по окрестностям Парижа. «Со временем страсть к большим путешествиям угасает, если, конечно, путешествия не затянулись настолько, что родина стала чужой»⁹. Движение было его естественным состоянием, почти что чертой характера, которую хорошо знали и над которой нередко подтрунивали его друзья. Готье сравнивал своего друга со стрижом, проводящим жизнь в вечном полете. Перемена мест действовала на него целительно, приносила глубокое умиротворение, повышала жизненный тонус. Впрочем, в этой склонности характера было и нечто типологическое, родившее Нерваль со всем его романтическим поколением, которое стремилось посредством путешествий — прежде всего на Восток — расширить свои горизонты в поисках нового и необычного.

В немалой степени стремление к смене впечатлений объяснялось и стесненным материальным положением, а также их полезностью для литературной работы. Чаще всего в письмах Нерваль ссылался именно на то, что поездки необходимы ему как стимул в профессиональной деятельности. Уже будучи автором блестящего перевода гётевского «Фауста», он устремлялся в Германию, чтобы лучше овладеть немецким языком, потом ставил себе целью посетить зарубежные музеи для завершения исследований по искусству либо, гонимый страстью бибблиофила, предпринимал поиски редких старинных изданий в библиотеках разных стран. Порой он писал, что путешествие «несколько освежает дух», и выражал уверенность, что смена климата, пейзажей и лиц помогает поддерживать на должном уровне здоровье и восстанавливать столь необходимые для плодотворного труда душевные силы.

В немногих сохранившихся письмах с Востока он рассказывал о том, что ему удалось собрать интересный материал для будущей книги. Однако создание этой книги растянулось на семь лет. Именно такой срок понадобился безденежному и вынужденному постоянно отвлекаться от своего капитального труда писателю, чтобы написать превосходную книгу после путешествия, в котором, за исключением праздников и наблюдений за сценами народной жизни, практически не было значительных событий. Чтобы иметь средства к существованию, ему пришлось публиковать отрывки своей книги в периодических изданиях в виде отдельных очерков. Большинство из них впервые увидело свет в журнале «Ревю де де монд»: «Коптские свадьбы» — в мае 1846 года, «Невольницы» и «Гарем» — в июле и сентябре того же года, «Санта-Барбара» и

⁹ Там же, с. 103.

«Пленник» — в феврале и августе следующего года... В 1848 году был издан первый, незавершенный вариант книги под названием «Сцены восточной жизни», в то время как в журналах продолжали появляться все новые и новые публикации. А полное издание долгожданной книги было осуществлено лишь в 1851 году.

Все это время Нерваль по-прежнему много путешествовал и продолжал свой труд журналиста, драматурга, либреттиста. В 1851 году его здоровье ухудшилось, и он много времени провел в больнице. Однако именно в 50-е годы были созданы самые лучшие его произведения: «Аурелия», сонеты, объединенные общим названием «Химеры», сборник прозаических произведений «Дочери огня», среди которых выделяются повеллы «Анжелика» и «Сильвия» — бесспорные шедевры французской литературы. Совпадение интенсивного творчества с периодами болезни в 1851—1853 годах можно объяснить тем, что в это время писателю удавалось отвлечься от забот, нужд и обязанностей, под бременем которых он сгибался в обычное время.

Все эти произведения автобиографичны. В «Анжелике» автор в характерной для него непринужденной манере рассказывает о своих прогулках по историческим местам в окрестностях Парижа, о фольклоре этих областей, о своих изысканиях в библиотеках и о многих других вещах, входивших в круг его интересов. «Сильвия» — это своеобразная история «воспитания чувств» героя, от имени которого ведется рассказ и в котором легко узнается сам автор. Прошлое и настоящее, реальность и мираж составляют фон, на котором в сложном контрапункте рассказывается о раздваивающейся любви героя к юной крестьянке Сильвии и к Адриенне, девушке из старинного аристократического рода, чьим уделом стало затворничество в монастыре. Сильвия воплощает постоянно от него ускользающее — впрочем, по вине самого героя — земное человеческое счастье; Адриенна, которая таинственным образом ассоциируется в сознании героя с актрисой Аурелией — мистический зов рока. «Сильвия» была практически единственным произведением Нерваля, благодаря которому память о писателе, не оцененном по достоинству современниками и ближайшими потомками, сохранялась на протяжении второй половины XIX века. Лишь гораздо позже, причем в немалой степени благодаря символистам, были вновь открыты многие его произведения, в частности «Аурелия».

«Химеры» были опубликованы в 1854 году в качестве приложения к «Дочерям огня». Это достаточно трудные для восприятия стихи, потому что во многих из них образы и ассоциативные связи имеют настолько личностный, понятный одному только автору смысл, что читателю приходится теряться в догадках, произвольно реконструируя их содержание в соответствии со своим собствен-

вым жизненным опытом и воображением. В этих стихах Нерваль резко отходит от классической традиции, отказывается от общепринятой логики, отдавая дань тем эзотерическим знаниям, которые почерпнул еще в детстве в потрепанных фолиантах, запрятанных на чердаке дядиного дома, и которые впоследствии продолжал накапливать в тихих залах библиотек. Поначалу «Химеры» не привлекли к себе внимания ни критиков, ни читателей. Лишь десятилетия спустя они были обнаружены символистами, которым пришлось по душе их таинственность, а затем, уже в XX веке, их стали активно комментировать сюрреалисты, объявившие Нерваля своим предшественником.

Осенью 1854 года Нерваль снова попал в больницу, а выйдя из нее, оказался на улице без каких-либо средств, без пристанища и даже без пальто. А зима в тот год выдалась очень холодная. Писатель выдержал несколько месяцев такого бездомного, голодного, неуютного существования, но в конце концов сдался. Утром 26 января 1855 года его нашли повесившимся около ночлежного дома на решетке сада на улице Вьей-Лантерн, где Нервалю не раз случалось за два су коротать ночи. Как призналась на судебном следствии хозяйка этого дома, около трех часов ночи она слышала какой-то стук в дверь, но не открыла из-за холода. В кармане писателя нашли неоконченную рукопись «Аурелии». Расходы по похоронам, на которые собрался весь литературный Париж, были покрыты за счет гонораров, недополученных писателем при жизни.

Творчество Жерара де Нерваля отличается исключительным жанровым и тематическим разнообразием: театральные пьесы, стихи, прозаические и стихотворные переводы, критические статьи, повеллы, незаконченный роман... И среди всего этого многообразия записки путешественника «Путешествие на Восток» — самое крупное его произведение. Не будучи профессиональным ориенталистом, он вписал, однако, одну из самых блестящих страниц в книгу изучения Востока.

Реальные материальные предпосылки и обстоятельства организации самого путешествия остаются до сих пор неизвестными. Неизвестно, обратился ли Нерваль в правительственные органы с просьбой, или же предложение исходило со стороны самого министерства. Немногие сведения об этом путешествии дошли до нас благодаря скудной информации, содержащейся в корреспонденции. В ней говорится, например, о том, что Нерваль получил право бесплатно плавать на любом государственном французском корабле, платя только за питание. А средства, необходимые для путешествия, судя по всему, были предоставлены ему одним издательством и газетами под обязательство написать путевые заметки. Как явствует из переписки, суммой он располагал не очень боль-

шой и вынужден был постоянно экономить, чтобы продлить срок пребывания на Востоке.

Почти столь же мало известно и о самом путешествии. Поскольку в книге «Путешествие на Восток» информация предстала в художественно преображенном виде, то практически единственным источником достоверных сведений о нем оказалась переписка писателя, в которой имеются огромные лакуны. Нерваль отправился не один, а вместе с неким Жозефом Фонфредом, который, вероятно, имел какое-то отношение к ориенталистике, но о котором исследователи не располагают практически никакими сведениями. Писатель запасся многочисленными рекомендательными письмами и довольно большим багажом. Отправившись из Парижа 23 декабря, путешественники добрались от Лиона до Авиньона на пароходе. Известно, что в Марселе их встретил поэт Жозеф Мери, исполнявший функции библиотекаря города, и что вскоре Нерваль со своим спутником уже были на корабле «Ментор», отправлявшемся 1 января 1843 года на Мальту. На этом острове они сделали короткую остановку, а затем продолжили плавание на корабле «Минос» и 16 января прибыли в Александрию. В конце месяца Нерваль уже был в Каире, где остановился сначала в отеле, а затем снял дом в коптском квартале.

Нерваль старался везде жить в соответствии с обычаями страны пребывания. Он даже обрил себе голову и облачился в восточные одежды. Как писал Готье, «в этом смешном наряде, который был не простой фантазией художника, а своего рода домино, обеспечивающим свободу наблюдателя среди карнавала костюмов, Жерар де Нерваль мог везде ходить, не вызывая подозрения, наблюдать характерные черты нравов, присутствовать на религиозных церемониях, с которых его бы изгнал как непосвященного мусульманский фанатизм»¹⁰.

Нерваля не слишком привлекали руины. Во всяком случае, он не побывал ни в Фивах, ни в Луксоре. Зато нравы современных городов вызвали у него самый живой интерес. Впрочем, египетская одежда не мешала ему разделять развлечения живших в Каире европейцев. Он встречается с французскими дипломатами, коммерсантами, чиновниками, знакомится с ориенталистами. Однако и здесь он едва ли не большую часть времени посвящает чтению, стремясь заполнить пробелы, которые существовали в его знаниях о Востоке.

В Каире Нерваль пробыл три месяца. Сведения о его пребывании в Сирии и Ливане очень скудны. Из письма к отцу видно, что он жил около месяца среди маронитов, выезжая временами ненадолго в Ливан, но не смог выбраться ни в Дамаск, где сви-

¹⁰ *Gautier Th., L'Orient. T. I. P., 1882, с. 184.*

репствовала чума, и в Баальбек, куда дорога была закрыта из-за восстания друзов. В конечном счете «сирийская лихорадка», как он назвал свои недомогания, заставила поторопиться с отъездом, и он отправился на австрийском пароходе в Турцию.

Поначалу знаменитая константинопольская панорама разочаровала его своим сходством с театральной декорацией, а сам город — меньшим по сравнению с Капром колоритом. Однако пребывание здесь стало более интересным, когда в погоне за национальной восточной спецификой он поселился в стамбульском караван-сараяе.

В конце концов усталость, а в еще большей степени отсутствие денег заставили Нерваль подумать о возвращении в Европу. 28 октября он сел на пароход и после более чем месячного плавания, включавшего вынужденную остановку на Мальте и кратковременный отдых в Неаполе, 5 декабря прибыл в Марсель, а 1 или 2 января 1844 года был уже в Париже.

Специальность писателя-ориенталиста, по мнению Нерваль, предполагает не только восприимчивость туриста к меняющимся пейзажам и лицам и умение увлекательно рассказывать о них в книгах, но и определенную эрудицию. Путешествие было не только приобретением новых впечатлений, но и проверкой старых знаний. Поскольку Нерваль был неутомимым читателем и одним из самых эрудированных людей своего времени, то, естественно, готовясь к поездке на Ближний Восток, он постарался предварительно познакомиться с ним с помощью письменных источников. Этому же принципа он придерживался и прибыв на место. В одном письме из Капра он писал: «Я стараюсь осматривать места лишь после того, как достаточно с ними ознакомлюсь с помощью книг и мемуаров. В Египетском обществе я обнаружил собрание почти всех древних и современных книг, которые когда-либо были опубликованы об этой стране...»¹¹.

Нерваль продолжал пополнять свои знания о Востоке и по возвращении в Париж. Причем среди источников его вдохновения фигурировали не только научные работы, мемуары и записки путешественников, но и художественные произведения. Так, он очень много позаимствовал из романа Жана Террасона «Сетос» (1731), из романа Томаса Мура «Эпикурец» (1827). Многие из того, что касается истории религий, было взято им из книги немецкого автора Фредерика Кройцера «Религии древности». Однако, пожалуй, больше всего деталей Нерваль позаимствовал из книги англичанина Э. У. Лэйна¹².

¹¹ *Nerval G. de. Oeuvres. T. I, c. 877.*

¹² *Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982.*

Стремление к художественности явно преобладает у Нерваля над потребностью методично, скрупулезно воспроизводить перипетии собственного, не всегда богатого на яркие события путешествия. Поэтому иногда он приписывает себе некоторые поступки, совершенные другими людьми, рассказывает как о фактах своей биографии о событиях, свидетелем которых был не он сам, а другие. Например, «Свадьба при факелах» — это пересказ эпизода из книги Лэйна. Оттуда же взят эпизод, который стал завязкой матримониальных странствий автора-героя. В действительности дилемма — брак или выселение — перед самим Нервалем не стояла, и прежде всего потому, что он снял дом не в мусульманском квартале, а в коптском. Случай же, подобный описанному, имел место в жизни Лэйна, который, однако, легко вышел из положения, переехав в другой квартал. Рабыню Зейнаб Нерваль себе тоже не покупал. В действительности ее купил спутник писателя Жозеф Фопфред. Что же касается истории любви Нерваля к дочери друзского шейха, если у нее и была какая-то реальная основа, то, по всей вероятности, не слишком солидная. Большая доля принадлежит фантазии и художественному воображению писателя. Слишком уж легковесны те причины, которые выдвигаются автором в качестве препятствия, вставшего на пути счастливого воссоединения влюбленных. И неудивительно, что предпринятые впоследствии попытки Мориса Барреса обнаружить земные следы мифической ливанской невесты Нерваля не дали никакого результата. В Салеме есть нечто от Адриенны, от Сильвии, от Аурелии и от других женских персонажей Нерваля, в которых он пытался воплотить свое видение идеального женского образа.

Глава «Опасный дом», будучи сопоставлена с одним из писем к отцу, несколько приоткрывает дверь в творческую лабораторию Нерваля. В письме он сообщал лишь о том, что познакомился в Каире с несколькими живущими там французами, один из которых, инженер Липан, прекрасно освоился с местными обычаями, обставил свой дом по-восточному, женился на сирийке и имел нескольких дочерей на выданье. В «Путешествии» эта информация дополнилась массой подробностей и превратилась в пикантный эпизод из жизни европейца, отправившегося в восточном городе на поиски любовных приключений.

Чаще всего Нерваль вводил в свою книгу информацию, полученную из письменных источников, с помощью персонажей. Так, в главе «Остров Рода» история пирамидостроения, которую рассказывает старый шейх-поэт, в действительности позаимствована из старинной, датируемой 1666 годом книги. Точно так же несколько дальше писатель поручает роль гида немецкому офицеру, хотя излагаемые там сведения в действительности взяты из археологического романа Жана Террасона, изданного в 1731 году. Ни-

чего, впрочем, необычного в подобном обращении Нерваля с первоисточниками не было. Поскольку он не только излагал свои дорожные впечатления, но одновременно пытался также поведать историю посещаемых им стран, то он не мог обойтись без письменных источников. А с другой стороны, подобно многим своим современникам и следуя той давней, идущей еще от древних греков традиции, определившей место Клио среди других покровительниц искусств, Нерваль не считал историю чем-то радикально отличающимся от романа, не считал ее лишенной права на воображение. Эстетические принципы, которыми писатель руководствовался при написании книги, сформулированы в уроке архитектора Адонирама, одного из самых любимых персонажей Нерваля: «Декаданс и вырождение! Ты холодно копируешь природу, ты трудишься, как работница, ткущая льняное покрывало; твой усталый дух поочередно превращается в раба коровы, льва, лошади, тигра, а цель твоего труда — соперничество посредством имитации с телкой, с львицей, с тигрицей, с кобылицей... эти животные делают то же самое, что и ты, и даже больше, потому что вместе с формой они передают жизнь. Дитя мое, искусство не в этом, оно состоит в том, чтобы творить. Когда ты рисуешь один из тех орнаментов, что извиваются вдоль фриз, разве ты ограничиваешься одним лишь копированием тех цветов и трав, которые стелются по земле? Нет, ты изобретаешь, ты позволяешь резцу бежать вперед, повинаясь капризу воображения, перемешивающего самые причудливые фантазии»¹³.

Правда, есть все основания считать, что дань беллетристике Нерваль приносил в своих записках путешественника не совсем и не всегда добровольно. «Как же они счастливы, эти англичане, — откликнулся он на одну статью Диккенса, — имея возможность писать и читать целые главы наблюдений, лишённые какой бы то ни было примеси романного сочинительства! В Париже от нас бы потребовали, чтобы все это было усеяно анекдотами и сентиментальными историями, заканчивающимися либо смертью, либо браком. А реалистический ум наших соседей довольствуется абсолютной правдой»¹⁴.

Сочетание этих двух противоречивых тенденций — фантазирования и тяги к реалистическому отражению действительности — вполне объяснимо. Понимая, что его книга является одним из звеньев долгой традиции развития жанра, ставшего особенно популярным в XIX веке, Нерваль стремился его развить и обогатить, синтезируя опыт предшественников и включая в него элементы научного исследования. Вслед за Дюма он насыщал свою книгу

¹³ *Nerval G. de. Oeuvres.* Т. II, с. 513.

¹⁴ Там же. Т. I, с. 103—104.

элементами приключенческого романа. А лирическая линия «Путешествия» восходит к Шатобриану и Ламартину. Подобно этим мэтрам романтизма, Нерваль искал в перемене мест лекарство от меланхолии. И так же как у них, поиск новых горизонтов являлся у Нерваля прежде всего поиском самого себя. Смена освещения как бы позволяет лучше разглядеть закоулки и трансформации собственного сознания. При этом Нерваль хорошо знал законы жанра, знал, что он позволяет использование различного рода художественных приемов и уловок. Знал также, что жанр требует персонажа. Именно такого персонажа он и создал на протяжении всей книги, устранив из нее своего спутника Жозефа Фонфреда и приписав одному себе те происшествия, которые были фактом их общей биографии. Таким образом он строил свое я, то есть определенный образ самого себя, художественный характер, вкладывая в его сознание немало присущего ему мягкого юмора. Этот характер имеет много общего с характером самого автора, но в чем-то от него и отличен. Нерваль, по его собственным словам, стремился строить свою жизнь как роман, ставил себя на место решительных и энергичных героев, оказывающихся в самом центре драматических событий, соединял разрозненные эпизоды обыденного бессобытийного существования нитями увлекательного сюжета. Кстати, именно в этом неразрывном единстве писателя и человека, ставшего персонажем своего собственного произведения, с наибольшей очевидностью проявилась принадлежность Нерваля к романтической школе.

Отдавая дань канонам романного жанра, Нерваль смог тем не менее создать достаточно достоверную картину Востока. В отличие от большинства путешествовавших писателей-романтиков, которые описывали восточные страны с позиции постороннего наблюдателя, предлагающего своим читателям пикапные детали экзотических цивилизаций, Нерваль старался приобщаться к изучаемым культурам, идентифицироваться с ними. Пусть это ему не очень удавалось, пусть полученные таким образом знания не всегда отличались особой глубиной, усилие все же не было напрасным. Для правильного художественного отражения действительности симпатия к изображаемому бывает важнее холодного накопления точных и логично выстроенных сведений. Лучше всего это правило подтвердилось в портретах созданных Нервалем персонажей — не типов, а личностей с запоминающимися конкретными индивидуальными чертами. Таковы, например, драгоман Абдула, милосердная и своенравная Зейнаб, старый консул, хозяйка французского пансиона мадам Карлес...

В «Путешествии на Восток» Нерваль предстает великолепным пейзажистом, который в своем искусстве описания природы и городов очень удачно сочетает традиции романтической и реали-

стической школ. С волнением ожидает он встречи с ландшафтами, уже знакомыми ему по книгам и картинам. Он счастлив, когда образы, существующие в его воображении и реальные, совпадают, и тогда романтический пафос его описаний проявляется в полной мере. С восторгом открывает он для себя Бейрут: «О природа! О красота и невыразимое изящество приморских городов Востока, волнующие картины кипучей жизни, парад самых красивых представителей человеческих рас, костюмов, скопление лодок и кораблей на лазурной воде — как описать те чувства, которые вы рождаете у мечтателя...» (с. 224) Однако нередко ему приходится наблюдать, как «рушатся один за другим прекраснейшие города, созданные свободной и богатой архитектурой его воображения»¹⁵. В этом случае он с горечью констатирует несходство мечты и конкретной действительности, и тогда в его искусстве на время берет верх реалистическая тенденция.

Нерваль довольно успешно играет роль очарованного странника, добродушного, наивного, удивленного туриста, озабоченного только поисками красивых пейзажей и экзотических зрелищ. Однако за живописными полотнами, нарисованными им, таится лежащий в основе всякого истинно поэтического мышления поиск глубинного смысла бытия, поиск гармонии, связующей воедино вселенную и человеческие судьбы. Называя Восток «священной землей», «нашей общей прародиной», «колыбелью всех верований мира», Нерваль ссылается на некие оккультные традиции толкования символов человеческого существования, секретом которых как будто бы владели древние египтяне, друзы и другие восточные народы. Надо сказать, что представление о магии Востока сложилось у писателя не во время путешествия, а преимущественно до и после него, во время чтения книг, посвященных им, и явилось данью очень популярному среди романтиков мифу Востока, который у Нерваля благодаря путешествию лишь обрел пространственное измерение. В западном литературоведении получила очень большое распространение тенденция к оккультной интерпретации творчества Нерваля. Думается, однако, что для этого нет достаточно оснований, хотя писатель, как и все его поколение, отдал определенную дань моде на черную и белую магию.

Чтобы убедиться в том, что миф был не сущностью творчества Нерваля, а лишь удобной художественной формой, достаточно проследить генезис некоторых образов «Путешествия». Нам, например, известно, из каких жизненных эпизодов выросли истории «мусульманок», приведших рассказчика во французский дом, или история «покупки» Зейнаб. Это знание, естественно, не заставляет нас уверовать ни в реальность истории с Салемой, ни в серьез-

¹⁵ *Gautier Th. L'Orient. T. I. P., 1882, с. 181.*

ное отношение писателя к связанной с ней сюжетно религии дру- зов. На первый план в этой истории выступает начало эстетиче- ское, а отнюдь не религиозное и не оккультное. Так легенда о Ха- киме представляет собой едва ли не самую яркую в европейской литературе адаптацию восточной сказки.

Что же касается отношения Нерваля к религиям, столь часто используемым им в художественных целях, то о нем, равно как и о юморе писателя, позволяет судить один эпизод рассказанный Готье.

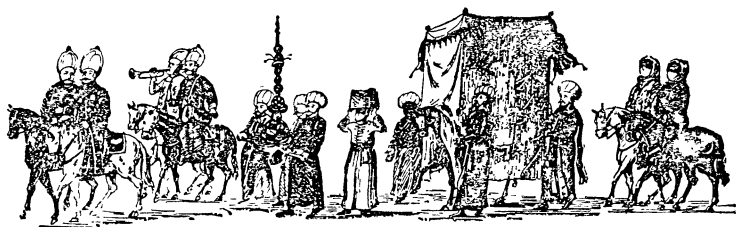
Как-то, будучи в гостях у Гюго, Нерваль столь беспристрастно рассуждал о религиях мира, перемешивая при этом олимпы и пре- исподние самых различных культов, что один из присутствующих не выдержал: «Однако, Жерар, у вас же нет никакой религии» — и тут же получил ответ: «Это у меня-то нет религии? Да у меня их целых семнадцать... как минимум»¹⁶.

Однажды Нерваль сказал, что трудно стать хорошим прозаиком, не будучи поэтом. Эти слова помогают понять и специфику его гения. Несмотря на то что в его наследии объем прозаических произведений в десятки раз превышает объем стихов, за ним в истории французской литературы прочно утвердилось звание по- та. Не потому ли, что его проза — это тоже поэзия? Как выразил- ся один французский критик, поэтический дар Нерваля настолько естествен, что порой вызывает удивление само его желание писать стихами¹⁷. И одним из самых ярких, самых прекрасных воплощений этого оригинального поэтического видения наряду с загадочными «Химерами», с трагической «Аурелией», с лучезар- ной «Сильвией» явилось поражающее своей величественной пла- стикой «Путешествие на Восток».

В. А. Шикитин

¹⁶ *Gautier Th.* L'Orient. T. I. P., 1882, с. 188.

¹⁷ *Haedens K.* Gérard de Nerval ou la sagesse romantique. P., 1939, с. 138.

КАИРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

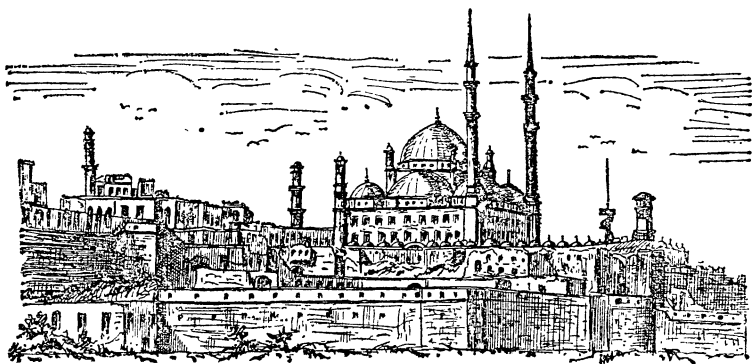
I. КОПТСКИЕ СВАДЬБЫ

МАСКА И ПОКРЫВАЛО

В Каире, как нигде на Востоке, женщины и по сей день закутаны в покрывало. В Константинополе и Смирне легкий черный или белый муслин порой позволяет угадать, что под ним прячется красавица: самые суровые предписания не могут заставить мусульманок выбирать для своих покрывал не столь прозрачную ткань. Эти очаровательные, кокетливые монашки, посвящая себя одному-единственному супругу, совсем не сетуют на то, что им приходится отрекаться от света. В суровом и благочестивом Египте — стране загадок и тайн — красота, как и прежде, окутана завесами и покрывалами, и этот безрадостный обычай повергает в отчаяние легкомысленного европейца. Пробыв неделю в Каире, он поспешно покидает его, устремившись к нильским порогам, где его ждут новые разочарования, в которых он никогда не признается.

Терпение издревле считалось главной добродетелью. К чему спешить? Остановимся и попытаемся приподнять уголок строгого покрывала саисской богини. В странах, где женщины слывут затворницами, мы, к великому нашему восторгу, встречаем их тысячами — на базарах, на улицах, в садах — то в одиночестве, спешащих навстречу приключениям, то группками, то с ребенком. Воистину наши европейские женщины не пользуются такой свободой; правда, местные знатные дамы выезжают из дома лишь верхом на осле, оставаясь тем самым недосыгаемыми, но ведь и у нас женщины из высшего общества разъезжают в каретах, но только без покрывала... Возможно, оно и не столь непреодолимое препятствие, как полагают.

Из всех роскошных арабских и турецких костюмов, уцелевших после реформы, особенно причудливы наряды женщин, они-то и придают толпе, запрудившей улицы, вид костюмированного шествия. Меняются лишь цвета

Мечеть Мухаммеда Али

домино — от синего к черному. Знатные дамы носят *хабару* из легкой тафты, а женщины из простонародья грациозно драпируются в синюю шерстяную или хлопчатобумажную тунику (*камис*) наподобие античных статуй. Какую волю воображению дают эти недоступные взору женские лица, к счастью, только лица... Прекрасные пальчики, унизанные кольцами-талисманами, запястья в серебряных браслетах, а то и точеная, словно из мрамора, рука выглядывают из-под широких, поднятых до плеч рукавов; браслеты на щиколотках серебристо позвякивают, и при каждом шаге слетают с ног *бабуши*; этим можно любоваться, это можно угадать или подсмотреть, не вызывая недовольства толпы и, кажется, не привлекая внимания самой женщины. Иногда развевающееся покрывало в сине-белую клетку, накинутое на голову и плечи, слегка приподнимается, и в просвет, образованный между покрывалом и удлиненной маской, именуемой *буркуа*, можно разглядеть изящный висок с тугими локонами темных волос, совсем как на изображениях Клеопатры, крохотное ушко, в которое вдеты гроздь золотых цехинов или пластинки, украшенные бирюзой или серебряной филигранью, раскачиваясь, они задевают шею и щеки. В этот миг испытываешь настоящую потребность заглянуть в глаза закутанной в покрывало египтянке, и это самое опасное желание. Буркуа сделана из длинного узкого куска черной материи, сотканной из конского волоса, в нем оставлены два отверстия для глаз, как в разбойничьей маске; несколько блестящих, нанизанных одно на другое колечек соединяют полоску на лбу с ниж-

ней частью маски; за этой преградой вас подстерегают горящие глаза, владеющие всем арсеналом средств обольщения. Брови, глазные впадины, веки оживлены краской, невозможно выгоднее представить то небольшое, что дозволено обнажать местным женщинам.

Сначала я не понял, насколько привлекательна тапштенность, которой окружает себя прекрасная половина этого восточного народа; но несколько дней спустя я уже знал, что когда женщина чувствует, что ее заметили, то всегда найдет средство показать себя, если она хороша. Те же, кто не отличается привлекательностью, плотнее закутываются в покрывало, и не следует обвинять их. Ведь именно эта страна — край грез и надежд. Уродство скрывают здесь как преступление, ну а женщину, отличающуюся совершенством форм, изяществом, молодостью и красотой, всегда удастся рассмотреть хотя бы украдкой.

Каир, как и его обитательницы, лишь постепенно снимает завесы с самых укромных, самых обольстительных своих уголков.

Вечером по приезде я почувствовал страшное разочарование и впал в уныние. За несколько часов прогулки верхом на осле в сопровождении драгомана я сумел убедить себя, что мне предстоит провести здесь скучнейшие полгода в моей жизни, и, поскольку все было заранее оговорено, я не мог сократить свое пребывание ни на один день.

Неужели это город «Тысячи и одной ночи», столица халифов и суданов¹? — вопрошал я себя... И я углубился в переплетенные узких, грязных улочек, пробираясь сквозь толпу в лохмотьях, своры собак, минуя верблюдов и ослов; был предвечерний час, здесь темнеет очень быстро из-за тусклого от пыли неба и высоких домов.

Чего можно ждать от этого мрачного лабиринта, не уступающего, наверное, по величине Парижу или Риму? От этих бесчисленных дворцов и мечетей? Без сомнения, когда-то все это выглядело ослепительным и прекрасным, но с той поры здесь уже сменялось тридцать поколений; повсюду крошится камень и гниет дерево. Ловишь себя на мысли, что все это сон, что во сне ты бродишь по городу прошлого, населенному призраками, которые не способны вселить в него жизнь. Каждый квартал, обнесенный зубчатыми стенами с запирающимися, как в средневековье, тяжелыми воротами, еще, наверное, сохранил облик времен Саладина. Сводчатые переходы ведут с од-

ной улицы на другую, но чаще улица кончается тупиком, и тогда приходится возвращаться. Постепенно все закрывается; освещены только кофейни, где курильщики, сидя на плетеных скамьях, при тусклом свете масляных ламп выслушивают долгие истории, которые рассказчик декламирует нараспев, гнусавым голосом. Тем временем освещаются *машрабии* — затейливые резные деревянные решетки, которые выступают вперед и закрывают окна; через них наружу пробивается столь слабый свет, что найти дорогу на улице можно лишь на ощупь; вскоре раздается сигнал гасить огни, и каждый прохожий запасается фонарем. Теперь в городе можно встретить лишь европейцев да дозорных.

Что же до меня, то я с трудом мог вообразить, чем бы я стал заниматься на улице в столь поздний час, то есть после десяти вечера, и улегся в постель в грустном расположении духа, говоря себе, что, наверное, так будет каждый день, поскольку потерял всякую надежду на то, что в этой пришедшей в упадок столице меня могут ждать какие-либо удовольствия. Сквозь первый сон я смутно различал неясные звуки волынки и охрипшей виолы, они определенно действовали мне на нервы. Эта назойливая, нескончаемая мелодия повторялась на все лады и напоминала мне далекое рождество где-то в Бургундии или в Провансе. То было спом или явью? Я еще немного подремал, пока не пробудился окончательно. Мне снилось, что меня предают земле, странно, то было в шутку и вместе с тем всерьез, на церемонии собрались певчие из приходской церкви и гуляки в венках из виноградной лозы; в этом непонятном действе смешались патриархальное веселье и воспетая в мифах грусть; вместе с заунывными церковными песнопениями звучала шутовская ария, под которую лишь пристало плясать корибантам². Шум все приближался и нарастал, и от яркого света, который пробивался снаружи через оконную решетку, я проснулся, не в силах пошевелиться, и понял, что все это наяву. Однако сон мой воплотился лишь частично: полуобнаженные мужчины в венках, словно античные борцы, ударяли мечами о щиты в ритме музыки и двигались дальше, затем снова разыгрывали бой. Дети несли факелы и пирамиды свечей, которые ярко освещали улицу, а за ними двигалась многолюдная процессия; я не сумел разглядеть все как следует. Какой-то красный призрак в короне, украшенной драгоценными камнями, медленно приближался в сопровождении двух грозных матрон, группа

женщин в синих одеждах замыкала шествие, останавливаясь, они испускали странные гортанные крики.

Не оставалось никаких сомнений: это была свадьба. Мне довелось видеть в Париже на гравюрах гражданина Касаса³ подробное изображение такой церемонии, но то, что я разглядел сквозь узорчатые решетки окон, только воспламенило мое любопытство, и я решил во что бы то ни стало присоединиться к процессии и все рассмотреть. Мой драгоман Абдулла задрожал от страха, услышав о моем дерзком плане побродить по улицам среди ночи; он сказал, что меня могут убить или избить. К счастью, я обзавелся плащом из верблюжьей шерсти (*машлах*), в который можно закутаться с головы до пят. Отросшая борода и повязанный вокруг головы платок довершили мой наряд.

СВАДЬБА ПРИ ФАКЕЛАХ

Догнать процессию, затерявшуюся в лабиринте улиц и тупиков, оказалось не так просто. Драгоман зажег бумажный фонарь, и мы бежали наугад, привлекаемые далекими звуками волынки или отблесками света на углу перекрестка. Наконец мы оказались перед воротами какого-то квартала, совсем непохожего на наш. Дома были освещены, лаяли собаки. Через несколько шагов мы вышли на длинную шумную улицу, залитую ярким светом, где собралась большая толпа — люди стояли даже на крышах домов.

Процессия двигалась очень медленно под звуки музыки, имитирующей назойливый скрип двери или скрежет немазаной телеги. Виновники этого шума — человек двадцать — шли в окружении мужчин, которые несли факелы на длинных шестах. Их сопровождали дети с большими, тяжелыми канделябрами со свечами, отбрасывающими яркие блики. Каждый раз, когда процессия останавливалась, борцы продолжали разыгрывать поединки; некоторые из них, с перьями на голове, встав на ходули, дрались на длинных палках; поодаль юноши несли флаги и позолоченные значки на древках, как это было принято на триумфальных шествиях у римлян, другие держали небольшие деревца, украшенные гирляндами и венками, сверкающие мишурой и горящими свечами, словно рождественская елка. На длинных шестах были прикреплены пластины с чеканным орнаментом, испещренные

надписями, в них отражались отблески света. Затем шли певицы (*альмеи*) и танцовщицы (*газийи*), одетые в шелковые полосатые платья, в *тарбушах* с золотой макушкой; в их длинные косы были вплетены цехины. У некоторых в носу были продеты большие кольца, они не прятали своих лиц, раскрашенных красной и синей красками, зато другие, хотя тоже пели и плясали, тщательно кутались в покрывала. Им аккомпанировали на цимбалах, кастаньетах и барабанах. За ними в две шеренги шли невольники с корзинами и сундуками — подарками невесте от жениха и его семьи; потом шествовали гости: по середине женщины, тщательно задрапированные в черные покрывала, лица их были скрыты белыми масками, как это принято у знати; мужчины в дорогих одеждах — в такой день, объяснял мне драгоман, даже самые простые феллахи⁴ достают себе подобающие случаю костюмы. Наконец, в ослепительном зареве факелов, свечей, *миш'алей* (сосудов, наполненных ярко горящим деревом) стал медленно приближаться красный призрак, который я уже видел издали, — невеста (*аль-аруса*) в длинной прозрачной кашемировой шали, спускающейся до пят; невеста, оставаясь невидимой для окружающих, сама могла все рассмотреть. Что за странное зрелище эта длинная фигура под ниспадающим складками покрывалом! Она казалась еще выше из-за диадемы пирамидальной формы, сверкающей драгоценными камнями. Ее поддерживали под локти две одетые в черное матроны; создавалось впечатление, что она скользит по земле; четверо рабов несли над ней пурпурный балдахин, а другие сопровождали шествие игрой на инструментах, напоминающих цимбалы (*сангир*) и гусли (*канун*).

Однако, пока я любовался этим зрелищем, процессия остановилась, и дети принесли стулья невесте и ее родителям, чтобы они могли отдохнуть. Вернувшиеся альмеи исполнили песни-импровизации, сопровождая их танцами, а все присутствующие повторяли за ними отдельные музыкальные фразы. Поскольку я находился на виду, то тоже открывал рот, подражая, как мог, всем *элейсон*⁵ и *аминь* — ответам хора на самые фривольные куплеты.

Внезапно я понял, что мне грозит разоблачение. Я не сразу обратил внимание на то, что уже некоторое время рабы обносят толпу чашечками со светлой прозрачной жидкостью. Высокий, одетый во все красное египтянин — вероятно, один из родственников — следил за невольниками и принимал благодарности гостей. Он уже был в двух

нагах от меня, а я даже не мог предположить, как мне следует его приветствовать. К счастью, я все же успел рассмотреть, как поступали мои соседи, и, когда настал мой черед, я взял чашечку левой рукой, поклонился, поднеся правую к сердцу, потом ко лбу и, наконец, ко рту. Движения эти несложные, однако нужно остерегаться, чтобы не нарушить их последовательность или не проделать их слишком небрежно. Теперь я имел право выпить содержимое чашечки, но каково же было мое изумление! Напиток оказался водкой или, скорее, чем-то вроде анисовой настойки. Как объяснить, что мусульмане пьют на своих свадьбах подобный напиток? По правде говоря, я предполагал, что получу лимонад или шербет. Нетрудно было заметить, как альмеи, музыканты и комедианты из процессии неоднократно возвращались за новой порцией.

Наконец новобрачная поднялась, и шествие возобновилось; одетые в синее женщины толпой устремились вслед за ней, испуская дикие крики, и процессия продолжала ночную прогулку до дома молодоженов.

Довольный тем, что мне, словно истинному обитателю Каира, удалось, не выдав себя, присутствовать на подобной церемонии, я подал знак своему драгоману, который стоял чуть поодаль в надежде получить порцию водки, но он не спешил ко мне, наслаждаясь праздником.

— Пойдемте за ними в дом,— сказал он мне шепотом.

— А что я отвечу, если ко мне кто-нибудь обратится?

— Отвечайте только «тайеб». Это ответ на любой вопрос. К тому же я буду поблизости и сумею поддержать разговор.

Я уже знал, что в Египте «тайеб» — основа основ всякого разговора. В зависимости от интонации, с которой произносят это слово, оно может означать очень многое, но не имеет ничего общего с английским «god damn» («черт возьми!»). Слово «тайеб» может означать «очень хорошо», или «вот и прекрасно», или «великолепно», или «к вашим услугам», тон, а главное, жесты вносят бесчисленные дополнительные нюансы. Этот способ показался мне более надежным, чем тот, о котором рассказывал знаменитый путешественник — кажется, Бельцони. Тщательно переодевшись, он зашел в мечеть и стал копировать все движения стоявших поодаль мусульман, но, поскольку он не мог ответить ни на один обращенный к нему вопрос, его драгоман объяснил любопытным:

— Он не понимает, это турок из Англии.

Через дверь, увитую цветами и листьями, мы вошли в очень красивый двор, разукрашенный цветными фонариками. На оранжевом фоне окон, за которыми толпились гости, вырисовывалось причудливое кружево машрабий. Пришлось остановиться и занять место во внутренней галерее. В дом поднимались только женщины, там они снимали покрывала, и через деревянные точеные решетки окон можно было видеть лишь расплывчатые контуры, блеск ярких костюмов и украшений.

Пока новобрачная и женщины из обеих семейств встречали дам, жених, в красной, расшитой золотом одежде, уже слез с осла и принимал поздравления мужчин, приглашая их в комнаты цокольного этажа, где были расставлены низкие столики, на которых возвышались пирамиды блюд с разными угощениями. Достаточно было сесть на пол скрестив ноги, осторожно достать одно блюдо, взять чашку и попросту, с помощью пальцев приступить к трапезе. Каждый пришедший был желанным гостем. Я не осмелился участвовать в пиршестве, опасаясь, что нарушу ритуал. К моему утешению, самая красочная сторона праздника происходила как раз во дворе, где под громкую музыку один танец сменялся другим. В центре большого круга, образованного зрителями, группа нубийских танцоров выделявала замысловатые па; они двигались вперед и назад, повинаясь движениям женщины, одетой в полосатую накидку, ее лицо было закрыто покрывалом, в руках она держала ятаган и, казалось, то грозила танцующим, то убегала от них прочь. Альмеи сопровождали танцы песнями и ударами в глиняный барабан (*дарабукка*), который держали на уровне уха в левой руке. Оркестр, составленный из разных, неизвестных мне инструментов, тоже участвовал в этом празднике, к которому присоединились и зрители: они хлопали в ладоши в такт музыке. В перерывах между танцами разносили прохладительные напитки, и среди них был один, о котором я раньше не подозревал. Черные рабы ходили среди толпы, взбалтывая серебряные флаконы с ароматизированной водой; я ощутил сладковатый запах розы, только когда мне на бороду и на щеки попало несколько капель.

Тем временем один из мужчин — несомненно, важное лицо на этой свадьбе — подошел ко мне и весьма учтиво произнес несколько слов, я ответил спасительным «тай-еб», и он, казалось, остался вполне удовлетворен; когда он обратился к моим соседям, я спросил у драгомана, о чем шла речь.

— Он приглашал вас пожаловать в дом, чтобы увидеть невесту,— сказал мне тот.

Вне всякого сомнения, мой ответ прозвучал как согласие, но в доме мне удалось бы увидеть только закутанных в покрывало женщин, которые будут обходить комнаты, где толпятся гости, поэтому я решил, что мое приключение не должно заходить так далеко. Правда, новобрачная и ее подруги предстанут в великолепных нарядах, скрытых на улице покрывалом, но я не был до конца уверен в правильности моего произношения «тайеб», чтобы отважиться проникнуть в семейный круг. Нам с драгоманом удалось пробраться к воротам, выходящим на площадь Эзбекия.

— Жаль,— сказал мне драгоман,— а то вы бы могли посмотреть представление.

— Какое представление?

— Комедию.

Я тотчас же подумал о знаменитом «Карагёзе», но речь шла о другом. «Карагёза» показывают только во время религиозных праздников: это легенда, полная глубоких символов; представление же, о котором говорил драгоман, должно было состоять из небольших комических сценок, роли в которых исполняют мужчины; их можно сравнить со сценками, построенными на пословицах, которые разыгрывают у нас в великосветском обществе. Здесь же представление дают для того, чтобы гости могли приятно провести остаток ночи, когда молодожены со своими родителями удаляются на женскую половину дома.

Судя по всему, празднества по случаю этой свадьбы продолжались уже целую неделю. Драгоман рассказал мне, что в день, когда заключается брачный контракт, на пороге дома, перед тем как проходит невеста, устраивают заклятие баранов. Он поведал мне и о другой церемонии: разбиваются сахарные головы, из которых вылетают два голубя; в полете этих птиц усматривают какое-то предзнаменование. Эти обычаи остались, по-видимому, еще с глубокой древности.

Я вернулся домой, потрясенный увиденным. Вот, решил я, народ, для которого свадьба — важное событие. Правда, некоторые детали сегодняшнего празднества говорили о том, что молодые супруги происходят из зажиточных семейств, но и у бедняков бракосочетание сопровождается не меньшей пышностью и блеском. Им не приходится платить музыкантам, комедиантам и танцорам — это их друзья. В противном случае приглашенные делают

пожертвования. Костюмы берутся на время, каждый гость приносит свою свечу или факел, а диадема невесты так же украшена бриллиантами и рубинами, как у дочери паши. Где еще можно встретить подобное равенство? Сегодня — день триумфа юной египтянки, которая, возможно, не столь красива под своим покрывалом, не столь богата в своих бриллиантах, но, ослепительная, она идет по улицам города, который любит ее и составляет ее свадебный кортеж. Она поражает всех своими царскими драгоценностями, пурпуром одежд, но лицо ее не видимо никому, и, таинственная, она идет, словно древняя нильская богиня. Только одному мужчине суждено узнать секрет скрытых от всех красоты и изящества; только он один сможет безмятежно любоваться своим идеалом и считать себя избранником принцессы или феи; если же его ждет разочарование, что ж, оно пощадит его самолюбие, хотя любой обитатель этой счастливой страны вправе не один раз пережить этот праздничный, полный иллюзий день.

ДРАГОМАН АБДУЛЛА

Мой драгоман — редкий человек. Правда, я опасуюсь, как бы он не оказался слишком достойным слугой столь незначительного господина, как я.

Он предстал предо мной во всем своем блеске в Александрии, на палубе парохода «Леонидас». Абдулла, так звали моего нового знакомого, подплыл к пароходу на нанятой лодке в сопровождении негритенка, который нес за ним длинную трубку, и драгомана помоложе — для свиты. Длинная белая туника скрывала его одежды и подчеркивала смуглость бесстрастного, как у сфинкса, лица — ведь в его жилах текла нубийская кровь. Наверное, его предки принадлежали к разным расам. В ушах у него висели тяжелые золотые кольца, а неспешная поступь и длинные одежды завершали идеальное, в моем понимании, воплощение вольноотпущенника времен Древнего царства.

Среди пассажиров не было ни одного англичанина, и наш герой, несколько этим раздосадованный, за неимением лучшего, выбрал меня. Мы причаливаем; он нанимает четырех ослов для себя, своей свиты и для меня и сразу же везет в гостиницу «Англетер», где меня охотно принимают примерно за шестьдесят пиастров в день; сам же

Отель «Орион» в Каире (40-е гг. XIX в.)

он ограничивает свои притязания половиной этой суммы, на которую должен содержать второго драгомана и негритенка.

Проведя день в сопровождении этой представительной свиты, я понял, что ни во втором драгомане, ни в негритенке не было никакой надобности. Абдулла распрощался с юным коллегой, негритенка же оставил для себя, сократив, впрочем, собственное жалованье до двадцати пиастров в день, что составляет примерно пять франков.

Когда мы приехали в Каир, ослы немедленно доставили нас к английскому отелю на площади Эзбекия; однако мне пришлось остановить этот благородный порыв, как только я выяснил, что пребывание там стоит столько же, сколько в «Англетере».

— Вы предпочли бы остановиться в английском отеле «Вэгхорн» во франкском⁶ квартале? — спросил честный Абдулла.

— Я предпочел бы не английский отель.

— Хорошо. Здесь есть французский отель «Домерг».

— Поедем туда!

— Извольте... Я охотно провожу вас, но сам там не останусь.

— Почему?

— Эта гостиница стоит всего сорок пиастров в день, я не могу там жить.

— Ну а я с удовольствием там расположусь.

— Вы чужестранец, а я здешний и обыкновенно нахожусь в услужении у господ англичан. Мне следует блюсти свою репутацию.

Я же нашел, что цены в этом отеле вполне пристойны; ведь в этой стране все стоит в шесть раз дешевле, чем во Франции, работнику платят пиастр в день, или, по-нашему, пять су.

— Впрочем, — продолжал Абдулла, — можно все уладить. Вы поживете два-три дня в отеле «Домерг», где я буду вас по-дружески навещать, а сам тем временем сниму для вас дом в городе и затем без труда смогу там тоже поселиться, чтобы быть в вашем распоряжении.

И впрямь, многие европейцы, если останавливаются в Каире, снимают дома. Узнав об этом, я предоставил Абдулле полную свободу действий.

Отель «Домерг» расположен в тупике, отходящем от главной улицы франкского квартала; это вполне приличный отель, содержащийся в безукоризненной чистоте. Здесь есть внутренний квадратный дворик, беленный известью и перекрытый легкой решеткой, увитой виноградной лозой; одна из внутренних галерей отдана под мастерскую весьма любезного, слегка глуховатого французского художника — большого специалиста по дагерротипу. Время от времени он приводит из города торговки апельсинами или сахарным тростником, которые с готовностью ему позируют, давая тем самым возможность изучать основные расы, населяющие Египет, правда, большинство женщин прячут лица под покрывалом — последним прибежищем восточной добродетели.

Кроме того, к французскому отелю примыкает довольно живописный сад, а табльдот с честью преодолевает трудности, связанные с отсутствием говядины и телятины, и предлагает весьма разнообразное меню европейской кухни. Именно это обстоятельство и объясняет дороговизну английских отелей, где, как на кораблях, используют консервированное мясо и овощи. Англичанин, в какой бы стране ни находился, никогда не изменяет традиционным ростбифу, картофелю, портеру и элю.

Я встретил за табльдотом полковника, епископа *in partibus*⁷, художников, преподавательницу иностранных языков и двух индусов из Бомбея — господина и его слугу. Должно быть, южная кухня отеля казалась им пресной, потому что они извлекали из кармана серебряные флаконы с перцем и карри и посыпали все блюда. Они

предложили и мне. Ощущение от этих изысканных индийских приправ такое, словно держишь во рту раскаленные угли.

Рояль на втором этаже и бильярд на первом — вот и все, что дополняет описание французского отеля; как говорится, с таким же успехом можно было бы вообще не уезжать из Марселя. Что до меня, то я предпочел бы вкушать настоящую восточную жизнь. В Каире можно снять дом в несколько этажей с садами и двориками за триста пиастров (примерно семьдесят пять франков) в год. Абдулла показал мне много таких домов в коптском и греческом кварталах. В домах были роскошно украшенные залы с мраморными полами, фонтанами, галереями и лестницами, словно во дворцах Венеции и Генуи, и дворы, окруженные колоннадой, и сады с деревьями редких пород. Там было все, чтобы вести образ жизни, достойный царя, требовалось только заполнить эти помещения челядью и рабами. Но во всех этих хоробах не было ни одной комнаты, пригодной для жилья: несмотря на то что постройка такого дома обходилась недешево, незастекленные затейливые оконные переплеты были открыты вечернему ветру и ночной сырости. В Каире так живут все, но очень часто его обитатели, испытывая необходимость в свежем воздухе и прохладе, расплачиваются за эту неосторожность болезнью глаз. Во всяком случае, я вовсе не был склонен ютиться где-то в уголке огромного дворца; к тому же следует добавить, что большая часть этих зданий, бывших апартаментов угасшей аристократии, построена еще во времена мамлюкских султанов и в любой момент грозит обратиться в груды развалин.

В конце концов Абдулла нашел для меня дом поскромнее, но более прочный и с надежными запорами. Живший здесь до меня англичанин велел застеклить окна, и дом превратился в местную достопримечательность. Пришлось отыскивать шейха этого квартала, чтобы заключить договор с владелицей — вдовой-копткой. На имя этой женщины записано более двадцати домов, но принадлежат они иностранцам, так как сами они не имеют права владеть недвижимым имуществом в Египте. Действительным владельцем этого дома был чиновник английского консульства.

Договор заключили на арабском языке, затем нужно было заплатить, сделать подношение шейху, судебному чиновнику и начальнику ближайшего караула, дать *бакшиши* (чаевые) писцам и слугам, после чего шейх вручил

мне ключ. Это приспособление вовсе не похоже на наши ключи, оно представляет собой деревянный брусок, напоминающий счетные палочки булочников, на конце которого набито, на первый взгляд как попало, пять или шесть гвоздей. В действительности же все сделано с расчетом. Этот так называемый ключ вставляют в замочную скважину, и когда гвозди совпадают с невидимыми снаружи отверстиями на деревянном засове, его отодвигают и дверь открыта.

Но оказывается, недостаточно иметь деревянный ключ, который невозможно положить в карман — его носят за поясом; требуется еще мебель, отвечающая роскоши внутренней отделки, правда, во всех каирских домах обстановка весьма проста.

Абдулла отвел меня на базар, где нам взвесили несколько окк⁸ хлопка. Из этого хлопка и персидского полотна чесальщики прямо у вас дома изготавливают за несколько часов диванные подушки, которые ночью служат матрасами. Основным же предметом мебелировки является длинный короб, который корзинщик сплетает на ваших глазах из пальмовых прутьев; такая мебель — легкая, гибкая и более прочная, чем кажется на первый взгляд. Необходимо еще иметь небольшой круглый стол, несколько чашек, длинные трубки или кальяны. Впрочем, все это можно взять напрокат в соседней кофейне — и вы готовы принимать у себя весь цвет городского общества. Только у Мухаммеда Али⁹ имеется полный набор мебели, лампы, часы. Правда, все это требуется ему только для того, чтобы показать себя приверженцем прогресса и торговли с Европой.

Ну а если вы хотите, чтобы ваше жилище выглядело роскошным, обзаведитесь еще циновками, коврами и даже занавесями. На базаре я встретил одного еврея, который услужливо выступил в роли посредника между Абдуллой и торговцами, чтобы доказать, что обе стороны меня надувают. Еврей воспользовался только что изготовленной мебелью и уже на правах старого друга расположился на одном из диванов. Пришлось предложить ему трубку и кофе. Зовут его Юсеф, он занимается разведением шелковичных червей в течение трех месяцев в году. Остальное время, поведал он мне, он ничем не занят, только наблюдает за тем, как растут тутовые деревья, и пытается определить, хороший ли будет урожай. К тому же держится он весьма непринужденно, и создается впечатление, что общество иностранцев нужно ему только для

того, чтобы улучшать познания во французском языке и оттачивать свой вкус.

Мой дом находится на одной из улиц коптского квартала, ведущей к городским воротам, которые выходят на аллею Шубры. Против дома есть кофейня, чуть поодаль — заведение, где за пиастр в час можно нанять осла, еще дальше — небольшая мечеть с минаретом. В первый же вечер, когда на закате солнца я услышал монотонный, протяжный напев муэззина, меня охватила невыразимая грусть.

— Что он говорит? — спросил я у драгомана.

— Нет божества, кроме Аллаха!

— Я знаю это изречение, а дальше?

— О вы, отходящие ко сну, доверьте ваши души вечно-неусыпному.

Очевидно, сон — другая жизнь, о которой не следует забывать. С самого своего приезда в Каир я вспоминал сказки «Тысячи и одной ночи» и видел во сне всех див и вырвавшихся из цепей великанов со времен царя Соломона. Во Франции часто потешаются над демонами, порожденными сновидениями, и усматривают в этом лишь плод больного воображения, но разве все это существует вне нашего сознания? Ведь во сне мы испытываем ощущения, полученные в реальной жизни. В столь жарком, как в Египте, климате обычно снятся тяжелые сны и даже кошмары, и говорят, что в изголовье паши всегда стоит слуга, готовый разбудить его, как только по выражению лица или движениям спящего он видит, что паше снится что-то неприятное. А может быть, достаточно просто вверить себя... тому, кто вечно неусыплен?

НЕУДОБСТВА БЕЗБРАЧИЯ

Я изложил выше события своей первой ночи в Каире, и теперь станет ясно, почему я проснулся позже обычного.

Абдулла известил меня о визите шейха нашего квартала, который уже приходил утром. Этот славный седобородый старец ждал моего пробуждения в соседней кофейне в обществе своего секретаря и негра, носившего его трубку. Я не удивился такому долготерпению: в Египте всякий европеец, если только он не промышленник и не торговец, важная персона. Шейх сел на один из диванов, ему набили трубку и подали кофе. Затем он начал речь, переводил Абдулла.

— Шейх принес обратно деньги, которые вы заплатили за дом.

— Почему?

— Он говорит, что соседям не известны ни ваш образ жизни, ни ваши привычки.

— Ему они кажутся дурными?

— Он не это имеет в виду; об этом никто не знает.

— Значит, у него сложилось плохое впечатление обо мне?

— Он думал, что вы будете жить в доме с женой.

— Но я не женат.

— Его это не касается. Он говорит, что у всех ваших соседей есть жены и что они будут встревожены, если у вас ее не будет. Ведь так здесь принято.

— Что же он от меня хочет?

— Вы должны либо выехать отсюда, либо найти женщину, чтобы жить здесь вместе с ней как со своей женой.

— Скажите ему, что в моей стране считается неприличным жить с женщиной, не будучи ее мужем.

Ответ старца на это высказывание морального порядка сопровождался отеческим наставлением. К сожалению, перевод может воссоздать лишь приблизительный смысл слов шейха.

— Он хочет дать вам совет,— сказал мне Абдулла,— он говорит, что такой эфенди (господин), как вы, не должен жить один, что всегда почетно проявить заботу о женщине и делать ей добро, а еще лучше,— добавил он,— заботиться о нескольких женщинах, если это позволяет ваша вера.

Рассуждения турка весьма тронули меня, и, хотя моим европейским представлениям был абсолютно чужд подобный взгляд на вещи, его правильность я понял довольно скоро, когда лучше разобрался в положении женщины в этой стране. Я попросил передать шейху, чтобы он немного подождал, пока я не посоветуюсь со своими друзьями, как мне следует поступить.

Я снял дом, меблировал его, чувствовал себя в нем прекрасно и теперь хотел только найти способ устоять перед намерением шейха порвать соглашение и выгнать меня оттуда по причине моего безбрачия. После долгих колебаний я решил обратиться за советом к художнику из отеля «Домерг», который еще раньше приглашал меня в свою мастерскую, дабы приобщить к таинствам дагерротипа. Художник этот был настолько тут на ухо, что беседа

с ним через переводчика была бы гораздо проще и занимательнее, чем разговор с глазу на глаз.

Я отправился к нему, пересек площадь Эзбекия и вдруг на углу одной из улиц, ведущей к франкскому кварталу, услышал радостные возгласы, доносившиеся из просторного двора, где в это время несколько мужчин водили по кругу красивых лошадей. Один из них кинулся ко мне и сжал в объятиях. Это был высокий юноша в шерстяном бледно-желтом тюрбане и в синей рубахе. Я видел его на пароходе и запомнил его лицо: оно походило на лица, которые рисовали на крышках саркофагов.

— Хорошо, хорошо, — говорил я этому экспансивному юноше, высвобождаясь из его объятий и озираясь в поисках моего драгомана Абдуллы, но тот скрылся в толпе, наверное опасаясь, как бы не увидели, что он состоит при человеке, который водит дружбу с простым конюхом. Этот мусульманин, избалованный английскими туристами, совсем забыл, что сам Мухаммед был погонщиком верблюдов.

Тем временем египтянин потянул меня за рукав и втащил во двор конного завода, принадлежащего паше. Там, на одной из галерей, я увидел второго своего попутчика — Сулеймана-агу, который полулежал на деревянном диване. Он тоже меня узнал и, хотя был сдержанней в проявлении чувств, чем его подчиненный, пригласил присесть рядом с ним, предложил трубку и велел подать кофе... Хочу указать на такую деталь, характерную для местных нравов: простой конюх незамедлительно счел себя достойным нашего общества, сел на землю скрестив ноги и, как и я, получил длинную трубку и маленькую чашечку горячего мокко, которую подают на специальной золотой подставке, похожей на подставку для яиц, чтобы не обжечь пальцы. Вокруг нас тотчас же уселись и остальные. Абдулла, видя, что наша встреча принимает более благопристойный характер, наконец появился и соблаговолил присоединиться к беседе.

Я уже знал Сулеймана-агу как приятного попутчика, и, хотя во время нашего совместного путешествия мы обменивались только жестами, я счел наши отношения достаточно близкими, чтобы, не испытывая неловкости, рассказать ему о своих делах и попросить совета.

— *Машалла!* — вскричал тот. — Шейх прав, молодой человек ваших лет уже несколько раз должен быть женат!

— Вы знаете, — робко заметил я, — моя вера позволяет брать в жены только одну женщину, с которой уже нельзя расстаться, поэтому у нас обычно долго думают, прежде

чем предпринять этот серьезный шаг, чтобы потом не раскаиваться.

— Но я же не говорю о ваших руми (европейских женщинах), — возразил тот, ударив себя по лбу, — они принадлежат всем, а не только вам одному; эти бедняжки полностью обнажают лица, и не только перед теми, кто хотел бы их увидеть, но и перед теми, кто этого не хочет. Представьте себе, — обратился он с усмешкой к остальным туркам, которые слушали наш разговор, — что все эти женщины смотрели на меня на улице глазами, полными страсти, а некоторые из них доходили в своем бесстыдстве до того, что хотели меня поцеловать.

Увидев, что слушатели крайне этим шокированы, я счел своим долгом уведомить их для спасения чести европейских женщин, что Сулейман-ага, вероятно, спутал корыстолюбивый интерес к нему девиц определенного сорта с невинным любопытством остальных дам.

— Кроме того, — добавил Сулейман-ага, не ответив на мое замечание, так как приписал его исключительно национальному самолюбию, — если бы эти красотки были хотя бы достойны того, чтобы правоверный дозволил им поцеловать себе руку! Но это же чахлые, бесцветные зимние растения болезненного вида, изможденные голодом; они почти ничего не едят и просто растаяли бы у меня в руках. Ну а жениться на них — и того хуже; они так дурно воспитаны, что в доме воцарились бы раздор и несчастья. У нас женщины и мужчины живут раздельно, и таким образом в доме сохраняется покой и порядок.

— Но разве в своих гаремах вы живете не в окружении женщин? — спросил я.

— О всемогущий Аллах! — вскричал он. — Да их несносная болтовня сведет с ума кого угодно. Разве вы не заметили, что у нас свободные от занятий мужчины совершают прогулки, отдыхают в банях, сидят в кофейне, совершают молитвы в мечети или навещают друг друга и ведут беседы? Разве не приятнее общаться с друзьями, слушать рассказы, курить, предаваться мечтаньям, нежели вступать в разговор с женщинами, поглощенными своими скудными интересами, нарядами или злословием?

— Но вы ведь неизбежно должны выносить все это во время совместных трапез.

— Ничуть не бывало. Они едят все вместе или порознь, как им заблагорассудится, мы же особо — одни, с близкими или друзьями. Правда, есть небольшое число турок, поступающих иначе, но на них смотрят косо, ведь

они ведут недостойный образ жизни. Общество женщин делает мужчину жадным, себялюбивым и жестоким; из-за женщины рушатся братство и милосердие между нами; женщины порождают ссоры, несправедливость и тиранию. Пусть каждый живет с себе подобными! Довольно и того, что хозяина в часы дневного отдыха или вечером по возвращении домой встречают радостные лица приятных для глаз созданий в красивых одеждах.

А если еще и приглашенные альмеи станцуют и споют перед ним, он вообще сможет грезить о близком рае и считать, что вознесся на небо, где обитают истинные красавицы, чистые и непорочные. Они одни достойны стать вечными супругами правоверных!

Интересно, это мнение всех мусульман или только некоторых из них? В нем можно усмотреть не столько презрение к женщине, сколько отголоски древнего учения Платона, которое ставило чистую любовь выше всего тленного. Обожаемая женщина есть не что иное, как отвлеченный символ, незавершенный идеал обожествляемой женщины, которой суждено навеки стать подругой правоверного. Именно из-за этих идей принято считать, что жители Востока отрицают у женщин душу, но теперь известно, что истинно благочестивые мусульманки тоже вправе надеяться увидеть на небе воплощение своего идеала. Религия арабов знает своих святых жен и пророчиц: дочь Мухаммеда, славная Фатима — царица этого рая женщин.

В конце концов Сулейман-ага посоветовал мне обратиться в ислам; я поблагодарил его, улыбаясь, и обещал поразмыслить над его словами. На сей раз я был озадачен как никогда. Я решил привести в исполнение свое прежнее намерение — побеседовать с глухим художником из отеля «Домерг».

МУСКИ

Когда я повернул за угол, оставив слева здание конного завода, то сразу же почувствовал оживление большого города. Бульвар, огибающий площадь Эзбекия, засажен чахлыми деревьями для защиты от зноя, но косые лучи солнца, в которых плавают клубы пыли, падают только на одну сторону улицы, разбиваясь о высокие каменные дома. Это чрезвычайно многолюдное и шумное место, здесь собираются торговцы апельсинами, бананами и незрелым сахарным тростником, его сладкая мякоть — из-

любленное лакомство канрцев. Тут можно встретить певцов, борцов и заклинателей змей с огромными змеями вокруг шеи; здесь показывают сцены, в которых воплощены забавные персонажи из сновидений Рабле. Веселый старичок приводит в движение и заставляет танцевать маленьких кукол на веревочках наподобие кукол наших са-войяров, но пантомимы, которые разыгрываются в Каире, куда менее пристойны... Однако это не знаменитый «Ка-рагёз» театра теней. Толпа зачарованных женщин, детей и военных простодушно аплодирует этим бесстыдным ма-рионеткам. Неподдалеку дрессировщик обезьян демонстри-рует огромного павиана, он выучил его отгонять палкой бездомных собак, которых науськивают на него дети. Дальше дорога сужается, стоящие по краям дома закры-вают солнце. Слева — монастырь «кружащихся» дервишей, где по вторникам каждый может присутствовать на их ра-дениях; дальше — тяжелые ворота, над которыми висит чучело огромного крокодила; отсюда отправляются экипа-жи, пересекающие пустыню от Каира до Суэца. Это легкие коляски, похожие на обыкновенные двуколки; они от-крыты и не защищают путешественников от пыли и ветра, хотя, наверное, иначе в них можно было бы задохнуться от жары; колеса состоят из двойного ряда спиц, которые отходят от ступицы и соединяются на узком ободе. Эти не-обычные колеса оставляют в земле глубокую колею.

Идем дальше. Справа — кабачок для христиан, это про-сторный погреб, где пьют, расположившись прямо на боч-ках. Перед дверью стоит человек с красным лицом и длин-ными усами, он воплощает собой франка-аборигена, иначе говоря, представителя европейцев, испокон веков живу-щих здесь, на Востоке. Интересно, откуда родом его пред-ки? Из Италии, Испании, Мальты или, может быть, из Марселя? Очевидно лишь одно: местные костюмы вызы-вают у него презрение, а сознание того, что он одет по последней европейской моде, позволяет ему внести в свой наряд ту изысканность, которая делает его потрепанную одежду весьма оригинальной. К синему сюртуку с англий-ской бахромой, давно распрощавшемуся с пуговицами, он остроумно приделал витые веревочные шнуры, которые перекрещиваются, как на военных мундирах, красные брюки заправлены в остатки ботфортгов, украшенных шпо-рами. Широкий воротник рубашки и белая, потерявшая форму шляпа с загнутыми вверх зелеными полями смягча-ют воинственность костюма, придавая ему цивильный вид. Что же касается плети из бычьих жил, которую он держит

в руке, это тоже привилегия франков и турок: увы, она слишком часто находит свое применение на спине бедного терпеливого феллаха.

Выйдя из кабачка, упираешься взглядом в улочку, заканчивающуюся тупиком. Там ползает безногий нищий; этот несчастный вымаливает милостыню у проходящих мимо англичан: на этой темной улочке находится отель «Вэгхорн». Неподалеку расположены каирский театр и библиотека для чтения господина Бонома, о чем гласит большая, написанная по-французски вывеска. Здесь сосредоточены все блага цивилизации, впрочем, не они способны вызывать зависть у арабов.

Продолжим наш путь. Слева находится дом с изысканным фасадом, украшенным лепными арабесками; это единственная, дотоле встреченная мною отрада художника и поэта. Дальше улица резко сворачивает влево, и шагов двадцать приходится проталкиваться через скопище собак, ослов, верблюдов, через толпу торговцев огурцами и женщин, торгующих хлебом. Ослы бегают, верблюды ревут, собаки неподвижно лежат в ряд у дверей трех мясных лавок. От этого уголка повеяло бы подлинным арабским колоритом, если бы не заведение напротив, полное итальянцев и мальтийцев, на котором висит вывеска Trattoria.

Как раз здесь начинается богатая торговая улица франкского квартала, которую в народе называют Муски. Вдоль улицы, закрытой полотняными и дощатыми навесами, тянутся два ряда богато убранных лавок: Англия представлена в основном посудой и тканями, Германия — сукном, Франция — модной одеждой, Марсель — специями, копченым мясом и мелким сопутствующим товаром. Я отделяю Марсель от Франции, так как на Востоке очень скоро убеждаешься в том, что марсельцы образуют особую нацию в самом положительном смысле этого слова.

Среди лавок, куда европейские товары привлекают самых богатых жителей Каира, турок-реформистов, а также коптов и греков, которые больше других подвержены нашему влиянию, есть английская пивная, где мадера, портер или эль могут препятствовать подчас слабительному действию нильской воды. Другое прибежище европейцев — аптека Кастаньоль, куда очень часто *беи*, *муширы* и *назиры* родом из Парижа¹⁰ приходят побеседовать с путешественниками и получить известия о родине. Ни у кого не вызывает удивления, что все стулья в аптеке и даже скамья перед ней заняты людьми весьма сомнительного восточного вида с бриллиантовыми звездами на груди,

они переговариваются по-французски, читают газеты: тем временем *саисы* держат для них наготове резвых лошадей с седлами, расшитыми золотом. Такой наплыв посетителей объясняется соседством почты для европейцев, расположенной в тупике, в глубине которого находится отель «Домерг». Все эти люди ежедневно ожидают здесь почту и последние новости, которые доходят время от времени, в зависимости от состояния дорог и почтовых дилижансов. Английский пароход поднимается вверх по Нилу только раз в месяц.

Я достиг цели, ибо встретил в аптеке Кастаньоль моего художника из французского отеля, здесь ему готовят йодистое серебро для дагерротипа. Он предложил мне пройтись с ним по городу, чтобы сделать несколько снимков; я отпустил драгомана, который поспешил в английскую пивную, позаимствовав, как я полагаю, у своих прежних хозяев неумеренное пристрастие к пиву и виски.

Согласившись совершить предложенную мне прогулку, я в глубине души надеялся попасть с художником в самое людное место в городе, оставить его там за работой, а самому побродить без цели и провожатых. Именно это мне до сих пор не удавалось, так как драгоман был уверен, что он мне постоянно необходим, а европейцы, которых я встречал в Каире, предлагали показать мне здешние достопримечательности. Надобно иметь опыт путешественника по южным странам, чтобы понять истинную цель подобного лицемерного предложения. Вы полагаете, что любезный соотечественник берет на себя роль вашего проводника по доброте душевной. Ничуть не бывало. Ему нечем занять себя, ему скучно, вы нужны ему для развлечения

Ливан де Бельфон,
главный инженер
Мухаммеда Али,
в египетском костюме

Франк на осле

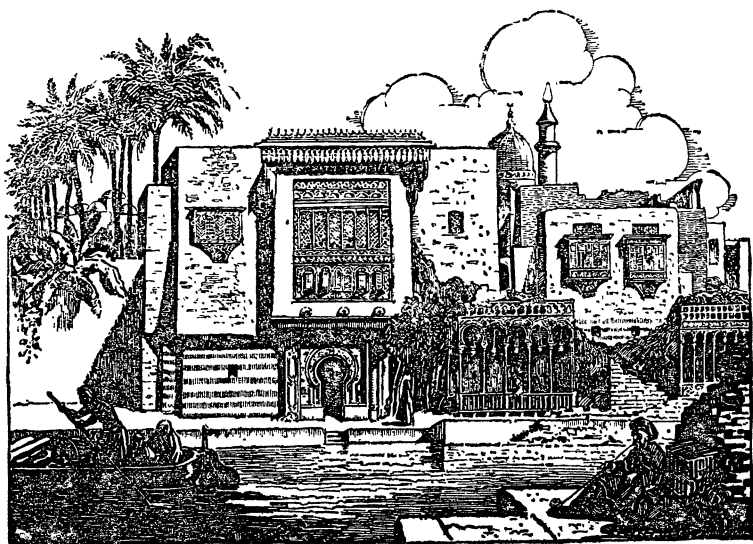
ния, для препровождения времени, для беседы, и он покажет вам лишь то, что вы сумели бы найти и без его помощи; он толком не знает город и понятия не имеет, что здесь происходит; он изыскивает цель прогулки, способ утомить вас своими высказываниями и позабавиться вашими. Впрочем, разве прекрасный вид, памятник, любопытная деталь могут существовать сами по себе, без случайности, без неожиданностей?

Все европейцы в Каире не мыслят пройти и десяти шагов пешком, не водрузившись на осла, с погонщиком позади. Не спору, ослы здесь очень красивые, они замечательно передвигаются и трусцой и галопом; погонщик служит

вам своего рода *кавасом* и расталкивает толпу криками «А! А! Йаминак! Шималяк!» Что означает: «Направо, налево!» Поскольку считается, что женщины хуже слышат, а может быть, и хуже соображают, то погонщик кричит без умолку «Йа бент!» («Эй, женщина!») повелительным тоном, в котором чувствуется превосходство мужского пола.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В БЕДЕСТАНЕ

Так мы с художником брели по улицам, а за нами шел осел, навьюченный дагерротипом — сложным и хрупким приспособлением, для установки которого нужно было выбрать самое удобное место. За улицей, которую я уже описывал, начинается крытый досками проход, где европейская коммерция демонстрирует самые изысканные товары. Этим своеобразным базаром заканчивается квартал франков. Мы свернули направо, затем налево, двигаясь среди

Халиг, канал в Каире

все возрастающей толпы; шли по прямой как стрела улице, где любопытному взору открываются мечети, фонтаны, монастырь дервишей и базар, на котором торгуют английским фарфором и скобяными изделиями. Затем после бесчисленных поворотов улица делается более тихой, более пыльной, более пустынной; попадаются развалины мечетей, то там, то здесь видны полуразрушенные дома; шум и суматоха возникли только тогда, когда свора собак подняла отчаянный лай на нашего осла, но особенно их возмущали наши ужасные черные европейские костюмы. К счастью, мы вошли в какие-то ворота и оказались в другом квартале; собаки отстали от нас, недовольно ворча, но не переходя границ своих владений. Весь город разделен на пятьдесят три квартала, обнесенные стенами. Большинство этих кварталов принадлежит коптам, грекам, туркам, евреям и французам. Даже бездомные собаки, которые мирно живут и размножаются, и те признают это деление и не рискуют выходить за пределы своего квартала. Новая свора собак скоро явилась на смену прежней и проводила нас до увеселительных заведений, расположенных на берегу пересекающего Каир канала, который называют Халиг.

Мы очутились в своего рода предместье, отделенном каналом от городских кварталов; многочисленные кофейни и казино тянутся по одному берегу, тогда как другой представляет собой довольно широкий бульвар с несколькими пыльными пальмами. Вода в канале зеленая и почти стоячая, но длинная череда беседок и решетчатых заго-родок, увитых виноградом и лианами, примыкающих к кофейням, представляет собой радостное зрелище, в воде отражаются пестрые костюмы курильщиков. При ярком дневном свете загораются лампы — стеклянные сосуды, наполненные маслом, на длинных хрустальных кальянах мерцают огни, а в чашечках, оплетенных золоченой филигранью, которые разносят черные слуги, переливаются золотисто-янтарные ликеры.

После недолгой остановки в одной из таких кофейен мы переправились на противоположный берег Халига и на специальных колышках установили аппарат; теперь дневное светило могло проявить себя в качестве пейзажиста. Развалины мечети с причудливым минаретом, стройная пальма, устремленная ввысь из зарослей мастиковых деревьев, — вот из чего можно составить полотно, достойное кисти Марильи¹¹. Мой спутник пришел в восторг, и, пока солнце трудилось над свежеполированными металлическими пластинками, я решил, что настало время изложить ему свою проблему, задавая вопросы в письменном виде, при помощи карандаша, на которые художник, несмотря на свой физический недостаток, мог отвечать в полный голос.

— Не женитесь, — закричал он, — и в особенности не вздумайте надевать тюрбан. О чем вас просят? Чтобы у вас в доме жила женщина? Прекрасная мысль. Ко мне приходит столько женщин, сколько я пожелаю. Торговки апельсинами в синих туниках, с серебряными браслетами и гривнами очень хороши собой! У них фигуры, как у египетских статуй: пышная грудь, точеные руки и плечи, округлые бедра, стройные ноги. Если бы на них надеть древние уборы с головкой ястреба, перевязь вокруг плеча и дать в руку крест — *анх*, то они бы походили на изображения Исиды и Хатхор.

— Но вы забываете, — возразил я ему, — что я-то не художник, а у этих женщин есть мужья и родные. Все египтянки носят покрывала, как угадать, хороши ли они собой? К тому же я еще не знаю ни одного слова по-арабски. Как уговорить их?

— Ухаживать за женщинами в Каире строжайше за-

прещено, но любовь нигде не возбраняется. Вы видите женщину, и по ее походке, фигуре, изяществу, с которым она одевается, по чему-то неуловимому, что исходит от ее прически или покрывала, вы догадываетесь, что она молода или что она хочет понравиться. Идите за ней следом, только и всего, и, если она посмотрит вам прямо в глаза в ту минуту, когда почувствует, что за ней никто не наблюдает, поворачивайте сразу же к своему дому, она пойдет за вами. В том, что касается женщин, нужно полагаться только на самого себя. Драгоманы — плохие помощники в таком деле. Нужно самому приложить усилие. Так будет вернее.

В самом деле, размышлял я, простившись с художником и оставив его за работой в окружении почтительной толпы, полагающей, что он занят каким-то магическим действием, почему я отказался от мысли понравиться женщинам? Да, они скрыты покрывалом, но я-то на виду! Моя светлая кожа может иметь в этой стране своеобразное очарование. Во Франции я выглядел заурядным дамским угодником, но в Каире я приятный для женских глаз северянин. Мой европейский костюм, привлекающий своры собак, имеет то достоинство, что я по крайней мере буду замечен, а это уже немало.

И впрямь, когда я снова очутился на шумной улице, толпа в изумлении расступалась при виде франка, разгуливающего в арабской части города без провожатых. Я останавливался перед лавками и мастерскими, рассматривал все вокруг с видом беззаботного гуляки, вызывая в ответ лишь улыбки. Прохожие строили догадки: «Он потерял своего драгомана», «Наверное, у него нет денег на осла»... Все жалели чужеземца, заблудившегося в сутолоке базара, в лабиринте улиц. Я же остановился и стал наблюдать за работой трех кузнецов, которые сами, казалось, были выкованы из меди. Они пели арабскую песню и в такт мелодии ударяли по металлическим заготовкам, которые по очереди клал на наковальню мальчик-подмастерье. Я ужаснулся, представив себе, что если один из кузнецов нечаянно собьется с такта, то раздробит ребенку руку. За моей спиной задержались две женщины, потешаясь над моим любопытством. Я повернулся и по их черным хабарам из тафты и покрывалам из зеленого левантина заключил, что они не принадлежат к классу торговек апельсинами с улицы Муски. Я забежал вперед, но они опустили покрывала и исчезли. Я двинулся вслед за ними и скоро очутился на длинной, тянущейся через весь город

улице, которую то и дело пересекали ломившиеся от снеди базары. Мы вступили под величественный свод из резных балок в старинном стиле, где лак и позолота высвечивали бесчисленные изгибы прелестных арабесок. Возможно, здесь находился бедестан черкесов, где произошла история, которую рассказал коптский купец кашгарскому султану. Я словно попал в мир «Тысячи и одной ночи»! Разве не похож я на одного из молодых купцов, который по просьбе двух дам стал развешивать перед ними рулоны дорогих тканей, точно так, как Бедреддин показывал их дочери эмира? Я бы сказал им, подобно юноше из Багдада: «Позвольте подарить вам эту материю, тканную золотыми цветами, а взамен увидеть ваши лица, и я сочту, что мне заплатили с лихвой». Но, увы, они отвергли шелка из Бейрута, златотканую парчу из Дамаска, шали из Бурсы, которые охотно расстилает перед дамами каждый торговец. Здесь не было ни одной лавки; все товары выставлены прямо на полках, уходящих под своды арок. Наверху красовалась вывеска: вязь букв в окружении золотого орнамента. Продавец сидел скрестив ноги на небольшом возвышении, покуривая длинную трубку или кальян, а женщины, заставив одного торговца показать весь свой товар, окидывали его презрительным взглядом и переходили к другому торговцу.

Мои прелестные насмешницы непременно желали купить ткани из Константинополя. Константинополь — законодатель мод для Каира. С воплем «Истамбулдан!» («Это из Стамбула!») им показали ужасный набивной муслин. Они принялись громко восхищаться. Женщины повсюду одинаковы!

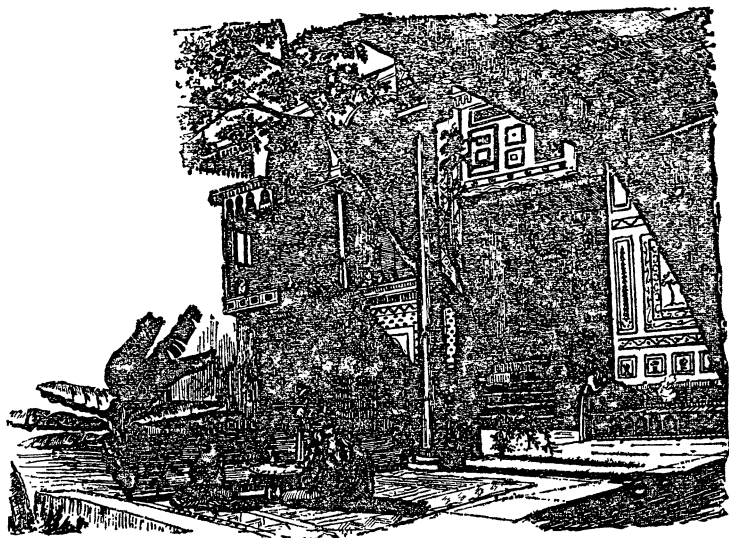
Я подошел с видом знатока; приподнял краешек желтой ткани в разводах бордового цвета и вскричал: «Тайсб!» («Прекрасно!») Кажется, мое замечание пришлось по вкусу; они остановили свой выбор именно на этой ткани. Торговец отмерил материю ником¹² и поручил мальчику-посыльному отнести рулон.

Мне вдруг показалось, что одна из молодых дам пристально посмотрела на меня, к тому же они явно не спешили, а когда оборачивались и видели, что я иду за ними, едва сдерживали смех, время от времени черная хабара приподнималась, позволяя рассмотреть белую маску — принадлежность к высшему классу; короче говоря, все эти едва заметные уловки, которые можно наблюдать у домино на маскараде в Опере, если оно пытается обольстить вас, говорили о том, что эти женщины не испытывают ко

мне откровенной неприязни. Выходит, настало время обогнать их и идти к моему дому; но, увы, как его отыскать? В Каире нет табличек с названиями улиц, на домах нет номеров и каждый квартал, обнесенный стеной, сам по себе является сложнейшим лабиринтом. Из одиннадцати улиц десять заканчиваются тупиком. Терзаясь сомнениями, я по-прежнему не отставал от женщин. Мы вышли с многоголосого, разноцветного базара, где все так сверкает, что рябит в глазах, где роскошь товаров соседствует с величавой архитектурой и красотой главных мечетей, выкрашенных в поперечные желто-красные полосы, и углубились в сводчатые переходы, узкие, темные улочки с выступающими деревянными оконными решетками, как в средневековых городах Европы. Здесь очень прохладно и можно спрятаться от палящего египетского солнца. Это объясняет, каким образом большинству женщин удается сохранить матово-бледную кожу, ведь многие из них выезжают из города только для того, чтобы приятно провести время под сенью Шубры. Но почему меня заставляли совершать столько поворотов, по несколько раз возвращаться на одно и то же место? От меня действительно пытались отделаться или же женщины шли за мной следом — правда, впереди меня — по пути, полному приключений? Мы свернули на какую-то улицу, где я уже проходил накануне. Я узнал ее по благоуханию, которое источал земляничник. Это столь любимое солнцем деревце простирает над стеной ветви, осыпанные пахучими желтыми цветами. Низкий, поставленный углом фонтан — благотворительное сооружение, предназначенное утолять жажду бездомных животных. Вот прекрасный с виду дом, украшенный лепниной по штукатурке; одна из дам вставляет в замочную скважину большой деревянный ключ, каким мне уже доводилось пользоваться. Не раздумывая, я бросаюсь вслед за ними в темный коридор и оказываюсь в просторном, тихом дворе, опоясанном галереями и украшенном затейливыми кружевами машрабий.

ОПАСНЫЙ ДОМ

Дамы исчезли на одной из темных лестниц; я решил было вернуться к воротам, но огромный, мускулистый невольник-абиссинец уже запирает их. Я попытался объяснить ему, что заблудился, считая, что это мой дом, но слова «тайеб» при всей его универсальности оказалось недо-

Дворец Касим-бея в Каире

статочно, чтобы выразить все это. Между тем из дома донесся сильный шум, из конюшни появились удивленные саисы, на террасах второго этажа замелькали красные колпаки, и из главной галереи вышел весьма значительного вида турок.

В подобные минуты самое страшное — потерять дар речи. Я подумал, что многие мусульмане понимают французский язык, по сути, это не что иное, как смесь самых различных слов из многочисленных южных диалектов, которыми пользуются наугад, лишь бы объяснить; это язык мольеровских турок. Я припомнил все свои познания в итальянском, испанском, провансальском, греческом и из всего этого составил весьма учтивую речь. В самом деле, убеждал я себя, мои намерения честны; ведь одна из моих незнакомок наверняка дочь или сестра хозяина. Я женюсь на ней, приму мусульманство. От судьбы не уйдешь...

Впрочем, турок казался весьма добродушным, а его раскормленная физиономия не выражала жестокости. Он хитро подмигнул мне, видя, как я подбираю самые витиеватые слова из тех, что когда-либо звучали под левантинским небом, и сказал, протягивая пухлую руку, унизанную кольцами:

— Милостивый государь, соизвольте зайти, и мы сможем спокойно обо всем потолковать.

О изумление! Этот славный турок оказался таким же французом, как и я. Мы вошли в прекрасную комнату с окнами, выходящими в сад, уселись на дорогом диване. Нам принесли кофе и трубки. Мы начали беседу. Я, как только мог убедительно, объяснил ему, что очутился в его доме по ошибке, полагая, что понаду в один из многочисленных в Каире переходов, которые пересекают большие массивы домов, но по его улыбке понял, что прекрасные дамы уже успели меня выдать. Однако, несмотря на это, очень скоро наш разговор принял дружеский характер. В восточной стране знакомство между соотечественниками завязывается быстро. Хозяин настаивал, чтобы я разделил с ним трапезу, и, когда наступило время обеда, в комнату вошли обе красавицы — его жена и сестра жены. Это были мои незнакомки с черкесского базара, мои соотечественницы — француженки... Вот что было самым обидным! Меня пожурили за прихоть гулять по городу без драгомана и без погонщика ослов; надо мной посмеялись, вспомнив, как я настойчиво преследовал два домино подозрительного вида, под которыми могли скрываться старуха или негритянка. Этот рискованный выбор отнюдь не льстил моим дамам, поскольку черная хабара не столь привлекательна, как покрывало простых крестьянок, и превращает любую женщину в бесформенный сверток, а если подует ветер, то она вовсе становится похожа на полуспущенный воздушный шар.

После обеда, состоящего из французских блюд, меня провели в еще более роскошную комнату со стенами, облицованными расписной фарфоровой плиткой и резными карнизами из кедрового дерева. В середине комнаты бил мраморный фонтанчик; ковры и венецианские зеркала довершали идеал арабской роскоши, но все мое внимание было обращено на ожидавший меня здесь сюрприз: за овальным столом сидели восемь девушек и занимались рукоделом. Они встали, приветствуя меня, а две самые юные подошли поцеловать мне руку; я знал, что в Каире не полагается отказываться от подобного проявления уважения. Но более всего я был изумлен цветом кожи этих внезапно появившихся очаровательных созданий в восточных одеждах — от оливкового до темно-коричневого, а у одной был даже с шоколадным отливом. Возможно, было бы неучтиво с моей стороны, вздумай я процитировать самой бледнокожей из них строчку Гёте: «Ты знаешь

край. где мирт и лавр растут...»¹³. Между тем каждая девушка могла бы считаться красавицей среди мулаток. Хозяйка дома и ее сестра расположились на диване, искренне наслаждаясь моим восхищением. Две девочки принесли ликеры и кофе.

Я был весьма признателен хозяину дома за то, что он ввел меня в свой гарем, но в глубине души все же считал, что француз никогда не сможет стать настоящим турком, ибо тщеславие, которое он испытывает, показывая своих любовниц или жен, всегда возьмет верх над боязнью подвергнуть их искушению. Но я заблуждался: этот очаровательный цветник вовсе не был гаремом, девушки оказались членами семьи. Хозяин принадлежал к тому поколению военных, которое посвятило свою жизнь службе Наполеону. Не желая признавать режим Реставрации, он, как и многие другие славные воины, отправился на Восток и предложил свои услуги местным властителям. Многим из них дали кров Индия и Египет; в обеих странах сохранились прекрасные воспоминания о Франции. Некоторые из эмигрантов приняли религию и образ жизни приютивших их народов. Заслуживают ли они осуждения за это? Большинство этих людей появились на свет во время революции и не знали иной веры, кроме культа теофилантропии и масонства. Мусульманство в тех странах, где его исповедуют, потрясает своим величием даже скептиков. Мой соотечественник совсем молодым поддался чарам своего нового отечества. За усердие и таланты его удостоили титула бея, а его сераль пополнялся красотками из Сеннара, Абиссинии и даже из Аравии, где ему довелось участвовать в освобождении священных городов от ига мусульманских сектантов¹⁴. Позднее, в более зрелом возрасте, он снова столкнулся с европейскими веяниями: взяв в жены прелестную дочку консула, он, как и великий Сулейман¹⁵, женившийся на Роксалане, распустил свой сераль, но детей оставил у себя. Я увидел его дочерей, а сыновья обучались в военных училищах.

Находясь среди такого количества девиц на выданье, я почувствовал, что гостеприимство, оказанное мне в этом доме, таит в себе некоторую опасность, и не осмелился изложить действительное положение вещей, прежде чем не наведу подробнейших справок.

Вечером меня проводили домой, и от этого приключения у меня сохранились самые добрые воспоминания... Но, по правде говоря, стоило ли ехать в Каир, чтобы жениться там на французской девушке?

На другой день Абдулла явился ко мне просить позволения сопровождать англичан до Суэца. Это путешествие должно было продолжаться не более недели, и мне не хотелось лишать его такого прибыльного предприятия. Я предположил, что, вероятно, он был не слишком доволен моим вчерашним поведением. Путешественник, который целый день без сопровождения драгомана бродит по каирским улицам, а затем бог весть где обедает, рискует прослыть самозванцем. На время своего отсутствия Абдулла нашел себе замену — берберийца своих друзей по имени Ибрахим. Этот бербериец (так здесь называют простых слуг) умел кое-как изъясняться на мальтийском языке.

ВАКИЛЬ

Еврей Юсеф, мой рыночный знакомый, являлся теперь ко мне ежедневно, усаживался на диване и, беседуя со мной, совершенствовал свои познания во французском языке.

— Я узнал, — сказал он мне, — что вам нужна женщина, и я нашел для вас вакиля.

— Вакиля?

— Да, это означает посол, посланник¹⁶, в данном случае это честный человек, который должен вести переговоры с родителями невесты. Он приведет их к вам или приводит вас туда.

— О! Но что же это за девушки?

— Девицы честные. В Каире вы не найдете иных с тех пор, как его высочество отослал прочих в Исну, чуть ниже первых порогов.

— Хочется в это верить. Что ж, посмотрим! Приведите ко мне этого вакиля.

— Я его уже привел, он внизу.

Вакиль был слепцом, его сопровождал поводырь, который оказался его сыном, — высокий, крупный мужчина, державшийся очень скромно. Вчетвером мы сели на ослон, и в глубине души я очень веселился, сравнивая слепого с Амуром, а его сына — с Гименеем. Еврей, не раздумывая над этими мифологическими символами, поучал меня дорóгой:

— В Египте можно жениться четырьмя способами: первый — жениться на коптской девушке в присутствии турка...

— Что это за турок?

— Это почтенный духовник, которому вы заплатите, а он прочтет молитву, будет сопровождать вас к кади и исполнит обязанности священника. В этой стране таких людей чтут как святых и все, что они совершают, считается праведным. Им нет дела, какую веру вы исповедуете, если вас не заботит их собственная религия; но на этот брак девушка знатного происхождения никогда не согласится.

— Хорошо, перейдем к следующему.

— Это уже серьезный брак. Вы — христианин, копты — тоже; вас обвенчает коптский священник, хотя для них вы и схизматик, при условии, что вы оставите выкуп этой женщине, если впоследствии разведетесь с нею.

— Очень разумно. А каков выкуп?

— Это зависит от условий. Нужно дать не менее двухсот пиастров.

— Пятьдесят франков! Черт возьми, женюсь, это вовсе не дорого!

— Есть еще третий вид брака — для очень совестливых людей, так принято в добропорядочных семьях. Коптский священник вас обвенчает в соответствии с ритуалом, и отныне вы уже не имеете права развестись.

— О, это уже серьезно. Значит, женившись...

— Постойте, предварительно нужно также оговорить размеры выкупа на случай, если вам вздумается уехать из страны.

— Значит, женщина становится свободной?

— Разумеется, и вы тоже, но до тех пор, пока вы живете в этой стране, вас связывают брачные узы.

— Ну что ж, это звучит достаточно убедительно. Какой же четвертый вид брака?

— Ну, об этом не советую вам даже помышлять. Вас женят дважды — в коптской церкви и во францисканском монастыре.

— Это смешанный брак?

— Это настоящий брак, если вы уедете, вы должны будете взять с собой жену; она последует за вами, возложив на вас заботы о детях.

— Значит, это пожизненно? И помилованию не подлежит?

— Разумеется, есть возможность составить контракт таким образом, чтобы впоследствии признать его недействительным... но, главное, остерегайтесь, чтобы вас не отвели к консулу!

— Стало быть, это будет брак по европейским канонам?

— Именно. Но если у вас есть знакомые при консульстве, нужно постараться, чтобы оглашение о браке не было опубликовано у вас в стране.

Меня удивило, что этот специалист по выращиванию шелковичных червей имел такие познания в вопросах брака, но он сообщил мне, что его часто приглашали участвовать в делах подобного рода, где он выступал в качестве толмача у вакиля, который умел изъясняться только по-арабски. Однако же все эти детали интересовали меня в последнюю очередь.

Мы ехали по коптскому кварталу, примыкающему к площади Эзбекия со стороны Булака, и почти достигли городской окраины. Знакомство с невестой должно было состояться в довольно бедном с виду доме, находившемся в глубине улицы, запруженной торговками травами и жареным мясом. Меня предупредили, что этот дом не принадлежал ни одной из семей, а просто был выбран в качестве нейтральной территории.

— Вы увидите двух невест,— предупредил меня еврей,— но если они вам не понравятся, позовут других.

— Прекрасно, но предупреждаю вас, если они будут в покрывалах, я не женюсь.

— Будьте спокойны, здесь не такие порядки, как у турок.

— У турок есть то преимущество, что они могут вознаградить себя числом жен...

— Нет, это совсем не так...

В комнате с низким потолком сидели трое или четверо мужчин в синих рубахах и, казалось, дремали; однако мне ничего не угрожало, так как поблизости находились городские ворота и охраняющий их караул. По каменной лестнице мы поднялись на внутреннюю террасу. Комната, куда нас провели, выходила на улицу, широкое окно с узорчатой решеткой выступало, как здесь принято, на пол-

Копты

метра от фасада. Из этой комнаты-кладовой была видна вся улица; через боковые переплеты окон можно было наблюдать за прохожими. Обыкновенно здесь сидят женщины и, сами оставаясь невидимыми для посторонних глаз, следят за всем происходящим на улице. Мне предложили сесть, вакиль, его сын и еврей тоже расположились на диванах. Затем вошла коптская женщина в покрывале. Приветствуя нас, она приподняла свою черную буркуа, которая вместе с откинутым назад покрывалом напоминала головной убор евреек. Это была *хатба* (сваха), или, иначе говоря, вакиль женщин. Она сказала мне, что молодые особы заканчивают свой туалет. Тем временем всем принесли кофе и трубки. К нашему обществу присоединился седобородый мужчина в черном тюрбане — коптский священник. Две женщины в покрывалах, — наверное, матери — стояли у дверей.

Дело принимало серьезный оборот, и к моему ожиданию, признаюсь, примешивалось некоторое беспокойство. Наконец появились две девушки и по очереди подошли поцеловать мне руку. Я знаками пригласил их сесть подле меня.

— Пусть стоят, — сказал мне еврей, — это ваши служанки.

Но, как француз, я продолжал настаивать. Еврей обратился к ним и, видимо, объяснил, что таков странный обычай европейцев: женщины сидят в присутствии мужчин. Наконец они уселись по обе стороны от меня.

Их одежда из цветастой тафты и расшитого муслина создавала ощущение какой-то свежести. На голове был надет красный тарбуш, обвитый вуалью из кисеи, из-под которого ниспадали многочисленные банты и шелковые шнуры; гроздь золотых и серебряных монет, по всей видимости фальшивых, полностью скрывали волосы. Однако нетрудно было угадать, что одна из них была брюнеткой, а другая — блондинкой: все возражения были предусмотрены заранее. Первая была «стройна, как кипарис, и черноглаза, как газель», с кожей темноватого отлива; у второй, более утонченной, более женственной, более породистой, кожа, к моему удивлению, была молочно-белой, несмотря на местный климат. По манере держаться можно было подумать, что это какая-то юная принцесса, пленница восточной страны.

Блондинка особенно мне понравилась, и я расточал ей разные нежности, не забывая, впрочем, и ее подругу. Время шло, а я так и не приступал к главному вопросу. Тог-

да хатба велела девушкам встать и обнажила им плечи, постучав по ним рукой, чтобы продемонстрировать их упругость. На мгновение я испугался, как бы этот показ не зашел слишком далеко, и сам пришел в некоторое смущение, глядя, как бедняжки прикрывались прозрачной кисеей.

Наконец еврей спросил у меня:

— На которой вы остановили свой выбор?

— Одна из них весьма мне по нраву, но я хотел бы подумать: нельзя вот так сразу терять голову, я хочу снова увидеть их завтра.

Между тем присутствовавшие ждали от меня более определенного ответа. Хатба и коптский священник торопили с решением. В конце концов я поднялся, пообещав вернуться, но почувствовал, что мне не слишком-то верят.

Во время переговоров девушки вышли. Когда я пересекал террасу, направляясь к лестнице, то заметил девушку, которая мне особенно приглянулась; она подрезала кустарник и, казалось, была поглощена этим занятием. Увидев меня, она встала, улыбаясь, сбросила тарбуш, разметав по плечам золотые косы, слегка отливавшие медью на солнце. Эта последняя, впрочем, вполне дозволенная уловка из арсенала обольщения одержала верх над моей осторожностью, и я попросил передать родственникам девушки, что хочу с ними познакомиться.

— Бог мой,— сказал я любезному еврею, выйдя на улицу,— я охотно бы женился на ней в присутствии турка.

— Мать не захочет, она настаивает на коптском священнике. Это семья писаря, отец умер, а девушка, которой вы отдали предпочтение, была замужем всего один раз, хотя ей уже шестнадцать.

— Как, она вдова?

— Нет, в разводе.

— Ну, это меняет дело.

Тем не менее я послал в качестве подарка материю на платье. Слепой с сыном нашли для меня и других невест. Церемония была одинаковой повсюду, и мне все больше и больше нравилось осматривать коптских девушек, а родители, принимая в подарок ткани или недорогие безделушки, не слишком порицали меня за нерешительность. Одна мать привела свою дочь ко мне домой: она охотно согласилась бы заключить брачный союз в присутствии турка; но, хорошенько все взвесив, я рассудил, что по возрасту этой девице уже давно полагалось быть замужем.

РОЗЕТТСКИЙ САД

Бербериец, которого приискал мне Абдулла, был раздосадован усердием еврея и его вакиля и привел ко мне однажды прекрасно одетого юношу, назвавшегося Мухаммедом, который свободно изъяснялся по-итальянски. Этот юноша предложил мне брачный союз с девушкой благородного происхождения.

— Но в этом случае, — сказал он мне, — вам придется идти к консулу. Эти люди очень богаты, а дочери всего двенадцать лет.

— Она несколько молода для меня, но, кажется, в этой стране только среди девушек такого возраста не рискуешь встретить вдову или разведенную...

— Signor, è verro! (Синьор, это правда!) Они очень хотят познакомиться с вами, ведь вы занимаете дом, где прежде жили англичане, поэтому они о вас очень высокого мнения. Я сказал им, что вы — генерал.

— Но я же не генерал.

— Не все ли равно! Ведь вы не ремесленник и не торговец. Вы ничего не делаете?

— Ничего особенного.

— Здесь это соответствует тому, что вы имеете чин *мирливы* (генерала).

Я уже знал, что в Каире, как и в России, все должности приравниваются к военным чинам. Среди парижских писателей найдутся такие, для которых сравнение с египетским генералом покажется не слишком лестным, я же усматривал в этом лишь восточную склонность к преувеличениям. Мы сели на ослов и направились в сторону Муски. Мухаммед постучал в ворота весьма respectable дома. Дверь открыла негритянка, испуская радостные крики; другая черная рабыня, с любопытством перегнувшись через перила лестницы, стала хлопать в ладоши и громко смеяться; до меня донеслись обрывки разговора, по которым я догадался, что речь шла об обещанном *мирливе*.

На втором этаже меня ждал мужчина в тюрбане из белого кашемира — глава семейства. Он представил мне высокого юношу — своего сына. В то же время в дверях показалась красивая женщина лет тридцати; подали кофе и трубки, и через переводчика я узнал, что хозяин дома родом из Верхнего Египта, поэтому он имеет право носить белый тюрбан. Минуту спустя вошла девушка в сопровождении негритянок, которые остались стоять в дверях; она

взяла у них из рук поднос и принялась потчевать нас вареньем, которое черпала из хрустальной вазы позолоченной ложкой. Девушка была такой маленькой, такой хрупкой, что я не мог представить себе, что ее и впрямь собирались выдавать замуж. Черты ее лица еще не оформились, но она чрезвычайно походила на мать, и нетрудно было вообразить, в какую красавицу она превратится. Она училась в школе франкского квартала и уже немного знала по-итальянски. Это семейство показалось мне весьма почтенным, и мне стало неловко перед этими людьми, что я пришел к ним без серьезных намерений. Мне оказали весьма любезный прием, и я покинул этот дом, пообещав вскоре дать ответ. Тут было над чем хорошенько поразмыслить.

На другой день праздновали еврейскую пасху, которая соответствует вербному воскресенью у христиан. Вместо самшита, как принято в Европе, все христиане несли библейские, то есть пальмовые, ветви, и, выхватывая друг у друга ветки, на улицу высыпала детвора. Чтобы попасть во франкский квартал, я пересек Розеттский сад — самое приятное в Каире место для прогулок. Это цветущий оазис среди пыльного города, на границе коптского квартала и квартала Муски. По одну сторону находятся дома иностранных консулов и доктора Клот-бея, по другую — тянущиеся вдоль тупиковой улицы Вэгхорн дома франков, а меж ними простирается довольно большой сад с финиковыми пальмами, апельсиновыми деревьями и смоковницами.

Нелегко найти дорогу в этот таинственный Эдем, ведь туда нет входа. Нужно пройти через дом сардинского консула, дав за это его слугам несколько парá¹⁷, и тогда оказываешься среди садов и огородов, принадлежащих соседним домам. Вьющаяся меж ними тропинка приводит к небольшой ферме, обнесенной оградой, за которой разгуливают жирафы — за ними ухаживают нубийские слуги доктора Клот-бея. Дальше, слева от дороги, тянутся заросли апельсиновых деревьев, справа — плантация финиковых пальм, между которыми посеян маис. Затем дорога делает резкий поворот, и взору открывается поляна, окруженная растущими вперемежку пальмами и банановыми деревьями с продолговатыми ярко-зелеными листьями. Тут же сооружена беседка на высоких сваях, под которой устроен квадратный бассейн, вокруг него в поисках прохлады часто сидят группы женщин: по пятницам — это плотно закутанные в покрывала мусульманки, по суббо-

там — еврейки, по воскресеньям — христианки. Два последних дня покрывала не отличаются большой строгостью. Рабы расстилают ковры возле бассейна и приносят фрукты и сласти. Прохожий может смело зайти в беседку, не опасаясь что женщины обратятся в поспешное бегство, возмущенные нескромностью его поведения; правда, такое иногда случается по пятницам.

Я проходил мимо, внезапно меня окликнул веселый молодой человек приятной наружности, в котором я узнал брата последней из моих претенденток. Я был один. Он делал мне какие-то знаки, которых я не понял, и изобразил целую пантомиму, приглашая меня войти в беседку.

Десять минут спустя открылась калитка садика, при-мыкающего к одному из соседних домов, и оттуда показались две женщины в сопровождении юноши, они сели у бассейна и подняли покрывала. Это оказались его мать и сестра. Их дом, который я посетил третьего дня, выходил в этот зеленый уголок. Обменявшись почтительными приветствиями, мы принялись разглядывать друг друга и произносить первые пришедшие в голову слова, потешаясь над взаимным непониманием. Девочка молчала, наверное из робости, но, вспомнив, что она знала по-итальянски, я попытался произнести несколько слов, и она отвечала с гортанным акцентом арабов, из-за чего наш разговор протекал не слишком успешно.

Я старался уловить ту особенность, которой было отмечено сходство обеих женщин. Дочь казалась миниатюрной копией матери. Еще не сформировавшиеся черты ребенка были четко обозначены на лице женщины; можно было предугадать, что, по мере того как девочка станет развиваться, будет отраднo наблюдать за расцветом ее красоты. Рядом лежала недавно поваленная ветром пальма, ее корни были погружены в бассейн. Я указал на пальму и сказал:

— Oggi è il giorno delle palme (Сегодня день пальмы) ¹⁸.

Впрочем, праздники коптов, соответствуя старому церковному календарю, не совпадают с нашими. Однако девочка подошла, обломив ветку и, держа ее в руке, произнесла:

— Io così sono Roumi (Я ведь римлянка).

По мнению египтян, все франки — римляне ¹⁹. Я мог принять эти слова за комплимент или за намек на предстоящую свадьбу... О узы брака, о Гименей! В этот день

я увидел тебя совсем близко. Однако, по нашим, европейским представлениям, ты лишь младший брат Амура. Впрочем, до чего, наверное, приятно наблюдать, как растет и развивается подле тебя избранная тобой супруга, как радостно сперва заменить ей отца, а затем стать ее возлюбленным! Но какая опасность подстерегает мужа!

Выйдя из сада, я почувствовал настоятельную потребность спросить совета у своих каирских друзей. И решил отправиться к Сулейману-аге. «Женитесь, бога ради», — сказал он мне, как Пантагрюэль Панургу. От него я пошел к художнику в отель «Домерг», и тот прокричал мне, как все глухие:

— Если перед консулом... тогда не женитесь!

Что ни говори, но на Востоке над европейцем всегда довлеют религиозные предрассудки, особенно если речь идет о серьезном деле. Жениться по-коптски, как говорят в Каире, дело нехитрое, но брак с девочкой, которую отдают вам в жены, все же накладывает определенные обязательства, пусть даже иллюзорные... Это серьезная моральная ответственность.

Пока я предавался размышлениям над этим деликатным вопросом, из Суэца воротился Абдулла, которому я и изложил суть дела.

— Я ничуть не сомневался, — вскричал тот, — что, воспользовавшись моим отсутствием, вас заставят наделать глупостей. Я знаю это семейство. Вы справлялись о приданом?

— К чему это? Я знаю, что обычно в Каире приданое невелико.

— Речь идет о двадцати тысячах пиастров (пять тысяч франков).

— Я так и думал.

— Как! Но ведь заплатить их должны будете вы!

— Тогда это меняет дело... Значит, вместо того чтобы получить приданое, я должен буду принести его сам?

— Разумеется. Разве вы не знали, что таков местный обычай?

— Но мне говорили о европейской свадьбе...

— Свадьба свадьбой, но деньги платят в любом случае. Это небольшая компенсация семье.

Теперь я понял, почему родители в этой стране так торопятся выдать замуж своих малолетних дочерей. На мой взгляд, нет ничего справедливее признать, отдавая родителям деньги, тот нелегкий труд, который совершили эти славные люди, родив и воспитав для вас грациозное и кра-

сивое дитя. Оказывается, приданое, или, правильное говоря, выкуп (я уже назвал выше его минимальную сумму), зависит от красоты невесты и от положения ее родителей. Добавьте к этому расходы на свадьбу, и вы поймете, что брак по-коптски ко всему прочему дорогостоящая затея. Я весьма сожалел, что последний из предложенных мне браков оказался на сей раз выше моих финансовых возможностей. А по мнению Абдуллы, за ту же цену на базаре невольников я мог бы купить себе целый сераль.

II. НЕВОЛЬНИЦЫ

ВОСХОД СОЛНЦА

Какие неожиданности преподносит нам жизнь! Каждое утро, еще не очнувшись от сна, пока разум постепенно вытесняет фантастические ночные видения, я ощущаю, что для меня, истинного парижанина, было бы естественно, разумно и привычно пробудиться под серым небом от грохота колес по мостовой в какой-нибудь унылой комнате с громоздкой мебелью, где воображение бьется о стекла, словно попавший в плен мотылек. И каждое утро я испытываю все большее удивление, когда, просыпаясь за тысячу лье от родины, медленно вбираю в себя еще не осознанные впечатления от мира, являющего собой полную противоположность нашему. Голос турка, поющего на минарете соседней мечети; звон колокольчика и тяжелая поступь верблюда, проходящего мимо окон, а иногда его оглушительный рев; неясный шорох и свист, от которых оживают и дерево, и камень, и сам воздух; торопливая зоря, повторяющая на потолке прихотливое кружево оконных решеток; утренний ветер, несущий пряные ароматы, приподнимающий занавеску над дверью, позволяя увидеть колышущиеся кроны пальм над оградой,— все это изумляет и наполняет меня восторгом или... печалью, смотря по настроению. Я не возьмусь утверждать, что вечное лето делает жизнь неизменно радостной. Черное солнце меланхолии, роняя мрачные блики на чело грезящего ангела работы Альбрехта Дюрера²⁰, восходит порою не только над яркими долинами Нила, но и над берегами Рейна, среди холодных ландшафтов Германии. И хотя на Востоке не бывает туманов, дневной свет застилает унылая пелена пыли.

Изредка я поднимаюсь на террасу своего дома в коптском квартале, чтобы увидеть первые лучи солнца, озаряющие равнину Гелиополя и склоны аль-Мукаттама, где между Капром и Матарией раскинулся Город мерт-

вых. Что за прекрасное зрелище! Солнце понемногу расцвечивает купола и изящные арки надгробий, воздвигнутых в память о трех династиях халифов, суданов и султанов, которые правили Египтом с 1000 года. Уцелел лишь один обелиск разрушенного храма Солнца, он один, словно забытый часовой, стоит на равнине, возвышаясь в чаще пальм и смоковниц, притягивая к себе взоры бога, которому некогда поклонялись у его подножия.

У зари в Египте нет тех изумительных алых оттенков, которыми любишься на Кикладах или на побережье Кандии; лишь зыбкий свет предвещает появление солнца, которое неожиданно загорается на краю неба; иногда кажется, что оно бессильно сбросить свой тяжелый сероватый саван, и оно предстает бледным, лишенным лучей, словно Осирис из подземного царства; его бесцветные отблески наполняют унынием тусклое небо, которое становится похоже на затянутое тучами небо Европы, но, вместо того чтобы исторгнуть дожди, оно вбирает в себя всю влагу.

Густая пыль, заволакивающая горизонт, никогда не превращается в облака, несущие свежесть, подобно нашим туманам: красному диску солнца, достигшего зенита, словно вышедшему из ливийской кузницы бога Птаха, с трудом удается пробиться сквозь пепельно-серую пелену. В такие минуты начинаешь понимать, откуда эта глубокая грусть, пронизывающая воспоминания о древнем Египте, это вечное обращение к страданиям и могилам, запечатленное в памятниках. Именно Тифон на какое-то время берет верх над милостивыми богами: он разъедает глаза, иссушает легкие, насылает тучи насекомых на поля и сады.

Они летят, словно посланцы смерти и голода, и все вокруг становится черно; сперва я принял их за стаи птиц, потому что ни разу в жизни не видел ничего подобного. Абдулла, поднявшийся вместе со мной на террасу, описал в воздухе круг своим длинным чубуком, и две или три саранчи упали на пол. Он покачал головой, разглядывая этих зелено-розовых насекомых, и сказал мне:

— Вы никогда их не пробовали?

Я не смог удержаться от брезгливого жеста при мысли о подобном кушанье, однако говорят, что, если у саранчи оторвать крылья и лапки, по вкусу она напоминает океанских креветок.

— Как только ее не используют в пустыне! — сказал Абдулла. — Ее жарят, солят, и тогда она чем-то напоми-

нает копченую сельдь, а вместе с отварным просом получается изысканное блюдо.

— Кстати, нельзя ли будет готовить мне дома какие-нибудь блюда египетской кухни? — спросил я. — Крайне утомительно дважды в день ходить в отель.

— Вы правы, — сказал Абдулла, — нужно нанять вам повара.

— А разве бербериец ничего не умеет?

— Ничего. Он взят сюда, чтобы открывать дверь и содержать дом в чистоте, вот и все его обязанности.

— Ну а вы сами не могли бы разжечь огонь и приготовить что-нибудь из куска мяса?

— Это я-то? — вскричал Абдулла, глубоко оскорбленный. — Нет, месье, я не умею делать ничего подобного.

— Очень обидно, ведь мы могли бы сегодня пообедать саранчой, — пошутил я, — но, говоря серьезно, я хотел бы питаться дома. В городе много мясных лавок, продаются фрукты, рыба... Не могу понять, разве мое желание невыполнимо?

— Да нет ничего проще: возьмите повара. Но учтите, европейский повар будет вам стоить талер в день. Даже сами беи, паши, да и владельцы отелей не всегда могут найти для себя таких поваров.

— Мне нужен такой, который готовил бы местные кушанья.

— Прекрасно! Мы найдем такого повара у месье Жана. Это ваш соотечественник, он содержит кабачок в коптском квартале, и у него собираются все те, кто сейчас не у дел.

МЕСЬЕ ЖАН

Месье Жан — один из доблестных обломков нашей египетской армии²¹. Он был в числе тех тридцати французов, которые после поражения пошли на службу к мамлюкам.

В течение нескольких лет у него, как и у всех остальных, был свой дворец, жены, лошади, рабы; во время истребления этого могучего воинства его, как француза, пощадили, но пришлось вернуться к гражданской жизни, и все его богатство вскоре пошло прахом. Он задумал открыть кабачок и торговать там вином, в то время еще неизвестным в Египте, поскольку христиане и евреи употребляли лишь водку, *арак* и *бузу* — разновидность пива. С тех пор

вина, завезенные с Мальты, из Сирии и с островов Архипелага, составляют конкуренцию этим алкогольным напиткам, а каирские мусульмане, по-видимому, не особенно негодуют из-за подобного новшества.

Месье Жан одобрил мое решение отказаться от отеля, но, сказал он мне, вам придется преодолеть много трудностей, если будете содержать дом. В Каире нужно иметь столько слуг, сколько существует видов деятельности в домашнем хозяйстве. Каждый слуга из самолюбия будет заниматься только одним делом, к тому же все они так ленивы, что в этом даже нельзя усмотреть какого-либо расчета. Любая сложность утомляет их или вообще ускользает от их внимания; многие слуги могут даже бросить вас, как только получают достаточно денег, чтобы провести несколько дней в полном безделье.

— Как же поступают местные жители?

— Они позволяют слугам действовать как им заблагорассудится и для каждого дела нанимают двух-трех человек. У эфенди всегда есть секретарь (*кятиб ас-сирр*), казначей (*хазандар*), слуга, чтобы набивать трубку (*чубукджи*), *силяхдар*, чтобы носить за ним оружие, *серраджбаши*, чтобы вести лошадь, *кафеджибаши*, чтобы готовить ему кофе, где бы он ни остановился, не считая *ямагов*, которые должны всем прислуживать. В самом же доме нужны другие слуги, потому что портье не захочет заниматься уборкой квартиры, а повар не будет варить кофе; нужен даже специальный водонос. Вместе с тем, когда вы будете платить им пиастр или полтора в день, то есть от двадцати пяти до тридцати сантимов, все эти бездельники будут смотреть на вас как на великодушнейшего господина.

— И все-таки,— возразил я,— эти расходы не составляют тех шестидесяти пиастров, которые нужно ежедневно платить за отель.

— Но содержать дом так хлопотно для европейца! Ни один не выдерживает.

— Попробую. Это весьма поучительно.

— Вам будут готовить ужасную еду.

— Зато я познакомлюсь с местной кухней.

— Придется завести счетные книги и торговаться по любому пустяку.

— Таким образом я выучу язык.

— Что ж, попробуйте, я пришлю вам самых честных слуг, а вы выберете.

— Они что, все склонны к воровству?

— По большей части просто жулье,— сказал мне старый вояка, вспомнив солдатский язык,— на воровство у египтян... просто духу не хватит.

Я нахожу, что европейцы слишком презирают несчастный египетский народ. Франки из Каира, которые пользуются теми же привилегиями, что и турки, разделяют этот предрассудок. Этот народ беден, безусловно, невежествен и привык к унижениям за годы рабства. Египтяне предпочитают созерцать, нежели действовать; они скорее сообразительны, чем предприимчивы; но мне они кажутся добрыми и по характеру напоминают индусов — может быть, из-за того, что тоже употребляют почти исключительно растительную пищу.

Простившись с месье Жаном, я пересек площадь Эзбекья, чтобы попасть в отель «Домерг». Площадь широко раскинулась между городской стеной и первой линией домов коптского и франкского кварталов, со множеством прекрасных дворцов и отелей. Особенно знамениты два дома: один, где был убит Клебер, и другой, где происходили заседания Египетского института. Небольшая роща из смоковниц и фиговых деревьев связана с именем Наполеона, потому что была посажена по его приказу. Во время паводка вся эта площадь бывает залита водой и ее бороздят небольшие лодки и раскрашенные и раззолоченные джермы, принадлежащие владельцам соседних домов. Это ежегодное превращение городской площади в озеро не мешает тому, что в остальное время года здесь разбивают бахчи, огороды, сады и прорывают каналы. Я видел там множество феллахов, занятых рытьем каналов; мужчины копали, а женщины уносили землю в корзинах из рисовой соломы. Среди женщин были совсем юные девушки, одетые в синие рубахи, а девочки до восьми лет бегали голые, как это принято в деревнях по берегам Нила. Надзиратели с палками в руках наблюдали за работой и изредка осыпали ударами менее проворных. Всеми же командовал человек, по-видимому военный, в красном тарбуше, с кавалерийской саблей на боку, в грубых сапогах со шпорами, в руках он держал плетень, свитую из кожи гиппопотама. Она предназначалась для благородных плеч надзирателей, как их палки — для спин феллахов.

Заметив, что я остановился и смотрю на несчастных девушек, согнувшихся под тяжестью корзин с землей, надзиратель обратился ко мне по-французски. Оказалось, что это еще один мой соотечественник. Меня вовсе не приводили в умиление удары палками, которые надзирате-

ли — хотя и довольно вяло — раздавали мужчинам: в Африке на этот счет совсем иные, чем у нас, взгляды.

— Но почему же, — спросил я, — нужно заставлять работать этих женщин и детей?

— Их никто к этому не принуждает, — ответил мне надзиратель-француз, — просто их отцы или мужа предпочитают, чтобы они работали у них на глазах, а не ходили одни по городу. Они зарабатывают от двадцати пара до пиастра в зависимости от выносливости. Один пиастр (двадцать пять сантимов) обычно платят мужчинам за день.

— Но почему некоторые мужчины закованы в цепи? Это каторжники?

— Это бездельники, они предпочитают спать или сидеть в кофейнях и слушать всякие истории, чем приносить пользу.

— На что же они живут?

— Здесь, на Востоке, нужно так немного! Ведь при необходимости они всегда могут украсть где-то в полях или в садах овощи или фрукты. Правительство затрачивает немало усилий, чтобы осуществить самые необходимые работы, но когда дело и впрямь не терпит отлагательств, войскам приказывают оцепить квартал или перегородить улицу, и всех прохожих задерживают, связывают и приводят к нам, вот и все.

— Как! Всех без исключения?

— Разумеется, всех, однако почти каждый из задержанных может каким-то образом освободиться. Турки и франки заметно выделяются из толпы. Ну а что касается остальных, то те, у кого есть деньги, откупаются от принудительных работ; а других освобождают их хозяева или начальники. Оставшихся же разбивают на группы, и они работают в течение нескольких недель или нескольких месяцев в зависимости от объема работ.

Что сказать обо всем этом? В Египте все еще царят нравы средневековья. Только раньше отработки делались в пользу мамлюкских беев, теперь же паша — единственный хозяин. Падение мамлюков привело лишь к отмене личной зависимости, только и всего.

ХАВАЛИ

Отобедав в отеле, я отправился в одну из самых красивых кофейен на улице Муски. Там я впервые увидел, как танцуют альмеи. На мой взгляд, сцене недоставало декораций.

Подобные кафе в псевдовосточном стиле встречаются только в Париже. Представьте себе убогую лавчонку, беленную известью, где вместо арабесок на стенах без конца повторяется один и тот же рисунок: часы, стоящие на лугу между двумя кипарисами. Остальное убранство состоит из зеркал, тоже нарисованных на стене, которые как бы отражают отблески, падающие от масляных ламп, прикрепленных к пальмовой жерди, вечером это создает довольно необычный эффект.

Около жестких деревянных диванов, расставленных вдоль стен, стоят пальмовые скамейки, служащие подставкой для ног курильщикам, которым время от времени приносят уже упоминавшиеся мною изящные крохотные чашечки (*финджан*). Именно здесь феллах в синей рубашке, копт в черном тюрбане или бедуин в полосатом плаще сидят на диванах рядом с франками, не испытывая ни удивления, ни неприязни. *Кафеджи* знает, что франкам в кофе нужно класть сахар, и вся компания посмеивается над этой странностью. Один из углов кофейни занимает плита — самое дорогое убранство. Ниша над плитой выложена расписными фаянсовыми плитками и отделана гирляндами, раковинами и чем-то еще, с виду напоминающим немецкие сковородки. Плита всегда заставлена огромным количеством кофейничков из красной меди, каждый из которых рассчитан только на одну чашечку величиной не более яичной скорлупки.

Вот в облаках табачного дыма появились альмеи. Они поразили меня блестящими тубетейками на заплетенных в косы волосах. Они притопывали каблучками, отбивая ритм; на поднятых вверх руках позвякивали колокольчики и браслеты, они сладострастно покачивали бедрами, а под прозрачным муслином между кофточкой и роскошным, спадающим на бедра, как у Венеры, поясом виднелась полоска обнаженного тела. Эти обворожительные особы так быстро кружились, что было почти невозможно разглядеть их лица.

Они ударяли в маленькие цимбалы, размером не более кастаньет, звуки которых почти заглушала примитивная мелодия, выводимая флейтой и тамбурином. Две гордые альмеи, с восточными глазами, подведенными кохлем, со свежими, слегка нарумяненными щеками, были очень красивы, но зато третья — третья явно принадлежала к иному, не столь нежному полу, о чем свидетельствовала недельная щетина на «ее» лице. После того как закончился танец, я сумел лучше разглядеть лица и двух

первых и убедился в том, что перед нами были альмеи... мужского пола.

Вот вам сюрпризы Востока! А я-то чуть было не проникся поспешной страстью к этим «прелестным созданиям» и уже готов был прилепить им на лоб по несколько золотых монеток согласно одной из самых невинных восточных традиций... Меня могут счесть расточительным, но спешу объяснить: существуют золотые монеты — *гази* — достоинством от пятидесяти сантимов до пяти франков. Разумеется, зрители выбирают самые мелкие монеты, чтобы покрыть лица танцовщиц своеобразной золотой маской, когда, проделав изящные па, они склоняют перед каждым свой влажный лоб; но эти простые танцовщики, переодетые женщинами, не заслуживали подобной церемонии, им можно было просто бросить несколько пара.

В самом деле, египетская мораль весьма своеобразна. Еще недавно танцовщицы могли свободно ходить по городу, вносили оживление в праздники и доставляли удовольствие посетителям казино и кофеен. Сегодня они имеют право выступать лишь на торжествах в частных домах, и поборники морали считают более пристойным, чтобы эти танцы исполняли женоподобные длинноволосые мужчины, чьи обнаженные руки, тело и грудь являют собой плачевную пародию на прелести полуобнаженных танцовщиц.

Я называю этих танцовщиц в своем рассказе альмеями, делая тем самым уступку европейскому словоупотреблению. На самом же деле танцовщицы называются здесь *газийя* (мн. ч. *гавазии*), а альмея (по-арабски более точно *алима*, во мн. ч. *авалим*) — это певица. Что же касается танцовщиков, которых признает мусульманская мораль, им именуют хавали.

Выйдя из кофейни, я снова пересек узкую улицу, направился к тупику Вэгхорн, а оттуда в Розеттский сад. Меня окружили торговцы одеждой, разложили передо мной роскошные костюмы с вышивкой, пояса из золотой парчи, оружие с серебряной инкрустацией, тарбуши, отделанные шелком по последней константинопольской моде, — все те вещи, которые пробуждают в мужчине чувство кокетства, присущее женщинам. Если бы я мог увидеть свое отражение в одном из зеркал кофейни, которые, увы, лишь нарисованы на стене, я бы, возможно, с удовольствием примерил что-нибудь из этих одежд, ибо решительно собирался завести себе восточный костюм. Но сначала следовало подумать о меблировке дома.

Я возвращался к себе, погруженный в эти раздумья; я давно отослал драгомана, чтобы он ждал меня дома, теперь я уже мог сам найти дорогу. Мой дом был полон посетителей: прежде всего меня ждали повара, присланные месье Жаном, они собрались в цокольном этаже под холлом, неторопливо курили и пили кофе; на втором этаже, наслаждаясь кальяном, расположился еврей Юсеф, а на террасе тоже раздавались чьи-то голоса. Я разбудил драгомана, который предавался *кейфу* (послеобеденному отдыху) в дальней комнате. Он закричал как человек, доведенный до отчаяния:

— Я же говорил вам утром!

— Что?

— Что вы не должны находиться на террасе.

— Вы мне сказали, что туда следует подниматься лишь ночью, чтобы не беспокоить соседей.

— Но вы оставались там до восхода солнца.

— Ну и что?

— Как ну и что? Там наверху рабочие, которым вы должны будете заплатить, шейх квартала прислал их час назад.

И впрямь, я застал там мастеровых по изготовлению решеток, они заняли целый угол террасы.

— С той стороны, — пояснил мне Абдулла, — дом одной ханум (знатной дамы), она жалуется, что вы к ней заглядывали.

— Увы, я ее не видел.

— Но она вас видела, этого довольно.

— А сколько же лет этой даме?

— Она вдова, ей не меньше пятидесяти.

Это показалось мне столь нелепым, что я выломал и выбросил вниз прутья, которыми рабочие уже обнесли террасу; весьма удивленные, те молча разошлись, потому что никто в Каире, если только не принадлежит к турецкой расе, не осмелится противоречить франку. Драгомаг и еврей покачали головами, ни слова не говоря. Я велел позвать поваров и нанял одного, показавшегося мне смысленнее других. Это был черноглазый араб по имени Мустафа; казалось, он остался весьма доволен обещанной мною платой — полтора пиастра в день. Другой повар тут же предложил помогать Мустафе всего за один пиастр, но я решил, что мне не по карману увеличивать расходы по содержанию дома.

Я слушал еврея, который развивал передо мной свои идеи о выращивании тутовых деревьев и шелковичных червей, когда в дверь постучали. Это был старый шейх, он привел обратно рабочих. Он сказал мне, что я компрометирую его как шейха, что проявил черную неблагодарность, тогда как он любезно сдал мне дом. И добавил, что ханум была в ярости, особенно когда я сбросил в ее сад прутья решетки со своей террасы, и что она собирается пойти с жалобой к кади.

Я понял, что меня ждут разного рода неприятности, и постарался оправдать себя незнанием местных нравов, уверяя шейха, что ничего не видел, да и не мог бы увидеть, поскольку страдаю сильной близорукостью.

— Если бы вы знали,— сказал он мне,— как здесь все опасаются, чтобы чьи-либо нескромные глаза не заглянули в их сад или во двор; даже для возглашения призыва на молитву с высоты минарета стараются выбирать слепых старцев.

— Мне это известно,— сказал я.

— Согласно правилам приличия вашей жене следует нанести визит ханум и сделать ей какой-нибудь подарок — носовой платок или безделушку.

— Но знаете ли,— сказал я в полной растерянности,— я пока что...

— *Машалла!* — вскричал шейх, ударив себя по лбу.— Я об этом совсем забыл! Что за наказание иметь у себя в квартале франков! Я дал вам неделю, чтобы вы поступили согласно закону. Если бы вы были мусульманином, то без жены вы не имели бы права жить нигде, кроме *оке-ля* (караван-сарая).

Я постарался, как умел, успокоить его, напомнив, что у меня еще есть два дня из предоставленного им срока; по правде говоря, я стремился выиграть время и удостовериться в том, что здесь не кроется обмана, дабы выудить из меня дополнительную сумму сверх того, что отдано вперед за дом. И после ухода шейха я твердо решил отправиться к французскому консулу.

ВИЗИТ К ФРАНЦУЗСКОМУ КОНСУЛУ

В путешествиях я стараюсь, если это возможно, не прибегать к рекомендательным письмам. В тот день, когда в городе становится известно о вашем приезде, увидеть что-либо уже невозможно. Наши соотечественники соглас-

но светским приличиям даже на Востоке ни за что не осмелятся ни появиться в местах, которые считаются неподобающими для европейцев, ни разговаривать на людях с представителем низшего класса, ни прогуливаться в определенное время дня одетыми не столь тщательно, как подобает. Мне всегда очень жаль этих чопорных, безукоризненно причесанных, затянутых в перчатки джентльменов, которые опасаются слиться с толпой, чтобы рассмотреть какую-либо любопытную подробность местного колорита, танец или церемонию, боятся показаться в кофейне или в таверне, остерегаются пойти вслед за женщиной или побрататься с восторженным арабом, который от всего сердца готов предложить вам свою длинную трубку, угостить вас кофе возле дверей своего дома, как только вы остановитесь там из любопытства или от усталости. Особенно безупречны в этом отношении англичане, и всякий раз, когда я вижу их на улицах, то веселюсь от всей души. Представьте себе господина, сидящего верхом на осле так, что его длинные ноги почти касаются земли. Его круглая шляпа обтянута белым хлопчатобумажным пике. Это новшество предназначено для защиты от палящих лучей солнца, которые якобы поглощаются подобным головным убором, сделанным наполовину из фетра, наполовину из обивочной ткани. На глаза у этого джентльмена водружено приспособление, напоминающее с виду ореховые скорлупки в синей стальной оправе, чтобы уменьшить отражение света с земли и от стен; поверх костюма он носит зеленую женскую накидку от пыли. А на резиновый плащ надет еще сюртук из клеенки, чтобы защитить его владельца от чумы и опасных контактов с прохожими. В руках, затянутых в перчатки, он держит длинную палку, которой отталкивает от себя всякого подозрительного араба; как правило, англичанин выходит из дома лишь в сопровождении грума и драгомана.

Правда, познакомиться с подобными карикатурными персонажами удастся нечасто, ведь англичанин никогда не заговорит с тем, кто ему не представлен; увы, немало наших соотечественников тоже живут на английский манер, но, как только вас познакомят с этими любезными путешественниками, все кончено — вам уже не избежать общения с ними. И тем не менее я в конце концов решил и разыскал на дне чемодана рекомендательное письмо к нашему генеральному консулу, который в то время жил в Каире. В тот же вечер я ужинал у него, к счастью, в трапезе не участвовали ни англичане, ни другие европей-

пы. Там были только доктор Клот-бей, живущий по соседству с консульством, и месье Любер, бывший директор Сперы, ставший историографом египетского паши.

Эти два господина, или, если хотите, эфенди (это титул всякого человека, подвигающегося в области науки, литературы или на любом другом гражданском поприще), свободно себя чувствовали в восточной одежде. Сверкающая звезда — орден Нишан — украшала грудь и того, и другого, и было бы нелегко отличить их от остальных мусульман. Бритые головы, борода, чуть смуглый оттенок кожи, который можно приобрести лишь в южных странах, быстро превращают европейца в обыкновенного турка.

Я с волнением просмотрел французские газеты, разложенные на диване. Как странно устроен человек! Читать газеты на родине папируса и иероглифов! Или как, например, мадам де Сталь, сидя на берегу Женевского озера, вспоминать ручеек на улице Бак!

Во время ужина мы обсуждали весьма серьезное дело, которое взбудоражило все франкское общество. Один разорившийся француз, работавший здесь в услужении, решил перейти в мусульманство, и, что самое неприятное, его жена также склонялась к принятию ислама. Окружающие всеми силами старались замять скандал: франкское духовенство принимало эту историю близко к сердцу, но мусульманское во что бы то ни стало решило одержать верх. Первые предлагали неверной чете деньги, хорошее место и всевозможные блага; вторые говорили мужу: «Что бы ты ни делал, будучи христианином, ты всегда останешься тем, кто ты есть: это твой предел, в Европе еще ни разу лакей не становился господином. У нас же последний слуга, раб, поваренок может стать эмиром, пашой, министром или жениться на дочери султана: возраст не помеха; стремление быть первым оставляет нас только на смертном одре». Бедняга, вероятно наделенный некоторым честолюбием, поддался на эти уговоры. Перед женой открывались столь же блестящие перспективы: она сразу же могла стать кадиной, то есть сравняться со знатными дамами, которые вправе презирать всех христианок и евреек, носить черную хабару и желтые бабуши, разводиться с мужьями и, что самое заманчивое, выйти замуж за знатного человека, получить наследство, владеть землей, что запрещено *гяурам*, не говоря уже о том, что ей могло бы посчастливиться стать фавориткой принцессы или матери султана, правящей страной из глубины сераля.

Вот такая двойная перспектива открывалась перед этими бедолагами, и надо признаться, что по воле случая или благодаря своему природному уму представители низших классов независимо от своего прошлого, образования или происхождения действительно могут достичь больших высот, что свидетельствует о наличии там подлинного равенства, которое у нас в стране записано лишь в своде законов. На Востоке даже перед преступником, если он искупил свою вину, открыты все дороги: в отношении его нет никаких моральных предубеждений. И все-таки, несмотря на все соблазнительные стороны турецкого закона, вероотступничество здесь случается крайне редко. Свидетельство тому — та важность, которую придавали изложенному выше делу. Консулу пришла в голову мысль похитить супругов ночью и погрузить их на французский корабль. Но как перевезти их из Каира в Александрию? Нужно пять дней плыть по Нилу. Если же запереть их в закрытой барке, то крики могут услышать на берегу. В турецкой стране переход в другую веру — единственный случай, когда власть консула не распространяется на соотечественников.

— Но зачем нужно выкрадывать этих несчастных? — спросил я у консула. — Разве вы имеете на это право согласно французским законам?

— Да имею. В морском порту у меня не было бы никаких трудностей.

— Ну а если у них есть какие-то религиозные мотивы?

— Оставьте! Разве кто-нибудь вот так, ни с того ни с сего становится турком?

— Но ведь у вас здесь есть европейцы, надевшие тюрбан?

— Это высшие должностные лица у паши, которые иначе не могли бы получить заслуженных ими чинов и управлять мусульманами.

— Мне все же хотелось бы думать, что у большинства из них обращение в ислам было искренним, иначе в подобном паге можно было бы усмотреть лишь корыстные побуждения.

— Я полностью разделяю ваше мнение, и именно поэтому, прибегая к данной нам власти, мы стремимся сделать все возможное, чтобы французский подданный не отрекался от своей веры, если, конечно, речь идет не о каких-то исключительных обстоятельствах. В нашей стране церковь отделена от государства; у мусульман же они составляют одно целое. Тот, кто принимает мусульманство,

становится турецким подданным и теряет свое гражданство. И мы уже не в состоянии воздействовать на него; с этого времени он подчинен палке и сабле; если он вернется в христианство, то по турецким законам его приговорят к смертной казни. Становясь мусульманином, человек теряет не только веру, вместе с ней он теряет имя, семью, родину. Он становится совсем другим человеком — турком. Вот видите, как все это серьезно.

Тем временем консул угощал меня великолепными греческими и кипрскими винами, тонкие отличия между ними я едва улавливал из-за весьма ощутимого привкуса смолы, который, по мнению консула, говорил о подлинности этих вин. Требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к этим эллинским изыскам, необходимым, наверное, для хранения настоящей мальвазии, командорского (кипрского) или тенедросского вина.

Наконец выдался удобный момент, и я попросил совета относительно моего положения. Я поведал историю моих несостоявшихся браков, рассказал о своих скромных приключениях.

— Я вовсе не намерен, — добавил я, — строить из себя соблазителя. Я приехал в Каир работать, изучать местные нравы, знакомиться с прошлым. И вот выясняется, что здесь невозможно жить даже на шестьдесят пиастров в день, что, признаюсь, нарушает мои планы.

— Поймите, — сказал мне консул, — что в городе, где набобы встречаются с лордами и где иностранцы проводят лишь считанные месяцы в году на пути в Индию, три или четыре местных отеля легко договариваются между собой, чтобы взвинтить цены и исключить всякую конкуренцию.

— Поэтому-то я и снял дом на несколько месяцев.

— Это самое разумное.

— А теперь меня хотят оттуда выставить под тем предлогом, что я не женат.

— Они имеют на это право. Месье Клот-бей уже описал подобный случай. Месье Уильям Лэйн, английский консул, рассказывает в своей книге, что тоже подчинился этой необходимости. Более того, прочитайте труды Майе, генерального консула при Людовике XIV, и вы увидите, что в его время все обстояло точно так же. Вам следует жениться.

— Я отказался от этой мысли. Последняя женщина, которую мне предлагали в жены, затмила собой остальных, но, увы, на нее мне не хватает приданого.

— Это другое дело.

— Рабыни стоят дешевле: мой драгоман посоветовал мне купить рабыню и поселить ее в доме.

— Отличная мысль.

— Таким образом закон будет соблюден?

— Неукоснительно.

Разговор на эту тему продолжался, и я был, право, удивлен, с какой легкостью дозволено христианам в турецкой стране покупать себе рабов. Мне объяснили, что это относится только к цветным рабыням, хотя можно найти абиссинку с почти белой кожей. У большинства купцов, обосновавшихся в Каире, есть такие рабыни. Месье Клотбей обучает их ремеслу повитух. Мне привели еще один убедительный довод, что это право европейцев никем не оспаривается: одна черная рабыня сбежала из дома месье Любера, ее вернула полиция.

Я выслушивал подобные рассказы с некоторым удивлением, так как еще не успел отвыкнуть от европейских предрассудков. Однако достаточно совсем немного прожить на Востоке, чтобы понять, что рабство здесь, по существу, своего рода усыновление. Положение раба лучше, чем положение свободного феллаха или райи. Кроме того, узнав много подробностей о том, как совершаются браки, я уже понимал, что между египтянкой, проданной своими родителями, и абиссинкой, выставленной на базаре, пет большой разницы.

У консулов на Востоке не существует единого мнения о праве европейцев на рабов. По этому вопросу в дипломатических правилах не содержится ничего конкретного. Впрочем, французский консул высказался за то, что нынешнее положение не следует менять. Дело в том, что по закону европейцы не могут владеть недвижимостью в Египте, но при помощи юридических фикций они тем не менее приобретают землю и фабрики. И одна из основных трудностей заключается в том, как обеспечить себя рабочей силой, так как местные жители не хотят работать и, получив самую мизерную плату, предпочитают бездельничать, пока не кончатся деньги. Кроме того, европейцы часто испытывают враждебность со стороны шейхов и влиятельных лиц — своих соперников на промышленном поприще, которые имеют возможность отозвать сразу всех рабочих под предлогом государственной необходимости. Имея же рабов, можно обеспечить себя постоянной рабочей силой, но лишь в том случае, если последние на это согласны, потому что, когда раб недоволен своим хозяи-

ном, он всегда может потребовать, чтобы его снова продали на базаре. Эта деталь лучше, чем другие, объясняет относительную мягкость рабства на Востоке.

ДЕРВИШИ

Когда я вышел от консула, была уже поздняя ночь. Бербериец ждал меня у дверей: его послал Абдулла, решивший, что сам он уже вправе лечь спать. Возразить по этому поводу мне было нечего: когда у тебя много слуг, вполне естественно, что они делят между собой обязанности... Впрочем, Абдулла полагал, что он не подходит под эту категорию! Он считал себя человеком образованным, филологом, который соблаговолил употребить свои знания на службу путешественнику. Он с радостью исполнит роль чичероне и не откажется при случае от обязанностей троянца Пандара²², но на этом его возможности исчерпываются; впрочем, довольно и этого за ваши двадцать пиастров в день!

Но все же было бы неплохо, если бы он все время находился при вас, чтобы объяснять все, что вам неясно. Так, сейчас мне хотелось узнать, почему на улицах в столь поздний час царит такое оживление. Кофейни были открыты и полны посетителей; мечети освещены, оттуда доносились торжественные песнопения, а устремленные ввысь минареты, казалось, были опоясаны кольцами света. На площади Эзбекия были разбиты шатры, повсюду раздавались звуки барабанов и тростниковых флейт: Миновав площадь и выйдя на улицу, мы с трудом пробирались сквозь толпу, теснившуюся у открытых лавок, освещенных сотнями свечей и украшенных фестолами и гирляндами из золотой и цветной бумаги. Перед небольшой мечетью, посреди улицы, был сооружен огромный канделябр пирамидальной формы со множеством маленьких стеклянных ламп, а вокруг гроздьями подвешены фонари. Человек тридцать певцов расположилось вокруг канделябра, а четверо солистов, стоя внутри круга, по очереди исполняли куплеты песни. В этом гимне ночи, возносившемся к небу, было что-то нежное, что-то от любовных признаний и вместе с тем что-то меланхолическое, сопровождающее на Востоке как радость, так и грусть.

Несмотря на протесты берберийца, который хотел увести меня из толпы, я остановился послушать и заметил, что почти все вокруг были копты, которых легко узнать по

черным тюрбанам; очевидно, турки позволяют христианам присутствовать на этом торжестве.

К счастью, я вспомнил, что лавка месье Жана находится неподалеку, и мне удалось уговорить берберийца отвести меня туда. Мы застали бывшего мамлюка бодрствующим, торговля напитками шла полным ходом. В галерее на заднем дворе собрались копты и греки, которые время от времени заходили сюда освежиться и отдохнуть от праздничной суеты.

Месье Жан объяснил мне, что я сейчас присутствовал на песенном радении, или *зикре*, в честь одного святого дервиша, похороненного в соседней мечети. Поскольку эта мечеть расположена в квартале коптов, богатые последователи этой религии ежегодно собирают пожертвования на устройство подобного торжества; этим и можно объяснить, почему здесь соседствуют черные и цветные тюрбаны. Кроме того, христиане из простонародья охотно чувствуют некоторых дервишей, святых угодников, поскольку такие странные обряды зачастую не принадлежат ни к какому определенному культу и, возможно, просто восходят к древним суевериям.

И впрямь, когда мы с месье Жаном, который любезно согласился проводить меня, вернулись к месту, где происходило радение, я увидел, что это действие приобрело еще более необычный характер. Тридцать дервишей, держась за руки, раскачивались из стороны в сторону, а тем временем четверо корифеев, или *зиккеров*, постепенно входили в поэтический экстаз, в их песнях соединялись нежность и неистовство. Длинные, вопреки арабскому обычаю, вьющиеся волосы дервишей развевались, на них были надеты не тарбуши, а колпаки, напоминающие круглые шапочки древних римлян. Монотонное псалмопение порой достигало драматического звучания, куплеты явно были связаны между собой по смыслу, а пантомима, выражавшая грусть и мольбу, была обращена к неведомому мне объекту поклонения. Возможно, именно так в старину прославляли египетские жрецы тайну обретенного и вновь утраченного Осириса; таковы были, наверное, и молитвы корибантов или кабиров. Словно подчиняясь ритму того древнего обряда, в котором восторг доходил до экстаза, воющие дервиши пели, притопывая; отзвуки этого ритуала некогда были слышны по всему восточному побережью — от оазисов Аммона до Самофракии. Я чувствовал, что мои глаза наполняются слезами, всех слушателей тоже охватывало восхищение от пения дервишей.

Месье Жан, закоренелый скептик республиканской армии, не разделял подобных эмоций, он находил это зрелище забавным и уверял меня, что сами мусульмане относятся к дервишам снисходительно.

— Перед ними преклоняется простонародье,— сказал он мне,— ведь, по сути дела, их обряды чужды подлинному мусульманству. К чему ломать голову? В том, что они поют, нет никакого смысла...

Я попросил его пересказать содержание хотя бы одной из песен.

— Все это чепуха,— сказал он,— любовные песни, которые они поют неизвестно зачем. Я знаю много таких песен; вот, например, одна из них:

«Мое сердце встревожено любовью, мне не сомкнуть глаз! Увижу ли я моего возлюбленного? Тяжкие бессонные ночи разлуки убивают мою надежду, мои слезы падают, подобно жемчугу, а сердце объято пламенем!

О голубка, поведай мне, о чем ты так жалобно плачешь? Может быть, и ты страдаешь от разлуки или скованы твои крылья?»

Она отвечает: «Наше горе схоже, меня снедает любовь. Увы! Меня гложет та же печаль, я горюю от разлуки с любимым».

Тридцать дервишей сопровождают эти куплеты одним и тем же припевом: «Нет божества, кроме Аллаха».

— Мне кажется,— заметил я,— что эта песня может быть обращена к божеству; вероятно, речь идет о любви к богу.

— Вовсе нет, в других куплетах юноша сравнивает свою возлюбленную с йеменской газелью, он говорит, что у нее нежная кожа и что она совсем дитя... У нас такие песни называли бы гривуазными.

Я же не был в этом уверен: если судить по тем куплетам, которые перевел месье Жан, то они скорее напоминают Песнь песней.

— Кроме того,— добавил мой спутник,— послезавтра, во время праздника рождества Мухаммеда, вы сможете увидеть и иные безрассудства дервишей. Только я советую вам одеться в арабский костюм, потому что в этом году праздник совпал с возвращением паломников из Мекки, а среди них много жителей Магриба (западных мусульман), которые не любят европейских костюмов, особенно со времен завоевания Алжира.

Я обещал последовать его совету и отправился домой в обществе берберийца. Праздник продолжался всю ночь.

ДОМАШНИЕ НЕУРЯДИЦЫ

На следующее утро я позвал Абдуллу и послал его к повару Мустафе узнать, готов ли мой завтрак. Повар ответил, что для этого нужно прежде всего приобрести необходимую кухонную утварь. Справедливость его слов была очевидна, к тому же набор этой утвари весьма несложен. Что же касается провизии, то ее можно купить у крестьянок, которые ходят по улицам с клетками, полными кур, голубей, уток; здесь также продают на буассо²³ дыплят, вылупившихся в знаменитых египетских инкубаторах. По утрам бедуины приносят тетеревов и перепелок, зажав между пальцами их связанные лапки так, что они образуют на руке подобие короны. Все это, а также рыбу из Нила и особенно невероятных размеров фрукты и овощи — дары египетской земли — можно купить невероятно дешево.

Если учесть, что, например, куры стоят здесь двадцать сантимов за штуку, а голуби — вполовину дешевле, то я мог гордиться тем, что долгое время мне удавалось избегать гостиничной кухни; к сожалению, раздобыть жирную птицу оказалось невозможно: мне приносили покрытые перьями скелетики. Феллаху выгоднее продавать таких птиц, чем долго кормить их маисом. Абдулла посоветовал мне купить птиц в клетках и откармливать их дома. Мы выпустили купленных кур на свободу во двор, а голубей — в одну из пустующих комнат. Мустафа, заметив петушка менее костлявого, чем остальные, взялся приготовить по моей просьбе *кускус*.

Никогда не забуду зрелища, которое являл собой этот свирепый араб, когда он вытащил из-за пояса ятаган, предназначенный для расправы с несчастным петушком. Бедняга поплатился за свой обманчивый вид: его яркое оперение скрывало тщедушное тельце, как у золотого фазана. Чувствуя приближение конца, он испускал хриплые, душераздирающие крики. Мустафа отрубил ему голову, и обезглавленный петух еще какое-то время метался по террасе, потом остановился, лапы у него подогнулись, и он рухнул в углу. Этого кровавого зрелища было достаточно, чтобы лишить меня аппетита. Я предпочитаю кушанья, которые готовят не на моих глазах... и теперь я чувствовал себя большим виновником смерти петушка, чем если бы он пал от руки хозяина отеля. Вы сочтете эти рассуждения малодушными? Но что поделаешь? Я не мог отрешиться от классических представлений о Египте и, возможно, в какой-то момент начал бы испытывать угрызения совести, дове-

дись мне вонзить нож в какой-нибудь овощ, из боязни оскорбить древнего бога.

Однако мне больше не хочется злоупотреблять чувством жалости, которое может вызвать убийство худосочного петуха, скорее это чувство с полным основанием внушает сам человек, вынужденный добывать себе пропитание. В великом Каире можно найти множество других продуктов: свежие финики или бананы — прекрасный завтрак; правда, очень скоро я убедился в справедливости слов месье Жана. В городе мясники торгуют лишь бараниной, а в предместьях можно еще найти мясо верблюдов, которое подвешено на крюках в глубине лавки. Подлинность верблюжьего мяса ни у кого не вызывает сомнений, что же касается баранины — мой драгоман беспрестанно острил, утверждая, например (это была самая невинная из его шуток), что чаще всего это мясо собаки. Уверяю, что меня на этот счет не обманешь. Однако же я никак не мог разобраться в системе взвешивания и приготовления блюд, потому что любое из них обходилось в десять пиастров, куда, впрочем, входила непременная приправа из *мулюхийи* или *бамьи* — это сочные овощи, первый по вкусу напоминает шпинат, а второй не имеет аналогов среди европейских овощей.

Но пора вернуться к мучившей меня проблеме. Создавалось впечатление, что на Востоке владельцы отелей, драгоман, слуги, повара единодушно настроены против путешественников. Теперь я понимаю, что помимо твердой решимости и даже некоторой доли воображения необходимо иметь целое состояние, чтобы прожить какое-то время на Востоке. Месье де Шатобриан признается, что разорился здесь; месье де Ламартин совершал безрассудные траты; большинство же других путешественников не видели ничего, кроме морских портов, или быстро пересекали страну, нигде не задерживаясь. Я же рискну осуществить свой план, который, на мой взгляд, превосходит другие: куплю рабыню, раз уж так необходимо иметь при себе женщину, и постепенно добьюсь того, чтобы она заменила мне драгомана, а возможно, и берберийца; кроме того, она поможет мне производить расчеты с поваром. Прикинув все расходы, связанные с моим долгим пребыванием в Каире, да и в других городах, я совершенно отчетливо понял, что нашошу непоправимый ущерб своему кошельку. А женившись, я достигну обратного. Поразмыслив над этим, я пришел к окончательному решению и попросил Абдуллу отвести меня на невольничий рынок.

Мы пересекли весь город, пока добрались до квартала, где расположены большие базары, и, проехав по темной улице, отходящей под прямым углом от главной, очутились во дворе неправильной формы, посреди которого под сенью смоковниц был сооружен колодец. Справа, вдоль стены, стояло с десяток негров, одетых главным образом в синие галабии, какие носит бедный люд. Вид у негров был грустный и встревоженный. Здесь можно было увидеть все разнообразие оттенков темной кожи и типов физического сложения. Слева находилось строение со множеством комнаток, пол которых был выше уровня земли примерно на два фута и образовывал над двором подобие эстрады. Нас сразу же окружила целая группа смуглых торговцев, предлагавших: «Асуад? Хабаш?» («Черных? Абиссинок?»)

Мы зашли в первую комнату. Пять или шесть негрятенок сидели на циновках и курили. Они встретили нас с хохотом. Одеты они были лишь в лохмотья синего цвета, и нельзя было упрекнуть торговцев в том, что они пытаются приукрасить свой товар. Волосы женщин, заплетенные в сотню тугих косичек, были повязаны красным бантом, разделявшим прическу на два пышных пучка; пробор был выкрашен киноварью; на руках и на ногах бренчали оловянные браслеты; на шее висели стеклянные бусы, а у некоторых в носу и в ушах были продеты медные кольца, завершавшие этот дикарский наряд, который еще больше подчеркивали татуировка и окрашенная хной кожа. Это были негрятенки из Сеннара. Они совершенно не соответствовали принятым у нас канонам женской красоты. Из-за выступающей вперед челюсти, низкого лба эти несчастные создания могли быть отнесены едва ли не к категории животных, однако, за исключением этой странной маски, которой наградила их природа, сложены они были с редким совершенством, под туниками вырисовывались чистые девичьи формы, и нежные мелодичные звуки лились из свежих алых уст.

Нет! Я не мог воспламениться страстью к этим красивым самкам, но, возможно, каирские красавицы охотно окружают себя подобными служанками, таким образом добиваясь яркого контраста цвета и формы. Нельзя сказать, что эти нубийки безобразны в прямом смысле слова, но они являют собой полную противоположность классическому типу европейской красоты. Белокожая женщина должна выгодно выделяться на фоне этих темных как ночь деву-

шек, которые, как кажется, глядя на их стройные фигуры, созданы для того, чтобы причесывать, помогать одеваться, подносить сосуды, словно сойдя с античных фресок.

Если бы я мог жить на Востоке на широкую ногу, я бы обязательно обзавелся этими колоритными созданиями, но поскольку собирался приобрести только одну рабыню, то попросил показать мне других девушек — не с такими плоскими лицами и с менее темной кожей.

— Все зависит от суммы, на которую вы рассчитываете, — сказал мне Абдулла. — Те, что выставлены перед вами, стоят не дороже двух кошельков (двести пятьдесят франков). Вы можете взять их на неделю с правом вернуть обратно, если обнаружите в них изъяны или недостатки.

— Но я охотно заплачу и дороже, — заметил я, — ведь содержание хорошенькой женщины стоит столько же, сколько и дурнушки.

Казалось, Абдулла не разделял моего мнения.

Мы прошли в другие комнаты, там тоже находились девушки из Сеннара, многие из них были моложе и красивее первых, но все без исключения принадлежали к одному и тому же типу.

Торговцы предлагали раздеть рабынь, велели им показывать зубы, заставляли пройтись, обращая наше внимание главным образом на упругую грудь. Несчастные девушки довольно беззаботно подчинялись всем этим требованиям; большинство из них, почти не переставая, хохотали, и потому это зрелище не производило слишком тягостного впечатления. Было совершенно очевидно, что, в какие бы условия они ни попали, жить им будет значительно лучше, чем в океле, а возможно, и чем у себя дома.

Увидев, что все эти девушки ярко выраженные негрятянки, я спросил у драгомана, нет ли здесь абиссинок.

— Нет, — ответил он, — их не выставляют напоказ. Нужно подняться в дом и убедить торговца, что вы пришли сюда не из любопытства, как большинство путешественников. К тому же они дороже. Может быть, вам удастся найти себе женщину среди невольниц из Донголы? Мы можем пойти в другие окели. Кроме океля джеллабов, где мы находимся, есть еще Кючук-окель и Хан-Гафар.

К нам подошел какой-то торговец и сказал, что привезли эфиопок, которых разместили в окрестностях города, чтобы не платить за въезд: они находятся за воротами Баб-эль-Мадбах. Я захотел сейчас же увидеть этих невольниц.

Мы въехали в довольно безлюдный квартал и после

бесчисленных поворотов оказались на равнине, то есть среди гробниц, поскольку они со всех сторон окружают город. Усыпальницы халифов остались слева, по обе стороны дороги поднимались пыльные холмы, на которых виднелось множество мельниц, сами же холмы представляли собой развалины старых зданий. Мы остановили ослов у ворот в небольшой стене, сохранившейся, вероятно, от разрушенной мечети. Трое или четверо арабов в костюмах, каких не носят в Каире, пригласили нас войти, и я очутился среди настоящего африканского табора, все пространство огороженного двора было уставлено шатрами. Встретили меня негритянки раскатистым хохотом, как и в оकेле. Эти бесхитростные создания открыто демонстрировали свои чувства. Не знаю, почему европейское платье кажется им таким забавным. Все девушки были заняты работой, одна из них, очень высокая и красивая, внимательно следила за огромным котлом, стоящим на огне в самом центре двора. Ничто не могло отвлечь ее от этого занятия, и я попросил показать мне других, которые, бросив свои дела, поспешили сами выгодно представить свои прелести. Огромных размеров прическа из множества косичек, какие я уже видел в оकेле, говорила о том, что ее обладательнице было совсем не чуждо кокетство. Но у этих рабынь прически были густо умащены маслом, стекавшим тонкими струйками на плечи и грудь. Я подумал, что, наверное, таким образом девушки стараются уберечься от палящих лучей солнца, но Абдулла уверил меня, что это всего-навсего следование моде, согласно которой волосы и лицо должны блестеть.

— Разумеется, — сказал он, — купив невольниц, их сразу же отправляют в баню и заставляют разрушить эту сложную прическу, которую носят лишь в краю Лунных гор.

Осмотр длился недолго: эти несчастные создания выглядели настолько дикими, хотя, впрочем, довольно забавными, что совместная с ними жизнь не слишком привлекала меня. Большинство из них были обезображены обилием татуировок и нелепых наколок: синие звезды и солнце отчетливо выделялись на их черной, отливающей серым кожей. При виде этих бедняжек, которым нельзя было отказать в принадлежности к роду человеческому, как истинный филантроп, принимаешься упрекать себя и остальных за то, что мы без должного уважения относимся к обезьянам — нашим неведомым предкам, от которых упорно отречаемся из чувства расового превосходства. Жесты и позы женщин усиливали это сходство, к тому же я заметил, что

их удлиненные ступни, хорошо развитые, вероятно, вследствие того, что им часто приходится взбираться на деревья, еще больше роднили их с семейством четвероногих.

Они кричали мне со всех сторон:

— Бакшиш! Бакшиш!

Я нерешительно извлек из кармана несколько пиастров, опасаясь, как бы они не достались хозяевам, но те, чтобы меня успокоить, принялись раздавать женщинам финики, арбузы, табак и даже водку. Это вызвало бурю восторга, многие рабыни кинулись танцевать под грустную мелодию *дарабукки* и *зуммары* — барабана и флейты.

Высокая красивая девушка, занятая стряпней, не поворачиваясь, продолжала мешать в котле густую кашу из проса. Я подошел к ней, но она презрительно взглянула на меня, ее внимание привлекли лишь мои черные перчатки. Тогда, скрестив руки на груди, она принялась испускать удивленные крики: как это может быть — у человека белое лицо и черные руки? Это было выше ее понимания. Я усилил эффект, сняв одну из перчаток, тогда она закричала:

— Кто ты — дух или дьявол?

Остальные выказали не меньшее удивление. Трудно себе вообразить, как эти невинные души были потрясены моим костюмом. Несомненно, в этой стране я смог бы зарабатывать на жизнь, просто выставляя себя напоказ. Главная же из нубийских красавиц вернулась к своему первоначальному занятию с тем непостоянством обезьян, которых все отвлекает, но вместе с тем ничто не способно занимать больше минуты.

Мне пришло в голову поинтересоваться, сколько стоит эта красавица, но драгоман сообщил мне, что она — фаворитка торговца невольницами и что расставаться с ней он не намерен в надежде, что она сделает его отцом... или же ее цена еще больше возрастет.

Я не стал настаивать.

— Для меня, — сказал я драгоману, — эти девушки слишком черны. Что, действительно абиссинки встречаются на рынке так редко?

— Сейчас их мало, — ответил Абдулла, — но скоро придет большой караван из Мекки. Он остановился в Биркет-эль-Хадж и появится в городе завтра на рассвете. Нам представится богатый выбор: у многих паломников не хватает денег, чтобы завершить свое путешествие, и они избавляются от некоторых женщин; кроме того, в караване есть торговцы, которые привозят невольниц из Хиджаза.

Мы вышли из океля, и, казалось, присутствовавшие ничуть не были удивлены, узнав, что мы ни на ком не остановили свой выбор. Однако какой-то капрец, приехавший в окель одновременно со мной, совершил сделку и возвращался к Баб-эль-Мадбах с двумя молодыми, стройными негритянками. Они шли перед ним, грезя о неизвестном будущем и, наверное, думая о том, станут они фаворитками или служанками, а масло сильнее, чем слезы, струилось по их груди, открытой лучам палящего солнца.

КАИРСКИЙ ТЕАТР

Мы возвращались по улице Хазания, которая вывела нас на другую, отделяющую квартал франков от еврейского квартала. Эта улица тянется вдоль канала Халиг, через который переброшены одноарочные мосты наподобие венецианских. Здесь находится дивной красоты кофейня, ее задняя комната, где пьют шербет и лимонад, выходит прямо на канал. В Каире нет недостатка в прохладительных напитках: в многочисленных, кокетливо убранных лавчонках выставлены бокалы с лимонадом, напитками и засахаренными фруктами — все это за весьма умеренную плату. Свернув с турецкой улицы, чтобы попасть на улицу Муски, я увидел на стенах афиши, напечатанные литографским способом, они приглашали на спектакль, который должен был состояться в тот же вечер в Каирском театре. Я не испытал досады, столкнувшись с этим отголоском цивилизации.

Отпустив Абдуллу, я направился обедать в «Домерг» и там узнал, что спектакль дают местные любители в пользу слепых, которых, увы, в Каире великое множество. Скоро должен был открыться сезон итальянской музыки, но сегодня речь шла о вечере водевилей.

Около семи часов вечера узкая улица, куда выходит тупик Вэгхорн, была запружена народом, и арабы с изумлением наблюдали за тем, как довольно большая толпа пытается войти в один-единственный дом. Для нищих и погонщиков ослов это был большой праздник, они до хрипоты кричали со всех сторон: бакшиш! Через темный вход мы попали в крытую галерею, выходящую в Розеттский сад. Помещение, где должно было состояться представление, напоминало наши самые маленькие театральные залы. Партер был заполнен шумными итальянцами и греками в красных тарбушах; в передних рядах несколько кресел за-

няли офицеры паша, а в ложах разместились женщины, в основном одетые по-левантински.

Гречанок можно было узнать по *татикосу* из красного сукна, отделанному золотом, которые они носят, слегка сдвинув на одно ухо. Армянки с высокими прическами, украшенными лентами, кутались в шали. Замужние еврейки по законам своей религии не имеют права появляться на людях с непокрытой головой, поэтому они прикрепляют к волосам скрученные петушиные перья, которые, спускаясь на виски, имитируют локоны. Отличить национальную принадлежность женщин можно было только по прическе или по головному убору, костюмы же почти у всех дам были одинаковые: турецкий жилет с круглым вырезом на груди, надетый на узкое, обтягивающее бедра платье, пояс, шаровары (*шингьян*), благодаря которым у любой женщины, если она не носит покрывала, походка становится как у мальчика-подростка; руки никогда не бывают обнажены, но от локтя ниспадают широкие рукава; арабские поэты сравнивают частый ряд пуговиц на жилете с ромашками. Добавьте к этому одеянию султаны, цветы и бабочки из бриллиантов на самых дорогих нарядах, и вам станет ясно, что скромный Teatro del Cairo в немалой степени был обязан своим блеском этим левантинским туалетам. Я же пришел в восторг: после увиденных сегодня в изобилии черных лиц я мог любоваться красавицами со слегка смуглой кожей. Будь я настроен менее благожелательно, то мог бы упрекнуть этих женщин в том, что их веки слишком густо накрашены, что на нарумяненных щеках, как в прошлом веке, приклеено много мушек, а их руки не слишком выигрывают от оранжевой хны; но как бы то ни было, я без усталости любовался многочисленными, непохожими одна на другую красавицами, разнообразием тканей, блеском бриллиантов, которыми местные женщины так гордятся, что охотно носят на себе все состояние своих мужей, и, наконец, во время этого вечера я увидел свежие девичьи лица, по которым успел стосковаться. Ни одной женщины в покрывале! Правда, на этом представлении не было ни одной настоящей мусульманки. Подняли занавес, и я узнал первые сцены из «Мапсарды художников»²⁴.

О славный водевиль, какие страны еще не покорены тобой! Главные роли исполняли юные марсельцы, а молодую героиню играла мадам Боном, хозяйка французской читальни. Я с удивлением и восхищением разглядывал белокожую и белокурую женщину; уже два дня я грезил о небе моей родины, о сумрачных красотах Севера и все по-

тому, что подул *хамсин* и кругом было слишком много негритянок, увы, весьма далеких от идеала.

По окончании спектакля женщины вновь обрядились в одинаковые хабары из черной тафты, спрятали лица под белыми буркуа, как добрые мусульманки, уселись верхом на ослов при свете факелов, которые держали саисы.

У ЦИРЮЛЬНИКА

На следующий день, вспомнив о предстоящих торжествах по случаю появления паломников, я решил одеться в арабский костюм, чтобы беспрепятственно все рассмотреть. У меня уже была самая важная часть костюма — махлах — патриархальный плащ, который можно набросить на плечи или в который можно закутаться с головой, правда, в последнем случае остаются открытыми ноги, но, когда плащ накинут на голову, ты сразу же становишься похожим на сфинкса, что в общем-то не лишено восточного колорита. Теперь я собирался вернуться во французский квартал, чтобы по совету художника из отеля «Домерг» совершить полное перевоплощение.

Улица, на которой расположен отель, пересекает главную улицу французского квартала и после многочисленных поворотов теряется под сводами длинного прохода, ведущего в еврейский квартал. Именно на этой извилистой улице, то сужающейся, изобилующей армянскими и греческими лавками, то расширяющейся, с высокими домами с двух сторон, обычно селится торговая аристократия франков; здесь живут банкиры, маклеры и спекулянты, занимающиеся перепродажей египетских и индийских товаров. Слева, в самой широкой части улицы, расположено большое здание, назначение которого нельзя определить по внешнему виду. В нем соседствуют главная католическая церковь и монастырь доминиканцев. На первом этаже находится монастырь с большим числом келий, выходящих на главную галерею; на втором — церковь — просторный зал, украшенный мраморными колоннами и выдержанный в строгом итальянском стиле. Женщины сидят отдельно в зарешеченных ложах, не снимая черных накидок, сшитых по турецкой или мальтийской моде.

Разумеется, мы направились не в церковь, потому что для присутствия на мусульманском празднестве необходимо было избавиться от своего христианского облика. Художник повел меня дальше, туда, где улица, сужаясь, ста-

новится совсем темной; там расположена цирюльня, отличающаяся необыкновенной отделкой. Здесь можно полюбоваться одним из последних реликтов старинного арабского стиля, который повсюду, как в архитектуре, так и во внутреннем убранстве, уступает место турецкому стилю Константинополя — полуевропейскому, полутатарскому, холодному и жалкому в своем подражательстве.

Именно в этой очаровательной цирюльне с затейливыми резными решетками окон, выходящих на Халиг, или Каирский канал, я расстался со своей европейской шеvelюрой. Цирюльник ловко прошелся по ней своей бритвой и по моей настоятельной просьбе оставил одну прядь на макушке, как носят китайцы и мусульмане. По поводу происхождения этого обычая нет единого мнения. Одни утверждают, что эту прядь оставляют для того, чтобы за нее мог ухватиться ангел смерти; другие усматривают более материальную причину: турок никогда не исключает возможности, что ему могут отрубить голову, а так как затем ее принято показывать толпе, он не желает, чтобы его голову поднимали за нос или за губы, это было бы позорно. Цирюльники-турки в насмешку над христианами бреют их наголо. Я же в достаточной мере скептик и потому не отрицаю ни одного из суеверий.

Когда все было кончено, цирюльник заставил меня держать под подбородком оловянный тазик, и вскоре я почувствовал, как целое море воды льется мне по шее, попадая в уши.

Когда прошел первый испуг, я должен был вынести еще мытье головы мыльной водой, после чего мне подстригли бороду по последней стамбульской моде.

Затем занялись моим головным убором, что, впрочем, оказалось не слишком сложным, ибо на улице было много торговцев тарбушами и крестьянок, которые шьют белые тубетейки, пазываемые здесь *такийя*; их надевают прямо на бритую голову; среди этих тубетеек встречаются весьма изящные, расшитые простыми нитками или шелком, некоторые отделаны кружевом, для того чтобы оно слегка виднелось из-под верхнего красного колпака. Последние же обычно бывают французского изготовления; кажется, наш Тур имеет привилегию поставлять головные уборы всему Востоку.

Цирюльник поднес мне элегантное зеркало, инкрустированное черепахой. Взглянув в него, я едва узнал себя в мусульманине с выбритой шеей, подстриженной бородой и в колпаке, надетом поверх тубетейки. Я довершил свое пе-

революционное, приобретя у перекупщиков широкие спящие хлопчатобумажные шаровары и довольно чистый красный жилет, расшитый серебром. Оглядев меня со всех сторон, художник сказал, что в таком виде я могу сойти за сирийского горца, приехавшего из Сайды или Триполи (Тарабулус). Присутствовавшие тут же присвоили мне титул *чэлеби*, как именуют здесь элегантных людей.

КАРАВАН ИЗ МЕККИ

Преображенный, я вышел наконец от цирюльника, испытывая гордость и восторг от того, что не оскверняю больше живописные городские виды своим просторным сюртуком и круглой шляпой. Этот головной убор кажется восточным людям особенно смешным; в каждой школе хранится шляпа франка, ее надевают на самых непослушных и ленивых учеников — эдакий ослиный колпак²⁵ турецких школьников.

Теперь можно было отправиться посмотреть на начавшееся еще на заре шествие паломников, которое должно было продлиться до вечера. Это совсем не мало — тридцать тысяч человек, пополнивших собой население Каира; все улицы мусульманских кварталов заполонила толпа. Нам удалось добраться до Баб-эль-Футух, то есть до Ворот победы. Ведущая к ним длинная улица была запружена зрителями, которых сдерживали войска. Под звуки труб, цимбалов и барабанов двигалась процессия; представителей различных национальностей и религиозных сект можно было отличить по значкам и знаменам. Меня же преследовала мелодия из старой оперы, знаменитой еще во времена Империи; я напевал «Шествие верблюдов» и все ждал, что сейчас появится блестящий Сен-Фар²⁶. Одна за другой сменялись вереницы верблюдов, на которых восседали бедуины с длинными ружьями. Здесь, на окраине Каира, мы смогли увидеть единственное в мире зрелище.

Целый народ как бы растворился в другом, заполнив холмы аль-Мукаттама справа, и тысячи безлюдных построек Города мертвых слева. На зубчатых стенах и башнях Саладина, выкрашенных красными и желтыми полосами, толпились зрители; здесь уже не возникали ассоциации с оперой или со знаменитым караваном, который Бонапарт встречал и чествовал у тех же Ворот победы. Мне показалось, что века потекли вспять и передо мной разворачиваются события эпохи крестовых походов. Эту иллю-

зию усиливали рассеянные в толпе гвардейские эскадроны вице-короля в сверкающих доспехах и рыцарских шлемах. Вдали, на равнине, по которой, извиваясь, течет Халиг, виднелись тысячи разноцветных шатров, разбитых паломниками. Праздник, разумеется, не обошелся без певцов и танцоров, а музыканты Каира, казалось, соперничали в громкости с трубачами и литаврщиками, сопровождавшими шествие, и с огромным оркестром, взгромоздившимся на верблюдов.

Можно ли встретить что-либо подобное этому сборищу бородатых, взлохмаченных, свирепого вида паломников из Магриба, всех этих выходцев из Туниса, Триполитании, Марокко, а также наших компатриотов из Алжира²⁷? Вступление в Париж казаков в 1814 году может дать лишь слабое представление о происходившем в Каире. Особенно выделялись многочисленные братства юродивых и дервишей, которые, не щадя голосовых связок, изливали свою любовь к богу, то и дело возглашая имя Аллаха.

Многоцветные знамена и древки с различного рода эмблемами и значками, а также эмиры и шейхи в роскошных одеяниях, верхом на лошадях, крытых золототкаными попонами с драгоценными камнями, придавали невообразимую пышность этому несколько беспорядочному шествию. Я увидел весьма любопытные паланкины для женщин: сиденье, над которым прикреплен небольшой шатер. Этот паланкин ставится поперек спины верблюда. Кажется, что в таких ярких, разноцветных паланкинах может легко разместиться целая семья с детьми и скарбом.

После полудня пальба из пушек цитадели, крики, звуки труб возвестили о том, что вдали показался *махмаль* — своего рода священный ковчег, в котором везут одеяние из золотой парчи, принадлежащее Мухаммеду²⁸. Окружали эту святыню великолепные всадники, наиболее ревностные приверженцы религии, которых можно было узнать по зеленым тюрбанам.

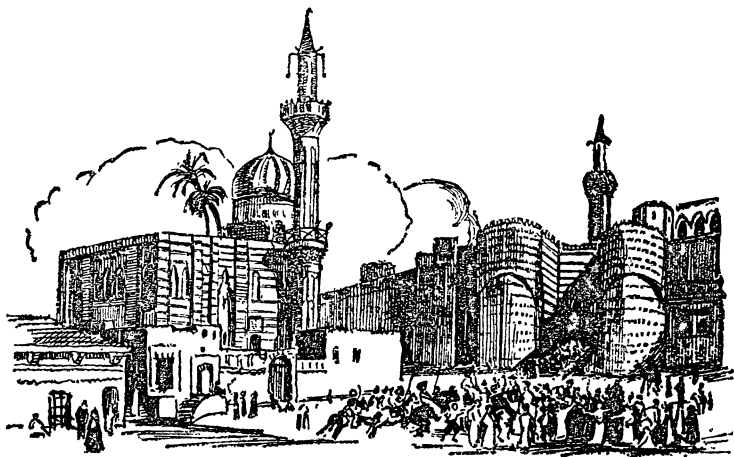
Семь или восемь богато украшенных верблюдов с султанами на головах, в ослепительных сбруях, покрытые роскошными, полностью закрывавшими их попонами скорее напоминали саламандр или драконов, верхом на которых обычно изображают фей. Впереди ехали юные литаврщики с обнаженными руками, они поднимали и опускали золотые палочки в гуще развевающихся знамен, окаймлявших седло. Затем шествовал верблюд, и на нем в золотом седле восседал патриарх с длинной седой бородой и венком на голове. Следующий верблюд вез махмаль — небольшой, бо-

гато украшенный шатер в форме пирамиды, обтянутый тканью с вышитыми на ней всевозможными изречениями, углы и верх махмаля венчали огромные серебряные шары.

Изредка махмаль останавливался, и вся толпа падала ниц, касаясь лбами рук, тонувших в пыли. Эскорт из кавасов с трудом отгонял негров, отличавшихся большим фанатизмом, чем другие мусульмане, и поэтому едва не бросавшихся под ноги верблюдов; достававшиеся на их долю частые палочные удары негры воспринимали безропотно, усматривая в этом свою причастность к сонму мучеников. Что же касается наиболее пылких слугителей господ, своего рода святых, еще более ревностных, чем дервиши, хотя их правоверие отнюдь не бесспорно, то одни из них кололи себе щеки длинными иглами и шествовали так, истекая кровью, другие глотали живых змей, а третьи набивали себе рот раскаленными углями. Женщины почти не участвовали в этих действиях, и в толпе паломников можно было увидеть лишь альмей, которые хором пели свои протяжные, гортанные песни и смело обнажали лица с красной и синей татуировкой, с продетыми в нос тяжелыми кольцами.

Мы с художником смешались с пестрой толпой, которая следовала за махмалем, и вместе со всеми кричали «Аллах» во время остановок священных верблюдов, а те, величественно покачивая украшенными головами на длинных изогнутых шеях, казалось, благословляли толпу своими странными криками. При входе в город вновь раздалась залпы орудийного салюта, и шествие, заполнив улицы, двинулось к цитадели. Тридцать тысяч паломников, вошедших в город, отныне имели право называться *хаджи*.

Вскоре мы подошли к большим базарам на улице Салахия, где мечети аль-Азхар, аль-Муайяд и Маристан открывают перед вами чудеса архитектуры — устремленные ввысь снопы минаретов, перемежающихся куполами. По мере того как кортеж проходил мимо одной из мечетей, часть паломников отделялась от него и устремлялась в мечеть, оставляя у порога гору бабушей, поскольку туда полагается входить, сняв обувь. Однако махмаль не останавливался, он двигался вперед по узким улочкам, поднимающимся к цитадели, и вступил в нее через северные ворота в окружении войск, под крики толпы, собравшейся на площади Румейла. Поскольку проникнуть за крепостную стену дворца Мухаммеда Али, довольно неказистого сооружения в турецком стиле, построенного сравнительно не-

Площадь Румейла, Каир (1830)

давно, было невозможно, я вышел на террасу, откуда можно любоваться панорамой всего Каира. Как описать прекраснейший, открывшийся передо мною вид?

Прежде всего в глаза бросается выкрашенная красно-белыми полосами огромная мечеть султана Хасана, стены которой еще хранят следы французских снарядов времен знаменитого каирского мятежа²⁹. Раскинувшийся перед вами Каир закрывает весь горизонт. Вдали зеленеют сады Шубры; справа — целый город из длинных рядов мусульманских гробниц, окрестности Гелиополя и бесконечная Аравийская пустыня, прерываемая горами аль-Мукаттам; слева Нил несет свои красноватые воды среди чахлах пальм и фиговых деревьев; Булак в полулье от Каира, стоящий на самом берегу реки, служит ему портом; зеленый, цветущий остров Рода — настоящий английский парк со зданием Ниломера у воды — как раз напротив светлых деревенских строений Гизе; дальше — пирамиды, воздвигнутые у последних отрогов Ливийских гор, а южнее, в Саккара, — пирамиды, соединенные подземными ходами; за ними — пальмовая роща, покрывающая развалины Мемфиса, а на другом берегу Нила, ближе к городу, — Старый Каир, построенный Амру³⁰ на месте древнего Вавилона Египетского, наполовину скрытый арками огромного акведука, под которыми берет начало Халиг, огибающий кладбище Карафы.

Этот прекрасный бескрайний пейзаж оживляла ликующая толпа, заполнившая все площади и ближайшие предместья. Надвигалась ночь, и солнце уже погрузилось в пески впадины, тянущейся через пустыню Аммона, которую арабы называют безводным морем; вдали остался виден лишь Нил, а на нем — тысячи лодок, которые оставляли за собой на водной глади серебряную паутину, как на праздниках Птолемеев.

Но пора спускаться вниз и отвести взор от немои древности, секреты которой хранит засыпанный песками сфинкс. Интересно, смогут ли великолепие и догматы ислама оживить безмолвие пустынь и могил, или придется оплакивать еще одно уходящее от нас полное поэзии прошлое? Пришел ли черед рухнуть этому арабскому средневековью, продержавшемуся три лишних столетия, как в свое время у подножия памятников невозмутимым фараонам пала греческая античность?

Увы! Обернувшись, я увидел последние уцелевшие красные колонны дворца Саладина. На развалинах этого сооружения, великолепного по смелости замысла и изяществу, но хрупкого и недолговечного, как все гениальное, недавно возвели четырехугольную постройку из мрамора и алебастра, начисто лишенную элегантности и собственного стиля, похожую на хлебную биржу, но, как утверждают, здесь будет мечеть.

В самом деле, это будет мечеть, как, например, церковь святой Магдалины действительно церковь: современные архитекторы достаточно предусмотрительны, сооруженные ими храмы всегда смогут служить иным целям, если люди отвернутся от бога.

Тем временем члены правительства, к общей радости толпы, самолично вышли приветствовать прибытие махмаля. Паша и его домочадцы поочередно принимали платье пророка, привезенное из Мекки, святую воду из колодца Земзем и другие реликвии паломничества. Народу, толпившемуся в дверях небольшой мечети позади дворца, тоже было показано это платье. И вот с высокой террасы открылось великолепное зрелище иллюминированного города. Вдруг ожили вдали старые здания, обычно погруженные во тьму; казалось, на куполах мечетей вспыхнули светящиеся четки, на минаретах вновь зажглись уже виденные мною сверкающие кольца; изречения Корана, выложенные мозаикой из разноцветного стекла, засияли на фронтонах зданий. Полюбовавшись этим зрелищем, я поспешил отправиться на площадь Эзбекья, где происходила самая

красочная часть праздника. В соседних кварталах все лавки были ярко освещены: булочники, зеленщики, торговцы жареным мясом заполнили первые этажи, кондитеры разложили невиданные лакомства — сахарные башенки и зверюшек, другие диковинные сласти. Повсюду стояли пирамиды и букеты из свечей: было светло как днем. Кроме того, по туго натянутому канату пускали зажженные кораблики — возможно, воспоминание о празднествах в честь богини Исиды, которое, равно как и многие другие, хранит в своей памяти славный египетский народ. Паломников, одетых во все белое, с более смуглыми, чем у жителей Каира, лицами, встречали повсюду как родных; посередине площади, там, где она примыкает к кварталу франков, происходили главные торжества; везде были натянуты навесы — не только для кофеен, но и для зикра, или песенных радений; около высоких шестов, украшенных флагами и фонарями, совершали свои действия кружащиеся дервиши, которых не следует путать с воющими дервишами, поскольку они по-разному приходят в состояние религиозной экзальтации: первые кружатся вокруг шестов, выкрикивая хриплыми голосами: «Аллах хай!» («Аллах жив!») Шесты поставлены по четыре в ряд и называются *сари*.

Поодаль толпились зрители, чтобы увидеть жонглеров, канатоходцев или послушать чтецов (*шаиров*), которые декламировали отрывки из романа об Абу-Зейде. Эти чтения ведутся каждый вечер в городских кофейнях и всегда прерываются на самом интересном месте, подобно нашим романам с продолжением, чтобы назавтра в кофейне вновь собрались слушатели, желающие узнать дальнейшее развитие сюжета.

Качели, развлечения, разнообразные представления «Карагёза» — с помощью марионеток или китайского театра теней — довершают это ярмарочное веселье, которое должно было продлиться еще два дня по случаю дня рождения Мухаммеда. Этот праздник называется Мулид аннаби.

На рассвете следующего дня я отправился с Абдуллой на невольничий рынок, расположенный в квартале Сук аль-Эззи. Я выбрал красавца осла, полосатого, как зебра, и не без некоторого кокетства нарядился в свой новый костюм: раз уж идешь покупать женщин, не следует их отпугивать. Я постиг это, испытав на себе.

Мы приехали в необычайно красивый дом, где раньше, наверное, жил какой-нибудь мамлюкский *кяшиф*, или бей. Передняя переходила в галерею, окаймленную колоннами. В глубине галереи стоял деревянный диван со множеством подушек, на котором восседал добродушного вида мусульманин, одетый довольно изысканно. Он рассеянно перебирал четки из дерева алоэ. Негритенок разжигал ему кальян, а писец-копт, сидящий у его ног, вероятно, был его секретарем.

— Господин Абд аль-Керим,— представил мне его Абдулла,— самый знаменитый торговец невольниками: если он захочет, то уступит вам очень красивых женщин, но он богат и часто оставляет их для себя.

Абд аль-Керим приветливо кивнул головой и, поднеся руку к груди, произнес: «Сабах аль-хир». Я ответил на это приветствие аналогичной арабской формулой, но по моему акценту торговец определил, откуда я родом. Однако он пригласил меня сесть рядом и велел принести трубку и кофе.

— Поскольку вы пришли со мной,— сказал Абдулла,— то произвели на него хорошее впечатление. Я скажу ему, что вы собираетесь остаться у нас надолго и склонны богато обставить свой дом.

Казалось, речь Абдуллы возымела благоприятное действие на Абд аль-Керима, который обратился ко мне с какими-то вежливыми словами на плохом итальянском.

Благодаря тонкому, породистому лицу, пронизательному взору и изящным манерам хозяина столь радушный прием в его дворце показался мне вполне естественным, но ведь именно здесь он занимался своим постыдным ремеслом. В этом человеке удивительно сочетались учтивость вельможи с непреклонной решимостью пирата. Должно быть, он подчинял себе невольниц немигающим взглядом своих печальных глаз, а когда расставался с ними, возможно, они даже испытывали сожаление, что лишаются такого господина. «Вне всякого сомнения,— размышлял я,— проданная здесь женщина будет влюблена в Абд аль-Керима». Пусть так, но в его взгляде таился такой магнетизм, что я понял: уклониться от сделки с ним невозможно.

В квадратный двор, где прогуливалось множество нубийцев и абиссинцев, выходили верхние галереи и портки, выполненные в строгом архитектурном стиле; широкие

машрабийи, выточенные из дерева, находились под самым потолком прихожей, из которой в покои вела лестница, украшенная аркадами в мавританском вкусе. По этой лестнице поднимались самые красивые невольницы.

Во дворе уже собралось много покупателей, разглядывавших совсем черных или более светлых негров. Их заставляли ходить, им стучали по спине и по груди, им велели показывать язык. Только у одного из них, одетого в полосатый желто-синий машлах, с волосами, заплетенными в косы и ниспадающими на плечи, как носили в средневековье, через руку была перекинута тяжелая цепь, гремевшая при каждом его величественном движении; это был абиссинец из племени галла, вероятно взятый в плен.

Вокруг двора располагались комнаты с низкими потолками, где жили негритянки, подобные тем, которых я уже видел, — беззаботные и сумасбродные, они принимались хохотать по всякому поводу; между тем какая-то женщина, закутанная в желтое покрывало, рыдала, прислонившись к колонне передней. Безмятежное спокойствие неба и причудливые узоры, которые выписывали во дворе солнечные лучи, тщетно восставали против этого красноречивого отчаяния. Я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Я прошел мимо колонны, и, хотя лица женщины видно не было, я рассмотрел, что у нее почти белая кожа; к ней жался ребенок, чуть прикрытый плащом.

Как мы ни стараемся приспособиться к жизни на Востоке, в подобные минуты все равно остаешься французом, чувствительным ко всему происходящему. На мгновение мне пришла в голову мысль купить, если это в моих возможностях, невольницу и предоставить ей свободу.

— Не обращайтесь на нее внимания, — сказал мне Абдулла, — это любимая невольница одного эфенди, и в наказание за какую-то провинность тот отправил ее на невольничий рынок, чтобы якобы продать ее вместе с ребенком. Через несколько часов хозяин придет за ней и, наверное, простит ее.

Таким образом, единственная плакавшая здесь невольница горевала оттого, что лишается хозяйна; остальные, казалось, были обеспокоены лишь тем, чтобы не оставаться слишком долго без нового господина.

А это говорит в пользу мусульманских нравов. Сравните положение этих невольников с положением рабов в Америке! Воистину, в Египте на земле работают лишь феллахи. Рабы стоят дорого, поэтому их силы берегут и

занимают лишь работой по дому. Вот та огромная разница, которая существует между невольниками в турецких и христианских странах.

ЯВАНКА

Абд аль-Керим отошел от нас, чтобы поговорить с покупателями-турками, затем вернулся и сказал, что сейчас одевают абиссинок, которых он хочет мне показать.

— Они живут в моем гареме, — сказал он, — и с ними обращаются как с членами семьи; они едят вместе с моими женами. Пока они одеваются, вам могут показать самых молодых.

Открылись ворота, и во двор, словно школьницы на переменке, вбежала стайка темнокожих девочек. Им позволили играть возле лестницы с утками и цесарками, которые плавали в чаше лепного фонтана, сохранившегося от неслыханной роскоши океля. Я разглядывал этих бедных крошек с огромными черными глазами, одетых словно маленькие султанши; наверное, их забрали от матерей, чтобы потакать прихоти местных богачей. Абдулла объяснил мне, что многие из них не принадлежат торговцу, вырученные за них деньги получают родители, специально приехавшие в Каир в надежде, что их дочери попадут в хорошие руки.

— Кроме того, — добавил он, — они стоят дороже, чем зрелые девушки. — И не беспокойтесь, здесь можно покупать с полным доверием; родители девушек все предусмотрели.

«Ну что ж, — сказал я сам себе, — я оставляю этих детей другим; мусульманин, живущий по своим законам, может с чистой совестью отвечать перед Аллахом за судьбу этих бедняжек. Если же я куплю рабыню, то лишь с целью дать ей свободу, даже если придется с ней расстаться».

Абд аль-Керим пригласил меня войти в дом. Абдулла деликатно остался стоять у лестницы.

В большой комнате с лепным орнаментом и полустертыми золотыми и цветными арабесками вдоль стен сидело пять довольно красивых женщин; цвет их кожи напоминал флорентийскую бронзу; черты лица у них были правильные, нос прямой, рот маленький; классическая форма головы, грациозный изгиб шеи, умиротворение, написанное на лицах, делали их похожими на итальянских мадонн с картин, краски которых потемнели от времени. Это были

абиссинки католического вероисповедания, возможно, потомки пресвитера Иоанна или царицы Кандаки.

Трудно было остановить свой выбор на одной из них: все они походили друг на друга, как это бывает у туземцев. Видя мою нерешительность, Абд аль-Керим счел, что девушки мне не нравятся, и велел позвать еще одну — она вошла плавной походкой и заняла свое место у противоположной стены.

Я испустил радостный возглас, узнав миндалевидный разрез глаз яванок, как на картинах, которые мне доводилось видеть в Голландии; по цвету кожи эту женщину можно было безошибочно отнести к желтой расе. Не знаю, возможно, во мне пробудился интерес к неведомому и неожиданному, но я склонялся в ее пользу. Кроме того, она была весьма хороша собой и сложена на славу, так что смело могла выставлять себя напоказ; блестящие глаза, белые зубы, точеные руки и длинные волосы цвета красного дерева, которые продемонстрировали, сняв с девушки тарбуш, не позволили мне не признать справедливость похвал Абд аль-Керима, воскликнувшего: «Вона! Вона!» Мы спустились вниз и побеседовали с помощью Абдуллы. Эта женщина прибыла вчера вместе с караваном и находилась у Абд аль-Керима всего только этот недолгий срок. Совсем юной ее взяли в плен пираты имама Маската где-то на островах Индийского океана.

— Но раз Абд аль-Керим поместил ее вчера вместе со своими женами... — начал я.

— Ну и что? — с удивлением возразил Абдулла.

Я почувствовал, что мое высказывание лишено оснований.

— Неужели вы полагаете, — спросил Абдулла, поняв наконец мою мысль, — что законные жены позволят ему ухаживать за другими женщинами? Вдобавок вспомните, что он торговец. Если бы он вел себя таким образом, то растерял бы всю свою клиентуру.

Это был разумный довод. Кроме того, Абдулла поклялся, что Абд аль-Керим, как настоящий мусульманин, должен был провести ночь, молясь в мечети по случаю великого праздника Мухаммеда.

Оставалось только условиться о цене. У меня просили пять кошельков (шестьсот двадцать пять франков); мне хотелось заплатить только четыре; но, вспомнив, что речь шла о покупке женщины, я подумал, что подобный торг неуместен. К тому же Абдулла предупредил, что торговец-турок никогда не уступит в цене.

Я спросил, как ее зовут... ведь я покупал и имя.

— З'н'б! — ответил Абд аль-Керим.

— З'н'б! — повторил Абдулла, делая усилие, чтобы произнести это в нос.

Мне было непонятно, как три согласные, напоминающие чиханье, могут означать имя. Через некоторое время я догадался, что так произносится имя Зейнаб.

Мы ушли от Абд аль-Керима, оставив задаток, чтобы взять необходимую сумму, лежавшую на моем счету у банкира во франкском квартале.

Пересекая площадь Эзбекия, мы увидели необычное зрелище. Огромная толпа наблюдала за церемонией *дусы*. Шейх или эмир каравана должен был проехать на лошади по телам «кружащихся» и «воющих» дервишей, со вчерашнего дня совершавших действия вокруг шестов или в шатрах.

Эти несчастные растянулись плашмя на дороге, на южном конце площади, ведущей к дому шейха аль-Бекри, главного над всеми дервишами. Их было около шестидесяти, и они вымостили дорогу своими телами.

Эта церемония считается чудом. Она призвана привлечь внимание всех неверующих, поэтому франкам охотно разрешают занимать лучшие места. Публичное чудо стало большой редкостью с тех пор, как человек посмел заглянуть в рукав господ бога, как говорит Генрих Гейне... но то, что я увидел здесь, бесспорно, можно причислить к чудесам. Я видел своими собственными глазами, как шейх дервишей, старец в белом *бенише* и желтом тюрбане, проехал по телам шести десятков верующих, тесно лежавших рядом на земле, закрыв руками голову. Лошадь была подкована. Затем они все разом поднялись, восхваляя Аллаха.

Вольнодумцы из франкского квартала утверждают, что этот феномен сродни другому, когда исступленные фанатики выдерживают удары ятагана в живот. Экстаз, в который впадают эти люди, развивает такую нервную силу, что исчезает чувство боли, а тело приобретает невиданную способность к сопротивлению.

Мусульмане не приемлют этого объяснения и говорят, что были свидетелями того, как лошадь ступала по стаканам и бутылкам и при этом все оставалось цело.

Это зрелище я и хотел увидеть.

Между тем я ни на секунду не забывал о своем приобретении. В тот же вечер я с триумфом привел рабыню в покрывале в свой дом в коптском квартале. Я успел во-

время, потому что это был последний день срока, предоставленного мне шейхом квартала. Слуга из океля шел следом за нами, ведя за собой осла с большим зеленым сундуком на спине.

Абд аль-Керим оказался хорошим хозяином. В сундуке лежали два комплекта нарядов.

— Эта одежда, — сказал он мне, — досталась ей от шейха из Мекки, ее бывшего хозяина. Отныне она ваша.

Воистину, трудно представить себе сделку, требующую более деликатного подхода.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Я не сожалел о том, что на некоторое время задержался в Каире и во всех отношениях стал гражданином этого города, поскольку это, бесспорно, единственный способ понять и полюбить его, ведь у путешественников, как правило, недостает времени вникнуть в жизнь его обитателей, увидеть все местные красоты и контрасты, услышать легенды. Пожалуй, только в Каире остались нетронутыми наслоения многих исторических эпох. Ни Багдад, ни Дамаск, ни Константинополь не таят в себе подобных объектов для изучения и раздумий. В Дамаске и Багдаде чужестранец видит лишь ветхие кирпичные и глинобитные постройки; правда, внутреннее убранство поражает великолепием, но его никогда не причисляли к подлинному искусству.

Константинополь, застроенный выкрашенными деревянными домами, обновляется каждые двадцать лет и является собой однообразное зрелище выстроившихся чередой синеватых куполов и белых минаретов. Своими бесчисленными памятниками старины Каир обязан неиссякающим недрам аль-Мукаттама и мягкости климата. Конечно, эпохи халифов, суданов или мамлюкских султанов соответственно отразились на своеобразии архитектуры, образцы или отголоски которой лишь частично представлены в Испании и Сицилии. Дивные сооружения мавров, украшающие Гренаду или Кордову, сразу же вызывают в памяти виденное мною на каирских улицах: дверь мечети, окно, минарет, арабеску, форма и стиль которых указывают на отдаленные времена.

Одни только мечети способны воскресить всю историю мусульманского Египта, ибо каждый правитель воздвиг там хотя бы одну мечеть, дабы увековечить свое время и свое величие; Амру, Хаким, Тулун, Саладин, Бейбарс, Баркук — именно эти имена остались в памяти народа, а

ведь от мечетей сохранились лишь развалины да разрушенные крепостные стены.

Мечеть Амру, построенная сразу же после завоевания Египта, стоит сегодня в безлюдной местности между старым и новым городом.

Никто не защищает от осквернения это некогда считавшееся святым место. Я обошел ряды колонн, на которые и поныне опирается древний свод, поднялся на резную кафедру имама, сооруженную в 94 году хиджры³¹; говорят, нет кафедры красивее и величественнее, чем эта, кроме, разумеется, кафедры, с которой произносил проповеди пророк. Я обошел галереи и посредине двора увидел то место, где был раскинут шатер наместника Омара³², когда он решил основать Старый Каир.

На верху шатра свила себе гнездо горлица; Амру, завоеватель греческого Египта, только что разграбивший Александрию, не хотел, чтобы бедную птицу сгоняли с насиженного места: он решил, что оно указано свыше, и приказал воздвигнуть мечеть на месте шатра, а затем построить вокруг мечети целый город, получивший название Фустат, то есть «шатер»³³. Теперь это место находится за пределами города, и вновь, как некогда описывалось в хрониках, вокруг него раскинулись виноградники, сады и пальмовые рощи.

На окраине Каира, у крепостной стены, которая опоясывает город, неподалеку от Баб-ан-Наср, я наткнулся на другую заброшенную мечеть — мечеть халифа Хакима, воздвигнутую три века спустя и связанную с именем одного из самых известных героев мусульманского средневековья. Хаким, которого наши ориенталисты называют Хаккамберилл, не хотел быть просто третьим из африканских халифов, наследником завоеванных сокровищ Харун ар-Рашида, абсолютным повелителем Египта и Сирии; страсть к величию и богатству превратили его в своего рода Нерона³⁴ или скорее Гелиогабала³⁵. Подобно первому, из прихоти он поджег свою столицу, подобно второму, провозгласил себя богом и заложил основы религии, принятой частью его народа и ставшей религией друзей. Хаким — последний из носителей божественного откровения или, если угодно, последний из богов, явивших себя миру, — до сих пор сохранил своих приверженцев. В каирских кофейнях певцы и рассказчики передают бесконечное множество легенд о Хакиме, а на одной из вершин аль-Мукаттама мне показали обсерваторию, откуда Хаким наблюдал за звездами; те, кто не верит в его божественную сущ-

ность, считают его по меньшей мере всемогущим чудесником.

Его мечеть разрушена еще сильнее, чем мечеть Амру. Только внешние стены и две угловые башни-минареты сохранили свои архитектурные очертания; мечеть относится к той эпохе, когда были созданы самые древние памятники арабского зодчества Испании. Сегодня просторный двор мечети, усеянный обломками и покрытый пылью, заняли изготовители канатов, которые теребят здесь пеньку, отныне бормотание молитв сменилось монотонным шумом прялок. Но разве мечеть правоверного Амру не так же заброшена, как мечеть еретика Хакима, проклятого правоверными мусульманами?

Древний Египет, столь же забывчивый, сколь и доверчивый, похоронил под пылью веков многих пророков и богов.

Поэтому попавший сюда чужестранец может не опасаться ни религиозного фанатизма, ни расовой нетерпимости, присущей другим странам Востока; арабскому владычеству оказалось не под силу изменить характер обитателей Египта. Впрочем, эта земля была и остается нашей общей прародиной, и здесь под напластованиями греческой и римской цивилизаций прослеживаются истоки Европы.

Религия, мораль, ремесла — все пришло из этого таинственного и вместе с тем гостеприимного края, где в древние времена гении черпали для нас свою мудрость. Содрогаясь от ужаса, входили они в эти чужие святилища, где решалось будущее человечества, и выходили оттуда с божественным сиянием над челом, чтобы донести до своих народов предания, восходящие к первым дням мироздания. Так, Орфей, Моисей и малоизвестный у нас бог, которого индусы называют Рама, принесли с собой одни и те же наставления и верования, изменившиеся впоследствии под влиянием тех народов, которые их восприняли, но повсюду они легли в основу мировых цивилизаций.

Характерной чертой древнего Египта как раз и является эта мысль о единстве рода человеческого и даже о возможности поклонения новым богам; впоследствии это усвоил Рим — правда, в интересах своего могущества и славы. Народ, воздвигший памятники, неподвластные времени, и запечатлевший на них все секреты искусства и ремесел, народ, говоривший с грядущим на языке, который лишь теперь начинают понимать потомки, бесспорно, заслуживает признательности всего человечества.

Я без устали работал и читал, стремясь выгоднее использовать долгие дни вынужденного безделья, вызванного хамсином. С утра воздух был насыщен пылью и раскален от зноя. В течение пятидесяти дней, когда дует полуденный ветер, нельзя выйти из дома раньше трех часов, пока не поднимется ветер с моря.

Каирцы проводят время в комнатах нижнего этажа, облицованных фаянсом или мрамором, где устроены освежающие фонтаны. Днем также можно находиться в бане, среди влажного пара, заполняющего просторное помещение, где потолок — купол с зияющими отверстиями — напоминает звездное небо. Зачастую эти бани — настоящие дворцы, которые вполне могли бы служить мечетями или церквями; выполнены они в византийском стиле, вероятно, образцом им служили греческие бани. Между колоннами, на которые опирается круглый свод, устроены небольшие кабины, выложенные мрамором, с изящными фонтанчиками для омовения холодной водой. Вы можете по желанию то наслаждаться одиночеством, то смешиваться с толпой, которая в отличие от общества наших купальщиков не имеет болезненного вида. Здесь встречаются в основном здоровые красивые мужчины, задрапированные, как в античные времена, в длинные льняные простыни. Сквозь молочно-белый туман, пронизанный лучами дневного света, падающими со свода, видны лишь расплывчатые фигуры, и вдруг начинает казаться, что ты в раю, в царстве счастливых теней. Но в соседних залах вас ожидает чистилище. Там устроены бассейны с кипящей водой, в которых «варятся» купальщики; там на вас набрасываются свирепые банщики с волосяными рукавицами и яростно, словно надраивая посуду, отдирают от вашего тела мельчайшие частички кожи, что заставляет опасаться, как бы постепенно, слой за слоем с вас не сняли весь эпителий. Однако можно уклониться от этой процедуры, довольствуясь тем блаженством, которое источает влажный воздух банного зала. Как ни странно, в этой искусственно созданной жаре отдыхаешь от полуденного пекла; земной огонь Птаха берет верх над нестерпимо палящим зноем небесного Хоруса. Следует ли говорить о наслаждении от массажа и о чудесном отдыхе на скамьях, расставленных вдоль высокой галереи с перилами, которая расположена над вестибюлем бани? Кофе, шербеты, кальяны прерывают или навевают легкий дневной сон, столь любимый восточными народами.

Впрочем, раскаленный от зноя ветер дует в период хам-сина не все время. Часто он прекращается на целые недели, в буквальном смысле слова позволяя дышать. Город вновь оживает, пестрая, шумная, веселая толпа заполняет площади и парки, на аллее Шубры появляются гуляющие, в беседках возле фонтана и у разбросанных между деревьями могил мусульманки в покрывалах грезят дни напролет в окружении веселых ребятишек. У восточных женщин есть две возможности скрыться от тишины гарема — это прежде всего кладбище, где у любой из них покоится дорогое сердцу существо, и общественная баня, куда, по обычаю, мужчины должны отпускать жен не реже раза в неделю.

Я не знал об этом, что и стало причиной некоторых домашних неурядиц, от которых я хочу предостеречь европейца, решившегося последовать моему примеру.

Едва я привел с рынка яванку-невольницу, как меня уже обуревал целый рой мыслей, дотоле не приходивших мне в голову. Боязнь оставить ее еще на один день среди жен Абд аль-Керима ускорила мое решение. Эта рабыня приглянулась мне сразу же.

Есть что-то притягательное в женщине из далекой, экзотической страны, которая говорит на неизвестном языке и поражает необычностью своего наряда и привычек; в ней нет ни малейшей вульгарности, которую мы часто наблюдаем у своих соотечественниц. На какое-то время я поддался магии восточного колорита; слушал ее щебетание, с интересом наблюдал, как она выставляет напоказ пестроту своих одежд, как будто у меня в клетке жила райская птичка, но надолго ли сохранится это ощущение?

Меня предупредили, что, если торговец обманет покупателя относительно достоинств рабыни и у нее обнаружится какой-то изъян, покупатель имеет право через неделю расторгнуть сделку. Мне представлялось невозможным, чтобы европеец прибегнул к подобной недостойной оговорке, даже в том случае, если его действительно обманули. Но вскоре я с ужасом обнаружил у несчастной девушки два клейма с монету в шесть ливров: одно под стягивающей лоб красной повязкой, другое — на груди, и на обоих — татуировка, изображающая нечто вроде солнца. На подбородке тоже была татуировка в виде острия пики, а левая лодыжка проколота, чтобы носить кольцо. Волосы были подстрижены спереди и падали челкой до самых бровей, соединенных между собой нарисованной черной линией. Руки и ноги были выкрашены в оранжевый цвет; я

знал, что это специально приготовленная хна, от которой через несколько дней не останется и следа.

Что же теперь делать? Смуглая женщина в европейской одежде выглядела бы весьма комично. Я ограничился тем, что дал ей понять знаками, что нужно отрастить подстриженные кружком волосы на лбу. Это, казалось, немало ее удивило; что же до клейма на лбу и на груди — вероятно, обычая острова Ява, поскольку в Египте я не встречал ничего подобного, — то их можно было скрыть украшением или какой-нибудь отделкой; таким образом, тщательно оглядев свое приобретение, я решил: особенно жаловаться мне было не на что.

ДОМАШНИЕ ЗАБОТЫ

Пока я разглядывал прическу рабыни с беспокойством хозяина, который печется о том, чтобы приобретенному им товару не был нанесен какой-либо урон, бедняжка заснула. Я услышал, как во дворе закричал Ибрахим:

— Эй, месье!

Я догадался, что меня кто-то спрашивает.

Я вышел из комнаты и увидел на галерее еврея Юсефа, который желал побеседовать со мной. Он понял, что я не горю желанием пригласить его в комнаты, и мы принялись прогуливаться по галерее и курить.

— Мне сказали, — начал он, — что вас заставили купить невольницу; я очень против этого шага.

— Почему же?

— Вас, наверное, обманули или обсчитали, драгоманы всегда в сговоре с торговцами рабов.

— Весьма вероятно.

— Абдулла взял себе по меньшей мере один кошелек.

— Ничего не попишешь.

— Вы не до конца отдаете себе отчет в том, что произошло. Вы попадете в крайне затруднительное положение: перед вашим отъездом из Каира Абдулла предложит вам перепродать ее за гроши. Это в его правилах, и потому он отговорил вас от брака по-коптски, что было бы гораздо проще и обошлось бы дешевле.

— Вы же прекрасно понимаете, что мне было бы советно вступить в брак, который предполагает религиозное освящение.

— Почему же вы молчали об этом? Я подыскал бы вам слугу-араба, который женился бы вместо вас столько раз, сколько бы вы пожелали.

Услышав подобное заявление, я чуть было не прыснул со смеху, но когда попадаешь в Каир, быстро перестаешь чему-либо удивляться. Из разговора с Юсефом я понял, что существует целая категория таких недостойных людей, занимающихся подобным ремеслом. Все это возможно благодаря легкости, с которой жители Востока могут сойтись с женщиной и расстаться с ней, когда им заблагорассудится; обман может раскрыться, если женщина сама подаст жалобу, но, очевидно, это лишь средство обойти строгости паши в отношении общественной морали. Любая женщина должна иметь официального мужа, пусть она даже разведется с ним через неделю, если только у нее, как у рабыни, нет хозяина.

Я дал понять Юсефу, насколько меня возмущает подобная сделка.

— Господи,— ответил он мне,— какая важность! Это с арабами?

— Вы можете также сказать — с христианами!

— Таков обычай,— добавил он,— его ввели англичане, они так богаты!

— Значит, это дорогое удовольствие?

— Раньше было дорогое, но сейчас в этом деле возникла конкуренция, и все стало доступнее.

Развратить целый народ, дабы избежать гораздо меньшего зла! Еще десять лет назад в Каире можно было встретить женщин наподобие индийских баядерок или римских куртизанок. Улемы долго и безуспешно жаловались правительству, но поскольку оно брало с этих женщин, объединенных в корпорацию, довольно значительный налог, то не трогало их; большинство женщин жили за городом, в Матарии. Наконец каирские святоши предложили сами платить налог; тогда всех этих дам сослали в Исну, в Верхнем Египте. И теперь этот город, стоящий на месте древних Фив, является чем-то вроде Капуи для иностранцев, плывущих вверх по Нилу. Здесь есть свои Лаисы и Аспазии, которые ведут роскошную жизнь и богатеют главным образом за счет англичан. Им принадлежат дворцы и невольники, и, подобно знаменитой Родопе³⁶, они могли бы построить для себя пирамиды, чтобы прославить себя, если бы в наши дни было еще в моде нагромождать на свое тело груды камней, но сейчас женщины предпочитают бриллианты.

Я прекрасно понимал, что еврей Юсеф не напрасно просвещал меня на этот счет: из-за возникших у меня сомнений я скрывал от него свои посещения невольничьего

рынка. Иностранец на Востоке напоминает наивного возлюбленного или юношу из богатой семьи — персонажей комедий Мольера. Нужно лавировать между Маскарилем и Сбригани³⁷. Чтобы поставить все точки над «и», я пожаловался, что истратил на рабыню почти все свои сбережения.

— Какая досада! — вскричал еврей. А я-то собирался взять вас в одно весьма прибыльное дело, которое через несколько дней принесло бы обратно ваши деньги в десятикратном размере. Вместе с приятелями мы скупаем весь урожай тутового листа в окрестностях Каира, а затем перепродаем его в розницу по выгодной цене тем, кто разводит шелковичных червей, но для этого необходимо иметь в наличии какое-то количество денег, которые здесь большая редкость; законный процент в этой стране — двадцать четыре. Однако, если заниматься делом с умом, все равно можно получить прибыль. Но что теперь об этом говорить. Я дам вам только один совет: вы не знаете арабского языка, но постарайтесь объясниться с рабыней, не прибегая к помощи драгомана, он научит ее дурному, вы даже не будете подозревать об этом, и в один прекрасный день она от вас сбежит; такое иногда случается.

Эти слова заставили меня задуматься. Если даже мужу не так-то легко уберечь жену, то каково приходится хозяйину? Совсем так, как было с Арнольфом или Жоржем Данденом³⁸. Как поступить? Евнух или дуэнья не вызывают доверия у иностранца; сразу же предоставить рабыне независимость, которой обладают француженки, было бы нелепо в стране, где, как известно, женщины не имеют никаких моральных устоев, чтобы противостоять даже самому вульгарному обольщению. Как оставлять ее одну дома? Но в то же время невозможно показаться с ней на улице. Здесь это не принято. Разумеется, обо всем этом я заранее не подумал.

Я попросил еврея сказать Мустафе, чтобы он приготовил мне обед; ведь не мог же я в самом деле вести рабыню за общий стол в отель «Домерг». Драгоман же отправился встречать дилжанс из Суэца, поскольку я предоставил ему достаточно свободного времени, чтобы изредка он мог сопровождать англичан в их прогулках по городу. Когда он вернулся, я объявил ему, что впредь намереваюсь занимать его лишь несколько дней в неделю и что не желаю держать при себе всех слуг, поскольку, приобретя рабыню, быстро выучусь объясняться с нею, а этого для меня вполне достаточно. Он-то считал, что теперь как никогда

необходим мне, и поэтому был слегка озадачен моими словами. Но в конце концов все уладилось, драгоман предупредил меня, что я смогу найти его в отеле «Вэгхорн» всякий раз, как только он мне понадобится.

Должно быть, Абдулла намеревался выступать толмачом между мной и рабыней и таким образом познакомиться с ней, но ревность на Востоке так понятна, а сдержанность во всем, что имеет отношение к женщине, так естественна, что он больше не заговаривал со мной на эту тему.

Я вернулся в комнату, где оставил рабыню спящей. Она уже проснулась и, сидя у окна, смотрела на улицу сквозь боковые решетки машрабий. Там, через два дома, стояли и беспечно курили молодые офицеры в форме турецкой армии нового образца, вероятно состоявшие при какой-то важной персоне. Я понял, что именно здесь может таиться опасность. Тщетно подыскивал я слова, чтобы объяснить ей, что наблюдать за военными на улице нехорошо, но на ум мне пришло только универсальное «тайеб» («прекрасно»), бодрое междометие, достойное духа самого покладистого на свете народа, но абсолютно неподходящее в данной ситуации.

О женщины! С вашим появлением все меняется. До сих пор я был счастлив, всем доволен. Я говорил «тайеб» по любому поводу, и Египет отвечал мне улыбками. Сегодня же я вынужден подыскивать слова, которых, возможно, не существует в языке этого благожелательного народа. Мне, правда, доводилось видеть, как коренные жители Египта произносят резкие слова и сопровождают их недовольными жестами. Если им что-то не нравится, что бывает весьма редко, они говорят вам «Ля!», небрежным жестом поднося руку ко лбу. Но как произнести «Ля!» суровым тоном, делая одновременно ленивое движение рукой? Однако ничего лучшего я не придумал, затем я подвел рабыню к дивану и жестом указал ей, что гораздо пристойнее сидеть здесь, чем у окна. После этого я дал ей понять, что скоро подадут обед.

Следующая проблема заключалась в том, станет ли она открывать лицо в присутствии повара; мне показалось, что это противоречит местным устоям. Ведь до сих пор ни один мужчина не стремился ее увидеть. Даже драгоман не поднимался вместе со мной, когда Абд аль-Керим демонстрировал мне своих женщин; поступи я иначе, чем местные жители, я наверняка вызову всеобщее неудовольствие.

Когда обед был готов, Мустафа позвал меня. Я вышел

из комнаты, и он показал мне глиняную кастрюлю, в которой приготовил плов из курицы.

— *Вопо, вопо!* — сказал я ему, вернулся и велел рабыне надеть покрывало. Она подчинилась.

Мустафа поставил стол, накрыл его скатертью из зеленого сукна, затем, переложив на блюдо плов, принес немного зелени на тарелочках, *кулькас*³⁹ в уксусе и горчичный соус, в котором плавали кружочки лука, — эта холодная закуска выглядела весьма аппетитно. Прюделав все это, он деликатно удалился.

ПЕРВЫЕ УРОКИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Я подал знак рабыне, чтобы она взяла стул (я имел слабость приобрести стулья), но она отрицательно покачала головой, дав мне понять, что мое предложение нелепо, поскольку столик был невысоким. Тогда я положил на пол подушки и уселся, приглашая ее занять место напротив меня, но убедить ее было невозможно. Она отвернулась, закрыв рот рукой.

— Дитя мое, — сказал я, — неужели вы хотите, чтобы я позволил вам умереть от голода?

Я чувствовал, что лучше говорить, даже несмотря на то что тебя не поймут, чем разыгрывать нелепую пантомиму. Рабыня произнесла несколько слов, означавших, вероятно, что она меня не понимает, а я отвечал ей «тайеб», это слово всегда может служить началом диалога.

Лорд Байрон, основываясь на своем опыте, утверждал, что лучший способ изучить язык — жить какое-то время вдвоем с женщиной⁴⁰; но к этому следует добавить несколько самых простых книг, иначе можно выучить только существительные без глаголов; запомнить слова очень трудно, если не записывать их, а арабское письмо нам незнакомо и к тому же дает весьма приблизительное представление о произношении. Изучать же его — дело весьма сложное из-за отсутствия гласных, и ученый Вольней счел более простым придумать смешанный алфавит, использование которого, увы, не было поддержано другими учеными. Наука любит сложности и никогда не стремится упростить процесс обучения: если можно будет изучать все самим, к чему тогда учителя?

В конце концов, сказал я себе, эта девушка, родившаяся на Яве, возможно, придерживается религии индусов; в таком случае она питается исключительно фруктами и ово-

шами. Я произнес с вопросительной интонацией имя Брахмы и сделал восхваляющий жест, но она, казалось, не поняла. Наверное, мое произношение было ужасным. Я перечислил все известные мне имена, имевшие хоть какое-то отношение к той же системе мира; результат был примерно таким же, как если бы я говорил с ней по-французски. Я начал было сожалеть, что поблагодарил драгомана; больше всего я осуждал торговца рабами за то, что он продал мне эту дивную златоперую птицу, не предупредив, чем ее кормить.

Я предложил ей просто хлеба, кстати самого лучшего, какой пекут только во французском квартале; она меланхолично сказала: «Мафиш!» Неизвестное мне слово.

Произнесено оно было весьма удручившим меня тоном. Я сразу вспомнил о несчастных баядерках, привезенных в Париж несколько лет назад, их показали мне в одном из домов на Елисейских полях. Эти индианки ели только то, что готовили сами в новой посуде. От этого воспоминания я немного приободрился и решил, что после обеда выйду из дома вместе с рабыней, чтобы разобраться, в чем дело.

Недоверие к драгоману, которое внушал мне еврей, возымело обратное действие, отныне я не доверял ему самому; поэтому-то я попал в столь затруднительное положение. Теперь мне следовало взять в переводчики какого-то верного человека на случай, если мне придется показать ему мое приобретение. На мгновение я подумал о месье Жане, мамлюке, мужчине преклонного возраста. Но как провести женщину в увеселительное заведение?

В то же время не мог же я позволить, чтобы она оставалась в доме с поваром и берберийцем, пока я отправлюсь на розыски месье Жана? А если выпроводить этих двух опасных слуг, разве разумнее оставить рабыню одну в доме, запертом только на деревянный засов?

На улице раздался звон колокольцев, через ажурную решетку я увидел пастуха коз — юношу в синей рубашке, который шел со стороны французского квартала, ведя нескольких коз. Я показал его рабыне, и она, улыбаясь, произнесла: «Айва!» Я перевел это как «да».

Я велел позвать пастуха, ему оказалось лет пятнадцать. Он представлял собой типичного египтянина: смуглая кожа, большие глаза, довольно широкий нос и толстые губы, как у сфинкса. Он зашел во двор вместе с козами и тут же принялся донить одну из них в новый фаянсовый сосуд, который я показал рабыне, прежде чем отдал ему. Она пов-

торила: «Айва!» — и наблюдала с галереи, не снимая покрывала, за манипуляциями юноши.

Своей бесхитростью эта сцена напоминала буколическую идиллию, и мне показалось вполне естественным, что она обратилась к нему со словами «таале букра»; я понял, что, по всей видимости, она приглашала его прийти завтра. Когда сосуд наполнился, пастух взглянул на меня как-то по-дикарски и выкрикнул: «Хат фулюс!» Уже обученный погонщиками ослов, я знал, что это означает: «Давай деньги». Когда я заплатил ему, он крикнул: «Бакшиш» — еще одно излюбленное словечко египтян, которые по любому поводу требуют чаевых. Я ответил ему: «Таале букра», как сказала рабыня. Он ушел вполне удовлетворенный. Вот так понемногу можно выучить язык.

Она выпила только молоко, не пожелав крошить в него хлеба; тем не менее этот легкий обед меня успокоил, я боялся, что она принадлежит к той яванской расе, которая питается редкими плодами своей земли, а раздобыть их в Каире невозможно. Затем я послал за осламц и сделал знак рабыне надеть верхнюю одежду (*миляйя*). Она с некоторым презрением взглянула на клетчатую хлопчатобумажную ткань, которую так охотно носят в Каире, и сказала: «Ана ус хабара!»

Как быстро набираешься новых знаний! Я понял, что она надеялась носить шелковую одежду, как знатные дамы, а не хлопок, как простые горожанки, и я ответил ей: «Ля, ля!» — качая головой и делая отрицательный жест рукой на манер египтян.

ЛЮБЕЗНАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА

У меня не было желания ни идти покупать хабару, ни просто гулять; мне пришла в голову мысль, что если я приобрету абонемент в библиотеку для чтения, то изящная мадам Боном, возможно, согласится выступить в роли толмача для моего первого объяснения с юной невольницей. До этого я видел мадам Боном лишь в известном любительском спектакле, открывшем сезон в Teatro del Cairo, но водевиль, в котором она играла, рекомендовал ее как особу отзывчивую и обязательную. Театр имеет исключительное свойство: он создает иллюзию, что вы хорошо знакомы с незнакомкой. Отсюда — великие страсти, которые внушают зрителям актрисы, тогда как к женщинам, которых видишь лишь издали, редко испытываешь чувство.

Если актриса наделена особым даром — воплощать всеобщий идеал, который воображение каждого мужчины дорисовывает по-своему, то почему бы не признать в красивой и, если угодно, добродетельной хозяйке магазина благожелательную наставницу, с которой чужестранец может завязать полезные и приятные отношения?

Все знают, как никому не известный, испуганный, добрый Йорик, затерявшись среди парижской суеты, был счастлив, встретив сердечный прием у любезной перчаточницы⁴¹. Но насколько важнее подобная встреча в восточном городе!

Мадам Боном с любезностью и терпением, на какие только была способна, согласилась на роль переводчика между рабыней и мной. В библиотеке было много посетителей, и она пригласила нас пройти в примыкавший к библиотеке магазин туалетных принадлежностей. Во франкском квартале коммерсанты продают что придется. Пока удивленная рабыня с восхищением разглядывала диковинки европейской роскоши, я объяснил мадам Боном свое положение; впрочем, она сама имела чернокожую рабыню, которой время от времени отдавала распоряжения по-арабски.

Мой рассказ заинтересовал ее. Я попросил узнать у рабыни, довольна ли она тем, что принадлежит мне.

— *Айва*, — ответила она.

К этому утвердительному ответу она добавила, что очень бы хотела быть одетой как европейская женщина. Это притязание вызвало улыбку у мадам Боном, которая тут же отыскала тюлевый чепчик, отделанный бантами, и надела его на голову рабыни. Должен признать, что подобный головной убор был не слишком ей к лицу; белизна чепчика придавала рабыне болезненный вид.

— Дитя мое, — сказала ей мадам Боном, — нужно оставаться тем, кто ты есть; тарбуш идет тебе больше.

И поскольку рабыня неохотно рассталась с чепчиком, она нашла для нее расшитый золотом татикос, какие носят гречанки, на сей раз эффект был сильнее. Я почувствовал в действиях мадам Боном желание продвинуть свою торговлю, но цена была вполне приемлемой, несмотря на удивительно тонкую работу, с какой был выполнен этот головной убор.

Уверенный отныне в двойной благожелательности, я попросил, чтобы бедняжка подробно рассказала о своих приключениях. Они напоминали известные нам истории рабынь — историю Адрианы у Публия Теренция⁴², исто-

рию мадемуазель Айсе⁴³... Разумеется, я не надеялся узнать всю правду.

Дочь благородных родителей, она совсем крошкой была похищена на берегу моря, что в наши дни было бы совершенно невозможно в Средиземноморье, но вполне вероятно в Южных морях... Впрочем, откуда тогда она родом? Мне не приходило в голову усомниться в ее малайском происхождении. Подданных Османской империи нельзя продавать ни под каким предлогом. И всякий раб, если он не белый и не черный, может быть лишь уроженцем Абиссинии или островов Индийского океана.

Ее продали очень старому шейху из Мекки. Когда он умер, торговцы из каравана увезли ее с собой и выставили на продажу в Каире.

Все это выглядело вполне правдоподобно, и я был счастлив поверить, что до меня она принадлежала только почтенному шейху, с возрастом охладевшему к женщинам.

— Ей действительно восемнадцать лет,— подтвердила мадам Боном,— но она очень вынослива. И вам пришлось бы заплатить гораздо дороже, если бы она не принадлежала к редко встречающейся здесь расе. Турки — консерваторы, им подавай абиссинок или негритянок; будьте уверены, ее возили за собой из города в город, не зная, как от нее отделаться.

— Ну что ж,— ответил я,— значит, судьбе было угодно, чтобы я оказался в Каире. Мне было уготовано стать ее счастливой или несчастной судьбой.

Такой взгляд на вещи, совпадающий с восточной верой в судьбу, был изложен рабыне, и я заслужил ее одобрительную улыбку. Я попросил узнать, почему она отказалась есть утром и не исповедует ли она индуизм.

— Нет, она мусульманка,— сказала мне мадам Боном, переговорив с рабыней,— она сегодня не ела потому, что до захода солнца следует поститься.

Я испытал сожаление, что девушка не поклоняется Брахме, по отношению к которому я всегда питал слабость; что же касается языка, то изъяснялась она на чистейшем арабском, а от своего родного языка сохранила лишь несколько песен, или пантун, и я дал себе слово, что попрошу ее их исполнить.

— Ну а как вы будете объясняться с ней в дальнейшем? — спросила меня мадам Боном.

— Мадам,— ответил я,— я уже знаю одно слово, которое выражает полное удовлетворение; назовите другое — противоположное по смыслу. Моя природная сообрази-

тельность придет мне на помощь, пока я не овладею языком.

— Так, стало быть, вам уже требуются слова, выражающие отказ?

— У меня есть опыт,— ответил я,— нужно быть готовым ко всему.

— Увы,— сказала мне шепотом мадам Боном,— вот это ужасное слово: мафиш. Оно выражает всевозможные отрицания.

Тогда я вспомнил, что рабыня уже употребляла это слово в разговоре со мной.

ОСТРОВ РОДА

Генеральный консул пригласил меня совершить прогулку по окрестностям Каира. Отвергать подобное предложение было бы неразумно, поскольку консулы обладают всевозможными привилегиями и могут беспрепятственно бывать там, где им заблагорассудится. Кроме того, участвуя в подобной прогулке, я смог бы воспользоваться европейской каретой, что на Востоке удается крайне редко. Карета в Каире — тем большая роскошь, что пользоваться ею для поездок по городу невозможно: только правители и их свита имеют право давить прохожих и собак в тех случаях, когда узкие и извилистые каирские улицы позволяют этим важным персонам пользоваться своим правом. Даже паша вынужден держать кареты у ворот и выезжать в них только в свои многочисленные загородные дворцы.

До чего же забавное зрелище коляска или двухместная карета по последней парижской или лондонской моде, которой правит кучер в чалме, держа в одной руке хлыст, а в другой — длинную трубку!

В один прекрасный день ко мне явился с визитом янычар из консульства, который принялся колотить в дверь своей толстой тростью с серебряным набалдашником, желая прославить меня на весь квартал. Он сообщил, что меня ждут в консульстве, чтобы совершить условленную экскурсию. Мы должны были выехать рано утром следующего дня, правда, консул еще не знал, что после моего визита к нему мое холостяцкое жилье превратилось в семейный дом; и теперь я недоумевал, как же мне надлежит поступить с моей любезной подругой, чтобы отлучиться на весь день.

Взять ее с собой было бы неуместно; оставить одну в обществе повара и привратника означало бы нарушить самую элементарную осторожность. Я был этим весьма озадачен. Наконец я решил, что следует либо купить евнухов, либо кому-то довериться. Я велел рабыне сесть на осла, и вскоре мы остановились перед лавкой месье Жана. Я спросил у бывшего мамлюка, не знает ли он какое-нибудь порядочное семейство, где я мог бы на день оставить рабыню. Находчивый месье Жан указал мне на старого копта по имени Мансур, который был достоин всяческого доверия, ибо долгие годы нес службу во французской армии.

Мансур, как и месье Жан, был мамлюком, но мамлюком французской армии. Ими были в основном копты, которые после поражения Египетской экспедиции последовали за нашими солдатами. Несчастный Мансур и его друзья были брошены марсельцами в море за то, что поддерживали партию императора по возвращении Бурбонов; но, истинное дитя Нила, он спасся из пучины вод.

Мы отправились к этому славному человеку, который жил с женой в покосившемся доме: потолок, того и гляди, грозил обвалиться; узорчатые решетки на окнах местами напоминали рваное кружево. Только старая мебель и какое-то тряпье украшали это обветшалое жилище, а лежащая повсюду пыль при ярком солнечном свете придавала ему такой мрачный вид, какой создает грязь в самых убогих городских кварталах. У меня сжалось сердце при мысли о том, что бóльшая часть каирского населения живет в таких вот домах, откуда давно сбежали даже крысы. Я сразу же отказался от намерения оставить здесь рабыню, но попросил старого копта и его жену прийти ко мне. Я пообещал взять их к себе на службу или, наоборот, прислать к ним кого-то из моих слуг. Впрочем, расход в полтора пиастра, или сорок сантимов в день на человека нельзя считать расточительностью.

Таким образом, я обеспечил семейный покой и, как коварный тиран, свел верных себе людей с другими, внушающими подозрение, которые могли бы объединиться против меня, и теперь счел себя вправе пойти к консулу. У ворот консульства уже ждала карета, полная снеди, и два конных янычара для сопровождения. Кроме секретаря посольства с нами ехал важного вида человек по имени шейх Абу Халед, которого консул пригласил, чтобы тот давал нам пояснения в пути.

Шейх бегло изъяснялся по-итальянски и слыл одним из самых изящных и образованных арабских поэтов.

— Он весь в прошлом,— сказал мне консул,— преобразования ему ненавистны, хотя трудно найти другого столь терпимого человека. Он из того поколения философов-арабов — если хотите, вольтерьянцев,— которые представляют собой совершенно особый для Египта феномен, ибо они никогда не выступали против французского господства.

Я спросил у шейха, много ли в Каире еще поэтов.

— Увы,— ответил он,— прошли те времена, когда за изящное стихотворение властелин приказывал дать поэту столько золотых цехинов, сколько тот мог положить себе в рот. Сегодня же в нас видят только лишние рты... Кому теперь нужна поэзия, разве что на потеху толпе?

— Но почему же,— спросил я его,— сам народ не возьмет на себя роль великодушного правителя?

— Он слишком беден,— ответил шейх,— и к тому же настолько невежествен, что способен оценить лишь пустые романы, написанные вопреки канонам искусства и высокого стиля. Завсегдагаев кофеен привлекают только кровавые или непристойные приключения. К тому же рассказчик замолкает на самом интересном месте и объявляет, что будет продолжать лишь в том случае, если ему заплатят определенную сумму, но развязку он всегда оставляет на следующий день. И это чтение длится неделями.

— Все как у нас,— сказал я.

— Что же до знаменитых поэм об Антаре или Абу Зейде,— продолжал шейх,— то их слушают лишь во время религиозных праздников или по привычке. Только немногие способны по достоинству оценить красоту их поэзии. В наше время люди едва умеют читать. Трудно поверить в то, что сегодня самыми сведущими в арабской литературе являются двое французоз.

— Он имеет в виду доктора Перрона и месье Френеля⁴⁴, консула в Джидде,— пояснил мне консул.— Однако,— добавил он, повернувшись к шейху,— ведь у вас есть много седобородых улемов, которые все свое время проводят в библиотеках при мечетях.

— Разве проводить жизнь, куря наргиле и перечитывая одни и те же книги, объясняя это тем, что якобы нет ничего более прекрасного и что религия превыше всего,— разве это означает заниматься наукой? — спросил шейх.— Тогда уж лучше отказаться от нашего славного прошлого

и обратиться к европейской науке, которая, впрочем, все у нас же и позаимствовала.

Мы миновали городскую стену, оставив справа Булак и окружающие его богатые виллы, и поехали по тенистой дороге, проложенной среди деревьев, по обширным имениям, принадлежащим Ибрахиму⁴⁵. Именно по его приказу здесь, на некогда бесплодной равнине, были высажены финиковые пальмы, тутовые деревья и смоковницы, и сегодня она напоминает сад. В центре этих плантаций, неподалеку от Нила, расположены просторные здания, где перерабатывается их продукция. Обогнув их и повернув направо, мы оказались перед аркадой, через которую спускаются к реке, чтобы попасть на остров Рода.

Рукав Нила выглядит здесь речушкой, которая струится мимо беседок и садов. Густые заросли тростника окаймляют берег, и, по преданию, именно в этом месте дочь фараона нашла колыбель Моисея. Повернувшись к югу, можно увидеть справа порт Старого Каира, а слева — на фоне минаретов и куполов — Микйас (Ниломер), образующий стрелку острова.

Остров не только великолепная резиденция вельможи, благодаря усилиям Ибрахима здесь разбит каирский ботанический сад. Этот сад — полная противоположность нашему. Вместо того чтобы с помощью теплиц создавать жару, здесь пытаются искусственно вызвать дожди, холод и туманы, чтобы выращивать наши европейские растения. Правда, пока что удалось вырастить лишь один несчастный дубок, да и у того не бывает желудей. Ибрахим преуспел больше с индийскими растениями. Они весьма отличаются от египетских, и здешние широты для них даже слишком холодны. Мы с наслаждением прогуливались под сенью тамарисков, баобабов и высоких кокосовых пальм с узорчатыми, как у папоротника, листьями. Среди многочисленных экзотических растений я увидел заросли стройного бамбука, который растет здесь сплошной стеной, как наши пирамидальные тополя; между газонами, изгибаясь, текла небольшая речка, ярко блестело на солнце оперение павлинов и розовых фламинго. Изредка мы останавливались и отдыхали в тени дерева, напоминающего плакучую иву, с высоким, прямым, как мачта, стволом и зеленым шелковым шатром из густой листвы, сквозь который пробивались тонкие лучи солнечного света.

Мы неохотно выбрались из объятий этого волшебного мира, из этой свежести, этих благоухающих ароматов иной части света, куда, казалось, мы перенеслись по волшебст-

ву. Двигаясь по острову на север, мы увидели, как меняется вокруг нас природа, призванная, вероятно, дополнить собой гамму тропической растительности. Поднявшись по узким тропинкам, над которыми нависали лианы, мы очутились в своеобразном лабиринте, проходившем через искусственно созданные скалы с беседкой наверху, среди цветущих деревьев, похожих на гигантские букеты.

Над головой, под ногами, между камнями, возле тропинок извиваются, переплетаются, вытягиваются и кривляются самые диковинные рептилии растительного мира. Не без страха ступаешь в это логово заснувших змей и драконов — этих похожих на живые существа растений; некоторые из них словно воспроизводят отдельные части человеческого тела, а порой напоминают многоруких индийских богов.

Поднявшись на вершину, я замер от восхищения, когда передо мной на противоположном берегу реки, выше Гизе, во всем своем великолепии предстали три пирамиды, четко выделявшиеся на фоне лазурного неба. Мне еще ни разу не приходилось видеть их так отчетливо, а прозрачный воздух позволял различать мельчайшие детали даже на расстоянии трех лье.

Я не разделяю мнения Вольтера, утверждавшего, что пирамиды Египта не стоят его печей для высиживания цыплят⁴⁶; я не могу также оставаться равнодушным при мысли, что «сорок веков смотрят на меня с высоты пирамид»⁴⁷; но сейчас это зрелище больше всего занимало меня с точки зрения истории Каира и представлений арабов. И я поспешил узнать у сопровождавшего нас шейха, что он думает по поводу тех четырех тысяч лет, которые европейская наука приписывает этим памятникам.

Шейх удобно расположился в беседке на деревянном диване и начал рассказывать:

— Некоторые историки утверждают, что пирамиды были построены царем преадамитов Джанном ибн Джанном⁴⁸, но если исходить из более распространенных у нас преданий, то за триста лет до потопа жил царь по имени Саурид, сын Салахока, который однажды увидел сон, что все на земле перевернулось вверх дном, люди падают навзничь, дома рушатся, погребая под собой людей; в небе сталкиваются звезды, и их осколки толстым слоем покрывают землю. Царь в ужасе проснулся, отправился в храм Солнца и долгое время оставался там, увлажняя щеки слезами; затем он созвал жрецов и прорицателей. И самый мудрый из них, жрец Аклиман, сказал ему, что и он видел

такой же сон. «Мне снилось, — сказал он, — что мы с вами стоим на вершине горы и я вижу, что небо нависло так низко, что едва не касается наших голов, а народ толпами бежит к вам в поисках защиты. И тогда вы воздели руки, желая оттолкнуть небо, чтобы оно не могло опуститься еще ниже; и, видя это, я сделал то же самое. В этот миг откуда-то прямо с солнца раздался голос, возвестивший: „Небо только тогда встанет на свое место, когда я совершу триста оборотов“».

Услышав такие речи, царь Саурид отправился в обсерваторию, чтобы узнать, какие беды предвещают звезды. И он узнал, что сначала на землю обрушатся потоки воды, затем — лавина огня. И тогда царь приказал построить пирамиды такой формы, чтобы они смогли выдержать удары падающих звезд и чтобы сквозь эти каменные глыбы, соединенные между собой железными стержнями, не могли пройти ни небесный огонь, ни хлынувшие с небес воды. Там в случае необходимости должны были найти убежище царь и его свита, там же надлежало спрятать ученые книги, картины, амулеты, талисманы и все то, что непременно следовало сохранить для будущего рода человеческого.

Я внимательно выслушал легенду и сказал консулу, что она кажется мне более достоверной, чем принятое в Европе представление о том, что эти чудовищные сооружения были задуманы только как гробницы.

— Но, — спросил я, — как люди, укрывшиеся внутри пирамид, могли бы дышать?

— Там до сих пор, — ответил шейх, — сохранились колодцы и каналы, уходящие куда-то под землю. Некоторые из них вели к Нилу, другие соединялись с большими подземными пещерами; вода попадала в пирамиды по узким ходам, затем далеко от них выходила на поверхность, образуя огромные водопады и оглашая окрестности ужасающим грохотом.

Консул, будучи человеком весьма трезвого ума, скептически относился к подобным легендам; он воспользовался нашим отдыхом в беседке и разложил на столе взятую с собой провизию, а *бустанджи* Ибрахима-паши вручил нам букеты цветов и редкие фрукты, как нельзя лучше дополнившие наши азиатские впечатления.

В Африке грезят Индией, как в Европе мечтают об Африке, идеал всегда брезжит где-то далеко за горизонтом. Я же без усталости расспрашивал нашего славного шейха, заставляя его рассказывать все известные ему легенды

его предков. Слушая его, я верил скорее в существование царя Саурида, чем в Хеопса греков, их Хефрена и Микерина.

— А что было найдено в пирамидах,— спросил я,— когда при арабских султанах они были открыты впервые?

— Там нашли,— ответил он,— статуи и талисманы, которые царь Саурид поместил туда для охраны пирамид. Восточную пирамиду охранял идол из черного и белого черепашьего панциря, сидящий на золотом троне, в руке он держал копье, от одного только взгляда на которое человек погибал. Дух этого идола — молодая, веселая женщина, которая и в наше время отнимает разум у тех, кто ее встречает. Западную пирамиду охранял идол из красного камня, тоже вооруженный копьем, а на голове у него лежала, свернувшись в клубок, змея; его дух имел обличье нубийского старца с корзиной на голове и с кадилом в руках. Что касается третьей пирамиды, то ее охранял идол из базальта, стоявший на цоколе из того же камня; он притягивал к себе всех, кто на него смотрел; оторвать от него взгляд было невозможно. Дух этого идола являлся в облике безбородого обнаженного юноши. Что касается других пирамид Саккара, то у каждой из них есть свой дух: один предстает в виде темнокожего старца с короткой бородкой; другой — в образе молодой негритянки с ослепительно белыми зубами и белками глаз, держащей на руках ребенка; третий — в виде существа с головой льва и рогами; еще один — в виде пастуха в черном плаще, с посохом в руках и последний — монахом, он появляется из морской пучины и смотрит на свое отражение в воде. Самое опасное — встречаться с этими духами в полуденный час.

— Значит,— сказал я,— на Востоке существуют дневные привидения, как у нас ночные?

— Это потому,— пояснил консул,— что здесь в полдень все должны спать, а славный шейх рассказывает нам сказки, навевающие сон.

— Однако ж,— воскликнул я,— разве все это более невероятно, чем многие явления природы, которые мы не в силах объяснить? Если мы верим в сотворение мира, в ангелов, в потоп и не сомневаемся в движении звезд, почему бы не допустить, что эти звезды связаны с духами и что первые люди могли входить с ними в общение при посредстве религиозного культа и храмов?

— Да, такова была цель древней магии,— сказал шейх.— Эти талисманы и статуи обретали силу только

после их посвящения определенной планете и знаку, связанному с ее восходом и заходом. Главного жреца звали Хатер, то есть важный, значительный человек. Каждый жрец служил одной звезде, как, например, Фаруису (Сатурну), Рауису (Юпитеру) и другим. Каждое утро Хатер спрашивал одного из жрецов: «Где сейчас находится твоя звезда?» Тот отвечал: «Она под таким-то знаком, такой-то градус, столько-то минут», и, совершив необходимые расчеты, жрецы сообщали о том, что надлежало делать в этот день. Итак, первая пирамида была предназначена для правителей и их семей. Во второй должны были находиться идолы звезд и дарохранительницы небесных тел, а также книги по астрологии, истории и естественным наукам; здесь же было убежище жрецов. Третья пирамида предназначалась для хранения саркофагов фараонов и жрецов. И поскольку вскоре не могла вместить всех, то построили другие пирамиды в Саккара и Дашуре. Эти прочные сооружения предохраняли набальзамированные тела от разрушения, ведь, по представлениям того времени, они должны были воскреснуть после определенного периода обращения звезд, но точная дата не называлась.

— Если допустить все это, — сказал консул, — то, возможно, некоторые мумии будут весьма изумлены, проснувшись в один прекрасный день в витрине музея или в коллекции редкостей какого-нибудь англичанина.

— По сути дела, — заметил я, — это настоящие куклы, только человеческие, откуда еще не появились бабочки. Впрочем, как знать, вдруг однажды они и появятся? Я всегда считал святотатством, когда мумии этих несчастных египтян раздевали донага, а затем расчленяли. Как случилось, что эта утешительная и непобедимая вера, передающаяся из поколения в поколение, не смогла побороть глупое любопытство европейцев? Мы чтим тех, кто умер вчера, но разве у мертвых есть возраст?

— Это были неверные, — сказал шейх.

— Увы, — ответил я, — в те времена еще не родились ни Мухаммед, ни Иисус.

Мы продолжали спорить на этот счет, и я был удивлен, что мусульманин проявляет чисто католическую нетерпимость. Почему дети Исмаила проклинали древний Египет, обрекший на рабство лишь племя Исаака? По правде говоря, мусульмане чтут могилы и памятные святыни разных народов, и только надежда найти несметные сокровища побудила халифа открыть пирамиды. Их хроники сообщают, что в помещении, именуемом царским залом,

они нашли на столе статую из черного камня, изображавшую мужчину, и статую из белого камня, изображавшую женщину; он держал в руках копьё, она — лук. Посредине стола стояла наглухо закрытая ваза, когда ее вскрыли, то увидели, что она наполнена еще свежей кровью. В зале находился также петух из червонного золота, украшенный гиацинтами, он начинал кричать и хлопать крыльями, когда заходили люди. Все это напоминает мир «Тысячи и одной ночи»; но что мешает нам думать, что в этих камерах находились талисманы и кабалистические образы? Верно одно: наши современники нашли там только кости быка. Тот саркофаг из царского зала, вероятно, является сосудом с очистительной водой. Впрочем, было бы, пожалуй, абсурдом предположить, как заметил Вольней, что такую груду камней натаскали лишь для того, чтобы скрыть под ней труп величиной в пять футов.

ГАРЕМ ВИЦЕ-КОРОЛЯ

Мы продолжали свою прогулку и отправились осмотреть прелестный, украшенный ракушками и камнями дворец, куда изредка приезжают на лето жены вице-короля. Вокруг этой резиденции разбиты цветники в турецком стиле, похожие на узорчатые ковры. Нас незамедлительно пропустили во дворец; птичьи клетки были пусты, и ощущение жизни в этих покоях создавали лишь часы с музыкальным боем, каждые четверть часа раздавались исполненные на *серинете* короткие арии из французских опер.

Во всех турецких дворцах гаремы устроены одинаково, мне уже доводилось бывать во многих из них. Это непременно парадная зала, куда выходят небольшие комнаты; повсюду стоят диваны, а вместо остальной мебели — столики, инкрустированные черепашиным панцирем. В вырезанных в стене стрельчатых нишах ставят кальяны, вазы с цветами или чашечки кофе. Только три-четыре комнаты обставлены на европейский манер: несколько дешевых предметов мебели, достойных украшать разве что комнату швейцара. Но это не что иное, как уступка прогрессу или, возможно, прихоть фаворитки, но ни один из этих предметов мебелировки не используется по назначению.

Однако даже в самых богатых гаремах обычно отсутствует главная деталь обстановки — кровать.

Мухаммед Али-паша, правитель Египта
(1805—1849)

— Где же спят,— спросил я у шейха,— все эти женщины и их рабыни?

— На диванах.

— Без одеял?

— Они спят одетыми. Правда, зимой укрываются шерстяными или шелковыми покрывалами.

— А где спит муж?

— Муж спит в своей комнате, жены — в своих, а рабыни (одалиски) — на диванах в зале. Если диваны и подушки кажутся им неудобными, тогда в центре комнаты на полу расстилают матрасы и спят прямо на них.

— Одетыми?

— Непременно. Но в самой простой одежде: в шароварах, блузке, платье. По закону как мужчинам, так и женщинам запрещено обнажаться друг перед другом. Исключение делается для лица. Привилегия мужа заключается в том, что он может видеть лица своих жен. Если же любопытство увлечет его дальше, да будут прокляты его глаза! Именно так, слово в слово!

— Теперь я понимаю,— сказал я,— что муж не слишком стремится провести ночь в комнате, полной одетых женщин, и предпочитает спать у себя, но приводит к себе двух или трех женщин...

— Двух или трех! — с негодованием вскричал шейх.— Так могут поступать лишь шакалы! О Аллах! Разве найдется хотя бы одна женщина, даже не мусульманка, которая согласилась бы разделить с другой постель своего мужа? Неужели так заведено в Европе?

— В Европе? — воскликнул я.— Нет, разумеется, нет, но ведь у христиан только одна жена, и они думают, что турки, имея целый гарем, живут одновременно со всеми женами, как с единственной супругой.

— Если бы сыскались,— ответил шейх,— столь развращенные мусульмане, чтобы поступать так, как вы говорите, их законные жены немедленно потребовали бы развода, даже рабыни были бы вправе покинуть его.

— Видите,— сказал я консулу,— мы, европейцы, весьма заблуждаемся относительно восточных нравов. Для нас жизнь турок — воплощение власти и наслаждений. Теперь я вижу, что они отнюдь не хозяева в своем доме.

— Почти все они,— ответил мне консул,— в действительности живут лишь с одной женой. Девушки из хороших семей всегда ставят это условие жениху перед свадьбой.

Мужчина, который в состоянии прокормить и прилично содержать нескольких женщин, то есть предоставить каждой из них отдельное жилье, служанку и два комплекта нарядов в год, а также каждый месяц выдавать определенную сумму на ее содержание, и впрямь может иметь до четырех жен, но по закону он обязан посвящать каждой из них один день в неделю, что далеко не всегда столь заманчиво. Представьте себе также, сколь незавидной будет его жизнь из-за интриг четырех жен, почти равных в своих правах, разве что этот мужчина сказочно богат... В этом случае многочисленные жены, как и многочисленные лошади,— роскошь, но и эти мужья предпочитают довольствоваться одной законной женой и иметь красивых рабынь, хотя отношения с ними тоже складываются не всегда просто, особенно если жена знатного происхождения.

— Бедные турки! — вскричал я.— Как на них клеветуют! Ну а если речь идет только о том, чтобы иметь любовниц, то, честно говоря, такая возможность есть и у всякого состоятельного мужчины в Европе.

— Даже больше возможностей, — сказал мне консул. — В Европе, чем суровее законы, тем вольнее нравы. Здесь же и социальная и моральная сторона жизни подчинены религии, и, поскольку она не требует от правоверных ничего невозможного, следовать ее законам считается делом чести. Это не значит, что не бывает исключений, однако же встречаются они редко, и то лишь благодаря реформе. Благочестивые жители Константинополя были возмущены, когда узнали, что Махмуд⁴⁹ построил великолепную баню, где мог наблюдать за своими женами, когда они купались; правда, в это мало верится, скорее это досужие домыслы европейцев.

Беседуя таким образом, мы шли по тропинкам, обрамленным высоким подстриженным кустарником и выложенным овальными камешками, образующими черно-белый рисунок. Я мысленно представил себе, как вдруг на аллеях замелькают белокожие *кадины*, волоча свои бабуши по мозаичным дорожкам, как они отдыхают в зеленых ажурных беседках из тиса. Изредка на ветви деревьев опускались голуби, словно печальные духи царящего здесь безмолвия.

Мы вернулись в Каир после того, как посетили здание Ниломера, где специальный столб с делениями, прежде посвященный Серапису, был погружен в глубокий бассейн и ежегодно указывал уровень подъема воды в Ниле при наводнениях. Консул решил отвести нас также на семейное кладбище паши. Увы, посещение кладбища после гарема навело нас на весьма грустные размышления, хотя, по правде говоря, именно здесь становится как нельзя очевидной отрицательная сторона полигамии. Это кладбище, где погребены дети лишь одной семьи, напоминает целый город. Здесь более шестидесяти могил — больших и маленьких, в основном свежих, с надгробиями в виде колонн из белого мрамора. Каждый столб увенчан либо чалмой, либо женским головным убором, что придает всем турецким могилам вид какой-то мрачной реальности; возникает ощущение, что ты идешь среди безмолвно застывшей толпы. Богатые надгробия задрапированы роскошными тканями и увенчаны шелковыми или кашемировыми тюрбанами, создающими полную иллюзию сходства с живыми людьми.

Утешительно думать, что, несмотря на все потери, семья паши еще достаточно многочисленна. Кроме того, смертность турецких детей в Египте является фактом столь же древним, сколь бесспорным. Знаменитые мамлю-

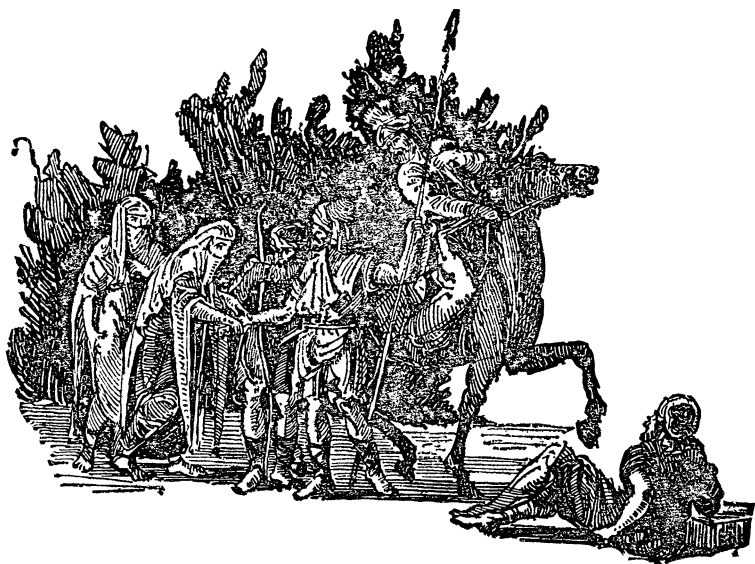
ки, так долго правившие страной и привозившие сюда самых красивых женщин со всего света, вообще не оставили после себя потомства⁵⁰.

ТАЙНЫ ГАРЕМА

Я размышлял над тем, что мне довелось услышать. Итак, наслаждения гаремной жизни, всевластие мужа или господина, прелестные жены, которые сообща стараются доставить удовольствие одному-единственному мужчине, — все это, увы, очередная иллюзия, с которой приходится расстаться. Религия и мораль полностью разрушают этот идеал, столь соблазнительный для европейца. Все, кто берет на веру наши предрассудки, именно таким образом представляя себе восточную жизнь, очень скоро испытывают разочарование. Большинство франков, когда-то поступивших на службу к паше и из соображений выгоды или ради удовольствия принявших ислам, сегодня уже вернулись если не в лоно церкви, то по крайней мере к родной христианской моногамии.

Постараемся глубже вникнуть в эту проблему. Замужняя женщина в Турецкой империи имеет те же права, что и у нас, и даже может запретить своему мужу завести себе вторую жену, сделав это непременно условием брачного контракта. Если же она соглашается жить в одном доме с другой женщиной, то имеет право находиться отдельно, вовсе не стремясь, как это принято думать, изображать вместе с рабынями трогательные сцены семейного счастья под благосклонным оком супруга или господина. Даже и не думайте, что эти красавицы готовы петь или плясать, дабы развлечь своего властелина. Честной женщине, по их мнению, не пристало обладать подобными талантами, но мужчина может пригласить в свой гарем альмей и газий и с их помощью веселить своих жен. Не дай бог, хозяину сераля увлечься рабынями, подаренными супругам, поскольку те переходят в собственность жен; если же ему вздумалось приобрести их для себя, разумнее поселить их в другом доме, хотя никто не может помешать ему использовать и это средство для увеличения своего потомства.

К тому же нельзя умолчать о том, что каждый дом поделен на две изолированные половины — мужскую и женскую; на одной половине всем заправляет хозяин, на другой — хозяйка. Обычно это либо мать, либо теща, либо са-

Египтянки и турецкие вошпы

мая старая жена, либо мать старшего из детей. Первая жена называется *госпожой*, вторая — *понугаем* (*дарра*). Когда жен много, а это бывает лишь у богатых мужчин, гарем представляет своего рода монастырь, где придерживаются суровых нравов. Здесь женщины главным образом занимаются воспитанием детей, вышиванием, присматривают за рабынями, выполняющими работу по дому. Приход мужа — настоящая церемония, как и визиты близких родственников, и поскольку муж никогда не разделяет трапезу со своими женами, то единственное его времяпрепровождение — с важным видом курить наргиле и пить кофе или шербет. По обычаю, муж заранее сообщает о своем приходе. Правда, если он видит, что у дверей гарема стоят чьи-то туфли, он ни за что туда не пойдет, поскольку это означает, что его жена или жены принимают своих подруг, а подруги часто остаются на день или два.

Свободная по рождению женщина имеет право выходить из дома и наносить визиты. Власть мужа ограничивается лишь тем, что он велит рабыням сопровождать жен, но это тщетная предосторожность, поскольку женам ничего не стоит взять рабыню в сообщницы или, переодевшись, улизнуть из бани или из дома подруги, пока сопро-

вождающие ждут их у дверей. Покрывало и одинаковые одежды и впрямь предоставляют им больше свободы, чем европейским женщинам, склонным плести интриги. Забавные истории, которые вечерами рассказывают в кофейнях, часто повествуют о приключениях любовников, когда мужчины переодеваются в женское платье, чтобы проникнуть в гарем. Воистину, нет ничего проще, хотя добавим, что подобные истории порождены скорее воображением арабов, нежели турецкими нравами, уже два столетия царящими на Востоке. Мусульманин вовсе не склонен к адюльтеру и счел бы для себя оскорбительным любить женщину, которая ему не принадлежит.

Что же касается христиан, то им редко удается добиться благосклонности мусульманок. В давние времена любовникам грозила смертная казнь; в наши дни только женщина рискует жизнью, и то, если будет застигнута на месте преступления в супружеском доме. Факт адюльтера является теперь лишь поводом для развода или наказания.

Итак, законы мусульман ни в чем не приравнивают женщин, как считают у нас, к рабыням или существам низшего порядка. Женщины здесь могут наследовать имущество, иметь собственное состояние, как и в других странах, не отдавая в этом отчета мужу. Они имеют право требовать развода по причинам, установленным законом. Привилегия мужа в этом случае заключается в том, что он может развестись, не объясняя мотивов. Достаточно, если он скажет жене в присутствии трех свидетелей: «Ты в разводе», и отныне она имеет право лишь требовать свою долю, установленную брачным контрактом. Если же муж снова захочет вернуть ее в дом, он сможет сделать это лишь в том случае, если она за это время вышла замуж и опять развелась. К услугам *хулла*, которых в Египте называют *мустахилль*, играющих роль промежуточного мужа, лишь изредка прибегают богачи. Бедняки женятся, не составляя письменного контракта, расстаются и вновь сходятся без лишних сложностей. Ну и наконец, хотя правом полигамии в основном пользуются люди высокопоставленные, из прихоти или тщеславия, есть в Капре и бедняки, которые заводят много жен, чтобы жить за счет их труда. Они имеют по три-четыре семьи в городе, и жены не знают о существовании друг друга. Если же тайна раскрывается, это влечет за собой забавные споры и изгнание ленивого феллаха из домашних очагов всех его рассерженных супругов, так как, если закон и позволяет иметь несколько жен, он же и вменяет мужу в обязанность кормить их.

Я нашел свой дом в том виде, в каком оставил: старый копт и его жена приводили все в порядок, рабыня спала на диване, петухи и куры на дворе клевали маис, а берберец, куривший в кофейне напротив, ждал моего возвращения. Правда, не удалось разыскать повара; наверное, увидев копта, он решил, что его выгоняют, и неизбежно ушел сам, без каких бы то ни было объяснений; такое в Каире случается довольно часто среди слуг и работников. Поэтому они стремятся ежевечерне получать плату, чтобы на следующий день поступать как им заблагорассудится.

На мой взгляд, было вполне уместно заменить Мустафу Мансуром, а его жена, которая приходила помогать ему днем, показалась мне достойной хранительницей правственности моего домашнего очага. Разве что эта почтенная чета была совершенно незнакома с элементарными навыками приготовления пищи, даже египетской. Их собственная еда состояла из вареного маиса и овощей в укусе, поэтому они не владели искусством ни делать соусы, ни готовить жаркое. Их опыты в этом направлении вызвали крики рабыни, принявшейся осыпать их проклятиями. Эта черта ее характера пришлось мне очень не по душе.

Я велел Мансуну сообщить ей, что настал ее черед готовить, и, поскольку собирался взять ее с собой в путешествие, было бы неплохо, если бы она подготовилась к новой роли. Мне трудно передать выражение поруганной чести или, скорее, оскорбленного достоинства, с которым она испепелила нас взглядом.

— Скажи *сиди*,— ответила она Мансуну,— что я кадина (госпожа), а не одалиска (служанка) и что я пожалуюсь паше, если он не обеспечит мне соответствующего положения.

— Паше? — вскричал я.— Но причем здесь паша? Я купил рабыню, чтобы она служила мне, и, если у меня не хватит средств оплачивать других слуг, а такое вполне может случиться, не понимаю, почему бы ей не выполнять домашнюю работу, как все женщины на свете.

— Она отвечает,— сказал Мансур,— что любой раб имеет право обратиться к паше, чтобы его снова продали на рынке, и таким образом сменить хозяина. Она говорит, что она мусульманка и никогда не станет выполнять работу, которую считает для себя зазорной.

Я весьма ценю в людях чувство гордости, и, поскольку рабыня действительно имела права, о которых говорила (Мансур подтвердил это), я ограничился тем, что обернул все в шутку и попросил ее извиниться перед стариком за свою вспыльчивость, но Мансур перевел все таким образом, что извинения, как я полагаю, были принесены с его стороны.

Мне стало ясно, что покупка этой женщины была безумием. И если она укрепитя в своих притязаниях, то превратится для меня на все оставшееся время лишь в дополнительную статью расходов; нужно было приспособить ее хоть в качестве переводчика. Тогда я объявил, что, раз она является столь благородной особой, ей подобает изучить французский язык, а я тем временем займусь арабским. Это предложение она не отвергла.

Тогда я дал ей урок разговорной речи и письма; я заставил ее, как ребенка, выводить на бумаге палочки и научил нескольким словам. Урок ее весьма позабавил, а французское произношение на какое-то время заставило ее забыть свои гортанные звуки, столь изящно звучащие в устах арабских женщин. Я очень веселился, когда она повторяла за мной целые фразы, не понимая их смысла. Например, такую: «Я маленькая дикарка», которая в ее устах звучала так: «Йя баленкайа тыкарка». Видя, что я смеюсь, она решила, что я заставляю ее повторять что-то неприличное, и позвала Мансура перевести эту фразу. Не усмотрев в ней ничего дурного, она изящно повторила: «Ана (я) баленкайа тыкарка?.. Мафиш (вовсе нет)!»

У нее была обворожительная улыбка. Устав рисовать палочки, рабыня дала мне понять, что хотела бы написать (*к таб*) по своему разумению. Я подумал, что она умеет писать по-арабски, и дал ей чистый лист бумаги. Вскоре я увидел, как под ее пером рождаются странные иероглифы, которых, вне всякого сомнения, нет в каллиграфии ни у одного народа. Когда она исписала всю страницу, я спросил у нее через Мансура, что это означает.

— Я написала вам, читайте! — ответила она.

— Но, дитя мое, это совершенно лишено смысла. То же самое мог бы нацарапать кот, обмакнув он свои когти в чернила.

Это ее весьма озадачило. Она-то полагала, что всякий раз, когда думаешь о чем-то и водишь как попало пером по бумаге, мысль немедленно предстает перед оком читателя. Я разуверил ее и попросил рассказать о том, что она собиралась написать.

Это было наивное прошение, которое состояло из нескольких пунктов. В первом повторялось уже высказанное пожелание носить хабару из черной тафты, как у карских знатных дам, чтобы ее не принимали за простую крестьянку, во втором указывалось на желание иметь платье (*йаляк*) из зеленого шелка, а в третьем заключалась мысль о покупке желтых сапожек, поскольку ей, как мусульманке, нельзя было отказать в праве носить их.

К этому следует добавить, что сапожки эти безобразны и делают женщин похожими на уток. А остальная одежда придает им вид огромного, бесформенного тюка; но именно желтые сапожки представляют собой принадлежность, указывающую на социальное превосходство. Я обещал ей поразмыслить над этим.

ШУБРА

Решив, что я ответил утвердительно, рабыня встала, хлопая в ладоши, и несколько раз повторила:

— *Аль-филь! Аль-филь!*

— Что это значит? — спросил я Мансура.

— *Ситти* (дама), — сказал он, переговорив с рабыней, — хотела бы пойти посмотреть на слона, о котором много слышала, он находится во дворце Мухаммеда Али в Шубре.

Было бы справедливо вознаградить ее прилежание в учебе, и я велел кликнуть погонщиков ослов. Городские ворота в сторону Шубры были в сотне шагов от нашего дома. Возле ворот возвышались тяжелые сторожевые башни, сохранившиеся со времен крестовых походов. Затем по мосту нужно было пересечь канал, который слева, разливаясь, образует небольшое озеро, со всех сторон окруженное свежей зеленью деревьев. В их прохладной тени расположились казино, кофейни, здесь же раскинулись городские сады, где по воскресеньям можно встретить гречанок, армянок и дам из квартала франков. В глубине сада они снимают покрывала, и тогда наблюдателю предоставляется возможность изучать столь непохожие одна на другую народности Леванта. Идем дальше. Под сенью неповторимой и единственной в мире аллеи Шубры проносятся кавалькады всадников. Огромной величины смоковницы и эбеновые деревья протянулись на целое лье. Они раскинули свои густые кроны, и их листва образует столь плотный шатер, что на аллее царит почти полная

тьма, лишь где-то вдали блестит, окаймляя распаханное поле, раскаленная кромка пустыни.

По левую руку, примерно на расстоянии полулье, струится Нил, омывая обширные сады, пока не подходит вплотную к самой аллее, и тогда его воды теряют свой красноватый оттенок.

Посередине аллеи Шубры расположена кофейня, украшенная фонтанами и деревянными решетками, — излюбленное место гуляющих.

Справа по-прежнему тянутся поля кукурузы и сахарного тростника с разбросанными там и тут загородными виллами, а за ними начинаются большие строения, принадлежащие паше.

Именно там и показывают белого слона, подаренного его высочеству английским правительством. Моя спутница была вне себя от восторга, она не могла налюбоваться на это животное, напоминающее о ее родине; здесь же, в Египте, слон казался диковинкой, его бивни были украшены серебряными кольцами, а погонщик заставлял слона показывать нам всевозможные трюки. Ему даже удалось заставить животное принимать столь непристойные позы, что я сделал знак рабыне, закрытой покрывалом, но не слепой, что мы уже достаточно посмотрели и пора уходить. Но тут один из служащих паши произнес:

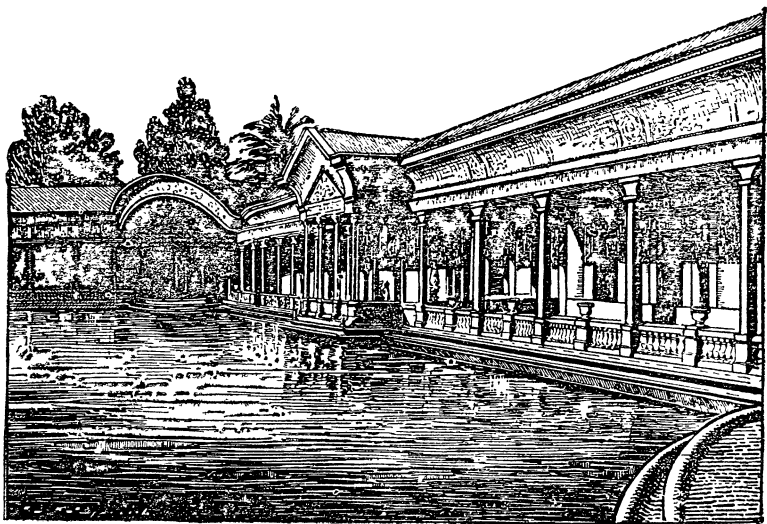
— Подождите, это для развлечения дам.

Здесь находилось много женщин, которые и впрямь ничуть не были шокированы и залиристо смеялись.

Шубра — прелестнейшая из резиденций. Дворец египетского паши, довольно простой, старой постройки, расположен на берегу Нила, напротив прославленной равнины Имбаба, где были разгромлены мамлюки. Со стороны сада сооружен павильон с ярко раскрашенными и раззолоченными галереями. Настоящее торжество восточного искусства.

Можно войти внутрь и полюбоваться на редкостных птиц в вольере, на парадные залы, бани, бильярдные, а пройдя дальше, уже в самом дворце, осмотреть однообразные залы, декорированные по-турецки, но обставленные по-европейски, что придает им роскошь царских покоев.

Над дверями и на стенных панелях — пейзажи без перспективы, нарисованные темперой; поистине правдоподобные картины, без единого живого существа, дают весьма невысокое представление о египетском искусстве. Иногда живописцы позволяют себе рисовать сказочных живот-

Пруды в Шубре

ных — дельфинов, сфинксов или крылатых коней. Что же до батальных сцен, то они изображают лишь осады и морские сражения: корабли без моряков атакуют крепости, которые обороняются невидимыми гарнизонами; кажется, что и перекрестный огонь, и падающие бомбы — все это само по себе, а человек не принимает в этом никакого участия. Именно так изображались главные сцены из греческой кампании Ибрахима⁵¹.

Над залом, где паша вершит правосудие, можно прочесть прекрасное изречение: «Четверть часа милосердия дороже семидесяти часов молитвы».

Мы снова спустились в сад. Боже мой, сколько роз! Розы Шубры — этим здесь все сказано; розы Файюма идут лишь на масло и варенье. Бустанджи предлагали их нам со всех сторон. Сады паши славятся еще и другой роскошью: здесь не срывают ни лимонов, ни апельсинов, чтобы эти золотистые плоды как можно дольше радовали взоры посетителей. Между тем, когда они падают на землю, каждый гуляющий вправе поднять их. Но я ничего еще не сказал о самом саде. Обитателей Востока можно критиковать за отсутствие вкуса в убранстве жилищ, но их сады безукоризненны. Повсюду фруктовые деревья,

ажурные беседки и павильоны из тиса, напоминающие стиль Ренессанса; подобный пейзаж описан в «Декамероне». Не исключено, что первые сады были разбиты итальянскими садовниками. Тут не увидишь статуй, зато каждый фонтан отличается неповторимой изысканностью.

Застекленная беседка, венчающая целое сооружение из расположенных пирамдой террас, выглядит каким-то сказочным дворцом. Наверное, у самого халифа Харун ар-Рашида не было ничего более прекрасного, но и это еще не все. Полюбовавшись роскошью внутренней отделки, где шелковые драпировки развеваются на ветру среди гирлянд и кружевной зелени, спускаешься вниз и идешь по длинным аллеям, окаймленным подстриженными в форме прядки лимонными деревьями, пересекаешь рощу банановых деревьев, чьи прозрачные листья сверкают на солнце, как изумруды, и попадаешь в другой конец сада, к великолепной, прославленной купальне. Это огромный бассейн из белого мрамора, окруженный галереями на колоннах в византийском стиле, посредине — высокий фонтан: вода выливается из пасти мраморных крокодилов. Ограда освещена газовыми факелами; часто летними ночами здесь любит отдыхать паша, полулежа в золоченой лодке, на веслах которой сидят его жены. Здесь на глазах своего повелителя купаются прекрасные дамы — правда, в шелковых пеньюарах... Коран, как известно, не позволяет обнажаться.

ИФРИТЫ

Мне было небезынтересно изучать характеры восточных женщин по одной из них; правда, я опасался, что придаю слишком большое значение мелочам. Представьте себе мое изумление, когда, войдя как-то утром в комнату рабыни, я увидел целую гирлянду из лука, подвешенную наискосок от двери, и другие луковицы, симметрично висящие над диваном, где она спала. Предполагая, что это не что иное, как простое ребячество, я снял эти не слишком подходящие для комнаты украшения и небрежным жестом выбросил их во двор, но вдруг встает разгневанная и обиженная рабыня, плача, идет подбирать лук и вешает его обратно, изображая церемонию поклонения. Чтобы объясниться, пришлось ждать Мансура. Тем временем на меня полился поток проклятий, самым понятым из которых было слово «фараон»! Я не знал, следовало мне сердиться

или утешать ее. Наконец явился Мансур и объяснил мне, что я пошел против рока и буду причиной самых страшных несчастий, которые теперь обрушатся на наши головы.

— А ведь действительно,— сказал я Мансору,— мы живем в стране, где лук был божеством⁵², ну что ж, если я его оскорбил, то должен в этом повиниться. Существует же какое-то средство, чтобы смягчить гнев египетского лука!

Но рабыня не желала ничего слушать и повторяла, повернувшись ко мне:

— Фараон!

Мансур пояснил, что это означает «поганный и безбожный тиран». Я был весьма польщен подобным обращением и с интересом узнал, что название древних правителей этой страны стало оскорблением. Между тем мне не на что было обижаться: подобная луковая церемония была принята в домах Каира в один из установленных дней в году, чтобы отвратить заразные болезни.

Страхи бедняжки подтвердились, возможно, из-за ее больного воображения. Она тяжело заболела и, что бы я ни делал, ни за что не желала следовать предписаниям врача. В мое отсутствие она позвала двух соседок, с которыми переговаривалась с террасы, и, вернувшись, я нашел их читающими молитвы, как сказал Мансур, отворотные заклинания против ифритов, злых духов, которые, оказывается, возмутились из-за осквернения лука, а двое из них были особенно враждебны к нам, их звали Зеленый и Золотой.

Видя, что зло порождено главным образом воображением, я не стал мешать женщинам, которые привели с собой совсем древнюю старуху. Это была знаменитая знахарка, почитавшаяся святой. Она принесла жаровню, поставила ее в центре комнаты и принялась нагревать на ней камень, который, как мне показалось, был всего-навсего квасцом. Все эти манипуляции должны были помешать ифритам, которые, как отчетливо видели женщины в дыме, молили о пощаде. Но было необходимо уничтожить зло на корню; рабыню подняли, и она склонилась над огнем, что вызвало у нее отчаянный кашель; тем временем старуха колотила ее по спине, и все трое пели протяжные молитвы и читали арабские заклинания.

Мансур, как христианин-копт, был возмущен этими действиями; но если болезнь была вызвана причинами морального порядка, я не усматривал никакого зла в том,

чтобы лечение осуществлялось теми же методами. Во всяком случае, на следующий день наступило явное облегчение, за которым последовало выздоровление.

Рабыня не желала расставаться с двумя соседками, и они продолжали ей прислуживать. Одну звали Картум, другую — Забетта. Я не видел необходимости в том, чтобы дома было столько прислуги, и поэтому остерегался нанимать их на все время, но рабыня одаривала женщин собственными вещами, которые оставил ей Абд аль-Керим. Возразить по этому поводу мне было нечего; хотя теперь мне предстояло покупать ей взамен новые одежды, в том числе и столь желанные хабару и йаляк.

Жизнь на Востоке играет с нами злые шутки; сначала все кажется простым, дешевым, доступным. Вскоре все осложняется обязательствами, обычаями, прихотями, и вот оказывается, что ты ведешь существование, достойное паша, которое наряду с сумятицей и беспорядочными расчетами истощает самые толстые кошельки. Еще совсем недавно мне хотелось приобщиться к той настоящей жизни египтян, которая обычно скрыта от глаз иностранцев, но я видел, как мало-помалу тают предназначенные для путешествия средства.

— Бедное дитя,— сказал я рабыне, попросив объяснить ей, каково положение дел,— если ты хочешь остаться в Каире, ты свободна.

Я приготовился к излиянию благодарностей.

— Свободна! — сказала она.— И чем прикажете мне заниматься? Свободна! Куда мне идти? Лучше продайте меня обратно Абд аль-Кериму.

— Но, дорогая моя, не в правилах европейца продавать женщин, получать деньги таким образом бесчестно.

— Как же быть? — сказала она, плача.— Разве я смогу заработать себе на жизнь? Ведь я ничего не умею!

— Может быть, ты пойдешь в услужение к какой-нибудь даме, исповедующей ту же религию?

— Я? В услужение? Ни за что. Продайте меня. Меня купит мусульманин — шейх или паша. Я смогу стать госпожой! Вы хотите со мной расстаться... Отвезите меня на рынок.

Что за необычная страна, где рабы не желают быть свободными!

Однако я знал, что рабыня права, ибо я уже хорошо разобрался в нравах мусульманского общества и не сомневался в том, что положение невольников ничуть не лучше участи бедных египтянок, которых используют на са-

мых тяжелых работах, или тех несчастных женщин, которые делят нужду с нищими мужьями. Предоставить ей свободу означало бы обречь ее на самое тяжелое положение, возможно, и на бесчестье, а я чувствовал моральную ответственность за ее судьбу.

— Раз ты не хочешь оставаться в Каире,— сказал я ей в конце концов,— тебе придется следовать за мной в путешествиях по другим странам.

— *Ана энте сава-сава!* (Я и ты поедем вместе!) — сказала она мне.

Я был счастлив, что она так решила, и отправился на пристань Булак, чтобы нанять фелюгу⁵³, на которой мы собирались плыть по Нилу от Каира до Дамьетты.

IV. ПИРАМИДЫ

ВОСХОЖДЕНИЕ

Прежде чем покинуть Каир, я решил осмотреть пирамиды и отправился к генеральному консулу узнать его мнение на этот счет. Он желал, чтобы мы поехали туда непременно вместе, и мы двинулись в сторону Старого Каира. В дороге консул выглядел весьма грустным и сильно кашлял, пока мы проезжали пустыри Карафы.

Я знал, что он уже давно нездоров, и он сам сказал мне, что перед смертью хотел бы увидеть пирамиды. Мне казалось, что он преувеличивает опасность болезни, но, когда мы достигли берегов Нила, он сказал мне:

— Я очень устал... Лучше я останусь здесь. Садитесь в фелюгу, которую я нанял заранее, а я буду провожать вас взглядом, и мне будет казаться, что мы плывем вместе. Очень прошу вас точно сосчитать число ступеней большой пирамиды, из-за которого спорят ученые, а когда попадете к другим пирамидам Саккара, я буду весьма признателен, если вы привезете мне оттуда мумию ибиса... Мне хотелось бы сравнить древнего египетского ибиса с породой каравак, которых до сих пор можно встретить на берегах Нила.

Итак, мне пришлось в одиночестве сесть в лодку на стрелке острова Рода, с грустью размышляя об удивительном оптимизме больных, которые способны мечтать о коллекции мумий, стоя одной ногой в могиле.

Рукав Нила между островом Рода и Гизе настолько широк, что требуется не менее получаса, чтобы его пересечь.

Бегло осмотрев кавалерийскую школу в Гизе, знаменитые печи для выведения цыплят, развалины мощных стен, сложенных особым способом, когда в каменную кладку вмуровываются глиняные горшки, придающие постройке не столько прочность, сколько легкость и хороший доступ воздуха, мне осталось еще проехать два лье по ухоженным полям до бесплодного плато, где на краю Ливийской пустыни стоят большие пирамиды.

Чем ближе подходишь к ним, тем меньше кажутся эти гиганты. Таков эффект перспективы, возникающий, вероятно, из-за того, что основание пирамиды равно ее высоте. Между тем, стоя у подножия, не перестаешь восхищаться и ужасаться этими каменными горами, созданными человеком. К вершине первой пирамиды ведет лестница со ступенями метровой высоты.

Одно племя арабов взялось опекал путешественников и сопровождать их во время восхождения на главную пирамиду. Как только эти люди замечают, что в их владения вступил любознательный чужестранец, они галопом мчатся навстречу, изображая настоящую военную игру и стреляя в воздух, чтобы показать, что они целиком в его распоряжении и готовы защищать его от нападений грабителей-бедуинов, которые якобы могут появиться.

Сегодня подобное предположение может вызвать у путешественника лишь улыбку, поскольку он заранее уверен в своей безопасности, но в прошлом столетии он действительно мог стать жертвой банды лжеразбойников, которые, напугав и ограбив его, сдавались племени, им покровительствовавшему, а племя, в свою очередь, получало значительное вознаграждение за опасности, которым подвергалось, и за ранения, полученные в ходе этой разыгранной битвы.

Мне в сопровождающие выделили четырех человек, которые должны были указывать путь и помогать при восхождении. Сначала я вообще не понимал, как можно подниматься по ступеням, каждая из которых была мне по грудь. Но в мгновение ока двое арабов устремились к этому гигантскому каменному сооружению, и каждый схватил меня за руку. Двое других подталкивали меня за плечи, и все четверо что-то хором пели по-арабски, не забывая повторять при этом древний рефрен: «Элейсон!»

Таким образом я преодолел двести семь ступеней, и мы добрались до верхней площадки всего за четверть часа.

Если вы на минуту остановитесь, чтобы перевести дыхание, к вам сразу же подойдут маленькие девочки в коротких синих полотняных рубахах: став на ступеньку выше, они поднесут к вашим устам фиванский кувшин из пористой глины, и на какое-то время ледяная вода вернет вам бодрость.

Что за фантастическое зрелище эти юные босоногие бедуинки, которые карабкаются вверх с ловкостью обезьян и знают все извилины огромных, положенных одна на другую каменных плит! Добравшись до площадки, им раздают

бакшиш и поцелуй, потом снова четверо арабов поднимают вас и с триумфом несут, поддерживая с четырех сторон. Площадка эта насчитывает около ста квадратных метров. Глыбы неправильной формы свидетельствуют о том, что она образовалась в результате разрушения вершины, вероятно, такой же, как у второй уцелевшей пирамиды, которая стоит чуть поодаль, красуясь своей гранитной облицовкой. Все три пирамиды — Хеопса, Хефрена и Микерина — были отделаны этим красноватым гранитом, который еще существовал во времена Геродота. Мало-помалу пирамиды обнажались: в Каире не хватало гранита для постройки дворцов халифов и суданов.

Нетрудно предположить, что с высоты этой площадки открывается дивный вид. На востоке виден Нил от стрелки Дельты до Саккара и далее еще одиннадцать пирамид меньших размеров, чем пирамиды Гизе. На западе простирается цепь Ливийских гор, отмечая линию затянутого пылью горизонта. Южнее, на месте древнего Мемфиса, словно зеленая тень, раскинулась пальмовая роща. Каир, прислонившись к выжженным откосам аль-Мукаттама у границы Сирийской пустыни, устремляет ввысь свои купола и минареты. Все это слишком хорошо известно, и не стоит тратить время на описания. Однако когда хочешь перевести дух от восхищения и обводишь взглядом камни площадки, сразу же замечаешь то, что немедленно избавляет от чрезмерной восторженности. Каждый англичанин, отважившийся на подобное восхождение, не преминул написать на этих камнях свое имя. Коммерсантам пришла в голову мысль оставить здесь для публики свои адреса, а какой-то торговец ваксой с Пикадилли приказал даже высечь на большом камне надпись, прославляющую достоинства своего открытия, запатентованного в Лондоне. Излишне упоминать о том, что здесь можно увидеть и роспись ныне забытого вора Кредевила⁵⁴, шарж Бужинье и другие следы эксцентричности наших странствующих художников, вносящие определенное оживление в утомительное однообразие великих памятников истории.

ПЛОЩАДКА

Я должен с сожалением признать, что даже сам Наполеон видел пирамиды только с равнины. Разумеется, он не мог настолько унизиться, чтобы позволить четверем арабам поднять себя в воздух, словно какой-то тюк, переда-

ваемый из рук в руки; поэтому ограничился тем, что приветствовал снизу сорок веков, которые, как он полагал, созеркали его во главе нашей доблестной армии.

Осмотрев панораму и внимательно изучив современные надписи — настоящую головоломку для ученых будущего, я собрался уже спускаться, когда какой-то белокурый высокий господин с багровым лицом преодолел последнюю ступеньку, равную четырем обычным, и весьма сдержанно приветствовал меня как первого завоевателя. Он был в перчатках, и я принял его за англичанина. Он же сразу распознал во мне француза.

Вскоре я раскаялся, что судил о нем столь поверхностно. Англичанин ни за что не стал бы со мной раскланиваться, пока на площадке пирамиды Хеопса не появился бы человек, который представил нас друг другу.

— Сударь, — сказал мне незнакомец с легким немецким акцентом, — я счастлив, что встретил здесь представителя цивилизованного мира. Я всего лишь гвардейский офицер его величества короля Пруссии. Я получил отпуск, чтобы присоединиться к экспедиции господина Лепсиуса⁵⁵, но, поскольку она уехала отсюда несколько недель назад, я обязан войти в курс дела... посетив то, что они должны были осмотреть.

Закончив свою речь, он вручил мне визитную карточку, приглашая навестить его, если я окажусь в Потсдаме.

— Разве вы не знаете, — заметил он, видя, что я собираюсь спускаться, — что, по обычаю, полагается здесь отужинать? Эти бравые ребята готовы разделить наши скромные припасы... и если вы не возражаете, я предложу вам отведать пирога, который несет один из моих арабов.

В путешествиях знакомства завязываются быстро, ну а в Египте, да еще на вершине Великой пирамиды, любой европеец становится для другого франком, то есть соотечественником: цветное многообразие географической карты нашей маленькой Европы блекнет на таком расстоянии, сливаясь в одно яркое пятно, я делаю исключение только для англичан, которые живут на острове.

То, что рассказал прусский офицер во время трапезы, показалось мне очень интересным. У него с собой были письма, содержащие самые свежие новости об экспедиции господина Лепсиуса, которая в это время исследовала окрестности озера Мерида и подземные древние лабиринты. Берлинские ученые обнаружили целые города из кирпича, скрытые в песках, подземные Помпеи и Геркуланум, не знавшие света дня и относящиеся, вероятно, еще к эпохе

троглодитов. Я не мог не усмотреть проявление достойного честолюбия в стремлении немецких ученых идти по стопам нашего Египетского института, хотя их изыскания смогут лишь немного дополнить замечательные открытия моих соотечественников.

Трапеза на пирамиде Хеопса является для туристов столь же непрременной, как и на капители колонны Помпея в Александрии. Я был счастлив, встретив просвещенного спутника, который мне об этом напомнил. В кувшинах из пористой глины, которые принесли девочки-бедуинки, оставалось достаточно воды, чтобы освежиться, а затем приготовить грог с помощью фляжки с водкой, которую тоже принес один из арабов.

Тем временем солнце начало так сильно припекать, что оставаться дольше на площадке стало невозможно. Мы не сразу ощутили зной из-за свежего, животворного воздуха, которым дышишь на такой высоте.

Теперь нам предстояло покинуть площадку и попасть внутрь пирамиды, вход в которую находился примерно на уровне трети ее высоты над основанием. Нас спустили на сто тридцать ступеней способом, противоположным тому, каким подняли сюда. Двое из четырех арабов поддерживали нас за плечи при спуске с каждой ступени, как бы передавая на протянутые руки своих товарищей. Подобный спуск был очень опасен, и немало путешественников ломали здесь руки и ноги и разбивали головы. Однако мы без приключений добрались до входа в пирамиду.

Это своего рода грот с выложенными мрамором стенами и сводом треугольной формы; лежавший над ним широкий камень с надписью на французском языке сообщал, что этот памятник посетили наши солдаты; это визитная карточка Египетской армии, высеченная на мраморной глыбе в шестнадцать футов шириной. Пока я почтительно изучал ее, прусский офицер указал мне на другую надпись, сделанную ниже иероглифами и, что самое странное, высеченную совсем недавно.

Он понимал смысл этих современных иероглифов, написанных по системе Шампольона.

— Это означает, — сказал он, — что научная экспедиция прусского короля во главе с Лепсиусом, посетившая пирамиды Гизе, надеется так же успешно выполнить свою миссию.

Мы зашли в грот; человек двадцать бородатых арабов с пистолетами и кинжалами, торчащими из-за пояса, поднялись с земли, где они предавались дневному сну. Один

из наших провожатых, который, казалось, верховодил над остальными, сказал:

— Смотрите, какие они страшные. Взгляните на их пистолеты и ружья.

— Они что, хотят нас ограбить?

— Напротив. Они находятся здесь, чтобы защитить вас на случай, если вдруг нападут грабители.

— Но говорят, что их не существует с тех пор, как правит Мухаммед Али!

— Какое там! За горами, еще осталось много... злых людей... Однако с помощью colonnate (испанский пастр) вы можете рассчитывать на этих храбрецов, они защитят вас от любого нападения.

Прусский офицер осмотрел оружие и, кажется, остался разочарован. Впрочем, речь шла всего о пяти с половиной франках для меня и полутора талерах для него. Мы согласились на эту сделку, поделив расходы пополам, правда заметив при этом нашему провожатому, что мы не верим в его рассказы.

— Часто случается,— ответил он нам,— что враждебные племена нападают именно на эту пирамиду, особенно если подозревают, что здесь находятся богатые иностранцы.

Не спорю, все это вполне возможно, и было бы весьма печально, если бы на нас напали и заперли внутри Великой пирамиды. Врученный охранникам colonnate был поручкой тому, что теперь по крайней мере с нами никто не сыграет такой глупой шутки.

Но с чего мы решили, что эти brave ребята хотя бы на мгновение помышляли об этом? Их расторопность, восемь факелов, зажженных в мгновение ока, услужливо посланные вперед девочки-водоносы, о которых я уже упоминал, внушали всяческое доверие.

Пришлось наклонить голову и согнуться, чтобы точно ступать по двум мраморным желобкам, тянущимся по обеим сторонам спуска. Между этими желобками зияла пропасть, как раз на ширину расставленных ног, и не дай бог туда упасть. Вот так мы двигались вперед, изо всех сил стараясь не оступиться, правда, проводники, несшие факелы, слегка нас поддерживали. Мы спустились шагов на сто пятьдесят, согнувшись пополам.

Внезапно на смену опасности провалиться в огромную, зияющую внизу пропасть пришло другое испытание: дальше нужно было ползти по-пластунски по узкому проходу, засыпанному горами песка и пепла. Арабы расчищали

путь лишь за дополнительный бакшиш, который дают, как правило, богатые и весьма тучные люди.

Какое-то время мы ползли под этим низким сводом, помогая себе локтями и коленями, затем поднялись в полный рост и оказались перед входом в новую галерею, столь же низкую, как и первая. Затем нам снова пришлось проползти шагов двести по слегка поднимающемуся вверх коридору, пока мы не очутились на перекрестке, в центре которого зияла глубокая темная шахта; обогнув ее, мы вышли к лестнице, ведущей в камеру царя.

Войдя в нее, арабы принялись палить из пистолетов и зажигать факелы из веток, чтобы испугать, как они объяснили, летучих мышей и змей. Зал величиной семнадцать футов в длину и шестнадцать в ширину имел двускатный свод.

Преодолев неприятный подъем, мы решили передохнуть у входа в мраморный грот, спрашивая себя, какой же цели служила эта странная галерея с двумя вырубленными в мраморе желобками, разделенными пропастью, и заканчивающаяся своеобразным перепутьем, посередине которого был вырыт таинственный бездонный колодец.

Прусский офицер, порывшись в анналах своей памяти, нашел показавшееся мне вполне убедительным объяснение. Никто лучше немцев не разбирается в тайнах древности. По его мнению, низкая галерея, окаймленная желобками, по которой мы с таким трудом поднимались и спускались, использовалась в следующих целях: человека, подвергавшегося обряду посвящения, сажали в тележку, тележка катилась вниз по наклонной галерее. В центре пирамиды испытуемого встречали низшие жрецы, которые подводили его к колодцу и предлагали туда спуститься.

Разумеется, новообращенный (неофит) колебался, в этом усматривали проявление благоразумия. Тогда ему вручали нечто вроде шлема, к которому была приделана горящая лампа, и, вооруженный этим приспособлением, он должен был осторожно спуститься в колодец по железным перекладинам.

Испытуемый спускался очень медленно, при тусклом свете лампы у него над головой; затем, примерно на глубине ста футов, он оказывался у галереи, вход в которую был закрыт решеткой. Внезапно решетка открывалась, и перед ним представляли трое грозных стражей в бронзовых масках, изображающих бога Анубиса — с телом человека и головой собаки. Нужно было не растеряться, сбить их с

ног и идти вперед. Затем за галереей, тянущейся целое лье, неожиданно открывалось просторное темное помеще-
ние.

Как только человек вступал на главную аллею, вспыхивал такой яркий свет, словно все вокруг было объято пламенем. Но это был лишь фейерверк, горели специальные смолы, которыми были смазаны железные прутья. Неофиту полагалось пройти сквозь лес, несмотря на полученные ожоги.

Далее он должен был преодолеть вплавь реку. Едва он достигал ее середины, поднимались огромные волны (их создавали колеса невиданной величины), мешая пловцу двигаться вперед. Когда, казалось, силы уже были на исходе, к нему спускалась железная лестница, якобы призванная спасти его от гибели в пучине вод. Но то было лишь следующим испытанием. Как только человек ставил ногу на ступеньку, та обламывалась, падая в реку. Это ужасное положение усугублялось чудовищным ветром, который раскачивал лестницу, а вместе с нею и испытуемого. Когда он чувствовал уже полное изнеможение, у него должно было еще хватить сил вцепиться в спущенные ему сверху два железных кольца и, повиснув на руках, ждать, пока не раскроется дверь, которой он достигал ценой невероятных усилий.

На этом заканчивались четыре простейших испытания. Выдержавший их переступал порог храма, обходил статую Исиды, где его встречали, приветствуя, жрецы.

ИСПЫТАНИЯ

Мы старались оживить величественную тишину пирамиды подобными воспоминаниями. Окружающие нас арабы легли вздремнуть в ожидании, пока подует свежий вечерний ветер и мы сможем покинуть грот. Мы же тем временем перемежали реальные события, происшедшие в глубокой древности, с чистыми домыслами. Нас особенно волновала странная церемония обряда посвящения, столько раз описанная древними авторами, которые могли быть ее свидетелями; эти рассказы полностью соответствовали устройству пирамиды.

— Как было бы прекрасно,— сказал я своему спутнику,— исполнить и разыграть здесь «Волшебную флейту» Моцарта! И как только это не придет в голову какому-нибудь богачу? Потребуется совсем немного денег, чтобы

расчистить все эти переходы, а затем пригласить сюда труппу итальянского театра в Каире. Представьте себе громовой голос Зарастро⁵⁶, гулко звучащий в глубине зала фараонов, или же Царьцу ночи⁵⁷, появляющуюся на пороге так называемой камеры царьцы и исполняющую свои великолепные трели под темными сводами.

А как звучала бы в этих длинных коридорах волшебная флейта! Вообразите сначала гримасы испуганного Папагено⁵⁸, вынужденного столкнуться с Анубисом в трех лицах, когда он сопровождает своего хозяина, подвергнутого обряду посвящения, затем объятый пламенем лес, темный канал, на поверхности которого под действием железных колес создаются волны, далее эту страшную лестницу, от которой отламываются ступени, с чудовищным грохотом падая в воду.

— Осуществить все эти испытания внутри пирамиды, — заметил офицер, — кажется невозможным... Из колодца испытуемый попадал в галерею длиной примерно в одно лье... Этот подземный ход приводил его прямо к храму, стоящему у врат Мемфиса, вы могли видеть это с верхней площадки. Когда испытания были завершены, испытуемый вновь видел дневной свет, но статуя Исида оставалась для него скрыта, поскольку ему предстояло пройти последнее испытание морального характера, о котором его никто не предупреждал и цель которого была ему неизвестна. Жрецы встречали его с триумфом, как равного себе, хор и оркестр славил его. Он должен был еще на протяжении сорока одного дня очиститься постом, прежде чем лицезреть великую богиню, вдову Осириса. На закате солнца он мог прекращать свой пост и подкрепляться несколькими унциями хлеба и чашей воды из Нила. Во время этой долгой эпитимьи посвященный вел беседы с жрецами и жрицами, вся жизнь которых проходила в подземных городах. Он мог задавать им вопросы и наблюдать нравы этого мистического народа, отказавшегося от мирской жизни. Несметное число этих подземных жителей потрясло Семирамиду Победоносную, когда на ее глазах при основании Вавилона Египетского (Старого Каира) рухнул свод одного из таких некрополей.

— А что происходило с посвященным после сорока одного дня?

— Ему предстояло еще перенести восснадцатидневное уединение, во время которого он был призван хранить полное молчание. Ему было дозволено лишь читать и писать. Затем он проходил новое испытание, когда вся его прош-

лая жизнь подвергалась разбору и осуждению. Это длилось еще двенадцать дней, и, наконец, в течение девяти дней он должен был ложиться спать за статуей Исиды, после того как молил богиню явиться ему во сне и наделить мудростью. Испытания длились три месяца. Искания божества, чтение, наставления и пост приводили вновь обращенного в состояние такой экзальтации, что отныне он был достоин того, чтобы священное покрывало упало с богини у него на глазах. В этот миг восторг его достигал апогея, ибо он видел, как оживала холодная статуя, неожиданно приобретая черты любимой женщины или созданного им идеала совершенной красоты.

В тот миг, когда он протягивал руку, чтобы коснуться ее, она исчезала в облаках дыма. Торжественно входили жрецы, и посвященный объявлялся равным богам. Затем ему отводили место на пиршестве мудрейших, где он мог отведать от самых изысканных блюд и вкушать лившуюся рекой земную амброзию. Он сожалел лишь об одном — что не мог дольше любоваться явившемся ему божеством, которое даже одарило его улыбкой... Вскоре богиня непременно посетит его в сновидениях... Долгий сон, вызванный, вероятно, подмешанным соком лотоса в его чашу во время пиршества, позволял жрецам перенести его за несколько лье от Мемфиса, на берег знаменитого озера, которое и по сей день носит название Карун (Карон). Все еще спящего, его клали в лодку и на ней переправляли в провинцию Файюм, дивный оазис, и в наши дни называемый краем роз. Там есть глубокая долина, отделенная от остальной местности пропастью, вырытой людьми; в этой долине жрецам удалось собрать все богатства, рассеянные щедрой природой по миру. Деревья из Индии и Йемена с густой листвой и необычными цветами растут рядом с самой пышной растительностью египетской земли. Прирученные животные оживляли эти чудесные декорации, и посвященный, которого спящим переносили на лужайку, пробуждался в окружении самых совершенных творений природы. Он вставал, вдыхая свежий утренний воздух, возвращаясь к жизни под лучами так давно не виденного им солнца, слушал прекрасное пение птиц, любовался благоухающими цветами, зеркальной гладью озер с берегами, поросшими папирусом и усыпанными цветами красного лотоса, меж которых бродили розовые фламинго и ибисы. Но эта тишина казалась безжизненной, и как бы для того, чтобы вдохнуть в нее жизнь, появлялась женщина, непорочная дева, такая юная, словно сама она вышла из грез,

такая прекрасная, что, подойдя ближе, можно было узнать в ней восхитительные черты Иисуса, явившейся ему сквозь пелену дыма,— такой была божественная спутница, предназначенная в награду ликующему посвященному.

Я счел, что пора вмешаться в этот образный рассказ.

— Мне кажется,— прервал я его,— что вы рассказываете мне историю Адама и Евы.

— Очень похоже,— согласился он.

И в самом деле, последнее столь приятное и неожиданное испытание египетского обряда посвящения напоминало то, о котором рассказывал Моисей в Книге бытия. В этом чудесном саду росло дерево, плоды которого были запретны для попавшего в рай неопита. То, что эта последняя победа над собой была непременно условием посвящения, подтверждают найденные в Верхнем Египте барельефы четырехтысячелетней давности. На них изображены стоящие под деревом мужчина и женщина: она предлагает спутнику, с которым делит одиночество, отведать плод с дерева. Вокруг ствола обвился змей, воплощающий Тифона — бога зла. Чаще всего случалось именно так, что посвященный, выдержавший все физические испытания, поддавался на это искушение и изгонялся из земного рая. В наказание он должен был бродить по свету, неся людям наставления, полученные от жрецов.

Если же ему удавалось устоять перед последним соблазном, что случалось крайне редко, он становился равным царю. Его с триумфом возили по улицам Мемфиса и объявляли святым.

Не выдержав этого испытания, Моисей был лишен столь желанных почестей. Оскорбленный, он начал открытую войну против египетских жрецов, боролся с ними, используя их же науку и чудеса, и в конце концов с помощью заговора освободил свой народ.

Прусский офицер, поведавший мне об этом, несомненно, был духовным сыном Вольтера. Кроме того, на него явно повлияло скептическое отношение к религии, свойственное эпохе Фридриха II. Я не удержался, чтобы не сказать ему об этом.

— Вы ошибаетесь,— заметил он,— мы, протестанты, привыкли все анализировать, но от этого наша вера не страдает. Если доказано, что легенда о земном рае, яблоке и змее была известна древним египтянам, это вовсе не ставит под сомнение ее божественную сущность. Я даже склонен думать, что это последнее испытание было мистическим воплощением сцены, происшедшей в первые дни

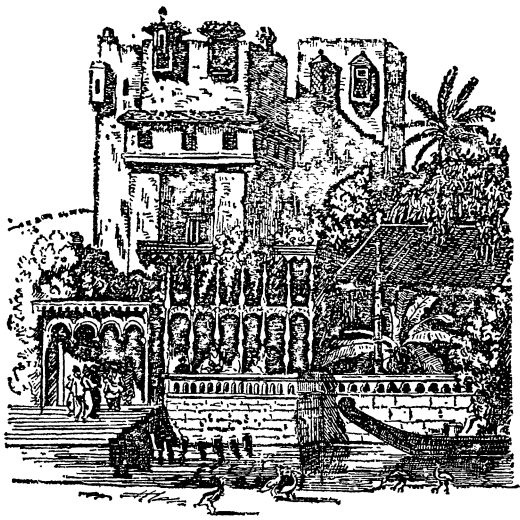
сотворения мира. Почерпнул ли это Моисей у египтян, владеющих древней мудростью, или же воспользовался собственными впечатлениями, когда писал Книгу бытия, но, как бы то ни было, это не умаляет изначальной истины. Триптолем, Орфей и Пифагор подвергались тем же испытаниям; первый основал Элевсинские мистерии, второй — таинства кабиров Самофракии, а третий — мистические союзы Ливана.

Орфею повезло еще меньше, чем Моисею, он не выдержал четвертого испытания, в котором у посвященного должно хватить силы повиснуть на спущенных ему железных кольцах, когда из-под ног вылетают перекладыны лестницы... Он упал в канал, откуда его с трудом извлекли, и, вместо того чтобы идти в храм, ему пришлось возвращаться к выходу из пирамиды. Пока происходило испытание, его жена погибла в результате несчастного случая, видимость которых так ловко умеют создавать жрецы. Благодаря талантам и славе Орфей добился права вновь подвергнуться испытаниям и вновь их не выдержал. Так он навсегда потерял Эвридику и был обречен вечно оплакивать ее в изгнании.

— Таким образом,— сказал я,— можно подвести материальную основу под любую религию. Но чего мы этим добьемся?

— Ничего. Мы провели уже два часа, беседуя о происхождении и истории человечества. Надвигается вечер. Нужно искать пристанище.

Мы провели ночь в итальянской *Iocanda* (постоялом дворе), расположенной неподалеку, а на следующий день нас отвели к месту, где некогда находился Мемфис, в двух лье южнее. От него остались лишь развалины, к тому же скрытые лесом пальм; в глубине его лежит лицом вниз огромная, высотой в шестьдесят футов, статуя Сесостриса. Должен ли я рассказать еще о Саккара, где мы тоже побывали, о пирамидах, уступающих по величине пирамидам Гизе, о большой кирпичной пирамиде, построенной евреями? Весьма любопытные зрелище представляют собой гробницы животных, которых на этой равнине великое множество. Здесь похоронены кошки, крокодилы и пбисы. Войти в такую гробницу довольно трудно, приходится дышать пылью и прахом или ползти по низким галереям. Затем попадаешь в обширные подземелья, где собраны и симметрично расставлены миллионы этих животных, которых добрые египтяне не поленились набальзамировать и похоронить со всеми подобающими людям почестями. Каж-

Загородная резиденция в Египте

дая кошачья мумия спеленута длинными бинтами из тонкого полотна, исписанными иероглифами, рассказывающими, вероятно, о жизни и добродетелях данного животного. То же самое проделывали с крокодилами... Вазы из пористой фиванской глины, в которых хранятся останки ибисов, расставлены бесконечными рядами, совсем как банки с вареньем в кладовой загородного дома.

Я с легкостью смог выполнить поручение консула; затем распрощался с прусским офицером, который продолжил свой путь в Верхний Египет, и вернулся в Каир, спустившись на лодке по Нилу.

Я поспешил отнести консулу мумию ибиса, полученную ценой столь утомительного путешествия, но мне сообщили, что в те три дня, что я осматривал пирамиды, наш бедный консул почувствовал себя хуже и отплыл в Александрию. Позже я узнал, что он умер в Испании.

ОТЪЕЗД

С сожалением покидаю я древний Каир, где еще застал следы арабского гения; этот город не обманул моих надежд, почерпнутых из рассказов и преданий Востока. Он столь-

ко раз снился мне в юные годы, что казалось: я уже жил в нем когда-то, я мысленно восстанавливал пустынные кварталы и развалившиеся мечети, представляя, каким он был в действительности — тот Каир моих сновидений! Мне чудилось, что следы моих ног точно совпадают с уже оставленными мною прежде следами; я бродил по улицам, говоря себе: «Повернув сюда, войдя в эти ворота, я увижу то-то и то-то...» И впрямь, все получилось, как я представлял: предо мною возникали руины, но вполне реальные.

Но хватит об этом. Тот Каир покоится под слоем праха и пыли; современные умы и прогресс восторжествовали здесь, подобно смерти. Еще несколько месяцев, и европейские улицы пересекут под прямым углом старый, тихий и пыльный город, который камень за камнем обрушивается на бедных феллахов. Зато блестит, сверкает, разрастается квартал франков: город итальянцев, выходцев из Прованса и Мальты, будущее хранилище товаров Британской Индии.

Восток былых времен донашивает обветшалые одежды, доживает свой век в древних дворцах, с трудом сохраняя старые нравы, — это его закат; он может сказать, подобно одному из своих султанов: «Судьба натянула тетиву: со мною все кончено, я принадлежу прошлому». Пустыня еще защищает, постепенно заноса своими песками стоящий за стенами Каира город могил, долину халифов, населенную, подобно Геркулануму, исчезнувшими поколениями, и все крепостные стены, купола и минареты, дворцы, арки и колонны из драгоценного мрамора, разрисованные и позолоченные покои — все это, с неутомимым рвением воспроизведенное множество раз, было призвано служить лишь вместилищем саркофагов. Культ смерти издревле считался неотъемлемой частью жизни египтян, благодаря ему уцелело и стало известно миру восхитительное прошлое этого народа.

ПОДГОТОВКА К ПЛАВАНИЮ

Фелюга, на которой я плыл по направлению к Дамьете, везла и весь мой скарб, накопившийся за восемь месяцев пребывания в Каире: рабыню с золотистой кожей, купленную у Абд аль-Керима, данный в придачу зеленый сундук с ее одеждой, второй сундук — с подаренными мною нарядами и еще один — с моими европейскими костюмами на случай непредвиденных обстоятельств, как тот пастушеский плащ, который хранил император в память о прошлом. Кроме этого я погрузил в лодку домашнюю утварь, предметы мебелировки, которыми украшал свое жилище в коптском квартале, а именно: глиняные бутылки и сосуды, предназначенные для охлаждения воды, трубки и кальяны, полотняные матрасы и клетки (*кафас*), сплетенные из пальмовых прутьев, служащие то диваном, то кроватью, то столом и оказавшиеся в путешествии просто незаменимыми, поскольку в них могли разместиться как птичий двор, так и голубятня.

Перед отъездом я решил нанести визит мадам Боном — этому очаровательному белокурому ангелу-хранителю путешественников.

«Увы, — говорил я себе, — мне теперь долго предстоит видеть лишь цветные лица; я отправляюсь бросить вызов чуме, свирепствующей в дельте Нила, шторму в Сирийском заливе, по которому нам предстоит плыть в хрупком суденышке; лицо мадам Боном будет для меня прощальной улыбкой моей отчизны».

Мадам Боном принадлежала к тому типу красивых блондинок с юга, которых прославлял Гоцци в своих «Венецианках» и, к чести жительниц нашего Прованса, воспевал Петрарка. Вероятно, эти изящные, столь нетипичные для юга создания золотым руном своих волос обязаны соседству с альпийскими странами, и только горящие глаза говорят о том, что их обладательницы — уроженки

опаленного солнцем Средиземноморья. Легкий нежный румянец, словно бархатистая розовая кожа фламандок, проступает на янтарных от загара щеках, напоминая осеннюю лозу, в пурпурных листьях которой прячется белый, незрелый виноград. О излюбленные модели Тициана и Джорджоне, неужто вы снова напомните о себе на берегах Нила, исторгнув из моей груди вздох сожаления? А между тем рядом со мной находилась совсем другая женщина — с черными как смоль волосами, ее бесстрастное лицо, похожее на маску, казалось высеченным из черного мрамора, ее суровая, строгая красота вызывала в памяти древних азиатских идолов, а изящество движений, в которых подобострастие сочеталось с необузданностью, иногда напоминало, если можно употребить рядом эти два слова, серьезную веселость животного в неволе.

Мадам Боном провела меня в свой магазин, заполненный товарами для путешественников, и, любуясь ею, я слушал, как она подробно описывала достоинства всей этой дивной утвари, воплощающей комфорт европейской жизни для оказавшегося в пустыне англичанина. С легким провансальским акцентом она втолковывала мне, как у подножия пальмы или обелиска можно установить палатку, которая в сложенном виде помещается на спине верблюда, — целые апартаменты для хозяев и слуг с мебелировкой и кухней; как можно устроить обед по-европейски с полным набором кушаний — рагу, ранние фрукты и овощи — и все это благодаря консервам, которые, признаюсь, зачастую приходят нам на помощь во время путешествия.

— Увы, — вздохнул я, — я превратился в настоящего бедуина и прекрасно обхожусь разварным просом, жареными в масле финиками и абрикосовой пастилой или просто... жареной саранчой. Я знаю способ, как сварить в пустыне курицу, даже не ощипав ее.

— Я не знакома с такими изысками, — воскликнула мадам Боном.

— Могу дать рецепт, — сказал я, — мне его дал один весьма предприимчивый вероотступник, сам же он видел, как это делали в Хиджазе. Нужно взять курицу...

— Нужна курица? — спросила мадам Боном.

— Непременно, как заяц для заячьего рагу.

— А затем?

— Затем между двумя камнями разводят огонь, берут воду...

— Значит, нужна не только курица?

— Но все остальное дает природа. Если не будет пресной воды, то можно обойтись морской, тогда соли не потребуются.

— А во что кладут курицу?

— В этом-то и состоит вся хитрость. Мы смешиваем воду с мелкозернистым песком пустыни... Это тоже ингредиент, данный природой. Получается тонкая чистая глина, необходимая для приготовления данного блюда.

— Вы станете есть курицу, сваренную в песке?

— Прошу еще минуту внимания. Из этой глины мы лепим плотный ком, предварительно закатав в него эту курицу или любую другую птицу.

— Это становится интересно.

— Кладем этот глиняный ком в огонь и время от времени поворачиваем его. Когда образуется достаточно плотная корка и ком становится равномерно окрашенным, можно вынимать его из огня: птица готова.

— И это все?

— Нет еще. Нужно разбить ком, превратившийся в терракоту, а перья птицы, прилипшие к глине, отдираются, по мере того как мы высвобождаем ее от обломков этого самодельного котла.

— Но ведь это же лакомство дикарей!

— Нет, всего лишь курица, сваренная на пару.

Мадам Боном поняла, что ей не переубедить столь искушенного путешественника, и убрала всю жестяную кухонную посуду, палатки, резиновые подушки и матрасы с клеймом английского *improved patent*.

— Однако,— сказал я,— мне бы хотелось приобрести у вас что-нибудь полезное.

— Я уверена, что вы забыли купить флаг.

— Но я же собираюсь не на войну...

— Вы будете плыть вниз по Нилу... Вам необходимо водрузить на корме вашего судна трехцветный флаг, чтобы вызвать уважение феллахов.

И она показала мне висящую вдоль стены целую коллекцию флагов всех морских флотов.

Я уже вытаскивал древко с золотым острием, разглядев наши цвета, когда мадам Боном удержала меня за руку:

— Вы можете выбрать, ведь совсем необязательно точно указывать свою национальность. Многие обычно предпочитают английский флаг; он гарантирует большую безопасность.

— О мадам,— ответил я,— я не таков, как они.

— Я так и думала, — сказала она с улыбкой.

Хотелось бы верить, что под английскими флагами по древнему Нилу прогуливаются отнюдь не представители парижского света... Ведь в его водах некогда отражался флаг республики. Правда, легитимисты, совершающие паломничество в Иерусалим, выбирают флаг Сардинии, но в этом я, например, не усматриваю ничего предосудительного.

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

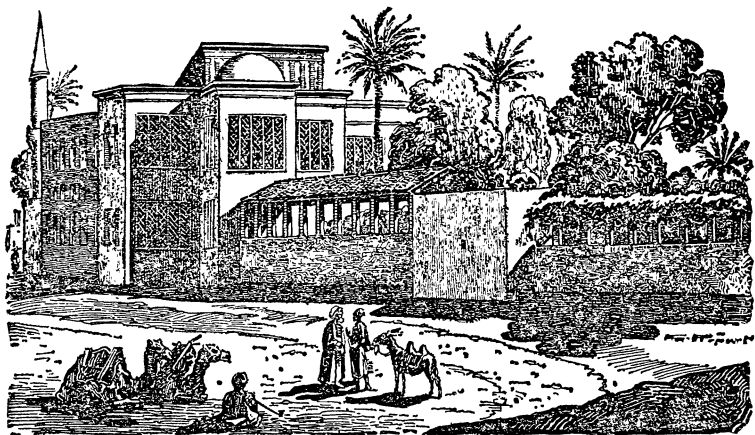
Мы отчалили от пристани в Булаке. Дворец мамлюкского бея, превращенный теперь в политехническую школу, с примыкающей к нему белой мечетью, стоящие прямо на берегу лотки горшечников с изготовленными в Фивах кувшинами из пористой глины, которые доставляют сюда с верховьев Нила, строительные площадки, возвышающиеся на правом берегу реки, — все это через несколько минут скрылось из виду. Мы взяли курс к острову, образованному речными наносами между Булаком и Имбабой, и скоро нос нашей лодки врезался в песчаный берег; два латинских паруса фелюги бились на ветру, но не поднимались.

— *Батталь! Батталь!* — кричал *реис* (капитан).

Это означало: «Плохо! Плохо!» Наверное, речь шла о ветре. И в самом деле, красноватая волна, принесенная встречным ветром, бросала нам в лицо брызги пены, а след, который тянулся за фелюгой, становился алым, словно отражал всполохи неба.

Люди спрыгнули на берег, чтобы вытащить лодку и развернуть ее. Тотчас же зазвучала одна из песен, которыми сопровождаются любые действия египетских матросов, а вместо припева раздается неизменное «Элейсон!». Пока пятеро или шестеро парней, в мгновение ока скинувших свои синие рубахи и сразу же ставших похожими на статуи из флорентийской бронзы, пытались освободить лодку, стоя по колено в иле, реис, усевшись на корме, как паша, с невозмутимым видом курил кальян. Четверть часа спустя мы возвращались обратно в Булак, фелюга сильно кренилась на волнах, а реи касались воды.

Не прошли мы и двухсот метров по течению реки, как снова пришлось разворачивать лодку, которая на сей раз запуталась в тростнике, а затем причалить к песчаному острову.

Дом Эльфи-бея в Каире

— *Батгаль! Батгаль!* — по-прежнему повторял реис время от времени.

На правом берегу я узнавал сады с яркими домиками, примыкающие к аллее Шубры; оттуда, из гигантских смоковниц, порою доносились хриплое карканье ворон и зловещие крики коршунов.

В остальном же ни единого лотоса, ни одного ибиса, ничего примечательного, отмеченного, как в былые времена, печатью местного колорита, разве что стоящие в воде буйволы да петухи фараона — разновидность небольших фазанов с золотым оперением, — порхающие среди апельсиновых и банановых деревьев в садах.

Я забыл упомянуть об обелиске Гелиополя, указывающем своим каменным перстом на близость Сирийской пустыни. Его, к сожалению, мне довелось увидеть лишь издали. Этот монумент весь день оставался в поле нашего зрения, ибо фелюга продвигалась вперед своеобразными зигзагами.

Наступил вечер, солнечный диск опускался за извилистую линию Ливийских гор, и внезапно фиолетовые сумерки сменились синеватой ночной мглой. Я увидел светящиеся вдали огни кофейни, до нас донеслись скрипучие звуки *нея* и *ребаба*, выводявших известную египетскую мелодию «*Йа ляйали!*» («*О ночи!*»).

Хор на эти строки отвечал: «*О ночи радости!*» Пели о счастье собравшихся вместе друзей, о любви и о страсти,

о божественном огне, о лучезарности истинного сияния, которое бывает лишь на небе; вспоминали Ахмада, избранника Аллаха, главу небесных посланников, и детские голоса выводили антистрофу этого восхитительного чувственного излияния, молящего о том, чтобы Аллах благословил все ночные радости на земле.

Я понял, что это был какой-то семейный праздник. Детские голоса сменились пронзительными криками крестьянок, чьи песни с одинаковым успехом могли славить как смерть, так и узы брака, ибо во всех египетских церемониях веселье, способное исторгнуть слезы жалости, всегда соседствует с сетованиями, прерываемыми взрывами веселья, которые еще с глубокой древности присутствовали во всех торжествах этого народа.

Рейс отдал команду привязать фелюгу к торчащему из песка столбику и собирался спуститься на берег. Я заинтересовался, долго ли мы пробудем в находящейся поблизости деревне, и он ответил, что нам придется в ней заночевать и остаться до трех часов пополудни, пока не поднимется юго-западный ветер (мы попали в период муссонов).

— Я-то полагал,— сказал я капитану,— что в безветрие фелюгу будут тянуть бечевой.

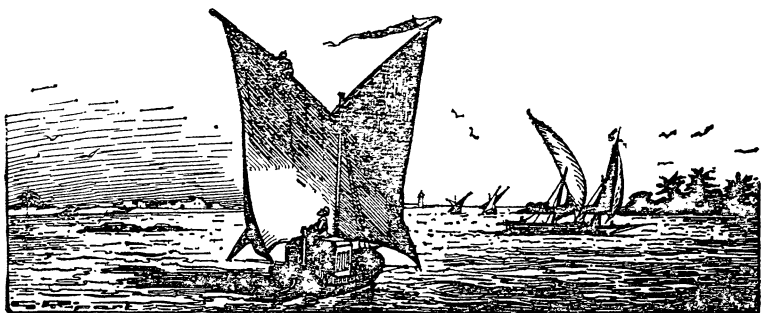
— Этого нет в нашем договоре,— ответил он.

В самом деле, перед тем как тронуться в путь, мы заключили письменный договор в присутствии кади; разумеется, эти люди внесли в него все, что хотели. К тому же я вовсе не торопился добраться до места назначения, и эта отсрочка, которая заставила бы негодовать путешественного англичанина, для меня была только дополнительной возможностью изучить древний рукав Нила, почти неиспользуемый для судоходства, который идет от Каира к Дамьетте.

Рейс, ожидавший проявления бурного негодования, отдал должное моей сдержанности.

Тяга бечевой — весьма дорогое удовольствие, поскольку кроме большего числа матросов на фелюге требуются люди, которые, сменяя друг друга, тянули бы ее от деревни к деревне.

В фелюге были две разукрашенные и позолоченные изнутри каюты, их зарешеченные окна выходили прямо на реку и, таким образом, как бы обрамляли этот живописный пейзаж; корзины цветов, прихотливые арабски украшали стены; вдоль стен в каждой каюте стояло по два деревянных сундука, днем на них можно было сидеть

Фелюги

скрестив ноги, а ночью — устроить себе ложе, предварительно постелив циновку или подушки. Обычно первая каюта служит диванной, а вторая — гаремом. Все помещения герметически закрываются и запираются на висячие замки, что, правда, не является преградой для нильских крыс, и, хочешь не хочешь, а приходится мириться с их обществом. Комары и прочие насекомые — еще более неприятные попутчики; избежать их коварных поцелуев по ночам можно лишь с помощью просторных рубах, куда нужно влезать, как в мешок, а затем затягивать горловину, голову обматывают двойным слоем марли, которая совсем не мешает дышать.

Было похоже, что нам придется провести ночь на фелюге, и я уже к этому приготовился, когда реис, сошедший на берег, снова поднялся на борт и торжественно пригласил меня следовать за ним. Мне не хотелось оставлять рабыню в каюте, но капитан сам сказал, что лучше будет взять ее с собой.

МУТТАХИР

Оказавшись на берегу, я увидел, что мы причалили всего-навсего в Шубре. Прямо перед нами лежали сады паши с украшавшими вход миртовыми беседками; сбившиеся в кучу глинобитные домики тянулись вдоль улицы слева от нас; прямо на берегу стояла кофейня, огни которой я заметил еще с лодки; оказалось, что реис жил в соседнем доме, куда он и пригласил нас зайти.

«Стоило провести целую ночь на Ниле, — говорил я се-

бе, — чтобы очутиться всего в одном лье от Каира!» Мне захотелось вернуться и отправиться почитать газеты к мадам Боном, но реис уже подвел нас к дому; я догадался, что там отмечали какой-то праздник, на котором нам предстояло присутствовать.

И впрямь, пеще, которое мы слышали, доносилось именно оттуда. Там предавалась веселью толпа смуглых людей, среди которых попадались и чистокровные негры. Я с трудом понял из слов реиса, изъяснявшегося на смеси арабского языка и французского наречия, что это был семейный праздник по случаю обрезания его сына. Теперь мне стало ясно, почему мы проделали столь короткий путь.

Церемония состоялась накануне в мечети, сегодня был второй день празднеств. Семейные праздники даже у самых бедных египтян — это своего рода народные гулянья, и в этот день улицы запружены толпой; около тридцати школьных товарищей муттахира, мальчика, подвергаемого обряду обрезания, заполнили комнату с низким потолком; женщины — родственницы или подруги жены реиса — сидели кружком в соседней комнате. Мы остановились перед дверью. Реис издали указал пришедшей со мной рабыне место подле своей супруги, и та без колебаний уселась на ковер, совершив церемонию приветствия.

Стали разносить кофе и трубки, и нубийки принялись плясать под звуки дарабукк (глиняных барабанов), в которые били женщины: одной рукой они держали его, а другой — ударяли по нему. Наверное, семья реиса была не настолько богата, чтобы приглашать белых альмей; нубийки же танцуют ради собственного удовольствия. *Лоти*, главная танцовщица, изображала подобающую случаю пантомиму, ведя за собой четырех женщин, которые лихо отплясывали неистовую сальтареллу⁵⁹, которую я уже описывал; танцуют ее повсюду одинаково, разница лишь в темпераменте исполнения.

Во время одной из пауз между танцами и музыкой реис усадил меня возле старика, которого представил мне как своего отца. Узнав, кто я такой, он приветствовал меня отборным французским ругательством, прозвучавшим весьма забавно в его произношении. Это все, что он запомнил из языка победителей девяносто восьмого года. Я крикнул ему в ответ:

— Наполеон.

Он, казалось, меня не понял. Я несколько удивился, но подумал, что, наверное, это имя было известно лишь в период Империи.

— Вы знали Бонапарта? — спросил я у него.

Он откинул голову с торжественно-мечтательным видом и принялся распевать во все горло:

— *Йа селям, Буонабарте!* (Привет тебе, о Бонапарт!)

Я не мог удержаться от слез, слушая, как старик исполняет старинную египетскую песню, славящую того, кого они называли Султан Кебир⁶⁰. Я попросил его исполнить всю песню, но он помнил лишь некоторые строки:

Ты заставил нас страдать в разлуке с тобой, о генерал, пьющий кофе с сахаром! О чудный генерал с нежными щеками, твой меч разил турок! Привет тебе!

О ты, чья шевелюра так прекрасна! С того самого дня, как ты вошел в Каир, город засверкал, словно хрустальная лампа, привет тебе!

Тем временем реис, равнодушный к воспоминаниям, вернулся к детям; похоже, готовилась какая-то новая церемония.

В самом деле, дети выстроились в два ряда, остальные гости тоже поднялись, им предстояло пройти по деревне, сопровождая мальчика, которого вчера уже водили по улицам Каира. У дома стояла лошадь в роскошной попоне и сбруе, мальчуган, на вид лет семи, одетый в девичью одежду и с женскими украшениями (наверное, взятыми на время), сел в седло, а двое родственников поддерживали его с каждой стороны. Он был горд, как император, и, по обычаю, держал у рта носовой платок. Я опасался разглядывать мальчика слишком внимательно, так как знал, что жители Востока боятся «дурного глаза», но успел подробно рассмотреть процессию, тем более что в Каире мне не доводилось видеть ничего подобного. Там процессии с мутахиром мало чем отличаются от свадебных кортежей. Здесь же я не увидел обнаженных комедиантов, разыгрывающих сражение с помощью копий и мечей; только несколько нубийцев, встав на ходули, дрались на длинных палках, чтобы привлечь внимание зрителей. За ними шли музыканты, потом дети, одетые в праздничные костюмы, их вели пятеро или шестеро факиров или дервишей, распевавших духовные *маввали*⁶¹. Затем ехал мальчик верхом на лошади в окружении родных, и, наконец, замыкала шествие группа женщин из этой семьи, и среди них — танцовщицы без покрывал, при каждой остановке процессии они принимались исполнять свои сладострастные пляски, выбивая дробь ногами. Несколько мужчин несли курильницы с благовониями; дети опрыскивали зрителей розовой водой из флаконов (*кумкум*). Но самым главным дей-

ствующим лицом на этом торжестве был, несомненно, цирюльник, державший в руке какой-то загадочный инструмент (некоторое время спустя бедное дитя должно было испытать на себе его применение); меж тем помощник цирюльника размахивал прикрепленной на конце копыя табличкой, где были нарисованы атрибуты его профессии. Перед муттахиром шел один из его товарищей, к шее которого была привязана дощечка для письма, школьный учитель сам изобразил на ней шедевры каллиграфического искусства. Позади лошади одна из женщин беспрестанно разбрасывала соль — от дурного глаза. За процессией шли специально нанятые женщины, которых приглашают плакальщицами на похороны, но они сопровождают также и свадебные кортежи и процессии по случаю обрезания со своими неизменными «улю-лю-лю!», известными еще с глубокой древности⁶².

Пока процессия шествовала по малолюдным деревенским улицам Шубры, я остался с дедушкой муттахира, с превеликими усилиями заставив рабыню не ходить с остальными женщинами. Мне пришлось прибегнуть ко всемогущему слову «мафиш», чтобы запретить ей делать то, что она считала долгом вежливости и своей религиозной обязанностью. Негры накрывали на стол и украшали комнату листьями. Я же пытался вызвать просветление в памяти старика, громко называя ему славные имена Клебера и Мену. Но он вспомнил лишь полковника Бартелеми, бывшего начальника каирской полиции, получившего известность за свои роскошные костюмы и гигантский рост. В честь Бартелеми были сложены любовные песни, которые знали все:

Мой возлюбленный носит расшитую шляпу; его пояс украшен бантами и розочками.

Я хотела обнять его, но он сказал мне: «Aspetta!» («Подожди!»). О! Как сладка его итальянская речь! Да хранит Аллах моего любимого с глазами газели!

До чего же ты прекрасен, Фарт-ар-Руми (Бартелеми), когда ты провозглашаешь мир, держа в руке фирман!

СИРАФА

По возвращении муттахира все дети расселись по четверо за круглые столы, где почетные места занимали школьный учитель, цирюльник и дервиши. Остальные взрослые ждали, когда дети насытятся, чтобы тоже сесть за стол. Нубийцы примостились у дверей, получив остатки

Арабская школа в Каире

угощений, объедки которых они, в свою очередь, раздали сбежавшимся на шум нищим. Таким образом, кушанья обошли гостей всех рангов, а кости достались бездомным собакам, привлеченным запахом мяса. Ничто не должно было пропасть от яств этого патриархального пиршества, и, как бы ни был беден хозяин, любое живое существо могло рассчитывать на причитающееся ему праздничное угощение. Среди людей состоятельных принято раздавать мелкие подарки бедным семьям, что несколько облегчает участь последних.

Однако наступал неприятный для муттахира момент, которым должен был завершиться праздник. Детям велели встать, и без сопровождения взрослых они зашли в комнату, где находились женщины. Дети пели:

О ты, его тетка со стороны отца! О ты, его тетка со стороны матери! Приди приготовь сирафу.

Все, что происходило потом, я знаю только со слов рабыни, присутствовавшей на церемонии сирафы.

Женщины дают мальчикам шаль, четверо из них берутся за ее углы, а в середину кладется дощечка для письма. Школьный староста (*ариф*) читает молитву, а мальчики и женщины повторяют за ним каждую фразу. Они

просят всеведущего Аллаха, кому «известен путь, по которому движется черный муравей, и то, над чем этот муравей трудится в часы ночного бдения», чтобы он даровал благословение этому мальчику, который уже умеет читать и знает Коран. От его имени они благодарят отца, заплатившего за уроки, и мать, которая с колыбели учила его говорить.

«Да позволит мне Аллах,— говорит мальчик своей матери,— увидеть, как ты будешь сидеть в раю, как тебя будут приветствовать Марьям (Мария), Зейнаб, дочь Али, и Фатима, дочь пророка».

Дальше восхвалялись дервиши и школьный учитель, который объяснил и помог детям выучить разные главы из Корана. За этой протяжной песней последовали другие, не столь торжественные:

«О вы, стоящие вокруг девушки,— пел ариф,— я препоручаю вас заботам Аллаха, когда вы красите глаза и смотрите в зеркало! А вы, собравшиеся здесь замужние женщины, следуйте тому, что сказано в тридцать седьмой суре „ас-Сафفات“ и будьте благословенны!⁶³ Но если среди вас есть женщины, состарившиеся в безбрачии, вас следует побить туфлями и разогнать!»

Во время этой церемонии по комнате носят сирафу, и каждая женщина кладет на дощечку мелкие деньги, потом эти деньги собирают в платок, который дети относят в дар дервишам.

В комнате, где собрались мужчины, муттахира сажают на высокий стул, по обе стороны от которого становятся цирюльник и его помощник, держа наготове инструменты. Перед мальчиком ставят медный тазик, куда каждый из присутствующих должен положить свой подарок. Затем цирюльник уводит мальчика в соседнюю комнату, где в присутствии двух его родственников производит операцию, а чтобы не было слышно стонов, играют цимбалы. Гости, не обращая больше внимания на виновника торжества, остаются в доме почти на всю ночь, пьют шербет и кофе, хмельной напиток бузу (густое пиво), которому отдают предпочтение негры; несомненно, именно его называл Геродот ячменным вином.

КАМЕННЫЙ ЛЕС

На следующее утро я не мог придумать, чем бы заняться, пока не поднимется ветер. Реис и все матросы предавались сну с полным пренебрежением ко времени, что так

трудно понять людям севера. Мне пришла в голову мысль оставить рабыню на фелюге, а самому отправиться на целый день побродить по Гелиополю, находящемуся в одном лье отсюда.

Внезапно я вспомнил про обещание, которое дал bravому уполномоченному из морского министерства, уступившему мне свою каюту во время перехода из Сирова в Александрию.

— Я очень прошу вас об одной услуге,— сказал он мне, когда я выражал ему свою признательность,— соберите для меня несколько кусочков окаменелого леса, который находится в пустыне неподалеку от Каира. Проезжая через Смирну (Измил), вы можете занести их мадам Картон на улицу Роз.

Подобные поручения для путешественника святы; чувство неловкости из-за забытого мною обещания вынудило меня немедленно решиться на эту не слишком обременительную экспедицию. К тому же мне самому хотелось увидеть этот таинственный лес. Я разбудил рабыню, она пребывала в очень дурном расположении духа и попросила у меня разрешения остаться в Шубре с женой реиса. После некоторого размышления, уже достаточно разбираясь в местных нравах, я решил, что в этом достойном семействе невинность бедняжки Зейнаб не подвергается опасности.

Приняв необходимые меры и известив реиса, который прислал мне смышленого погонщика ослов, я направился к Гелиополю, оставив слева от себя канал Адриана⁶⁴, некогда связывавший Нил с Красным морем, впоследствии его пересохшее русло должно было указывать нам дорогу среди песчаных дюн.

Все земли в окрестностях Шубры прекрасно возделаны. За рощей смоковниц, окружающей конные заводы, по левую руку протянулись бесконечные сады, где апельсиновые деревья чередуются с финиковыми пальмами, посаженными в шахматном порядке. Затем нужно пересечь рукав Халига (Каирского канала), чтобы оказаться на кромке пустыни, лежащей выше уровня разливов Нила. Здесь заканчиваются плодородные земли, заботливо орошаемые с помощью ирригационных каналов; здесь-то и начинается это странное предместье из гробниц, которое тянется вплоть до аль-Мукаттама и с этой стороны называется Долиной халифов; кажется, что царящий здесь дух печали и смерти взял верх над самой природой. Тулун, Бейбарс, Саладин, Малик аль-Адель и многие другие

великие правители ислама покоятся здесь не в могилах, а в просторных, украшенных позолотой и арабесками дворцах с большими мечетями между ними. Невольно начинает казаться, что призракам, населяющим эти хоромы, захотелось иметь еще специальные помещения для молитв и собраний, которые, если верить легенде, они и заполняют по определенным дням.

Удаляясь от этого мрачного города, напоминающего своим обликом богатые кварталы Каира, мы подъехали к насыпи Гелиополя, возведенной много лет назад, чтобы защищать его от наводнений. Вся равнина, насколько хватало глаз, была покрыта небольшими холмами, образованными грудями развалин. Обычно это руины какого-нибудь поселения, под которыми покоятся остатки еще более древних сооружений. На поверхности земли ни одного целого здания, ни одного древнего камня, за исключением обелиска, вокруг которого разбит обширный сад.

От обелиска отходят четыре аллеи эбеновых деревьев; дикие пчелы устроили свои соты в трещинах, образовавшихся на одной из сторон обелиска, который, как известно, понемногу разрушается. Садовник, уже привыкший к визитам путешественников, предложил мне цветы и фрукты. Я опустился на скамью и принялся размышлять о красотах, описанных Страбоном; о трех других обелисках храма Солнца — два из них сейчас находятся в Риме, а третий разрушен; об аллеях сфинксов из желтого мрамора; одного видели еще в прошлом веке; и, наконец, о самом городе — колыбели науки, куда приобщиться к ее тайнам приезжали Геродот и Платон. О Гелиополе есть также другие упоминания, в частности в Библии. Именно здесь Иосиф явил прекрасный пример целомудрия, увя, в наше время способный вызвать лишь ироническую улыбку. В глазах арабов эта легенда имеет иную окраску: Иосиф и Зулейка — воплощение чистой любви, торжества долга над чувством — победили двойной соблазн; ибо хозяином Иосифа был один из евнухов фараона. В первоначальной легенде, которую часто пересказывают восточные поэты, нежная Зулейка вовсе не была принесена в жертву, как трактуют поздние поэмы. Женщины Мемфиса сначала осудили ее, но сразу же простили, как только Иосиф, выйдя из тюрьмы, предстал во всем блеске своей красоты при дворе фараона.

Чувство платонической любви, которое, как полагают арабские поэты, испытывал Иосиф к Зулейке, тем самым еще более возвышая принесенную им жертву, не поме-

шало этому патриарху позднее соединиться с дочерью жреца из Геллиополя Азимой. Его семья поселилась севернее, в местечке Гесем, где, как считают, находятся развалины еврейского храма построенного Онией IV⁶⁵.

У меня не было времени посетить эту колыбель колена Иакова, но я не хотел бы упустить возможность снять с целого народа, чьи предания старины мы восприняли, обвинение в недостойном поступке, которое упорно вменяют ему в вину философы. Как-то раз я беседовал в Каире с одним берлинским врачом, приверженцем Галеновой системы⁶⁶, который был участником экспедиции Лепсиуса, мы обсуждали с ним исход евреев из Египта.

— Неужели вы полагаете, — сказал он, — что столько честнейших евреев проявили бы подобную невежливость, прихватив с собой серебряную утварь египтян, которые были их соседями и друзьями?

— Однако, — заметил я, — этому надо верить или отрицать писание вообще.

— В переводе могла быть допущена ошибка, или в текст могло быть внесено дополнение; но, заметьте, евреи всегда отличались способностями к торговле и коммерческим операциям. В те еще достаточно бесхитростные времена деньги давали только под залог... и, будьте уверены, это было главным ремеслом евреев.

— Но историки представляют дело так, что они изготавливали кирпич для пирамид (которые, правда, построены из камня), а в вознаграждение за эту работу получали лук и прочие овощи.

— Ну и что? Если им удавалось скопить несколько луковиц, не сомневайтесь, они умели распорядиться ими таким образом, чтобы получить много новых...

— И что из этого следует?

— Только то, что серебряная посуда, которую они забрали с собой, вероятно, была взята ими под залог ссуд, которые они давали в Мемфисе. Египтяне довольно непредусмотрительны; они, по всей видимости, не обращали внимания на то, что проценты и платежи растут, а доход при обычных процентах...

— Но ведь нельзя даже предъявить иск на разницу, остающуюся после изъятия долга и процентов?

— Это верно. Но еврей унесли лишь то, что им полагалось по всем законам коммерции.

Этим актом, несомненно оправданным, они заложили тогда основы кредита. К тому же в Талмуде точно сказано: «Они взяли только то, что им принадлежало».

Я привожу этот парадоксальный разговор с берлинским врачом слово в слово. Мне не терпелось поскорее отыскать неподалеку от Гелиополя следы библейской истории. Садовник, который наблюдал за сохранностью последнего уцелевшего памятника этого знаменитого города, первоначально называвшегося Айн Шамс, или Глаз Солнца, приказал одному из своих феллахов проводить меня в Матарю. Несколько минут мы шли по пыльной дороге, затем я снова увидел оазис, иначе говоря, целый лес смоковниц и апельсиновых деревьев; неподалеку был расположен единственный в здешних местах источник пресной воды, которому удалось пробиться через богатую азотом почву Египта; египтяне же приписывают его появление благоволению божьему. Когда святое семейство остановилось отдохнуть в Матарии, говорят, именно здесь Святая Дева стирала пеленки младенца Иисуса. Кроме того, считается, что эта вода исцеляет проказу. Сидящие возле источника нищенки предлагают вам за небольшой бакшиш чашку этой воды.

Остается еще отыскать в роще раскидистую смоковницу, под сенью которой пряталось святое семейство, когда за ним гнались злодеи под предводительством Дисмы, того самого, который в Евангелии стал вдруг добрым разбойником. Он-то и обнаружил беглецов, но его озарила вера, и он приютил Иосифа и Марию в одном из своих домов, расположенных на месте Старого Каира, называвшегося в те времена Вавилоном Египетским. Этот Дисма занимался весьма прибыльным ремеслом — владел домами. Мне показывали в Старом Каире, в одном из коптских монастырей, старый погреб, выложенный кирпичом, — единственное, что, по слухам, уцелело от некогда гостеприимного дома Дисмы; говорят, что именно в этом погребе ночевало святое семейство.

Все это принадлежит коптскому преданию, но чудесному дереву в Матарии поклоняются христиане всех исповеданий. Трудно предположить, что эта смоковница сохранилась с глубокой древности, скорее это один из побегов того старого дерева, но вот уже много столетий каждый, кто приходит сюда, уносит с собой кусочек коры или сучок. Тем не менее дерево по-прежнему необъятно, словно индийский баобаб; его огромные, раскидистые ветви почти скрыты под висящим на них и прибитыми к ним различными четками, иконками, записками.

Поклонив Матарю, мы снова вышли к руслу канала Адриана, которое с давних пор служит дорогой; на нем

видны глубокие колена от железных колес экипажей из Суэца. Пустыня совсем не так засушлива, как полагают; пучки пахучих растений, мох, лишайник, кактусы покрывают почти всю землю, а на горизонте прорисовываются огромные, поросшие кустарником скалы.

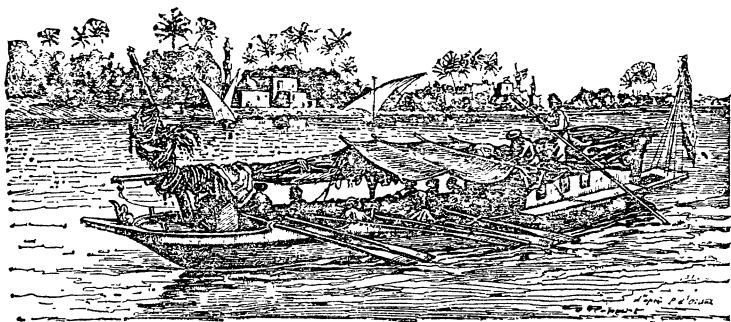
Справа к югу протянулась горная цепь аль-Мукаттам; ее скрыли из виду склоны сужающегося ущелья. Проводник показал мне пальцем на необычного вида насыпи, возвышавшиеся над дорогой. Это были груды ракушек — несомненные следы потопа или вод Средиземного моря, которое, как считают ученые, когда-то покрывало всю долину Нила. Теперь это трудно себе представить. Ущелье расширяется, и взору предстает бескрайняя долина. Ни следов, ни дорог, лишь длинные неровные столбы сероватого цвета. О чудо! Это и есть окаменелый лес.

Какой чудовищный порыв ветра в мгновение ока повалил эти гигантские пальмы? Почему эти деревья упали, разметав ветви и корни, повернувшись в одну сторону и окаменев, но так, что при этом можно разглядеть жилки, по которым струился сок? Каждый ствол распался на куски, лежащие вплотную друг к другу, словно конечности огромных членистоногих. Я не видел более странного зрелища. Это превращение произошло не по причине химического воздействия земли: деревья все еще лежат на ее поверхности. Так боги отомстили спутникам Финея⁶⁷. Может быть, когда-то отсюда отошло море? Но вокруг не видно никаких следов его обычной деятельности. А может быть, это результат катаклизма, хлынувших вод всемирного потопа? Но почему же тогда вода не унесла деревья? Разум теряется в догадках, и лучше не думать обо всем этом.

Я покинул, наконец, эту странную долину и вернулся в Шубру. Мельком взглянул на щели в скалах, где живут гнены, и на выбеленные солнцем кости верблюдов: ими усеяны дороги, по которым движутся караваны. У меня в памяти остались яркие образы, затмившие даже впечатления от пирамид: сорок веков их ничтожно малы перед бесстрастными свидетелями внезапно исчезнувшего древнего мира⁶⁸.

ЗАВТРАК В КАРАНТИНЕ

Вот мы снова на Ниле. Вплоть до Батн-аль-Бакары («живота коровы»), где Дельта начинает расходиться веером, я видел лишь знакомые мне берега. Вершины трех

Фелюги на Ниле

пирамид, розовые утром и вечером, которыми любуешься задолго до подхода к Каиру и так же долго после отъезда из Булака, исчезли наконец за горизонтом. Теперь мы двигались по восточному рукаву Нила, то есть по подлинному руслу реки, так как Розеттский рукав, по которому, как правило, путешествуют европейцы, всего-навсего широкий отводной канал, уходящий на запад.

Главные каналы Дельты отходят от Дамьеттского рукава; на его берегах можно любоваться самыми разнообразными и яркими пейзажами. Они сильно отличаются от монотонных берегов других нильских рукавов, где чахлые пальмовые рощи перемежаются с деревнями из глинобитных домиков; видны лишь гробницы святых с минаретами и голубятни с причудливыми украшениями — все это словно нарисовано на плоском, лишенном объема горизонте; воды Дамьеттского рукава омывают крупные города и деревни с плодородными полями; пальмы здесь пышнее и раскидистее, фиговые, гранатовые деревья и тамариск отливают всеми оттенками зелени. Берега реки, от которой расходятся оросительные каналы, покрыты первозданной растительностью; из гущи папируса, служившего когда-то сырьем для писчего материала, из разных кувшинок, меж которых изредка алеет цветок древних — лотос, взмывают ввысь тысячи птиц и насекомых. Все трепещет, блестит и оглашает воздух невообразимым шумом, все, кроме человека. Здесь не встретишь и десяти европейцев за год, а поэтому выстрелы редко раздаются в этом уединенном уголке, полном жизни. Лебеди, пеликаны, розовые фламинго, белые цапли и утки мирно резвятся среди джерм и фелюг; то и дело взмывают в лазурное небо пугливые голуби, выстраиваясь на высоте в длинную цепочку.

Справа остались Шарахания, расположенная на месте античного Церкасорума; Дигва — старинное прибежище нильских пиратов, которые по ночам вплавь преследовали лодки, надев на головы выдолбленные тыквы; Атриб, стоящий на развалинах Атрибиса, и Мит-Гамр — современный, многонаселенный город, мечеть которого, увенчанная четырехугольной башней, как говорят, до арабского завоевания была христианской церковью. На левом берегу, на месте Бусириса, раскинулся город Абусир, но там не сохранилось никаких развалин; на другом берегу Саманхуд — некогда Себеннитус — устремил в небо свои купола и минареты, окруженные садами. Остатки огромного храма — кажется, храма Исиды — видны дальше, через два лье. Капители колонн выполнены в форме женской головки; увы, большинство этих колонн пошло на жернова для арабских мельниц.

Мы провели ночь неподалеку от Мансуры, но я не смог осмотреть ни знаменитые печи для выведения цыплят, ни дом Бен Лукмана, где находился в заточении Людовик Святой. Наутро меня ждала дурная весть: над Мансурой был поднят желтый флаг, означавший эпидемию чумы, то же ожидало нас и в Дамьетте. Таким образом, пополнить свои припасы можно было лишь за счет охоты. Да, подобная новость способна испортить самый лучший пейзаж в мире; к тому же, увы, берега уже не отличались прежним плодородием; сразу же за Фарискуром открывались залитые водой рисовые поля, в воздухе стоял гнилостный запах болот, который, разумеется, отравлял зрелище красот египетской природы. Нужно было дожидаться вечера, чтобы увидеть наконец волшебную панораму широкого, как морской залив, Нила с самыми густыми пальмовыми рощами на берегах, с итальянскими домиками и террасами садов; открывшееся зрелище можно было бы сравнить со входом в Большой канал Венеции, если бы не великое множество мечетей, верхушки которых проступали в красноватой дымке вечернего тумана.

Мы причалили к главной пристани, перед большим зданием с французским флагом; однако нужно было ждать до следующего дня, чтобы нам, здоровым людям, после обязательного врачебного осмотра дали разрешение войти в этот пораженный болезнью город: над зданием морского ведомства зловеще реял желтый флаг. Но сейчас это ожидание было нам на руку. Правда, припасы наши иссякли, и это предвещало на следующий день весьма скудный завтрак.

Кавас из консульства

Однако на рассвете наш флаг заметил, что доказывало справедливость совета мадам Боном, и янычар из французского консульства явился предложить нам свои услуги. У меня с собой было рекомендательное письмо к консулу, и я попросил разрешения у янычара вручить его лично. Янычар доложил об этом консулу и вернулся за мной. Он предупредил меня, чтобы по дороге я ни до кого не дотрагивался и никому не давал дотрагиваться до себя. Янычар шагал впереди и своей тростью с серебряным набалдашником прокладывал путь в толпе. Наконец мы вошли в большое каменное здание с огромными воротами, скорее похожее на окель или каравансарай. Тем не менее это была резиденция консула, вернее, уполномоченного французского консульства, который в то

же время был одним из самых богатых купцов Дамьеты, торговавших рисом.

Я вошел в канцелярию, и янычар подвел меня к своему начальнику. Я без лишних слов собирался было вручить ему письмо прямо в руки.

— *Aspetta*,— остановил он меня не столь любезно, как полковник Бартеlemi, когда его хотели поцеловать. Он отстранил меня белой тростью, которую держал в руке. Я понял, что он имел в виду, и просто показал ему письмо. Консул, не говоря ни слова, вышел и вернулся с пинцетом; он взял им письмо, положил его на пол, прижал ногой и ловко вскрыл конверт с помощью пинцета, затем развернул его и, держа на большом расстоянии перед собой, стал читать.

Лицо его прояснилось, он вызвал чиновника, умевшего говорить по-французски, и пригласил меня на завтрак, правда предупредив, что это будет завтрак в карантине. Я не слишком хорошо понимал, как следовало отнестись к подобному приглашению, но прежде всего подумал о

своих спутниках, оставшихся на фелюге, и спросил, какую еду можно раздобыть в городе.

Консул отдал распоряжение янычару, и тот вручил мне хлеб, вино и кур — продукты, через которые, как считают, не передается чума.

Бедная рабыня скучала в каюте, я велел ей сойти на берег и сопровождать меня, поскольку собирался представить ее консулу.

Увидев, что я возвращаюсь не один, консул нахмурился.

— Вы что, хотите взять эту женщину с собой во Францию? — спросил у меня чиновник.

— Возможно, если она согласится, а я смогу осуществить это намерение, пока же мы едем в Бейрут.

— А вы знаете, что, попав во Францию, она станет свободной?

— Я считаю, что она и сейчас свободна.

— К тому же, если ей не понравится во Франции, вы будете обязаны отправить ее обратно в Египет за свой счет.

— Этого я не знал.

— Подумайте хорошенько. Лучше перепродать ее здесь...

— В городе, где свирепствует чума? Это не слишком благородный поступок.

— Ну, это ваше дело...

Чиновник объяснил все консулу, который в конце концов рассмеялся и решил представить рабыню своей супруге. Тем временем нас провели в столовую с большим круглым столом посередине. Здесь состоялась следующая церемония.

Консул указал мне место, сам же сел напротив, рядом с чиновником и маленьким мальчиком, наверное с сыном, которого привели с женской половины. Янычар встал справа от стола, обозначая разграничительную линию. Я ждал, что пригласят бедную Зейнаб, она сидела скрестив ноги на циновке с великолепным безразличием, словно еще находилась на невольничьем рынке. Может быть, она думала, что я привез ее сюда, чтобы перепродать?

Чиновник сообщил мне, что наш консул — негоциант, католик, уроженец Сирии и что, по обычаю, даже у христиан женщин за стол не сажают и ханум выйдет только для того, чтобы оказать мне честь.

В самом деле, отворилась дверь, и довольно полная женщина лет тридцати с величественным видом вошла в

комнату и села напротив янычара на стоящий у стены стул с высокой спинкой и подставкой для ног. На ней был огромный размеров головной убор в форме конуса из желтого кашемира, расшитого золотом. Волосы, заплетенные в косы, и грудь украшали бриллианты. Она напоминала мадонну, а кожа цвета лилии подчеркивала темный блеск глаз, веки и ресницы у нее были накрашены в соответствии с обычаем.

Слуги, стоявшие вдоль стен, обносили нас одинаковыми на вкус кушаньями, разложенными в разные тарелки; мне объяснили, что эти слуги прошли карантин, так что я мог не беспокоиться, если кто-то из них случайно коснется моей одежды. Мне было непонятно, как в городе, где свирепствует чума, можно полностью изолировать некоторых людей. Впрочем, я сам представлял подобное исключение.

Когда завтрак был окончен, ханум, молча разглядывавшая нас, не садясь за стол, обратилась к рабыне, о которой ее предупредил муж, задала несколько вопросов и велела подать ей еду. Принесли маленький круглый столик, похожий на те, что встречаются в домах у египтян, и слуги, прошедшие карантин, подали ей те же блюда, что и нам.

Чиновник предложил показать мне город. Черда великолепных домов на берегу Нила, которыми мы любовались, оказалась не чем иным, как театральной декорацией; остальные же улицы выглядели пыльными и унылыми; казалось, даже стены пропитаны лихорадкой и чумой. Янычар шел впереди, расталкивая жалкую толпу в синих лохмотьях. Из достопримечательностей я увидел лишь гробницу какого-то знаменитого святого почитаемого турецкими матросами, старую церковь в византийском стиле, воздвигнутую еще крестоносцами, и холм возле городских ворот, целиком состоявший, как говорят, из останков воинов Людовика Святого.

Я испугался, что нам придется провести несколько дней в этом унылом городе, но, к счастью, янычар сообщил мне, что на рассвете бомбарда⁶⁹ «Санта Барбара» должна сняться с якоря и отправиться к берегам Сирии. Консул любезно заказал мне места, и в тот же вечер мы покинули Дамьетту и сели на корабль под командой капитана-грека.

СПУТНИК

Istamboldan! Ah! Yékir firman!
Yékir, Yékir, Istamboldan!

Голос был низкий и нежный, голос белокурого юноши или темноволосой девушки, голос молодой и проникновенный, он звенел, как стрекот кузнечика в тумане египетского утра. Чтобы лучше его расслышать, я приоткрыл иллюминатор; но, увы, за позолоченной решеткой был виден лишь пустынный берег: мы были уже далеко от цветущих полей и пальмовых рощ, окружающих Дамьетту. Мы тронулись в путь с наступлением ночи и вскоре подошли к берегу у Эзбы; сейчас здесь, на месте города, основанного еще крестоносцами, находится морской порт. Я проснулся потому, что прекратилась морская качка, а песня продолжала звучать; казалось, пел кто-то на берегу, невидимый за прибрежными дюнами. Молодой голос выводил нежную и печальную песню:

Kaïkékir! Istamboldan!..
Yékir, Yékir, Istamboldan!

Я догадывался, что эта песня прославляет Стамбул на новом для меня языке. В этом языке в отличие от арабского и греческого, утомивших мой слух, не было гортанных звуков. Голос был предвестником других народов и других берегов; мне уже мерещилась, словно в тумане, владычица Босфора среди синих вод и густой зелени, и должен признаться, что по контрасту с однообразным и выжженным солнцем Египтом этот мираж непреодолимо манил меня. Быть может, потом, под зелеными кипарисами Перы, я буду сожалеть о берегах Нила; сейчас же я призывал на помощь моим размягченным жарой чувствам животворный воздух Азии. К счастью, присутствие на корабле янычара, которому наш консул поручил сопровождать меня, гарантировало скорое отплытие из Эзбы.

Мы ждали подходящего времени, чтобы пройти *богаз*, то есть мелководную полосу, где морская вода встречается с речной. На «Санта Барбару», стоявшую в одном лье от берега, нас должна была уже доставить принадлежавшая консулу *джерма*, груженная рисом.

Голос затянул вновь:

Ah! ah! ah! drommatina!
Drommatina dieljédélim!

«Что может означать эта песня? — думал я про себя. — Это, должно быть, по-турецки?» Я спросил у янычара, понимает ли он, о чем песня.

— Это провинциальный диалект, — ответил он, — а я понимаю только язык, на котором говорят в Константинополе; что же до певца, то он не стоит вашего внимания: это бездомный бродяга — *баньян*.

Мне всегда было неприятно замечать презрение, которое подневольные люди, находящиеся на службе у других, выказывают по отношению к беднякам, живущим независимо или на случайные заработки. Мы сошли с корабля. Я заметил молодого человека, лежащего на берегу, в зарослях тростника. Повернувшись лицом к восходящему солнцу, лучи которого постепенно рассеивали туман, стлавшийся над рисовыми полями, он выводил свою песню. Я легко различил слова, повторявшиеся много раз в припевах:

Déyouldoumou! Bourouldoumou!
Aly Osman yadjénamdah!

В некоторых южных языках есть какое-то особое очарование, изящество интонаций, они особенно подходят голосам женщин и юношей; их можно слушать часами, даже не понимая смысла. Эта заунывная песня с ее дрожащими модуляциями напомнила мне песни наших крестьян, она очаровала меня силой неожиданных переходов. Я слышал в ее словах, богатых гласными и мелодичных, как пение птиц, что-то идиллическое, она навевала сладостные грезы. «Наверное, — сказал я себе, — так поет пастух где-нибудь в Трапезунде или Мармарике». Мне казалось, я слышал воркование голубок на верхушках тисовых деревьев; такими звуками, должно быть, полны синеватые долины, где серебряные отблески темных ветвей лиственниц освещают хрустальные воды, где в буковых зарослях цветут розы, а на крутых склонах пасутся козы, как в идиллиях Феокрита⁷⁰.

Я подошел к молодому человеку, который, заметив меня, поднялся и сказал:

— Здравствуйте, сударь!

Это был красивый юноша с чертами черкеса — черные глаза, светлая кожа, белокурые, коротко остриженные волосы, а не сбритые, как у арабов. Длинное платье из полосатого шелка и накидка из серого сукна составляли всю его одежду; простой тарбуш из красного фетра служил ему головным убором, только его размеры и кисточка из синего шелка показывали, что его хозяин был не египтянином, а подданным Абдул Меджида. За поясом из дешевого кашемира вместо коллекции пистолетов или кинжалов, которыми обычно украшают себя как свободные люди, так и слуги, находился медный письменный прибор длиной в полфута. В рукоятке этого восточного прибора были чернила, а в футляре — тростниковые перья (*калам*). Издалека этот прибор можно было принять за кинжал, но на самом деле это был знак отличия мирного и образованного человека.

Я сразу же почувствовал расположение к своему собрату и испытал некоторый стыд за свое воинское снаряжение, маскировавшее мою профессию.

— Вы здешний? — спросил я у незнакомца.

— Нет, сударь, я приехал сюда вместе с вами из Дамьетты.

— Как со мною?

— Перевозчики взяли меня в фелюгу и привезли сюда. Я хотел представиться вам, но вы уже спали.

— Прекрасно, — сказал я, — а куда вы намереваетесь ехать?

— Я прошу вашего разрешения также перебраться на джерму, чтобы поспеть на корабль, на котором вы отплываете.

— У меня нет возражений, — сказал я и повернулся к янычару, однако тот отвел меня в сторону.

— Я вам не советую, — сказал он мне, — брать его с собой. Вам придется заплатить за его проезд, у него нет ничего, кроме чернильницы. Он из тех бродяг, что пишут стихи и прочие глупости. Он уже представлялся консулу, и тот не мог добиться от него ничего путного.

— Любезный, — сказал я незнакомцу, — был бы рад оказать вам услугу, но сам нахожусь в затруднительном положении. Мне едва хватит, чтобы добраться до Бейрута и ждать там присылки денег.

— Ничего, — ответил он мне, — я смогу прожить здесь

несколько дней у крестьян. Подожду, пока проедет какой-нибудь англичанин.

Эти слова вызвали у меня угрызения совести. Я ушел вместе с янычаром, который повел меня по длинной, извилистой тропинке, проложенной среди песчаных дюн, к берегам озера Манзала. Джерму загружали мешками с рисом, привезенными на нескольких барках, и у нас было достаточно времени для этой прогулки.

ОЗЕРО МАНЗАЛА

Справа от нас осталась деревня Эзба с домами из сырцового кирпича; среди ее строений виднелись развалины какой-то старинной мечети, арки и башни — это все, что осталось от древней Дамьетты: ее, ничем не защищенную от нападений, разрушили арабы во времена Людовика Святого. Когда-то море омывало стены этого города, теперь оно отошло на одно лье. На такую площадь территория Египта увеличивается каждые шестьсот лет. Караваны, направляющиеся в Сирию, пересекают пустыню и встречаются на своем пути многочисленные древние развалины, занесенные песком; их контуры иногда обнажаются по воле ветра пустыни. Эти города-призраки, которые изредка сбрасывают с себя песчаный саван, пугают арабов: они считают, что их построили злые джинны. Исследуя эти развалины, европейские ученые обнаружили ряд укрепленных городов, построенных на берегу моря при той или иной династии пастушеских царей или фиванских завоевателей. Они вычислили, с какой скоростью отступает море, и определили, как изменилось течение Нила — при раскопках можно установить количество слоев в толще ила.

Все это дает возможность утверждать, что самым древним слоям сорок тысяч лет. Может быть, это не совсем согласуется с Книгой бытия, однако долгие века взаимодействия воды и суши смогли образовать лишь то, что в писании называется «бесформенной материей», а единственно бесспорным началом творения было создание живых существ.

Мы достигли восточного берега косы, на которой стоит Дамьетта; песок иногда поблескивал; казалось, мы идем по замерзшим лужицам и их стеклянная поверхность лопается под ногами, но это была морская соль. Стена высокого тростника все еще скрывала от нас озеро. Нако-

нец мы подошли к пристани для рыбацких барок, и здесь мне показалось, что передо мной раскинулось море в безветренный день. Только далекие острова, окрашенные розовыми отблесками восходящего солнца, с возвышавшимися куполами и минаретами являли собой еще более тихие уголки, а здесь по глади вод скользили сотни барок под латинскими парусами.

Это было озеро Манзала — древний Марэотис, — руины Таниса все еще возвышаются на главном острове; Пелусий расположен на сирийском берегу озера. Пелусий — это древний порт Египта, через который проходили в свое время Камбис, Александр и Помпей; последний, как известно, нашел там свою смерть.

Мне было жаль, что я не мог посетить очаровательный архипелаг, рассеянный по озеру, и принять участие в изумительном лове рыбы, которой снабжается весь Египет. Всевозможные птицы парят над этим внутренним морем, садятся на воду у самого берега, прячутся в листве смоковниц, кассий и тамариндов. Близлежащие рисовые поля испещрены множеством ручейков и оросительных каналов, которые покрыты разнообразными болотными растениями: камышом, тростником, кувшинками и, конечно, лотосом; они расцвечивают зеленоватую воду и гудят от множества насекомых, за которыми охотятся птицы. Так происходит это вечное движение природы, где ведется борьба между созидательным и разрушительным началом.

Когда, пройдя по равнине, мы вернулись на насыпь, я снова услышал голос юноши-певца; он продолжал повторять: «Йелир, йелир, Истамболдан!» Я чувствовал, что поступил дурно, отказав в его просьбе, и решил поговорить с ним. Я поинтересовался, о чем его песня.

— Эта песня, — сказал он, — была сочинена во времена резни янычар⁷¹. Мне пели ее вместо колыбельной.

«Ну вот, — подумал я, — этот томный мотив, эти нежно звучащие слова, оказывается, о смерти и убийствах. Как далеко это от пасторалей!»

В песне говорилось примерно следующее: «Из Стамбула идет фирман-приказ об уничтожении янычар. Его везут на корабле. Али-Осман ждет его. Пришел корабль, но фирмана нет, и все в нерешительности. Пришел второй корабль, это как раз тот, которого ждет Али-Осман. Все мусульмане надевают свои богатые одежды и отправляются развлекаться за город, потому что наконец дождались фирмана».

К чему всегда докапываться до сути? Сейчас я предпо-

чел бы не знать содержание песни. Вместо пасторалей или грез путешественника, мечтающего о Стамбуле, в памяти у меня остались лишь глухие куплеты политического содержания.

— Я бы очень хотел,— тихо сказал я юноше,— взять вас на джерму, но ваша песня наверняка не понравится янычару, хотя, кажется, он и не понимает ее.

— Разве это янычар? — сказал он мне.— Их нет больше во всей империи. Консулы все еще называют так своих кавасов, но этот всего лишь албанец, а я — армянин. Он злится на меня, потому что в Дамьетте я предложил свои услуги иностранцам, желавшим посмотреть город; теперь я еду в Бейрут.

Я дал понять янычару, что его недовольство необоснованно.

— Спросите у него,— сказал мне янычар,— есть ли у него чем заплатить за проезд.

— Капитан — мой друг,— ответил армянин.

Янычар покачал головой, но ничего не сказал. Юноша легко поднялся, взял свой небольшой сверток и пошел за нами. Мой багаж уже был перенесен на тяжело груженную джерму. Яванская рабыня, обрадованная переездом в новые края, равнодушно покидала Египет; она радостно захлопала в темные ладоши, увидев, что мы собираемся отчаливать, и пошла посмотреть, как грузят клетки с курами и голубями. Боязнь остаться без пищи сильно действует на эти наивные души. Из-за эпидемии в Дамьетте мы не смогли запастись разнообразной пищей. Зато риса было вдоволь, так что во время путешествия мы были обречены на неизменный плов.

БОМБАРДА

Мы спустились вниз по Нилу еще на одно лье; пологие песчаные берега тянулись, насколько хватало глаз; богаз, который обычно мешает судам доходить до Дамьетты, в это время был почти неощутим. Два форта защищают вход в Нил; их часто пытались пройти в средние века, но почти всегда это заканчивалось гибелью судов.

Благодаря появлению пароходов морские путешествия сейчас настолько безопасны, что, вступая на палубу парусника, невольно испытываешь некоторую тревогу. Вновь попадаешь во власть рока, который дает рыбам возможность взять реванш за человеческую прозорливость, а

людям — перспективу десятилетних странствий вдоль негостеприимных берегов, подобно героям «Одиссеи» и «Энеиды». И если голубые воды сирийского залива когда-либо бороздила столь допотопная посуда, пробуждающая такие фантастические мысли, то это, безусловно, была бомбарда «Санта Барбара». Как только я увидел ее мрачный корпус, напоминающий угольную баржу, с одним-единственным треугольным парусом на единственной мачте, я понял, что сделал неправильный выбор, и у меня даже возникло желание отказаться от этого транспортного средства. Но как это осуществить? Вернуться в город, где свирепствовала чума, и ждать прибытия европейского брига (пароходы не обслуживают эту линию) было не менее рискованным. Я посмотрел на своих попутчиков: они не выражали ни неудовольствия, ни удивления; янычар, казалось, был убежден в том, что он все устроил наилучшим образом; ни малейшей насмешки не было видно на бронзовых лицах гребцов джермы; должно быть, для жителей этой страны судно не выглядело ни смешным, ни опасным для плавания. Во всяком случае, этот бесформенный галеас, эта огромная галоша, по самый борт погруженная в воду под тяжестью мешков с рисом, не обещала быстрого путешествия. Стоит только подуть встречному ветру, и мы рискуем познакомиться с негостеприимной родиной лестригонов и с порфировыми скалами древних феаков. О Одиссей! О Телемах! О Эней! Неужели и мне суждено повторить ваш злополучный путь?

Тем временем джерма подошла к кораблю, нам сбросили веревочную лестницу с деревянными перекладинами, и вот нас уже подняли на борт и приобщили к радостям корабельной жизни.

— *Калимера* (Добрый день), — приветствовал нас капитан. Он был одет так же, как и его матросы, и отличался от них только этим греческим приветствием; он спешил погрузить товар, что было для него важнее, чем посадка пассажиров. На корме возвышалась гора мешков с рисом; лишь небольшое пространство на полукюте оставалось свободным для капитана и рулевого; ходить можно было, только наступая на эти мешки; среднюю часть корабля занимала шлюпка; вдоль бортов располагались клетки с курами; единственное свободное место оставалось перед камбузом, который был доверен заботам довольно шустрого юнга.

Как только юнга увидел рабыню, он воскликнул: «Кона! Кали, кали!» («Женщина! Красивая, красивая!»)

Эти восклицания были не похожи на обычную сдержанность арабов, не позволявшую им выражать свое восхищение женщиной или ребенком. Янычар поднялся с нами на борт и следил за погрузкой товаров, принадлежавших консулу.

— Послушайте,— обратился я к нему,— где же нас устроят? Вы мне сказали, что нам предоставят капитанскую каюту.

— Не беспокойтесь,— ответил он,— сложат эти мешки, а потом вас устроят наилучшим образом.

После чего он попрощался с нами и спустился в джерму, которая тут же ушла.

И вот мы уже паходимся бог знает сколько времени на одном из тех сирийских суденышек, которых самая незначительная буря может выбросить на берег, как скорлупку. Чтобы поднять парус, пришлось три часа ждать западного ветра. От нечего делать занялись завтраком. Капитан Николас отдал распоряжение, и на единственную плиту в камбузе поставили готовить плов для него, очередь всех остальных должна была наступить позднее.

Тем временем я пытался отыскать обещанную нам знаменитую капитанскую каюту и попросил армянина поговорить об этом со «своим другом», который, однако, до сего времени, казалось, его не узнавал.

Капитан встал и с надменным видом повел нас к помещению под верхней палубой, куда можно было войти, лишь согнувшись; стены его были буквально усеяны красными насекомыми длиной с палец — «корабельными жуками», вероятно, их привлек сюда сахар, который раньше перевозили на корабле. Я в ужасе отступил, изобразив на своем лице гнев.

— Это моя каюта,— сказал капитан,— но я не советую вам здесь находиться, по крайней мере пока нет дождя; я покажу вам более прохладное и более подходящее место.

И он провел меня к большой шлюпке, которая висела на канатах между мачтой и бушпритом, и дал мне заглянуть внутрь.

— Здесь,— сказал он,— вам будет удобно спать; вам дадут хлопковые матрасы, которые вы расстелите на дне, я велю натянуть навес из холстины, и вы удобно устроитесь.

Было бы глупо не согласиться с этим. Без сомнения, при африканской жаре это было самое прохладное место на корабле, к тому же наиболее изолированное.

И вот мы отчаливаем. Я вижу, как постепенно уменьшается, опускается и наконец исчезает в синеве моря узкая полоска песка, которая столь грустно обрамляет великолепие древнего Египта. Только пыльные всполохи пустыни еще долго висят над горизонтом. Некоторое время нильские птицы сопровождают корабль, но и они одна за другой покидают нас, кажется, они улетают к солнцу, которое опускается где-то за Александрией. Между тем над небосводом медленно поднимается яркая звезда, ее огненный отблеск отражается в воде. Это Астарты, вечерняя звезда, древняя богиня Сирии; она всегда горит своим неповторимым светом над этими священными водами, и они всегда узнают ее.

Будь благосклонна к нам, о богиня! Ты не светишь, как луна, мертвенным блеском; ты сверкаешь из твоего далека, как солнце ночи.

Когда проходят первые впечатления, замечаешь, что «Санта Барбара» не лишена экзотики. Уже на следующий день мы прекрасно приспособились, и часы потекли для нас, так же как и для команды, в полном безразличии к грядущему. Я думаю, что корабль вели так же, как корабли древних: днем — по солнцу, а ночью — по звездам. Капитан показал мне компас, но он был явно испорчен. Лицо этого славного человека казалось добрым и решительным одновременно, кроме того, оно носило отпечаток какой-то особой наивности; благодаря этому я доверял скорее капитану, чем кораблю. Как-то капитан признался мне, что в молодости промышлял пиратством, правда, только во времена войны Греции за независимость. Он рассказал это за обедом, который пригласил меня разделить с ним. Обед состоял из плова, поданного в виде огромной пирамиды, куда каждый по очереди погружал деревянную ложку. Я усмотрел в этом некоторый прогресс в сравнении с манерами арабов: те за едой прибегают исключительно к помощи пальцев.

Глиняная бутылка кипрского вина, того самого, которое называют коммендарийским, скрасила наш десерт. Капитан, ставший более разговорчивым, захотел, как всегда при посредничестве юноши-армянина, посвятить меня в свои дела. Спросив, могу ли я читать по-латыни, он достал из футляра большой лист пергамента с перечнем достоинств его бомбарды. Он хотел знать дословный перевод этого документа.

Греческий матрос

Я начал читать и узнал, что отцы-секретари святой земли призывали благословение Святой Девы и всех святых на корабль и удостоверяли, что капитан Алексис, грек-католик, уроженец Тарабулуса (сирийский Триполи) ⁷³, соблюдал все религиозные предписания.

— Тут сказано Алексис вместо Николас, — заметил капитан, — это просто описка.

Я согласился, но про себя подумал, что, если у него нет другого официального документа, ему лучше избегать европейских вод. Турки довольствуются малым: красной печати и креста Иерусалима, приложенных к этому церковному документу, в дополнение к бакшишу вполне достаточно, чтобы удовлетворить требования их мусульманской законности.

Нет лучшего состояния, чем то, которое испытываешь после обеда на море в хорошую погоду; дует нежный бриз; солнце появляется то по одну, то по другую сторону от паруса, чья перемещающаяся тень заставляет нас все время менять место, по вот тень покидает нас окончательно. Наверное, было бы неплохо натянуть еще один парус, чтобы затенить ют, но это никому не приходит в голову, и скоро наши лица краснеют на солнце, словно зрелые фрукты. На солнце особенно выигрывает красота яванской рабыни. Мне и в голову не приходило приказать ей закрыть лицо накидкой по вполне естественному для франка стремлению не скрывать от взоров посторонних лицо принадлежащей ему женщины. Армянин сидел рядом с ней на мешках с рисом; я же смотрел, как капитан играл в шахматы со штурманом. Армянин несколько раз обращался к ней, по-детски сюсюкая: «Кед, йа ситти», по-моему, это означало: «Ну как, госпожа?» Сперва она не отвечала из-за свойственной ей гордости, затем все-таки повернулась к юноше, и беседа завязалась.

Тогда я понял, как много терял, не умея говорить по-арабски. Ее лицо просветлело, на губах заиграла улыбка; и она самозабвенно отдалась той бессмысленной болтовне,

которая, по-моему, во всех странах составляет жизненную необходимость для прекрасной половины человечества. Я был, однако, рад тому, что мог доставить ей такое удовольствие.

Армянин, как казалось, выказывал в разговоре уважение ко мне; он несколько раз поворачивался в мою сторону, наверное рассказывая, как я его встретил и принял. Не следует переносить наши представления о жизни сюда, на Восток, считать, что в беседе между мужчиной и женщиной обязательно содержится что-то предосудительное. В характере восточных людей больше простоты, чем у нас; я не сомневался в том, что их беседа была обычной болтовней. По выражению их лиц и по некоторым словам, смысл которых доходил до меня, я мог понять, что их диалог был невинным; поэтому я делал вид, что внимательно наблюдаю, как играют в шахматы (и какие шахматы!) капитан и штурман. Я мысленно сравнивал себя с теми добродушными мужьями, которые на званых вечерах сидят за игральными столами, нимало не беспокоясь тем обстоятельством, что их жены беседуют и танцуют с молодыми людьми.

Да и что представлял собой этот бродяга-армянин, которого мы подобрали в тростнике на берегу Нила, по сравнению с франком, который ехал из Каира, где драгоманы и жители всего квартала оказывали ему почести, достойные мирливы (генерала)? Если, как говорили в прошлом веке во Франции, для монахинь и садовник — мужчина, это отнюдь не означает, что первый встречный должен представлять интерес для мусульманской кадины. У женщин, по-настоящему воспитанных, как и у чудесных птиц, есть какая-то особая гордость, которая не позволяет им поддаваться вульгарному соблазну. Кроме того, я думал, что, полагаясь на ее собственное достоинство, оказываю этой бедной рабыне свое доверие и благосклонность и к тому же, как я уже говорил, считал ее свободной с того момента, как она покинула землю Египта и вступила на христианский корабль.

Но что, в сущности, означает «христианский»? Все матросы «Санта Барбары» были турки; капитан и юнга — представители римской церкви, армянин — какой-то ереси, а я... Кто знает, что может представлять на Востоке парижанин, воспитанный на идеях философии, духовный сын Вольтера, нечестивец, по глубокому убеждению этих парней? Каждое утро, когда солнце вставало над морем, и каждый вечер, когда солнечный диск исчезал в темных

волнах, окрашивая горизонт в розовые тона, нежно таявшие в лазури, матросы выстраивались в ряд, повернувшись в сторону далекой Мекки, и один из них торжественно-напевно призывал на молитву, совсем как степенный муэzzин с минарета. Я не мог помешать рабыне присоединиться к этому религиозному излиянию, столь трогательному и торжественному. Так мы и жили с самого первого дня, разделенные вероисповеданием. Капитан время от времени совершал молитву перед каким-то образом, прибитым к мачте; это вполне могла быть покровительница корабля святая Варвара; армянин каждое утро, предварительно помыв голову и ноги своим мылом, бормотал вполголоса какие-то молитвы; только я, не умея притворяться, не совершал регулярных коленопреклонений и испытывал некоторый стыд, потому что эти люди могли подумать, что я менее религиозен, чем они. Восточные люди веротерпимы; каждый из них ставит свою религию на высшую ступень духовной иерархии, но и признает, что и другие не менее их достойны служить господу, хотя бы с нижних ступенек; только философ нарушает эту четкую картину; куда поместить его? Даже в Коране, где прокляты все идолопоклонники, огнепоклонники и звездочеты, нет никакого упоминания о скептицизме.

ИДИЛЛИЯ

На третий день нашего путешествия мы должны были увидеть берега Сирии, но за все утро едва сдвинулись с места: ветер, который поднялся в три часа, изредка надувал парус, однако вскоре совсем стих, и парус безжизненно повис на мачте. Казалось, это мало беспокоило капитана, который делил свой досуг между шахматами и чем-то вроде гитары, на которой он наигрывал одну и ту же мелодию. Есть у каждого на Востоке такая любимая мелодия; ее повторяют с утра до вечера до тех пор, пока ее не вытеснит какая-нибудь новая. Рабыня тоже выучила в каирском гареме какую-то песню, припев которой всегда кончался протяжным и навевавшим сон речитативом. Насколько я помню, там были такие строки:

Ya habibi! sakel nô!
Ya mahmouby! ya sidi!

Несколько слов я понимал, но слова «хабиби» не было в моем словаре. Я спросил его значение у армянина, он мне ответил:

— Это означает «дурачок»⁷⁴.

Я записал это существительное на свои карточки с необходимыми пояснениями, как полагается делать, если хочешь выучить язык.

Вечером армянин сказал мне, что раздосадован безветрием, которое начинает его понемногу беспокоить.

— Почему же? — спросил я. — Мы только рискуем задержаться дня на два, а нам совсем неплохо на этом корабле.

— Дело не в этом, — объяснил он, — нам грозит опасность остаться без воды.

— Как без воды?

— Да. Вы себе не представляете, насколько беспечны эти люди. Чтобы набрать воды, следовало отправить барку в Дамьетту, поскольку в устье Нила вода соленая, а так как город на карантине, они побоялись формальностей... по крайней мере так они говорят, но, по существу, я уверен, что они об этом просто не подумали.

— Удивительно, — сказал я, — капитан поет как ни в чем не бывало.

Мы с армянином пошли расспросить его по этому поводу.

Капитан встал и показал мне бочки из-под воды, стоящие на палубе, все они были пусты, только в одной воды было примерно на пять или шесть бутылок; затем он опять уселся на юте, взял «гитару» и затянул свою бесконечную песню, прислонившись головой к обшивке борта.

На следующее утро я рано проснулся и поднялся на шканцы в надежде увидеть берега Палестины, но напрасно протирая свой бинокль: линия горизонта, напоминавшая чуть вогнутое лезвие дамасской сабли, была чиста. По всей вероятности, со вчерашнего вечера мы даже не тронулись с места. Я спустился и направился на бак. Все беззаботно спали; бодрствовал только юнга; он занимался своим туалетом, обильно поливая себе лицо и руки остатками нашей питьевой воды.

Я не сдержался и высказал свое возмущение. По крайней мере я полагал, что дал ему понять, что и морская вода слишком хороша для туалета такого «дурачка», как он; при этом я использовал выражение «йа хабиби», которое записал. Мальчик смотрел на меня и улыбался, его мало задела моя слова. Я объяснил это своим плохим произношением и больше не думал об этом.

Несколько часов спустя, в послеобеденное время, капитан Николас, как обычно, приказал юнге принести огромный кувшин кипрского вина, отведать которое приглаша-

лись только христиане — армянин и я; матросы, странным образом пстолковывая заповеди Мухаммеда, пили только анисовую водку. Капитан наклонился к армянину и стал что-то шептать ему на ухо.

— Он хочет,— сказал мне армянин,— сделать вам предложение.

— Пусть говорит.

— По его словам это дело деликатное, но он надеется, что вы не обидитесь, если это будет вам не по душе.

— Нисколько.

— Он спрашивает, не согласитесь ли вы поменять свою рабыню на *йа улед* (мальчика), который принадлежит ему.

Я едва не покотился со смеху, но удержался, видя совершенную серьезность обоих левантинцев. Я усмотрел в этом одну из тех дурных шуток, которую позволяют себе восточные люди по отношению к франкам, особенно если они уверены в своей безнаказанности. Я сказал об этом армянину, который ответил с удивлением:

— Нет же, он говорит серьезно; этот мальчик совсем белокожий, а женщина смугла,— добавил он с видом знатока.— Я вам советую подумать: мальчик стоит женщины.

Меня нелегко удивить, к тому же это бесполезно на Востоке. И я просто сказал, что эта сделка мне не подходит. Но поскольку я не мог скрыть своего раздражения, капитан сказал армянину, что он сожалеет о своей педеликатности и что он хотел сделать мне только приятное. Мне показалось, что в его словах сквозила ирония, и я попросил армянина, чтобы тот более ясно объяснился по этому поводу.

— Так вот,— сказал мне армянин,— капитан говорит, что утром вы делали комплименты *йа улед*, или по крайней мере так ему сказал мальчик.

— Как! — вскричал я.— Я его назвал «дурачком», потому что он мыл руки нашей питьевой водой. Я был страшно рассержен его поведением.

Искреннее удивление армянина показало мне, что все дело в абсурдном лингвистическом недоразумении; это довольно часто случается с теми, кто посредственно знает языки. Слово «хабиби», так странно переведенное накануне армянинном, имело на самом деле значение «нежный», «любимый». Не знаю, почему ему показалось, что слово «дурачок» лучше всего передает это по-французски? Мы вновь, уже в исправленном виде перевели припев из песни рабыни, который означал примерно следующее:

«О мой дорогой, мой возлюбленный, мой брат, мой повелитель».

Так начинаются почти все арабские любовные песни, переводить их можно по-разному; несведущим они напоминают двусмысленности Коридона из античных буколик⁷⁵.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ

Правдивое повествование не обладает неограниченными возможностями романтических и драматических историй. Я рассказываю здесь лишь о событиях, интересных своей достоверностью; я мог бы легко придумать какие-нибудь занимательные приключения для такого банального путешествия, как плавание по сирийскому заливу, но правда не терпит вымысла, и мне кажется, будет гораздо лучше, если говорить простодушно, как древние мореплаватели: «Такого-то дня мы видели бревно, плившее по волнам, такого-то дня — серую морскую чайку», и так до того момента, когда действие преобразуется в связи с появлением лодки с дикарями, которые доставляют *иньям* и жаркое из молочных поросят.

Однако, за неимением обязательной бури, мертвый штиль, вполне достойный Тихого океана, и нехватка пресной воды на корабле, подобном нашему, могли бы привести к сценам, претендующим стать современной «Одиссеей». Судьба лишила меня такой возможности, послав вечером легкий зефир с запада, благодаря которому судно пошло довольно быстро.

Я был весьма обрадован этим обстоятельством и несколько раз требовал от капитана подтверждения того, что на следующее утро мы увидим голубоватую вершину горы Кармель. Внезапно на юте раздались крики: «Фарха фильбахр! Фарха фильбахр!»

— В чем дело?

— Курица в море!

Происшествие показалось мне незначительным; тем не менее матрос-турок, которому принадлежала курица, выразил свое отчаяние самым трогательным образом, а его товарищи серьезно ему сочувствовали. Его держали, чтобы он не бросился в море. Курица уже издалека подавала сигналы бедствия, за ней следили с большим волнением. Капитан после минутного колебания приказал остановить корабль.

Я счел, что это уж слишком; потеряв два дня, останавливаться при хорошем ветре из-за тонущей курицы. Я дал матросу два пиастра, надеясь, что это решит все дело: араб позволил бы убить себя и за меньшую сумму. Его лицо смягчилось, но он, без сомнения, тут же подсчитал, что получит двойную выгоду, если еще и поймает курицу. В одно мгновение он скинул с себя одежду и бросился в море.

Он проплыл огромное расстояние. Полчаса мы с беспокойством следили за его перипетиями и за приближением ночи. Наконец пловец достиг корабля, но настолько обессилел, что его пришлось вытаскивать из воды: он никак не мог без посторонней помощи вскарабкаться на борт судна.

Оказавшись в безопасности, матрос сразу же занялся своей курицей: он ее согрел, сушил и не успокоился, пока не убедился, что она снова дышит и бегаёт по палубе.

Корабль вновь двинулся в путь.

— Черт с ней, с этой курицей! — сказал я армянину. — Мы потеряли из-за нее целый час.

— Ну и что, — сказал он мне, — не мог же он дать ей утонуть.

— Но у меня полно кур. Я бы дал ему вместо этой несколько других.

— Это совсем не одно и то же.

— Как это? Я бы пожертвовал всеми курами на свете, лишь бы не потерять часа хорошего ветра, ведь на этом судне мы уже завтра рискуем умереть от жажды.

— Видите ли, — сказал армянин, — эта курица вырвалась у него в левую сторону в тот самый момент, когда он собирался перерезать ей горло.

— Я бы понял это, — удивился я, — если бы он выполнял свой долг мусульманина, спасая живую тварь, но я знаю, что уважение правоверных к животным не простирается так далеко, поскольку они их убивают и едят.

— Конечно, они их убивают, но соблюдая при этом определенные церемонии, произнося молитвы и, кроме того, перерезая им горло не иначе как ножами, в ручки которых вбиты три гвоздя, а на лезвии нет зубрин. А если бы курица вдруг утонула, то бедняга был бы уверен, что умрет через три дня.

— Теперь понятно, — сказал я армянину.

Итак, для восточных людей убивать животных — дело весьма серьезное. Оно дозволяется, лишь когда необходима пища, причем сопровождается это ритуалом, напоминаю-

щим жертвоприношения древних. Как известно, нечто подобное есть у евреев; продавцы мяса обязаны прибегать к услугам резников (*шохет*), которые принадлежат к особой религиозной корпорации; они убивают животное, соблюдая определенные ритуалы. Этот предрассудок с различными вариациями бытует в большинстве религий Ближнего Востока.

Охотиться разрешается только на хищных животных, как бы в наказание за наносимый ими ущерб. Правда, во времена халифов соколиная охота была любимым развлечением знати, но при этом как бы предполагалось, что вина за пролитую кровь падает на ловчую птицу. По существу, даже не принимая философию индусов, нельзя не признать, что есть что-то благородное в их представлении о том, что не следует убивать животное без особой надобности. В противном случае все ритуалы направлены на то, чтобы животное, которого лишают жизни, страдало возможно меньше; исключение составляет охота.

В связи с этим армянин рассказал мне, что во времена Махмуда Константинополь был полон собак; их было так много, что экипажи с трудом могли проехать по улицам. Собак нельзя было уничтожать ни как хищных животных, ни как необходимых для питания, и было решено перевезти их на пустынные острова, расположенные у входа в Босфор; их тысячами стали погружать в каики. Когда же собаки, не ведая своей судьбы, по-хозяйски разместились в своих новых владениях, с речью к ним обратился имам; он объявил собакам, что их сюда привезли ввиду крайней необходимости и что в смертный час их души не должны гневаться на правоверных. Если же по воле неба им надлежит спастись, сказал он, то спасение непременно придет.

На островах было много кроликов, и собаки сперва не имели ничего против этих незумитских рассуждений, но несколько дней спустя, измученные голодом, они стали так жалобно выть, что их слышали в Константинополе. Правоверные, взволнованные этими стенаниями, стали протестовать. Султан, который уже вызвал к себе недовольство подданных, подозревавших его в европейских симпатиях, дал приказ возвратитъ собак. Собаки были с триумфом возвращены и восстановлены во всех своих «гражданских» правах.

Армянин несколько скрашивал однообразное путешествие. Я с удовольствием видел, что его веселость, беспрепятственная болтовня, его рассказы и прибаутки позволяли бедной Зейнаб (а это особенно ценят женщины Востока) отвечать потоком носовых и гортанных звуков, в котором я не только не мог уловить смысл, но даже не различал отдельных слов.

Со свойственным европейцам великодушием я спокойно переносил то, что тот или иной матрос, усаживаясь подле нас на мешки с рисом, разговаривал с рабыней. На Востоке простые люди обычно очень свободно держатся друг с другом, потому что, во-первых, у них более естественное, чем у нас, понятие о равенстве, а во-вторых, у них представителям всех классов присуща своего рода врожденная вежливость. Что же касается образования, то оно такое же, как и везде, — поверхностное, но всеобщее. Это приводит к тому, что человек низкого происхождения без каких-либо переходных ступеней может стать фаворитом знатного человека и подняться на самую высокую ступень социальной лестницы, и при этом никому не приходит в голову, что он не на своем месте.

Среди матросов был один анатолийский турок, очень смуглый, с седоватой бородой; он беседовал с рабыней чаще, чем остальные. Я заметил это и спросил у армянина, о чем они говорят. Он послушал немного и сказал: «Они говорят о религии».

Это вызвало у меня уважение, тем более что турок был хаджи — человек, совершивший паломничество в Мекку; он читал молитвы утром и вечером. Мне даже в голову не пришло бы обвинить женщину в приверженности к религиозным обрядам, ведь только из-за моей прихоти, увы, не слишком дорогостоящей, ее судьба оказалась в моей власти. Лишь в Каире, когда она была больна, мне удалось заставить ее на время отказаться от привычки омыwać в холодной воде руки и ноги перед утренней и вечерней молитвой; вообще она почти не следовала моим наставлениям в области гигиены и отказалась только от окрашивания рук хной; эта краска держится всего пять или шесть дней, поэтому восточные женщины вынуждены достаточно часто совершать эту малоприятную для наблюдения процедуру. Я не против того, чтобы женщины подводили глаза, веки и брови; я даже готов согласиться с тем, чтобы они румянили щеки и красили губы, но к чему окрашивать желтой

краской и без того смуглые руки, которые после этого приобретают оттенок шафрана? В этом вопросе я был настроен весьма решительно.

Ее челка отросла так, что ее уже можно было вплетать в длинные, до пят, косы, перевитые шелковыми шнурками, на которые были напизаны покачивавшиеся цехины (увы, фальшивые), как носят на Востоке. Татикос, украшенный золотыми фестонами, был изящно сдвинут набок; на руках красовались тяжелые браслеты из посеребренной меди с грубыми узорами из красной и синей эмали — по чисто египетской моде; другие браслеты позвякивали на щиколотках, несмотря на запреты Корана, не позволяющие женщинам носить украшения на ногах.

Я восхищался тем, насколько она была грациозна в платье из полосатого шелка с накинутой поверх сипей миляйе, любовался ее осанкой, которая невольно делает женщин Востока похожими на античные статуи. Оживленная жестикуляция, необычное выражение ее лица иногда привлекали мое внимание, но не вызвали особого беспокойства: беседовавший с ней матрос годился ей в деды и он явно не боялся того, что его слова могли быть услышаны.

— Вы знаете, — сказал мне армянин, после того как он отошел от группы матросов, — эти люди говорят, что жепщина, которая едет с вами, не принадлежит вам.

— Они ошибаются, — сказал я, — вы можете им передать, что мне ее продал в Каире Абд аль-Керим за пять кошельков. В моем бумажнике хранится расписка. И кроме всего прочего это не их дело.

— Они говорят, что торговец не имел права продавать мусульманку христианину.

— Мне их мнение безразлично; в Каире в этом разбираются не хуже. У тамошних франков есть рабы — и христиане и мусульмане.

— Но они или негры, или абиссинцы; франки не могут иметь белых рабов.

Турецкий матрос

— Вы считаете, что эта женщина белая?

Армянин с сомнением покачал головой.

— Послушайте,— сказал я армянину,— у меня нет ни малейших сомнений относительно моих прав, поскольку я заранее навел необходимые справки. А теперь скажите капитану, чтобы он запретил матросам разговаривать с ней.

— Капитан,— сказал мне армянин после разговора с ним,— считает, что прежде всего вы сами должны запретить ей это.

— Мне бы не хотелось лишать ее удовольствия говорить на своем языке или участвовать в общих молитвах; кроме того, корабль устроен таким образом, что все вынуждены находиться рядом, а при этом трудно кому-либо запретить обменяться несколькими словами.

Капитан Николас без особого удовольствия взялся выполнить мою просьбу, я объяснял это тем, что не согласился на предложенный им ранее обмен. Тем не менее он позвал к себе матроса-хаджи, на которого я указал как на особенно недоброжелательного, и о чем-то с ним побеседовал. Что до меня, то я решил ни о чем не говорить с рабыней, чтобы не выступать в гнусной роли капризного рабовладельца.

Мне показалось, что матрос ответил капитану довольно заносчиво, капитан передал мне через армянина, чтобы я больше об этом не думал: матрос — человек экзальтированный, одержимый, товарищи уважают его за набожность и не следует придавать его словам большого значения.

Матрос действительно больше к рабыне не подходил, но очень громко разговаривал в ее присутствии со своими товарищами, и я хорошо понимал, что речь шла о *мусли* (мусульманке), и о *руми* (европейце). С этим нужно было покончить, но каким образом, я не знал. Я решил позвать к нам рабыню, и при содействии армянина у нас состоялась следующая беседа.

— Что тебе сейчас сказали эти люди?

— Что я, мусульманка, плохо поступаю, оставаясь с неверным.

— А они знают, что я тебя купил?

— Они говорят, что меня не имели права продавать тебе.

— А сама-то ты как думаешь? Правы они?

— Это ведомо одному Аллаху...

— Эти люди ошибаются, и ты не должна разговаривать с ними.

— Пусть будет по-твоему.

Я попросил армянина немного ее развлечь и рассказать ей какие-нибудь истории. Этот юноша в конце концов стал мне весьма полезен. Он говорил с ней тем сладким и приторным тоном, каким обычно стараются развеселить детей; начинал он всегда своим неизменным:

— *Кед, йа ситти?* (Ну как, госпожа?) Что же мы не смеемся? Не хотели ли вы послушать историю головы, сваренной в печи?

И он рассказывал ей старинную константинопольскую легенду о том, как портной, взяв в починку одежду султана, принес к себе домой голову казненного аги, которую ему завернули по ошибке. Не зная, как избавиться от этого страшного груза, он положил ее в горшок и поставил в печь к греку-пирожнику. Тот подсовывает ее франку-цирюльнику, подменив ею болванку с париком; франк причесывает голову и, обнаружив свою ошибку, уносит ее куда-то еще; в результате получается целая цепь забавных недоразумений. Это турецкая буффонада самого высокого класса.

Вечерняя молитва сопровождалась обычными церемониями. Чтобы никого не смущать, я отправился на палубу смотреть, как поднимаются звезды. Я тоже молился, но как мечтатель и поэт: любуясь природой и погружаясь в воспоминания. В атмосфере Востока есть что-то чистое и сближающее человека с небом; я любовался этими богами-звездами, столь разными, но одинаково священными, которые загорались, отделяясь от божества, как лики вечной Исиды, Урании, Астарты, Сатурна, Юпитера и представляли передо мной как отзвуки невзыскательных верований наших предков. Тысячи мореходов, которые бороздили эти воды, видели в мерцающих отблесках божественное пламя и троны богов; но и сейчас кто не различит в свете небесных звезд отражение бесконечных сил, а в их движении неутомимую деятельность вечного и невидимого разума?

УГРОЗА

Обернувшись, я увидел рабыню и старого матроса-хаджи; забившись в угол под шлюпкой, они вели религиозную беседу несмотря на мои запреты. На этот раз у меня не было выбора; я схватил рабыню за руку, она упала, правда довольно мягко, на мешок с рисом.

— *Гяур!* — крикнула она.

Я прекрасно понял это слово. Но и мне нельзя было проявлять слабость:

— Энте гяур! — ответил я ей, не очень уверенный в том, что это слово можно употреблять в женском роде. — Сама ты неверная, а это, — прибавил я, указывая на хаджи, — это собака (*кяльб*).

Не знаю, что больше взбесило меня: презрение, которое выказывали мне как христианину, или неблагодарность со стороны женщины, к которой я всегда отосился как к равной. Хаджи, услышав, что его называли собакой, сделал угрожающий жест, но затем повернулся к своим товарищам, трусливый, как все арабы низкого происхождения, которые никогда не осмелятся в одиночку напасть на франка. Двое или трое из матросов, выкрикивая проклятия, вышли вперед, и я машинально схватил один из своих пистолетов, не подумав о том, что это оружие, купленное в Каире для украшения костюма, представляет опасность лишь для того, кто попытается им воспользоваться. Признаюсь, он даже не был заряжен.

— Одумайтесь! — закричал мне армянин, хватая меня за руку. — Это сумасшедший, но матросы почитают его как святого. Пусть они кричат, капитан сейчас поговорит с ними.

Рабыня делала вид, что плачет, словно я больно ударил ее, и не желала подниматься. Появился капитан и сказал с обычным для него безразличным видом:

— Что же вы хотите? Это дикари, — и обратился к матросам с несколькими словами, сказанными весьма миролюбиво.

— Добавьте, — сказал я армянину, — что, как только мы подойдем к берегу, я пойду к паше и попрошу, чтобы их наказали палками.

Как мне кажется, армянин перевел мои слова, смягчив их. Матросы теперь молчали, но я чувствовал, что их молчание не сулит мне ничего хорошего. Я очень кстати вспомнил о рекомендательном письме к паше Аккры от моего друга А. Р., бывшего члена дивана в Константинополе. Я стал доставать свой бумажник. Это вызвало всеобщее беспокойство. Единственный вред, который можно было нанести моим пистолетом, — это проломить голову мне самому... тем более что он был арабского изготовления, но на Востоке народ убежден в том, что все европейцы немного колдуны и что они способны в любой момент извлечь из кармана оружие и перебить целую армию. Увидев, что я достал из бумажника лишь письмо, они успокоились;

письмо это, между прочим, было написано на прекрасном арабском языке и было адресовано его превосходительству Мехмед-Р... паше Аккры, который долгое время жил во Франции.

Самое удачное в задуманном мною плане и в моем теперешнем положении было то, что мы находились как раз вблизи Сен-Жан д'Акры и нам необходимо было туда идти за питьевой водой. Город еще не был виден, мы должны были подойти к нему на следующее утро, если только не изменится ветер. Что касается Мехмед-паши, то по стечению обстоятельств, которые я мог бы назвать провидением, а мои противники злым роком, я с ним встречался в Париже на различных званых вечерах. Он угощал меня турецким табаком и всячески выказывал свое расположение. Письмо, которое я вез, должно было освежить эти воспоминания, если бы блеск его теперешнего величия стер мой образ из его памяти; во всяком случае, из письма следовало, что меня рекомендуют весьма важные особы.

Чтение этого документа произвело эффект *quos ego* Нептуна ⁷⁶. Армянин сперва приложил письмо в знак уважения к своей голове, затем раскрыл конверт, который, как у всех рекомендательных писем, не был запечатан; по мере чтения он показывал текст капитану. Все поняли, что обещанные мною палочные удары для хаджи и его товарищей не были пустой угрозой. Негодяи опустили головы; капитан объяснил мне свое поведение тем, что не хотел оскорблять их религиозные чувства и что сам он всего лишь грек, жалкий подданный султана (райя) и только его служебное положение давало ему некоторую власть.

— Что до женщины, — сказал он, — то, если вы друг Мехмед-паши, она, конечно, ваша: кто осмелится выступить против большого человека?

Рабыня не двигалась, хотя прекрасно все слышала. У нее не могло быть сомнений относительно ее теперешнего положения; она жила в турецкой провинции, где протекция всегда значила больше, чем право; однако теперь мне было необходимо показать перед всеми свою власть над ней.

— Ты, кажется, — сказал я ей, — родилась в стране, которая не принадлежит султану.

— Это правда, — сказала она, — я хинди (индианка).

— Значит, отныне ты можешь быть в услужении у франка, как абиссинки (*хабеш*), у которых кожа того же цвета, что и у тебя, и которые не хуже тебя во всех отношениях.

— *Айва* (Да), — сказала она, словно я убедил ее, — я твоя рабыня.

— Но ты помнишь, — прибавил я, — что до отъезда из Каира я предлагал отпустить тебя на волю? Ты же сказала, что тебе некуда идти.

— Это правда; я предпочла бы, чтобы меня опять продали.

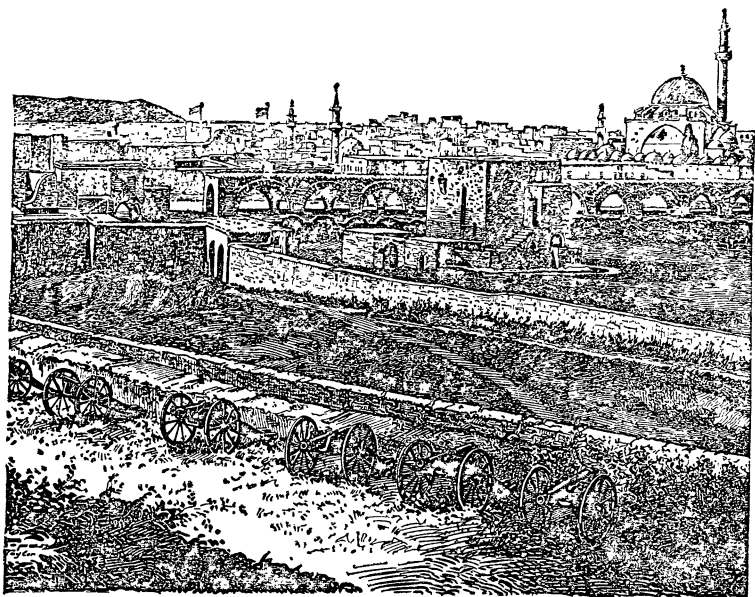
— Так, значит, ты поехала за мной, только чтобы уехать в другую страну, а потом меня покинуть? Хорошо же, раз ты настолько неблагодарна, ты останешься рабыней, но отныне ты станешь простой служанкой. Ты будешь поситть покрывало и сидеть в капитанской каюте... вместе со сверчками. Ты больше ни с кем не будешь разговаривать.

Ни слова не говоря, она накинула покрывало и отправилась в маленькую каюту на корме.

Я, пожалуй, немного переусердствовал, чтобы произвести впечатление на этих людей, у которых наглость в зависимости от обстоятельств легко переходит в раболепие; это надо знать, чтобы понять: деспотизм — нормальная форма правления на Востоке. Самый скромный путешественник вскоре убеждается, что если он не смог снискать себе уважения шикарным образом жизни, то должен принимать театральные позы, в большинстве случаев проявлять незаурядную решимость. Это ему ничем не грозит. Араб — это собака, которая кусает того, кто отступает, и лижет занесенную над ним руку. Получая удар палкой, он, по существу, не думает о том, имеет ли вы на это право. Если даже сначала вы покажетесь ему не слишком важной персоной, то, изобразив надменность, вы сразу станете для него большим человеком. Восток верит всему, здесь все возможно, простой *календер* (дервиш) может оказаться царским сыном, как в «Тысяче и одной ночи». А впрочем, разве вам не приходилось видеть, как в Европе принцы путешествуют в черном фраке и котелке?

БЕРЕГА ПАЛЕСТИНЫ

Я с радостью приветствовал появление столь желанных берегов Азии. Я так соскучился по горам! Туманная свежесть пейзажа, ярко раскрашенные дома и турецкие беседки, отражающиеся в голубоватой воде, ступенчатое плоскогорье, гордо возвышающееся между морем и небом, срезанная вершина горы Кармель, стены и высокий купол

Сен-Жан д'Акр и мечеть Деззара-паши

знаменитого монастыря, залитого тем лучистым вишнево-пурпурным светом, который заставлял вспомнить о нежной Авроре из песен Гомера. Мы миновали раскинувшуюся у подножия гор Хайфу; напротив нее, на другом берегу залива, — Сен-Жан д'Акр. Здесь наш корабль стал на якорь. Зрелище было полно величия и прелести. Море, чуть морщинащееся волнами ближе к песчаной косе, вдоль которой пенилась узкая полоса прибоя, становилось неподвижным, как стекло; его прозрачная лазурь соперничала с небесной синевой, которая слегка колебалась под лучами еще невидимого солнца... Такого никогда не увидишь в Египте с его низкими берегами и всегда затянутым пылью горизонтом. Но вот наконец показалось солнце. Оно разрезало пополам Аккру, ярко осветив вдающуюся в море песчаную косу; на ней красовались белые купола, дома с террасами и высокая прямоугольная башня с зубчатой стеной, бывшая некогда резиденцией грозного Деззара-паши, с которым воевал Наполеон ⁷⁷.

Мы бросили якорь недалеко от берега. Нужно было дожидаться карантинной инспекции, после чего к нам смо-

гут подплыть лодки со свежей водой и фруктами. Чтобы выйти в город, нам пришлось бы пройти карантин.

Как только подошло судно санитарной инспекции и было констатировано, что все мы больны, ибо прибыли из Египта, портовым лодкам разрешили привезти нам необходимые продукты и принять от нас деньги, соблюдая при этом все меры предосторожности. В обмен на бочки с водой, дыни, арбузы и гранаты мы должны были бросать наши газы, пара и пластины в подставленные сосуды с уксусной водой. Обеспечив себя продовольствием, мы забыли обо всех разногласиях. Не имея возможности провести в городе хотя бы несколько часов, я счел неудобным послать паше свое рекомендательное письмо, которое к тому же могло мне сослужить службу в любой другой точке побережья древней Финикии, входящей ныне в пашалык Аккры. Древние именовали этот город Акко, что значит «узкий», арабы — Акка, а до эпохи крестовых походов он был известен как Птолемаида.

Мы снова поднимаем парус, и отныне наше путешествие превращается в праздник; мы идем на расстоянии четверти лье от берега, и море, спокойное, как озеро, отражает величественную горную цепь, тянущуюся от Кармеля до собственно Ливана. В шести лье от Сен-Жан д'Акры появляется Сур, древний Тир, с дамбой Александра, соединяющей с берегом островок, на котором был построен древний город, подвергшийся столь длительной осаде.

Еще через шесть лье появляется Сайда, древний Сидон; ее белые дома, как стадо овец, прижимаются к подножию гор, где живут друзья. На этих древних берегах почти не сохранилось руин, которые могли бы дать хотя бы приблизительное представление о богатстве Финикии; но что могло остаться от городов, живших почти исключительно торговлей? Их могущество промелькнуло, как тень, развеялось, как пыль; проклятие библейских книг полностью осуществилось, и Финикия исчезла, как бесплотная мечта поэтов, как все, что противоречит мудрости народов!

Тем не менее, когда цель близка, чувствуешь пресыщение даже этими прекрасными берегами и лазоревыми волнами. Вот наконец и мыс Рас-Бейрут, его серые скалы, над которыми вдали возвышается снежная вершина Санина. Берег выжжен солнцем, под его палящими лучами видны мельчайшие выступы скал, покрытых ковром красноватого мха. Мы идем вдоль берега, поворачиваем к заливу, и все словно по волшебству вдруг меняется. Пред нами пейзаж, полный тишины, свежести и тени, словно вид на

Альпы с тихой глади какого-нибудь швейцарского озера, — таков Бейрут в спокойную погоду. Это Европа и Азия, слившиеся в нежных объятиях. Это морской оазис у подножия гор, где путешественник, уставший от солнца и пыли, с восторгом видит облака, столь грустные на севере, но столь пленительные и желанные на юге!

О благословенные облака! Облака моей родины! Я уже успел забыть вашу блаженную тень! А солнце Востока придает им новую прелесть! Утром они окрашены в нежные тона — розовые и голубые, как мифологические облака, откуда каждую минуту ждешь появления смеющихся божеств; вечером они то сходятся, причудливо переплетаясь, то разлетаются фиолетовыми хлопьями, все время меняя цвет — от сапфирового до изумрудного, — явление очень редкое в северных странах.

По мере того как мы двигались вперед, зелень приобретала все новые оттенки, а темные клочки вспаханной земли и яркие пятна домов вносили еще большее разнообразие в пейзаж. Город, расположенный в глубине залива, казалось, утопал в зелени; вместо обычного для арабских городов утомительного нагромождения беленных известью домов я видел очаровательные виллы, протянувшиеся на два лье. Правда, там, где возвышались круглые и прямоугольные башни, постройки стояли очень тесно друг к другу, но это, по-видимому, был центральный квартал, отмеченный флагами всех цветов.

Вместо того чтобы пробираться по узкому рейду, забитому маленькими суденышками, наш корабль пересек по диагонали залив, и мы высадились на небольшом островке, окруженном скалами. Там виднелось несколько небольших домиков. Желтый флаг указывал, что здесь размещалась карантинная служба — единственное место, куда в настоящее время нам разрешалось войти.

КАРАНТИН

Капитан Николас и его команда стали относиться ко мне очень внимательно и предупредительно. Они проводили карантин на борту корабля, а лодка, которую прислала карантинная служба, переправила пассажиров на остров или, точнее, на полуостров. Узкая тропинка, петляющая среди скал, в тени вековых деревьев, вела к какому-то строению, напоминающему монастырь; его стрельчатые своды опирались на каменные колонны и поддер-

живали кровлю из кедра, как в романских монастырях. Море билось о берег, затянутый ковром водорослей. Стоило только добавить сюда монахов и бурю — и была бы готова сцена для первого акта «Бертрама» Матюрэна⁷⁸.

Здесь мы должны были дожидаться визита назира (смотрителя), который наконец соблаговолил допустить нас в свои владения. За первым строением, открытым со всех сторон и предназначенным для дезинфекции подозрительных вещей, находились другие постройки монастырского вида. Для жилья нам отвели павильон, расположенный на самой оконечности мыса; он обычно предназначался для европейцев. Несколько арабских семей ютились в крытых галереях, которые служили одновременно стойлом для скота и жильем для людей. Здесь дрожали от ужаса стреноженные лошади и верблюды, просовывая через решетку свои крутые шеи и волосатые морды, а чуть дальше целое племя сгрудилось вокруг очага. Когда мы проходили мимо дверей, арабы сурово смотрели на нас. Нам было разрешено гулять по участку в два арпана, где колосился ячмень и росли шелковицы, и даже купаться в море под надзором стражника.

Вскоре я привык к этому дикому приморскому уголку, и он показался мне очаровательным. Здесь царили покой и прохлада, а причудливые пейзажи превосходили самую изысканную фантазию. С одной стороны возвышались сумрачные горы Ливана, их вершины переливались всевозможными оттенками, а на склонах белели многочисленные друзские и маронитские деревни и монастыри, возвышающиеся друг над другом, и так на восемь лье до самого горизонта; с другой стороны под сверкающей снегом горной цепью, тянущейся до мыса Бутрум, амфитеатром расширялся Бейрут, а над ним — еловая роща, посаженная эмиром Фахр ад-Дином, чтобы остановить пески пустыни. Зубчатые стены, башни и замки из красноватого камня, со стрельчатыми сводами придают этой стране сходство с феодальной Европой, какой она выглядит на миниатюрах из старинных рукописей, повествующих о приключениях рыцарей. Картину оживляют стоящие на рейде франкские корабли; их так много, что они едва умещаются в тесном порту Бейрута.

Итак, этот бейрутский карантин был неплохим проведением времени. Мы либо грезили в густой тени смоковниц и фиговых деревьев, либо взбирались по живописным скалам, окружавшим небольшую бухту, о которую как бы нехотя разбивались морские волны. Она напоминала мне

скалистые гроты Нерейд. Так мы проводили большую часть дня, вдали от остальных обитателей карантина, мы лежали на зеленых водорослях или лениво боролись с пенными волнами. На ночь нас запирали в павильоне; соседство moskitов и прочих насекомых делало наше пребывание там менее приятным. Приспособление, о котором я уже говорил, — специальная накидка с маской из кисеи, которая защищала лицо, — очень нас выручало. Наша еда состояла из хлеба и соленого сыра, ими нас снабжала общественная трапезная; к этому следует добавить яйца и кур, которые приносили крестьяне с гор; помимо этого каждое утро около ворот резали баранов, их мясо продавали по одному пиастру (двадцать пять сантимов) за фунт. Наконец, кипрское вино, бутылка которого стоила полпиастра, делало наши трапезы достойными лучших домов Европы; правда, кипрское вино обладает сладковатым вкусом, оно быстро надоедает, если его пить каждый день за обедом, я предпочитаю золотистое ливанское вино, которое своей сухостью и крепостью немного напоминает мадеру.

Однажды нам нанес визит капитан Николас в сопровождении двух матросов и юнги. Мы встретились как добрые друзья; он привел с собой хаджи, тот подобострастно пожал мне руку, наверное опасаясь, как бы я не привлек его к ответу, когда меня освободят и я отправлюсь в Бейрут.

Я, со своей стороны, держался очень доброжелательно. Мы вместе пообедали, и капитан пригласил меня остановиться у него, если я буду в Триполи. После обеда мы отправились гулять вдоль берега; отведя меня в сторону, он указал глазами на рабыню и армянина: они беседовали, сидя у самого берега. Несколько слов на смеси французского и греческого донесли до меня его мысль; я ее отверг с подчеркнутым недоверием. Он покачал головой и вскоре сел в свою шлюпку, тепло со мной попрощавшись. «Капитан Николас, — говорил я себе, — все еще не может примириться с моим отказом обменять рабыню на юнгу». Однако сомнение все-таки закралось мне в душу, уязвив по крайней мере мое самолюбие.

Понятно, что после бурной сцены, происшедшей на корабле, в отношениях между мной и рабыней сохранялась некоторая холодность. Было произнесено то непоправимое слово, о котором так хорошо писал автор «Адольфа»⁷⁹, эпитет «гяур» меня глубоко оскорбил. «Итак, — говорил я себе, — она легко дала себя убедить в том, что у меня нет

на нее прав; более того, то ли самостоятельно, то ли по наущению она пришла к выводу, что принадлежать мужчине более низкой (по ее мусульманским понятиям) расы для нее унизительно». Жалкое положение, в котором пребывает христианское население на Востоке, сказывается даже на отношении к европейцам: их боятся на побережье благодаря демонстрации могущества, какую постоянно являют европейские корабли, но в глубинных районах, откуда родом эта женщина, предрассудки еще сохранились.

Вместе с тем я с горечью должен был признать, что в этой наивной душе тайлось притворство; мне казалось, что глубокая религиозность должна была уберечь ее от этой низости. В то же время я не мог не признать за армянином некоторых достоинств. Он был молод и красив особой азиатской красотой; в его лице чистота сочеталась с мужественностью, что свойственно народам, родившимся в колыбели человечества; иногда казалось, что он — прелестная девушка, которой пришла фантазия переодеться мужчиной; впрочем, его костюм, за исключением головного убора, лишь частично нарушал эту иллюзию.

И вот, подобно Арнольфу⁸⁰, я слежу за проявлениями их отношений, я понимаю, что смешон вдвойне, ибо помимо всего прочего являюсь ее хозяином. Я рискую быть одновременно обманутым и ограбленным и твержу, словно ревнивец из комедии: «Что за обуза стеречь женщину!» «Однако, — почти тотчас же убеждаю я себя, — в их поведении нет ничего предосудительного, он ее развлекает, забавляет своими историями, говорит ей тысячу любезностей, когда же я пытаюсь изъясниться на ее языке, то произвожу, наверное, такое же комическое впечатление, как англичанин — холодный и неуклюжий северянин — на наших женщин. Да, у левантинцев есть та пылкость, которая особо привлекает женщин».

Признаюсь, начиная с этого момента мне стало казаться, что они обмениваются нежными словами, украдкой пожимают друг другу руки даже в моем присутствии. Некоторое время я размышлял об этом, затем принял твердое решение.

— Друг мой, — обратился я к армянину, — что вы делали в Египте?

— Я был секретарем у Туссун-бея; я переводил ему французские газеты и книги, писал за него письма турецким чиновникам. Он внезапно умер, меня уволили, и вот я здесь.

— А что вы намереваетесь делать дальше?

— Поступить на службу к паше Бейрута; я знаком с его казначеем, тоже армянинном.

— А не собираетесь ли вы жениться?

— У меня нет денег на калым, а без него никто не выдаст за меня свою дочь.

«Ну что ж,— сказал я себе после минутного раздумья,— проявим великодушие, осчастливим эту пару». Я умилился собственному благородству, ибо одновременно освобождал рабыню и устраивал счастливый брак, разом становясь благодетелем и отцом. Я взял армянина за руки и спросил:

— Она вам нравится? Женитесь на ней, она — ваша!

Я хотел бы призвать весь мир в свидетели этой волнующей патриархальной сцены: армянин — удивленный и смущенный моим великодушием, сидящая подле нас рабыня, не понимающая, о чем разговор, но, как мне казалось, настороженная и задумчивая.

Армянин воздел руки к небу, словно мое предложение изумило его.

— Как! — сказал я ему.— Несчастный, ты колеблешься! Ты соблазняешь женщину, которая принадлежит другому, ты отвращаешь ее от ее обязанностей и не хочешь взять в жены, когда тебе предлагают!

Но армянин не внял моим укорам. Он стал энергично протестовать. Ему и в голову не приходило то, о чем я подумал, его глубоко огорчало подобное предложение; он поспешил сообщить об этом рабыне и призвал ее в свидетели своей искренности. Поняв, о чем я говорил, она всем своим видом показала, что глубоко оскорблена, и прежде всего предположением, что она могла обратить внимание на простого райю — прислужника то ли турок, то ли франков, нечто вроде *яхуди* (еврея). Итак, капитан Николас внушил мне ложные опасения и поставил меня в смешное положение. Вот оно, коварство греков!

ОТЕЦ ПЛАНШЕ

Когда мы прошли карантин, я на месяц снял себе жилье в доме у христиан-маронитов в полулье от города. Утопая в зелени садов, эти дома расположены ярусами над побережьем, вдоль террас, засаженных шелковицами. Прочно сложенные из темно-бурого камня, со стрельчатыми сводами и арками, они напоминают небольшие феодальные замки. Наружные лестницы ведут с этажа на этаж, на каждом, вплоть до самого верхнего, имеется своя терраса, где по вечерам собирается вся семья и любитесь видом на залив.

Куда ни помотришь, повсюду густая, шелковистая зелень, и только живые изгороди из кактусов-опунций указывают границы между садами. Первые дни я наслаждался свежестью и прохладой. Повсюду царило оживление и благополучие: со вкусом одетые красивые женщины с открытыми лицами, ходившие за водой, грациозно несли на плече тяжелые кувшины. Наша хозяйка была всего-навсего женой портного, владевшего лавкой на бейрутском базаре, но конусообразный головной убор, обвитый кашемировой тканью, и золотые пехины, вплетенные в косы, придавали ей вид ассирийской царицы. Две ее взрослые дочери и остальные дети жили на втором этаже, мы заняли третий.

Рабыня быстро освоилась в этой семье и, сидя на циновке в небрежной позе, поглядывала на всех свысока и уже начинала помыкать бедными хозяевами, чему я всячески препятствовал. И все же мне было удобно оставлять ее здесь в полной безопасности, пока я ходил в город. Я ждал писем, но их все не было, так как почта из Франции идет сюда два месяца. Из-за этого я волновался, меня одолевали мрачные мысли.

Как-то я проснулся довольно поздно и, еще не очнувшись ото сна, обнаружил, что у меня в изголовье сидит

священник и разглядывает меня с некоторым состраданием.

— Как вы себя чувствуете, сударь? — печально спросил он меня.

— Хорошо. Простите, я только что проснулся и...

— Не шевелитесь! Лежите спокойно. Приготовьтесь. Настал ваш час.

— Какой час?

— Великий. Столь страшный для тех, кто не в ладах с богом.

— А что случилось?

— Вы не готовы выразить свою последнюю волю?

— Ну это уж слишком! — вскричал я. — Кто вы такой?

— Меня зовут отец Планше.

— Отец Планше?

— Из ордена иезуитов.

— Впервые слышу.

— Мне сказали в монастыре, что меня ждет молодой американец, который находится на пороге смерти и хочет что-то завещать ордену.

— Но я не американец! Произошла ошибка. Кроме того, как видите, я не на смертном одре!

И я поспешно вскочил, может быть сам желая убедиться, что совершенно здоров. Отец Планше наконец понял, что ему неверно указали дом. Он выяснил у хозяев, что американец живет немного дальше, и попрощался, посмеиваясь над этим недоразумением, правда пообещав заглянуть ко мне на обратном пути, так как был очень рад, что этот нелепый случай помог нашему знакомству.

Когда он вернулся, у меня в комнате находилась рабыня, и я рассказал ее историю.

— Зачем вы взяли на себя такую ответственность? — спросил он. — Вы изменили жизнь этой женщины и отныне отвечаете за все, что бы с ней ни случилось. Поскольку вы не можете взять ее с собой во Францию и, наверное, не захотите на ней жениться, что будет с ней?

— Я дам ей свободу. Это самое большое благо, которого может желать мыслящее существо.

— Было бы лучше оставить ее там, где она находилась, она могла бы найти себе доброго хозяина, выйти замуж... А теперь вообразите, до какого нравственного падения она может дойти, предоставленная самой себе. Она не умеет ничего делать, не хочет прислуживать... Подумайте об этом.

Действительно, я никогда над этим всерьез не задумывался и попросил совета у отца Планше.

Он сказал:

— Может быть, я и смогу устроить ее судьбу. В городе много благочестивых дам, которые займутся ее будущим.

Я предупредил его, что рабыня отличается безграничной преданностью мусульманской вере. Он покачал головой и завел с ней долгую беседу.

По правде говоря, религиозное чувство этой женщины было скорее врожденным и проявлялось чисто внешне, а не как ясно осознанная вера в бога. Кроме того, облик маронитов, среди которых мы жили, звон монастырских колоколов, доносившийся с гор, а также частые приезды в Бейрут христианских и друзских эмиров на великолепных лошадях, в блеске оружия, с многочисленной свитой из всадников и негров, несущих за ними обернутые вокруг копьев знамена — все эти феодальные атрибуты, напоминающие крестовые походы, — даже у меня вызывали трепет, а бедную рабыню убеждали в том, что в немусульманской стране можно обладать мощью и роскошью.

Внешний блеск всегда ослепляет женщин, особенно невежественных и простых, и часто становится главным мерилom их симпатий и убеждений.

Когда мы приехали в Бейрут и прошли через толпу женщин без покрывал, которые носили на голове *тантур*, рог из чеканного позолоченного серебра, с ниспадающей вуалью из кисеи — мода, берущая начало в средневековье, и горделивых мужчин с дорогим оружием на поясе, чьи красные и пестрые тюрбаны указывали на их далеко не исламскую веру, рабыня воскликнула: «Сколько гяуров!» — что слегка утешило меня, поскольку не я один был удостоен этого оскорбления.

Между тем нужно было на что-то решаться. Наши хозяева, марониты, которые были не в восторге от ее манер и помимо прочего судили о рабыне с нетерпимостью католиков, советовали мне продать ее. Они даже предлагали привести турка, который уладил бы дело. Нетрудно догадаться, какую реакцию вызвал у меня подобный совет, столь мало отвечающий евангелическому духу.

Я отправился к отцу Планше в монастырь, расположенный неподалеку от городских ворот Бейрута. Он преподавал там в школе для детей христиан. Мы долго беседовали о Ламартине, которого он знал лично и поэзией которого восхищался. Он жаловался мне, какого труда

стоило ему получить у турецкого правительства разрешение расширить монастырь. Однако незавершенное сооружение говорило о грандиозности замысла, а великолепная лестница из кипрского мрамора вела к недостроенным этажам. Католические монастыри пользуются большой свободой в горах, но у ворот Бейрута им не разрешают вести строительство; иезуитам даже запретили иметь колокол. Они повесили вместо него огромный бубенец, который после неоднократных переделок все больше и больше начинал походить на колокол. Постройки также поднимались почти незаметно под не слишком бдительным оком турок.

— Приходится немного лавировать, — объяснял мне отец Планше, — терпение, и мы всего добьемся.

Он заговорил со мной о рабыне тоном искренней доброжелательности. Однако меня мучили сомнения. Письма, которых я ждал, могли прийти со дня на день и изменить мои решения. Я очень опасался, как бы отец Планше из благочестивых намерений не надумал устроить обращение мусульманки, дабы прославить свой монастырь. Это сделало бы весьма плачевной судьбу бедной девушки.

Однажды утром она вбежала ко мне в комнату, хлопая в ладоши и испуганно крича: «Durzi, Durzi bandouguillah!» («Друзы, друзы стреляют!»). Действительно, вдали слышалась стрельба; это оказалось лишь *фантазией*⁸¹ албанцев, собиравшихся отправиться в горы. Друзы сожгли деревню под названием Бетмерия в чтырех лье отсюда. Туда были посланы турецкие войска, но не против друзов, а чтобы следить за передвижениями обеих сторон⁸², между которыми в этом пункте еще продолжались вооруженные столкновения.

Эти новости мне сообщили в Бейруте. Вернулся я очень поздно и узнал, что в доме остановился эмир, христианский князь одного из ливанских округов. Эмир изъявил желание познакомиться с живущим здесь франком из Европы и долго ждал в моей комнате, где, уходя, он оставил свое оружие в знак доверия и братства. Наутро я рано проснулся от шума, который производили свита эмира, состоявшая из шести хорошо вооруженных человек, и его великолепные лошади. Мы сразу же прониклись друг к другу симпатией, и эмир предложил мне погостить несколько дней у него в горах. Я с радостью принял это приглашение, чтобы не упустить прекрасной возможности понаблюдать за бытом и нравами этого своеобразного народа.

Однако на это время нужно было куда-то надежно при-

строить рабыню, я не собирался брать ее с собой. Мне сказали, что в Бейруте есть школа для девушек, которой руководит дама из Марселя, некая мадам Карлес. Это была единственная школа в Бейруте, где изучали французский. Мадам Карлес оказалась очень любезной и потребовала всего три турецких пиастра в день за пансион и обучение рабыни. Я должен был отправиться в горы через три дня; за это время она уже привыкла к школе, ей нравилось болтать с девочками, которых очень забавляли рассказы рабыни.

Мадам Карлес отвела меня в сторону и сказала, что не теряет надежды обратить ее в христианство.

— Вот как я думаю к этому подступиться,— сказала она со своим провансальским акцентом.— Я ей скажу: «Видишь ли, дитя мое, в каждой стране есть свой бог, но это лишь один и тот же бог. Мухаммед был очень достойным человеком... но Иисус Христос тоже очень добр».

Мне пришлось по душе столь мягкий и терпимый подход к вопросу об обращении в христианство.

— Только не следует принуждать ее силой,— предупредил я.

— Не беспокойтесь, она сама уже обещала пойти со мной в церковь в следующее воскресенье.

Было очевидно, что я оставлял рабыню в надежных руках, где ее могли обучить основам христианской религии и французскому языку... по крайней мере такому, на каком говорят в Марселе.

КЕЙФ

Если взять территорию и население Бейрута в пределах городских стен, то они совсем не соответствуют европейским представлениям о столице Ливана. Надо учитывать и те несколько сотен домов, окруженных садами, которые занимают весь обширный амфитеатр, в центре которого находится порт. Над этой россыпью домов высится огромное прямоугольное сооружение, охраняемое турецкими часовыми,— башня Фахр ад-Днна. Я как раз и остановился в одном из таких домов, разбросанных по побережью, как загородные виллы в окрестностях Марселя, и, прежде чем отправиться в горы, решил навеститься в Бейрут, чтобы приобрести там лошадь, мула или в крайнем случае верблюда. Я бы охотно взял одного из тех великолепных ослов полосатой окраски и с длинной шеей, кото-

рых в Египте предпочитают лошадям. Они способны без усталости нестись галопом в облаках пыли, но для Сирии это животное недостаточно выносливо, чтобы подниматься по каменистым дорогам Ливана, а впрочем, разве не следует считать благословенной эту породу, ведь пророк Валаам и Христос ездили верхом на осле.

Так размышлял я, отправившись в Бейрут пешком в то самое время дня, когда, по выражению итальянцев, по жаре бродят одни только *gli cani e gli Francesi*⁸³. Впрочем, мне всегда казалось, что эта пословица несправедлива в отношении собак, которые в часы послеобеденного отдыха предпочитают растянуться в тени и совершенно не намерены получить солнечный удар. Что касается французов, то попытайтесь удержать их на диване или на циновке, если у них срочное дело или какое-то желание или просто любопытство. Полуденный демон редко садится на грудь француза, его не испугает даже безобразный карлик Смарра с огромной головой, вращающий своими желтыми зрачками.

Итак, я шел по равнине в тот час, когда южане обычно предаются сieste, а турки — кейфу. На Востоке человек, блуждающий по округе, когда все спят, рискует навлечь на себя подозрения, как в Европе ночной бродяга; впрочем, часовые с башни Фахр ад-Дина лишь внимательно посмотрели на меня, как смотрят солдаты на посту на позднего прохожего. За этой башней открывается вид на восточную, равнинную часть города, зубчатые башни и стены которой тянутся до самого моря. И снова передо мной возник облик арабского города времен крестовых походов: европейское влияние заметно лишь когда на многочисленных мачтах, возвышающихся над домами консулов, по воскресеньям и праздничным дням поднимают флаги.

Турецкое господство, как и повсюду, проявляется здесь весьма причудливо и своеобразно. Однажды паше пришла в голову мысль разрушить часть городской стены, примыкающей к дворцу Фахр ад-Дина, и построить на этом месте по константинопольской моде один из тех деревянных крашенных павильонов, которые турки предпочитают величественным дворцам из камня и мрамора. Хотите знать, почему турки всегда живут в деревянных домах? Почему даже во дворце султана, хотя он и украшен мраморными колоннами, стены сделаны из еловых досок? Дело в том, что по странному предрассудку потомков Османа дом турка не должен пережить своего хозяина; дом — это не-

продолжительная обитель, походный шатер, поставленный в пути; человек не должен идти против судьбы и пытаться увековечить следы своего пребывания на земле, к чему стремятся христиане.

Обогнув дворец, попадаешь к городским воротам. Под их сводами темно и прохладно; здесь можно немного отдохнуть от изнуряющего жара солнца и песка. При входе в Бейрут взор останавливается то на прекрасном каменном фонтане, стоящем в тени чудесной смоковницы, то на серых куполах мечети и ее грациозных минаретах, то на недавно построенном здании бани в мавританском стиле; все это сулит мирное и приятное времяпрепровождение. Однако дальше вновь возвышаются суровые и неприступные с виду стены.

Почему бы не зайти в баню, вместо того чтобы в эти знойные часы слоняться по пустынным улицам? Я подумал об этом, но, увидев синее полотнище, натянутое перед дверью, понял, что в это время в баню пускали только женщин. Мужчинам были отведены только утро и вечер... и горе тому, кто, спрятавшись под мостками или под матрасом, попытается остаться в бане в часы, предназначенные для противоположного пола! Честно говоря, такая мысль могла прийти в голову только европейцу, мусульманина она возмутила бы до глубины души.

Я никогда раньше не оказывался в Бейруте в столь неурочный час и походил на путешественника из «Тысячи и одной ночи», проникшего в город волхвов, жители которого были обращены в камень. Все спало глубоким сном: спали часовые у ворот, спали погонщики ослов в ожидании дам, вероятно также заснувших в предбанниках, у фонтана спали продавцы фиников и арбузов, спали *кафеджи* в своих кофейнях вместе с посетителями, спали *хаммалы*, или носильщики, положив головы на свои ноши, спали погонщики верблюдов рядом со своими животными, спали здоровенные албанцы, несшие караул у сераля паши, — все спали как убитые, оставив город на произвол судьбы.

Именно в такой час сестры три сотни друзей захватили однажды Дамаск. Они вошли в город небольшими группами, смешавшись с толпой крестьян, заполняющей по утрам базары и площади, притворились, будто тоже заснули, а затем их умело расставленные отряды в одно мгновение захватили важнейшие посты в городе, пока остальные грабили и поджигали богатые базары. Внезапно разбуженные горожане решили, что на город напала целая

армия, и укрылись в своих домах; испуганные солдаты спрятались в казармах; а три сотни всадников, нагруженные добычей, через час двинулись обратно, в свои неприступные убежища в горах Ливана.

Вот чем рискует город, погружаясь в сон средь бела дня. Однако не вся европейская колония в Бейруте предается неге спесты. Свернув направо, я вскоре заметил какое-то движение на улице, выходявшей на площадь; резкий запах кипящего масла безошибочно подсказал мне, что я нахожусь вблизи трактира; вскоре я увидел вывеску знаменитого Баттисты. Я слишком хорошо знал, что представляют собой на Востоке гостиницы, предназначенные для европейцев, и поэтому не собирался воспользоваться гостеприимством синьора Баттисты, единственного франка — хозяина гостиницы в Бейруте. Из-за вездесущих англичан эти более чем скромные заведения отнюдь не таквы по своим ценам. Однако сейчас, подумал я, было бы неплохо попасть на табльдот, если бы меня со- благоволили принять. На всякий случай я вошел в гостиницу.

ТАБЛЬДОТ

Поднявшись на второй этаж, я оказался на террасе, расположенной между стенами соседних зданий, куда выходили внутренние окна. Огромный бело-красный павес был натянут над длинным столом, сервированным по-европейски; почти все стулья были перевернуты, указывая свободные места. На двери кабинета в глубине террасы я прочел надпись: «Qui si paga 60 piastres per giorno» («Здесь платят шестьдесят пиастров в день»).

В зале было несколько англичан, они курили сигары в ожидании, когда зазвонит колокол. Вскоре появились две женщины, и мы сели за стол. Подле меня пахотился серьезный англичанин, его обслуживал смуглолицый юноша с серебряными серьгами в ушах, в костюме из белого канифаса. Я решил, что это какой-нибудь пабоб и его слуга-индус. Англичанин вскоре заговорил со мной, что меня несколько удивило, ибо англичане обычно разговаривают только с теми, кто им представлен, но этот находился в особом положении: он был миссонером Лондонского евангелического общества, целью его было обратить все население страны в англиканскую веру, поэтому ему часто приходилось отбрасывать английскую чопорность, привлекая

души в свои тенета. Он только что спустился с гор, и я был несказанно обрадован возможностью выудить у него кое-какие сведения, прежде чем отправиться туда самому. Я поинтересовался, слышал ли он о волнениях, которые прокатились недавно по окрестностям Бейрута.

— Это пустяки,— ответил он,— на этот раз дело уладилось.

— Какое дело?

— Столкновения между маронитами и друзьями в деревнях со смешанным населением.

— Вы ведь вернулись как раз из тех мест, где сейчас идут бои?

— О да, я отправился туда, чтобы умиротворить... умиротворить кантон Бекфайя, потому что у Англии много друзей в горах.

— Друзья англичан — друзья?

— О да! Эти добрые люди очень несчастны. Их убивают, жгут их дома, вспарывают животы их женам, вырубают деревья, уничтожают урожай.

— Простите, но во Франции считают, что, напротив, они притесняют христиан.

— О нет! Боже мой, это бедные землепашцы, у которых и в мыслях нет ничего плохого; вражду разжигают ваши капуцины, ваши иезуиты, ваши лазаристы, они направляют на друзей более многочисленных маронитов, а друзья защищаются, как могут; без помощи Англии их бы всех давно уничтожили. Англия всегда на стороне слабых, на стороне страждущих.

— Да,— сказал я,— Англия — великая страна. Итак, вам удалось подавить мятеж, который вспыхнул на этих днях?

— Разумеется. Там было несколько англичан, мы сказали друзьям, что Англия их не оставит и что с ними поступят по справедливости. Они сожгли одну деревню и мирно вернулись восвояси. Они взяли у нас триста экземпляров Библии, и нам удалось обратить в христианство многих из этих бравых парней.

— Я не совсем понимаю,— спросил я у миссионера,— как можно обратиться в англиканскую веру, ведь для этого нужно стать англичанином?

— О нет... Вы вступаете в евангелическое общество и подпадаете под защиту Англии, но стать англичанином вы не можете.

— А кто стоит во главе церкви?

— Ее величество королева Англии.

— Эта папесса очаровательна, и, клянусь вам, я сам иногда подумываю...

— О, вы, французы, больше шутники... Вы не друзья Англии.

— Тем не менее,— сказал я, вспоминая случай, прошедший со мной во времена моего отрочества,— один из ваших миссионеров в Париже когда-то пытался обратить меня в свою веру. Я до сих пор храню Библию, которую он мне подарил, хотя и сейчас не понимаю, как можно сделать из француза англиканца.

— Однако их немало среди вас. И если в вашу детскую душу запали зерна истины, они могут дать всходы много лет спустя.

Я не пытался переубедить его преподобие, в долгом путешествии становишься веротерпимым, в особенности когда тобой руководит только любопытство и желание изучать местные нравы; кроме того, я понял, что мое знакомство в молодости с английским миссионером позволяло мне рассчитывать на большее доверие со стороны соседа по столу.

Две англичанки, которых я заметил раньше, сидели слева от пастора; я узнал, что одна из них — его жена, а другая — свояченица. Английские миссионеры всегда путешествуют с семьей. А этот, казалось, жил на широкую ногу и занимал лучшие апартаменты в гостинице. Когда мы встали из-за стола, он ненадолго зашел к себе в номер и вернулся, держа в руках что-то вроде альбома, который с гордостью мне показал.

— Смотрите,— сказал он,— вот свидетельство обращений в лоно нашей святой церкви, которых мне удалось добиться во время моей последней поездки.

Страницы альбома и впрямь были испещрены заявлениями, подписями, арабскими печатями. Я заметил, что этот реестр был составлен по двойной бухгалтерии; на обороте каждого листа приводился список подарков и сумм, полученных новообращенными англиканцами. Некоторые получили только ружье, или кашемировый платок, или женские украшения. Я спросил пастора, дает ли ему евангелическое общество премию за каждого обращенного. Он без малейшего смущения признался в этом; ему, как, впрочем, и мне, казалось вполне естественным, что такое дорогостоящее и полное опасностей путешествие должно быть хорошо оплачено. Из беседы с ним я также понял, какое преимущество давали на Востоке деньги английским агентам перед представителями других государств.

Мы перешли на диван в гостиной; смуглый слуга пастора, встав на колени, зажег ему кальян. Я спросил, не ил-дус ли этот юноша. Нет, это был парс из окрестностей Багдада, его обращение было одним из самых блестящих успехов пастора, он вез его с собой в Англию как свидетельство своих трудов.

А пока что парс был у него слугой и учеником одновременно; вероятно, он с усердием чистил пасторский костюм и с раскаянием наводил глянец на пасторские ботинки. Мне было немного жаль его: стоило ли отказываться от культа Ахурамазды, чтобы стать крещеным грумом? Я надеялся, что меня представят дамам, которые удалились в апартаменты, но в этом вопросе англичанин проявил известную сдержанность. Пока мы беседовали, до нас долетели громкие звуки военной музыки.

— Это,— объяснил мне англичанин,— прием у паши. Депутация маронитских шейхов явилась к нему с жалобами. Эти люди вечно жалуются, но ничего, паша туговат на ухо.

— Это можно понять по музыке,— сказал я,— никогда не слышал подобного шума.

— Между тем они исполняют ваш национальный гимн: это «Марсельеза».

— Ни за что бы не догадался.

— Я знаю точно, потому что слышу эту мелодию каждое утро и каждый вечер, они считают, что этот гимн им особенно хорошо удается.

Прислушавшись, я действительно различил несколько знакомых нот, затерявшихся в типичных для турецкой музыки руладах.

Город, казалось, окончателью проснулся; вечерний бриз слегка шевелил навес, натянутый над террасой гостиницы. Я раскланялся с англичанином и поблагодарил его за оказанную мне любезность; такое встречается довольно редко среди англичан, в основном из-за социальных предубеждений, которые заставляют их быть пастороже с незнакомцами. Я усматриваю в этом если не проявление эгоизма, то, во всяком случае, отсутствие великодушия.

К моему удивлению, за обед с меня взяли всего десять пиастров (два франка пятьдесят сантимов). Спньор Баттиста отвел меня в сторону и начал дружески выговаривать за то, что я не остановился в его гостинице. Я показал ему на объявление, где было сказано, что номер в гостинице стоит шестьдесят пиастров в день, что составляет тысячу восемьсот пиастров в месяц.

— Помилуйте! — вскричал птальянец. — Это только для англичан, у которых много денег, и все они без исключения еретики!.. Но для французов и прочих представителей романских народов только пять франков.

Это другое дело, подумал я и порадовался тому, что я не англичанин, хотя бы потому, что в Сирпи есть еще хозяева гостиниц, у которых сильны симпатии ко всему католическому и романскому.

ДВОРЕЦ ПАШИ

Синьор Баттиста был настолько любезен, что обещал мне достать лошадь на следующее утро. Успокоившись на этот счет, я мог безмятежно гулять по городу и начал с того, что пересек площадь с целью посмотреть, что происходит во дворце паши. Там собралась большая толпа, наблюдавшая за процессией маронитских шейхов, выстроившихся по двое. Голова процессии уже проникла во двор замка. Красные и пестрые тюрбаны шейхов, их машлахи, кафтаны, тканые золотом и серебром, богатое оружие — весь этот внешний блеск, который из всех стран Востока присущ главным образом Турции, делал эту процессию весьма внушительной. Мне удалось, смешавшись со свитой, войти во двор, где оркестр продолжал уродовать «Марсельезу».

Во дворе старого дворца Фахр ад-Дина еще заметен налет Ренессанса, к которому этот друзский принц питал слабость, особенно после поездки в Европу. Не следует удивляться тому, что в этой стране часто произносят имя Фахр ад-Дина; это герой Ливана, он был первым из правителей Азии, который решил посетить наши северные страны. При дворе Медичи он был принят как провозвестник неслыханного чуда: в сарацинских землях живет народ, преданный Европе то ли по религиозным, то ли по каким-то другим соображениям.

Во Флоренции его считали философом, наследником греческой культуры Поздней Римской империи, сохранившейся благодаря арабским переводчикам, которые спасли столько бесценных книг и донесли до нас их мудрость. Во Франции в нем хотели видеть потомка древних крестоносцев, укрывшихся в Ливане во времена Людовика Святого; старался доказать, что само название — друзы — происходит от имени некоего графа Дрёза. Фахр ад-Дин принимал все эти предположения с благоразумием и лукав-

ством, свойственным левантинцам; он нуждался в Европе, чтобы бороться с султаном.

Во Флоренции его считали христианином; возможно, он им стал, как в наши дни стал христианином эмир Бешир, правитель Ливана, династия которого сменила династию Фахр ад-Дина; но при этом он продолжал оставаться другом, то есть представителем своеобразной религии, которая, возникнув на обломках предшествующих верований, позволяет своим последователям быстро воспринимать все возможные формы культа, как это некогда делали члены египетских тайных союзов. По современным представлениям, религия друзов — это что-то вроде франкмасонства.

Фахр ад-Дин в какой-то мере воплощал идеал, прообразом которого является для нас Хирам — царь древнего Ливана, друг Соломона и герой тайных союзов. Хозяин всего побережья Финикии и Палестины, он пытался создать в Сирии независимое королевство, но из-за отсутствия поддержки европейских правителей не смог осуществить свои замыслы. Фахр ад-Дин олицетворяет в Ливане идеалы славы и могущества; остатки его построек, разрушенных скорее войнами, нежели временем, соперничают с древнеримскими сооружениями. Он призвал итальянских мастеров украсить свои дворцы и виллы, и до сих пор кое-где сохранились орнаменты, статуи, колоннады; мусульмане вновь завоевавшие эту страну, были удивлены, обнаружив здесь языческое искусство, давно уничтоженное их предшественниками, и принялись его поспешно разрушать.

На том самом месте, где так недолго жила эта хрупкая красота, где под ветром Возрождения на время взошли ростки греческой и римской античности, теперь возвышалось огромное деревянное сооружение, построенное по приказу паши. Процессия маронитов выстроилась под окнами в ожидании, пока правитель соизволит принять их. Впрочем, вскоре их пригласили войти.

Как только открылась дверь во дворец, я увидел среди секретарей и офицеров, находившихся в зале, армянина, который сопровождал нас на «Санта Барбаре». Он был одет во все новое, на поясе у него красовался серебряный письменный прибор, а в руках он держал несколько листов пергамента и какие-то брошюры. В стране арабских сказок не стоит удивляться, когда вдруг видишь, что безвестный бродяга, которого ты успел потерять из виду, занимает важный пост при дворе. Армянин сразу же узнал меня и, казалось, был счастлив этой встрече. Как турец-

кий чиновник, он носил «послереформенный» костюм и изъяснялся с большим достоинством.

— Рад видеть, что вы заняли подобающее положение,— сказал я ему.— Вы, кажется, здесь прижились, и я сожалею, что мне не о чем вас просить.

— Что вы! — ответил он.— Я еще не пользуюсь здесь доверием, но считайте, что я полностью в вашем распоряжении.

Мы разговаривали с ним, стоя за колонной в вестибюле, в то время как процессия шейхов входила в зал аудиенций.

— А чем вы здесь занимаетесь? — спросил я армянина.

— Меня используют как переводчика. Вчера паша попросил меня перевести на турецкий язык вот эту брошюру.

Я взглянул на брошюру, изданную в Париже: это был отчет господина Кремье относительно положения евреев в Дамаске⁸⁴. Европа уже успела забыть этот злосчастный эпизод, имевший отношение к убийству отца Фомы, в котором обвинили евреев. Паша посчитал необходимым ознакомиться с этим делом, закрытым пять лет назад. Вот пример запоздалого пробуждения совести.

Помимо этого армянину поручили перевести «Дух законов» Монтескье и руководство для парижской национальной гвардии. Эта последняя работа казалась ему особенно трудной, он попросил меня объяснить ему некоторые выражения, смысла которых не понимал. Паша решил создать в Бейруте национальную гвардию, подобно той какая существует ныне в Каире и во многих других городах Востока. Что касается «Духа законов», то, мне кажется, эту книгу выбрали по названию, решив, что в ней содержится руководство для полицейских, которое можно применять во всех странах. Армянин уже перевел часть этой книги; он находил ее занимательной, написанной простым стилем и считал, что его перевод немногим уступает оригиналу.

Я попросил армянина помочь мне проникнуть в зал, чтобы посмотреть, как происходит прием у пашы маронитских шейхов, но оказалось, что туда никого не пускали без предъявления специального пропуска, поскольку, как известно, дружские и маронитские шейхи не имеют права приезжать в Бейрут. Их вассалы проходят в город свободно, сами же они рискуют понести суровое наказание, если их застигнут в черте города. Турки опасаются их влияния на население и столкновений, к которым может привести встреча на улицах этих всегда вооруженных вождей. Сле-

дует, впрочем, отметить, что этот закон соблюдается со всей строгостью только в период волнений.

По словам армянина, аудиенция сводится к тому, что паша приглашает шейхов расположиться на диванах, стоящих вдоль стен зала, после чего рабы приносят каждому шейху турецкую трубку и кофе; затем паша выслушивает жалобы шейхов и неизменно отвечает, что их противники ему недавно высказывали сходные жалобы, что он тщательно обдумает, на чьей стороне правда, и что следует уповать на отеческую заботу его высочества, пред которым равны все вероисповедания и все народы, населяющие империю. В области дипломатии турки и в самом деле не уступают Европе.

К тому же следует признать, что нелегко быть пашой в этой стране. Известно, какое множество народов населяет горные цепи Ливана, Кармеля и, находясь здесь, как в крепости, господствует над остальной Сирией. Марониты признают духовную власть папы римского, что ставит их под защиту Франции и Австрии; Россия поддерживает православное население, самое многочисленное, но менее влиятельное, поскольку оно живет в основном в равнинной части страны; друзы, ансарии и метуалии, которые принадлежат к сектам и вероисповеданиям, отвергающим мусульманскую ортодоксию, предоставляют Англии возможность активно действовать, чему совершенно не препятствуют остальные державы.

БАЗАРЫ-ПОРТ

Я вышел из дворца и протиснулся через толпу; казалось, она собралась здесь из одного любопытства. Я шел сумрачными улицами меж высоких домов, которые в Бейруте строятся, как крепости, и часто соединены арочными переходами. Я обратил внимание на то, что движение, прекратившееся во время спелсы, возобновилось; горцы вновь ходили по огромному базару, он занимает центральные кварталы и делится на ряды в зависимости от продаваемых товаров. Во многих лавках торговали женщины, чего в других странах Востока не увидишь; это объясняется тем, что в Бейруте мало мусульман.

Что может сравниться с удовольствием, которое испытываешь, двигаясь вдоль длинных рядов, защищенных разноцветными навесами? Лучи солнца все же проникают сюда и ярко освещают горы фруктов и зеленн самых раз-

личных оттенков, а чуть дальше ярко сверкают шпьем богатые одежды, вывешенные у входа в лавки. Я давно собирался приобрести в дополнении к своему костюму что-нибудь чисто сирийское и выбрал *куффийю* — шелковый платок, вышитый золотом; он закрывает лоб и виски и закрепляется вокруг головы шнуром из конского волоса; это приспособление предназначается для того, чтобы защитить уши и шею от порывов ветра, особенно опасных в горах. За сорок пиастров мне продали такой платок; я примерил его в ближайшей цирюльне и нашел, что похожу на восточного царя.

Большую часть этих платков изготовляют в Дамаске, некоторые — привозят из Бурсы и даже из Лиона. Длинные шелковые шнурки с узелками и кисточками изящно падают на плечи и спину и удовлетворяют кокетство мужчин, столь естественное в странах, где принято носить пышные одежды. Мои рассуждения могут показаться легкомысленными, однако, по-моему, забота о внешнем облике на Востоке влияет на мышление и образ жизни; оружие, которое носят на поясе, придает любому мужчине уверенность в себе; при любых обстоятельствах он обязан вести себя достойно, вызывая всеобщее уважение, поэтому грубость и ссоры здесь довольно редки: каждый знает, что малейшее оскорбление может повлечь за собой кровопролитие.

Я нигде не видел более очаровательных детей, чем те, что бегали и играли на этом базаре. Стройные и веселые девушки толпились вокруг мраморных фонтанов, покрытых резным орнаментом в мавританском стиле; они уходили, неся на голове большие кувшины, по форме напоминающие античные амфоры. В этой стране часто встречаются люди со светлыми волосами, правда, более темного оттенка, чем у нас, а иногда с пурпурно-красным отливом. Этот цвет в Сирии считается особенно красивым; многие женщины специально красят свои светлые или темные волосы хной, которой в других странах окрашивают только ступни ног, ногти и ладони.

На базаре повсюду стояли продавцы мороженого и шербета, они смешивали напитки со снегом, собранным на вершине Санина. Прохладительные, ароматные напитки подавали также в большой кофейне, расположенной в центре рынка, которую посещали в основном военные. Я остановился здесь на некоторое время понаблюдать за толпой, в которой мелькали горцы в разнообразных костюмах. Было забавно видеть, как у торгующихся женщин покачивают-

ся на голове тантуры высотой до одного фута. Это украшение делает их чем-то похожими на геральдических единорогов, поддерживающих герб Англии. Я встречал женщин в платьях только черного или белого цвета.

Главная мечеть города находится на одной из базарных улиц, это древняя церковь крестоносцев, там до сих пор сохранилась могила бретонского рыцаря. По дороге в порт проходишь по широкой улице, где сосредоточена франкская торговля. Там Марсель успешно соперничает с Лондоном.

Справа располагается квартал греков со множеством кофеен и кабачков; пристрастие этой нации к искусству проявляется в обилии цветных гравюр на дереве, которые в основном изображают сцены из жизни Наполеона и революцию 1830 года. Чтобы спокойно насладиться этим своеобразным музеем, я заказал бутылку кипрского вина; мне ее принесли, посоветовав держать не на виду: не стоит раздражать прохожих-мусульман. Впрочем, *aqua vitae* (анисовую водку) они пьют вполне открыто.

Из греческого квартала в порт попадают по улице, где живут преимущественно банкиры и менялы. Высокие стены из камня с редкими окнами и зарешеченными проемами дверей скрывают дворы и внутренние помещения зданий в венецианском стиле; это остатки великолетия, которым Бейрут обязан правлению друзских эмиров и торговым отношениям с Европой. В этом квартале расположена большая часть консульств. Я торопился в порт, предвкушая ждавшее меня восхитительное зрелище.

О природа! О красота и невыразимое изящество приморских городов Востока, волнующие картины кипучей жизни, парад самых красивых представителей человеческих рас, костюмов, скопление лодок и кораблей на лазурной воде — как описать те чувства, которые вы рождаете у мечтателя; а может быть, это есть не что иное, как сбывшиеся ожидания? Ведь обо всем этом мы уже читали в книгах, видели это на картинах, особенно у мастеров старой итальянской живописи, относящейся к эпохе морского могущества Венеции и Генуи; но невольно поражаешься тому, насколько живая картина соответствует созданному тобой образу. Не уставая удивляться, я шел среди этой пестрой толпы; кажется, что ей не менее двухсот лет, словно мысль преодолела века и на мгновение перенесла меня з великолепное, давно ушедшее прошлое. Неужто я и впрямь сын суровой страны, сын века, одетого в черные одежды, который как бы носит траур по прошедшим векам? Нет, я

уже не тот, я люблюсь собой, я вижу себя как бы сошедшим с полотна Жозефа Верне⁸⁵.

Я зашел в кофейню, которая стояла на сваях, вкопанных в прибрежный песок. Через щели в досках видны зеленоватые волны прибоя, бьющегося у нас под ногами. Матросы со всех концов света, горцы, бедуины в белых одеждах, мальтийцы, греки, похожие на пиратов, курят и оживленно разговаривают вокруг меня; двое или трое молодых кафеджи разносят дымящийся кофе в *финджанах*, оплетенных золотой филигранью. Солнце опускается туда, где прячутся за горизонтом горы Кипра, высвечивает прихотливое кружево мачт на галионах и оттеняет возвышающийся справа от набережной огромный замок, который защищал когда-то порт, — нагромождение башен на скалах; стены замка пробиты и разворочены ядрами английских пушек во время бомбардировки 1840 года. Теперь это груда развалин — свидетельство бессмысленных разрушений. Слева в море вдается мол, на нем расположены белые строения таможни, мол сооружен почти целиком из обломков колонн древнего Берита и римского города Юлия Феликс⁸⁶.

Возродится ли когда-нибудь величие Бейрута, благодаря которому он трижды становился столицей Ливана? Сегодняшним могуществом он обязан своему положению у подножия зеленеющих гор, среди садов и плодородных равнин, в глубине живописного залива, куда Европа постоянно посылает свои суда, своей торговле с Дамаском и тому, что служит перекрестком дорог для многих горных племен.

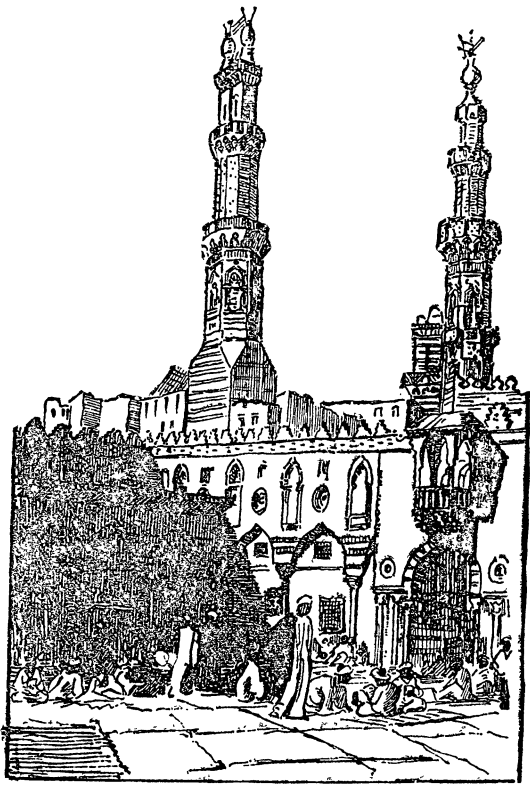
Я не видел ничего оживленнее, чем бейрутский порт, лучше всего соответствующий старинным представлениям европейцев о тех факториях Леванта, где проходило действие многих романов и комедий. Когда смотришь на эти высокие дома и зарешеченные окна, за которыми прячутся горящие девичьи лица, невольно начинаешь мечтать о приключениях и тайнах. Но кто решится проникнуть в эти крепости супружеской или родительской власти и у кого не возникнет такого искушения? Увы, подобные приключения здесь еще бóльшая редкость, чем в Каире, люди в Бейруте столь же серьезные, сколь и трудолюбивы; труд и добропорядочность определяют манеры женщин. И опять чем-то строгим и библейским веет от этой картины: от моря, лежащего среди высоких скал, от горных пейзажей, от зубчатых башен и строений со стрельчатыми сводами — все располагает к раздумью, к мечтаниям.

Чтобы несколько расширить рамки этой прекрасной картины, выйдя из кофейни, я направился к мысу Рас-Бейрут, расположенному слева от города. Красноватые лучи заходящего солнца окрашивали склоны гор, уходящих к Сидону; берег здесь состоит из ряда бухточек, вырубленных в скалах; кое-где виднеются небольшие естественные бассейны, во время шторма море наполнило их водой, и женщины купают в них детей. Здесь много таких бассейнов, кажется, что это остатки античных терм, дно которых выстлано мрамором. Левее, близ небольшой мечети, которая возвышается над турецким кладбищем, виднеется несколько лежащих на земле огромных колонн из красного гранита; говорят, что на этом месте стоял цирк Ирода Агриппы.

МОГИЛА СВЯТОГО

Размышляя таким образом, я внезапно услышал пение и звуки музыки, доносившиеся из рва у городской стены. Я сперва подумал, что это свадьба, потому что песня показалась мне веселой, однако вскоре я увидел группу мусульман с развевающимися знаменами, за ними несли носилки, на которых лежал покойник, затем шли женщины, испускавшие громкие крики, и завершала процессию толпа мужчин, несших знамена и ветви деревьев. Они остановились на кладбище и опустили на землю носилки с телом, утопавшим в цветах; близость моря придавала величие и этой сцене, и протяжным мелодиям, которые они пели. Собралась толпа прохожих, благоговейно наблюдавших за церемонией. Итальянец-негоциант, стоявший подле меня, сказал мне, что это не совсем обычные похороны: умерший был юродивым, он долго жил в Бейруте; франки считали его сумасшедшим, а мусульмане — святым. Последнее время он жил в пещере, расположенной на склоне горы, в одном из садов Бейрута; ходил он совершенно голым, и с виду напоминал зверя, но люди шли к нему за советом со всех концов страны.

Иногда он бродил по городу и брал все, что ему приглянется, в лавках арабских торговцев. А те были только рады, считая, что это принесет им счастье, но европейцы не разделяли подобных убеждений и после нескольких столь необычных визитов подали жалобу паше и добились того, что юродивого больше не выпускали из его сада. Турки, которых в Бейруте немного, не возражали против такой меры и ограничились тем, что приносили ему еду и

Мечеть аль-Азхар

подарки. Теперь этот человек умер, и народ радовался: ведь турецкого святого не оплакивают, как простого смертного. Уверенность в том, что после длительного умерщвления плоти он наконец достиг высшего блаженства, наполняла людей радостью; они выражали ее громкой музыкой, иногда даже в таких случаях устраивают танцы, пиршества и концерты с альмеями.

Между тем открыли двери небольшого строения с куполом, которое должно было стать гробницей святого; стоявшие в толпе дервиши вновь подняли носилки на плечи. В тот момент, когда они собирались войти в дверь, какая-то неведомая сила сбила их с ног, и они упали ничком на землю. В толпе раздались крики ужаса. Дервиши с гне-

вом повернулись к толпе и потребовали, чтобы плакальщицы и певцы прекратили свои крики и песни. Они попытались повторить все сначала, но в тот момент, когда намеревались переступить порог, опять упали. Тогда заговорили старики. Это, сказали они, каприз почтенного святого; он не хочет, чтобы его вносили в гробницу ногами вперед. Носилки развернули, вновь возобновились крики, за которыми последовали новый каприз юродивого и новое падение дервишей.

Стали совещаться. Дело, вероятно, в том, говорили некоторые из правоверных, что святой считает эту гробницу недостойной для себя; следует построить новую, получше. Нет, сказали другие, не следует потакать всем его капризам; святой всегда отличался переменчивым нравом. Попробуем все-таки занести его; может быть, там внутри ему понравится; если нет, то у нас будет достаточно времени найти ему какое-нибудь другое пристанище.

— Но как это сделать? — спросили дервиши.

— Его нужно несколько раз повернуть, чтобы сбить с толку, а потом, не дав ему времени опомниться, быстро затащить внутрь.

Эта мысль вызвала общее одобрение. Пение возобновилось с новой силой; дервиши, схватив носилки, в течение нескольких минут вращали его, затем внезапно бросились к двери, и на этот раз их действия увенчались успехом. Народ с беспокойством ожидал исхода этого рискованного маневра, опасаясь, не станут ли дервиши жертвами собственной отваги и не обрушатся ли на них стены, но дервиши не замедлили появиться на пороге и с ликованием объявили, что после некоторых затруднений святой успокоился. Испустив радостные крики, толпа разошлась — кто по своим деревням, кто в близлежащие кофейни на мысе Рас-Бейрут.

Это было второе турецкое чудо, которое мне довелось увидеть (вы помните Дусу, когда шейх каравана из Мекки проехал на лошади по дороге, устланной телами правоверных); своенравный мертвец, который вертелся в руках носильщиков, отказываясь войти в свою гробницу, напомнил мне пассаж из Лукиана, в котором сходные фантазии приписывались бронзовой статуе Аполлона Сирийского⁸⁷. Это произошло в храме, расположенном на востоке Ливана; по обычаю, жрецы раз в году отправлялись омыть статуи богов в водах священного озера. Аполлон долгое время отказывался подвергнуться этой процедуре... он не любил воду — вероятно, потому, что был властелином небесного

огня; он вырывался из рук носильщиков и несколько раз сбивал их с ног. По мнению Луккиана, это чудо достигалось за счет гимнастических способностей жрецов, но можно ли полностью доверять утверждению этого Вольтера античных времен?

Что касается меня, то я склонен скорее принимать все это на веру, чем отрицать. Даже Библия признает чудеса, приписываемые Аполлону Сирийскому, который был не кем иным, как Ваалом. Не понимаю, почему силы, дарованные восставшим ангелам и духам Пифона, не могли проявиться таким образом; почему бессмертная душа бедняги юродивого была неспособна произвести магнетическое действие на правоверных, убежденных в его святости.

К тому же кто осмелится быть скептиком у подножия Ливанских гор? Разве эти берега не являются колыбелью всех верований мира? Спросите у первого встречного горца, и он вам скажет, что именно на этой земле происходили события, описанные в Библии. Он вам покажет, где дымилась костры первых жертвоприношений, где стоит скала, окропленная кровью Авеля, где чуть поодаль был расположен город Енох, построенный гигантами, — следы его видны и теперь; он покажет вам могилу Ханаана, сына Хама. Попробуйте посмотреть глазами эллина, и вы увидите на склоне этих гор целый сонм богов; их культ, распространяемый волнами финикийской эмиграции, восприняла и трансформировала древняя Греция. Эти леса и эти горы слышали крики Венеры, оплакивающей Адониса; еще и сейчас где-то здесь, в таинственных пещерах, секты идолопоклонников предаются своим ночным оргиям, молясь и оплакивая жертву — бледного идола из мрамора или слоновой кости, покрытого кровоточащими ранами, а стоящие вокруг заплаканные женщины испускают жалобные крики, подражая стенаниям богини. Сирийские христиане проводят похожие богослужения в святую пятницу: плачущая мать занимает место возлюбленной, но пластические имитации не менее трогательны; подобные сохранившиеся и по сей день формы празднования поэтично описал Феокрит.

В новых культах трансформировались и возродились древние традиции. Не знаю, как сейчас наша святая церковь относится к легенде о Симеоне Столпнике⁸³, но мне кажется, что не будет непочтительным утверждать, что самоистязание этого святого, о котором слагали легенды, является некоторым преувеличением; тем не менее Луккиан сообщает, что некоторые набожные люди в древние

времена по несколько дней стояли на каменных колоннах, возведенных Ваххом неподалеку от Бейрута во славу Приапа и Юноны.

Но освободимся от груза далеких воспоминаний и религиозных мечтаний, которые неизбежно навевают на нас эти места, населенные многими народами, олицетворяющими, по-видимому, все верования и предрассудки, существующие на земле. Моисей, Орфей, Зороастр, Иисус, Мухаммед, даже индийский Будда — у всех здесь есть свои более или менее многочисленные почитатели... Невольно приходит мысль, что все подобные празднества и церемонии должны оживлять город, превращая его в Александрию римской эпохи. Но нет, сегодня здесь все тихо и сурово, должно быть, таково воздействие современных идей. Вероятно, только в горах еще сохранились колоритные нравы, неожиданные контрасты, о которых многие писали, но которые лишь немногим довелось увидеть воочию.

ДРУЗЫ И МАРОНИТЫ

В ГОРАХ

Я не задумываясь принял приглашение посетившего меня ливанского эмира, или князя, провести несколько дней в его доме, расположенном неподалеку от Антуры, в Кесруане. Поскольку мы должны были выехать рано утром, у меня оставалось время лишь на то, чтобы вернуться в гостиницу синьора Баттисты и договориться о цене за лошадь, которую он обещал мне достать.

Меня провели в конюшню, где стояли лишь крупные широкогрудые лошади с сильно развитыми ногами и острым, как у рыб, хребтом; они наверняка не принадлежали к неждийской породе, но мне объяснили, что нет лошадей лучше и надежнее для путешествия по крутым горным склонам. Элегантные арабские скакуны хороши лишь в пустыне. Я наугад выбрал одну из лошадей, и было договорено, что завтра на заре она будет стоять у моих дверей. Мне предложили в качестве сопровождающего юношу по имени Муса (Моисей), прекрасно изъяснявшегося по-итальянски.

Наступила ночь, но сирийские ночи — лишь синеватые сумерки; люди наслаждались прохладой, сидя на террасах; и, по мере того как я поднимался, город все больше походил на какой-то Вавилон. В лунном свете на склонах выделялись белые силуэты домов, которые днем кажутся высокими и темными, их монотонную череду нарушают лишь кроны пальм и кипарисов.

За городом сначала попадаются лишь какие-то бесформенные и уродливые растения с устрашающими шипами и колючками — алоэ, кактусы и им подобные, которые, как индийские боги, выставляют тысячи голов, увенчанных красными цветами. Их сменяют белые шелковицы, отбрасывающие легкую тень, лавровые и лимонные деревья с блестящими жесткими листьями. Повсюду мелькают светлячки, оживляя темноту густых зарослей. Вдали выриси-

вываются стрельчатые своды и арки высоких освещенных домов, и откуда-то из глубин этих сурового вида замков порою доносятся звуки гитары, аккомпанирующие мелодичным голосам.

В конце извилистой тропинки, ведущей к моему дому, есть кабачок, устроенный в дупле гигантского дерева. Здесь собирается местная молодежь; они пьют и распевают песни до двух часов ночи. Гортанные песни с протяжными, произносимыми в нос речитативами звучат здесь каждую ночь, раздражая слух оказавшегося поблизости европейца; признаюсь, однако, что эта примитивная библейская музыка тем не менее не лишена очарования, особенно если слушатель способен подняться над условностями сольфеджио.

Дома я застал своего хозяина-маронита и всю его семью на террасе, примыкающей к моей комнате. Эти славные люди полагают, что оказывают вам честь, приведя к вам всех своих родственников и друзей. Пришлось угощать их кофе и раздавать трубки; к счастью, это взяли на себя хозяйка и ее дочери, но, разумеется, за счет постояльца.

Несколько фраз на смеси итальянского, греческого и арабского составили весь разговор. Мне неловко было сказать им, что я с радостью отправился бы в постель, поскольку не спал днем и уезжаю завтра на заре, но мягкость ночи, звездное небо, море, расцветенное у наших ног всеми оттенками ночной синевы, местами освещенное отблесками звезд, заставляли меня примириться с этим скучным приемом. Наконец эти милые люди распрощались со мной, поскольку я должен был уехать до их пробуждения; мне оставалось поспать каких-нибудь три часа, до пения первых петухов.

Проснувшись, я увидел, что юный Муса сидит перед моей дверью на перилах террасы. Приведенная им лошадь находилась внизу у крыльца, одна ее нога была согнута в колене и в таком положении связана веревкой — так арабы удерживают лошадей на месте. Мне оставалось только взгромоздиться в высокое, на турецкий манер седло, которое сжимает вас точно тисками, почти исключая падение. Широкие медные стремяна в форме каминного совка прикреплены так высоко, что приходится сильно сгибать ноги, а острыми углами этих стремян обычно подкалывают лошадь.

Эмир слегка посмеялся над моими стараниями походить на арабского всадника и дал несколько советов. Эмир был молодым человеком с открытым и честным лицом.

Прежде всего меня пленило его гостеприимство. Звали его Абу Миран, он принадлежал к ветви семьи Хобейш, самой знатной в Кесруане. Эмир не был богачом, но имел под своей властью десяток деревень, составляющих отдельный округ, и платил с них налоги паше Триполи.

Когда все были готовы, мы спустились к дороге, идущей вдоль берега. Где-нибудь не на Востоке она сошла бы за обыкновенный овраг. Примерно через лье мне показали пещеру, где обитал знаменитый дракон, которого святой Георгий пронзил копьём, когда тот собирался проглотить дочь царя Бейрута. Греки и даже турки очень чтят это место, а там, где происходило сражение, турки воздвигли небольшую мечеть.

Все сирийские лошади обучены иноходи, поэтому они идут очень плавно. Я любовался, как уверенно они лавируют меж камней, острых гранитных глыб и скалистых склонов, встречающихся здесь на каждом шагу.

Уже совсем рассвело, когда мы миновали плодородную часть Бейрута, примерно на два лье вдающуюся в море, с ее поросшими пиниями высотами и широкой лестницей террас, засаженных садами; перед нами, насколько хватало глаз, простиралась широкая долина, разделяющая две цепи фиолетовых гор, лежащих амфитеатром, с как бы вкрапленными в них белыми точками: это многочисленные деревни, монастыри и замки. Здесь открывается одна из самых величественных панорам в мире, а душа словно становится шире, чтобы вобрать в себя подобное зрелище.

По дну долины течет Нахр Бейрут; летом это небольшая речка, зимой же она превращается в бурный поток и впадает неподалеку в залив, который мы пересекли под тенью арок римского моста.

Вода доходила лошадям до колена; течение разбивалось об островки, поросшие густыми зарослями лавровишни, они покрывали своей тенью русло реки. Две песчаные косы указывали границы мелководья, оттеняя вдоль всей поймы ленту зелени и цветов. Далее начинались горные склоны, покрытые кое-где зеленым мхом и лишайником, кривыми рожковыми деревьями, скрюченными дубами с темно-зеленой листвой, алоэ и кактусами, которые, словно вооруженные карлики, угрожающие человеку, притаились за камнями — укрытием для сотен зеленых ящериц, снующих меж лошадиных копыт. Однако в ковре этой дикой растительности то там, то здесь видны длинные полосы песка. Чуть поодаль эти желтоватые песчаные пустоши

уже возделаны, и там выстроились ровные ряды оливковых деревьев.

Вскоре мы достигли вершины первой горной гряды. Снизу кажется, что она сливается с горным массивом Саннин. Оттуда открывается вид на долину, параллельную той, где течет Нахр Бейрут. Ее надо пересечь, чтобы достигнуть второй горной гряды, за которой лежит и третья. Отсюда уже видно, что многочисленные деревни, которые издалика кажутся разбросанными по темным склонам одних и тех же гор, на самом деле расположены на разных горных цепях, разделенных долинами и ущельями; нет сомнения и в том, что эти цепи гор с замками и башнями явились бы непреодолимым препятствием для целой армии, решишь местные жители, как и в прежние времена, совместно сражаться за независимость. К несчастью, слишком многие заинтересованы в их раздробленности.

Мы остановились на втором плато, где возвышалась маронитская церковь в византийском стиле. Шла служба, и мы спешили перед входом, чтобы послушать ее. По случаю воскресенья церковь была переполнена, и места оставались только в последних рядах.

На мой взгляд, священник был одет в такое же красивое облачение, как греческие духовники; служба велась на древнесирийском языке, священнослужители читали молитвы и пели им одним свойственным гнусавым голосом. Все женщины находились в высокой зарешеченной ложе. Разглядывая простое, но недавно обновленное убранство церкви, я с горечью увидел, что каждая колонна была украшена черным двуглавым орлом — символом покровительства Австрии, вытесневшей отсюда Францию. Лишь со времени нашей последней революции Австрия и Сардиния соперничают с нами за влияние на сирийских католиков.

Утренняя месса не может причинить вреда, разве только для здоровья — покроешься испариной в душной церкви, а затем постоишь в сырой тени сводов или колонн, но эта божья обитель выглядела уютной и приветливой, колокола приглашали нас приятным серебряным звоном; когда мы вышли отсюда, то находились в прекрасном расположении духа и были готовы продолжать свой путь. Всадники пустились в галоп с веселыми криками и как бы устроили погоню; затем они принялись метать перед собой, словно копыя, свои пики, украшенные шелковой тесьмой и кистями, и на скаку вытаскивать их из земли или стволов деревьев, куда те глубоко вонзались.

Это соревнование в ловкости продолжалось недолго, потому что спуск стал труднее, и лошади с большей осторожностью ставили копыта на гладкие глыбы песчаника или мелкие острые обломки камней. Все это время юный Муса, по обычаю мукариев, следовал за мной пешком, хотя я и предлагал ему сесть на лошадь позади себя; теперь я начал ему завидовать. Словно угадав мои мысли, он предложил мне спешиться, а сам взял лошадь под узцы, и я смог пересечь дно долины более коротким путем — через заросли и по камням. Я даже успел отдохнуть на другом склоне и полюбоваться, с какой ловкостью мои спутники преодолели верхом рытвины и канавы, которые в Европе считались бы непроходимыми.

Затем мы поднялись в тенистую рощу пиний, и эмир спешился, последовав моему примеру. Через четверть часа мы оказались на склоне менее глубокой долины, где деревья росли как бы ярусами. Вокруг небольшого озера паслось стадо, и я заметил несколько сирийских баранов, жирные курдюки которых весили не менее двадцати фунтов. Чтобы напоить лошадей, мы спустились к фонтану под широкой каменной аркой, как мне показалось, античной постройки. Несколько женщин, изящно закутанных в покрывала, только что наполнили большие кувшины и ставили их себе на голову; разумеется, у них не было высоких причесок, как у замужних женщин: то были девушки или служанки.

ДЕРЕВНЯ СО СМЕШАННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Миновав фонтан и все еще находясь в тени пиний, мы очутились у въезда в деревню Бейт-Мири. Она расположена на плато, откуда открывается вид с одной стороны на залив, с другой — на глубокую долину, за которой в синеватой дымке высятся новые горные гряды. Только в этих краях можно по-настоящему оценить контраст между свежестью тенистого леса и невыносимым зноем полей и песчаных осыпей, которые остались позади. Два десятка домов, разбросанные среди деревьев, чем-то напоминали наши южные деревни. Мы направились к дому шейха, и, хотя не застали хозяина, его домочадцы угостили нас простоквашей и фруктами.

Слева стоял большой дом; его осевшая крыша и обугленные балки свидетельствовали о недавнем пожаре. Эмир сказал мне, что друзья подожгли этот дом, когда несколько

семей маронитов праздновали там свадьбу. К счастью, гости успели выскочить, но самое странное заключалось в том, что поджигателями оказались односельчане. Деревня Бейт-Мирн, жители которой принадлежали к различным вероисповеданиям, насчитывала около ста пятидесяти христиан и шестьдесят друзов. Дома их разделяло пространство не более чем в двести шагов. После этой акции началась кровопролитная вражда, и паша не замедлил вмешаться, разбив между двумя частями деревни небольшой лагерь албанцев, которые жили за счет враждующих сторон.

Не успели мы закончить трапезу, как вернулся шейх. После первых обменов любезностями он начал жаловаться эмиру на присутствие албанцев и на полное разоружение, которое произвел паша в его округе. Ему казалось, что эта мера должна была коснуться только друзов, как виновников ночного нападения и поджога. Время от времени оба вождя понижали голос, и, хотя я не мог уловить полностью смысл их разговора, мне показалось, что будет лучше, если я ненадолго удалюсь под предлогом прогулки.

Мой провожатый рассказал мне, что христиане-марониты из провинции эль-Гарб, где мы сейчас находились, ранее пытались изгнать друзов, рассеянных по разным деревням, и что те призвали на помощь своих единоверцев из Антиливана. Отсюда — причина столкновений, которые происходят здесь довольно часто.

Основные силы маронитов находятся в провинции Кесруан, расположенной за Джубейлем и Триполи, а большая часть друзов населяет провинции между Бейрутом и Сен-Жан д'Акром. Шейх Бейт-Мирн, наверное, жаловался эмиру на то, что при нынешних обстоятельствах, о которых я уже говорил, жители Кесруана не поддержали его; впрочем, они все равно бы не успели, так как турки действовали с несвойственной им быстротой. Дело в том, что беспорядки вспыхнули во время платежа *мири*. Сначала уплатите, говорили турки, потом деритесь сколько душе угодно. Это и впрямь удобный способ взимать налоги с людей, которые разоряют и убивают друг друга даже во время сбора урожая.

Я остановился около деревьев, растущих за домами христиан. Отсюда открывался вид на море, его серебристые волны разбивались о песчаный берег. Затем я перевел взгляд на ступенчатую гряду гор, пройденных нами, на небольшие речки, текущие по дну долин, на желтоватую ленту, какой выглядела отсюда прекрасная дорога Анто-

нна, протянувшаяся вдоль побережья, там на скалах можно увидеть римские надписи и персидские барельефы. Я отдыхал в тени, пока меня не пригласили выпить кофе у *мудира*, или турецкого коменданта, который, как я полагаю, в данный момент обладал всей полнотой власти вследствие оккупации деревни албанцами.

Меня провели в свежевыкрашенный, наверное, в честь назначения этого чиновника дом с индийскими циновками на полу, диваном, покрытым коврами и шелковыми занавесями. Я имел дерзость войти в дом, не сняв обувь, несмотря на предупреждения турецких слуг, которых я не понимал. Мудир знаком велел им замолчать и, не поднимаясь, указал мне на диван. Он приказал принести кофе и трубки и обратился ко мне с любезными словами, время от времени замолкая, чтобы поставить печать на бумагах, которые ему подавал секретарь, сидящий рядом с ним на табурете.

Мудир был довольно молод и держался надменно. Он принялся расспрашивать меня на плохом итальянском языке, соблюдая все обычные условности, о пароходах, о Наполеоне и о предполагаемом в недалеком будущем изобретении такого аппарата, который сможет летать по воздуху. Удовлетворив его любопытство, я счел себя вправе узнать у него кое-какие подробности относительно местного населения. Хотя отвечал он довольно сдержанно, но все же рассказал, что беспорядки произошли по многим причинам, но главным образом из-за того, что друзья не хотели отдавать дань маронитским шейхам, непосредственно отвечающим перед пашой. Противоположная ситуация существует в деревнях со смешанным населением, где преобладают друзья. Я спросил у мудира, не возникнет ли осложнений, если я побываю в другой части деревни.

— Ходите где угодно, — ответил он, — эти люди настроены вполне миролюбиво с тех пор, как мы здесь обосновались. В противном случае вам надо было бы встать либо на ту, либо на другую сторону — за белый крест или за белую руку.

Это символы, которыми различаются красные знамена маронитов и друзей.

Я простился с турком и, поскольку знал, что мои спутники останутся в Бейт-Мири до тех пор, пока не спадет полуденный зной, в сопровождении одного Мусы отправился на половину друзей. Солнце палило нещадно. Минут через десять мы подошли к двум первым домам. Перед домом, стоявшим справа, был сад, разбитый террасами, где

играли дети. Они подбежали к нам, и на их крики из дома вышли две женщины. Одна из них носила тантур, это означало, что она замужем или вдова; другая выглядела более молодой. Голову и часть лица женщин прикрывали простые вуали. Однако мне удалось разглядеть их лица, которые то появлялись, то исчезали, словно луна в облаках.

То, что я не успел увидеть, дополняли лица детей, их оформившиеся черты напоминали материнские. Молодая женщина, заметив, что я остановился, ушла в дом и вернулась с узкогорлым кувшином из пористой глины. Она наклонила его ко мне, просунув между стеблями кактусов, окаймлявших террасу. Я подошел, хотя и не испытывал жажды, поскольку у мудира меня угощали прохладительными напитками. Вторая женщина, увидев, что я сделал только один глоток, спросила: «Tourid leben?» («Ты хочешь молока?») Я сделал отрицательный жест, но она уже ушла. Услышав слово «leben», я вспомнил, что по-немецки оно означает «жизнь». Название Ливан тоже происходит от слова «leben» — от белизны снега, покрывающего его вершины. Среди раскаленных песков пустыни арабы грезят о нем как о молоке, о жизни! Хорошая женщина вернулась с чашкой пенящегося молока. Я не смог отказаться и хотел было достать несколько монет из пояса, но, заметив это движение, обе женщины стали очень решительно делать отрицательные жесты. Я уже знал, что ливанское гостеприимство славится даже больше, чем шотландское, и не стал настаивать.

Насколько я мог судить, сравнивая внешность детей и женщин, у друзского населения есть некоторое сходство с персами. В то время как лица девочек были покрыты янтарным загаром, полузакрытые лица женщин отливали матовой белизной, и тем самым создавалось впечатление, что обычай закрывать лицо для женщин Леванта объясняется простым кокетством. От животворного воздуха гор и привычки трудиться щеки и губы становятся яркими, и местным женщинам не надо, как турчанкам, прибегать к румянам; однако они также подкрашивают веки и подрисовывают брови.

Я двинулся дальше мимо глинобитных одноэтажных домиков; самые большие дома с плоскими крышами, покоящимися на внутренних арках, были построены из красноватого камня, наружные лестницы вели к крыше. Внутреннее убранство, как можно было заключить, заглянув в дом через зарешеченные окна и полуоткрытые двери, со-

стояло из резных панелей кедрового дерева, циновки и диванов; женщины и дети вносили оживление в эту картину, не слишком удивляясь появлению чужестранца, и радостно приветствовали меня обычным «сабах аль-хир» («добрый день»).

Дойдя до края деревни, где кончается плато Бейт-Мирри, я увидел на противоположной стороне долины монастырь, куда хотел проводить меня Муса, но мной овладела усталость. Солнце припекало: я сел в тени какой-то изгороди и прислонился к ней, после беспокойной ночи меня клонило ко сну. Из дома вышел старик и пригласил зайти к нему отдохнуть. Я поблагодарил, но отказался, опасаясь, что уже слишком поздно и мои спутники будут волноваться из-за моего отсутствия. Увидев, что я отказываюсь также и от напитков, он сказал, что я не могу уйти, ничего не отведав. Старик принес маленькие абрикосы (мишмиш) и протянул их мне, затем пошел проводить меня до конца улицы. Казалось, он был очень раздосадован, узнав от Мусы, что я обедал у шейха-христианина.

— Настоящий шейх — это я, — сказал он, — и только я имею право оказывать гостеприимство чужестранцам.

Муса объяснил мне, что этот старец и в самом деле был шейхом, или сеньором, деревни во времена эмира Бешира⁸⁹, но, так как он встал на сторону египтян, турецкие власти отказались его признавать, и вместо него был избран маронит.

ВЛАДЕНИЯ ЭМИРА

Около трех часов пополудни мы вновь двинулись в путь и вскоре спустились в долину, по дну которой бежала небольшая речка. Сначала мы шли по ее течению, а затем стали подниматься по скалам, покрытым пиниями. Между скалами лежали плодородные долины, где росли шелковицы, оливковые деревья, хлопчатник, пшеница и ячмень.

Наконец мы очутились на берегу Нахр аль-Кальб, Собачьей реки, или древнего Ликуса, которая несет свои воды среди красноватых скал и лавровых зарослей. Река эта, сильно пересыхающая летом, берет начало на заснеженных вершинах Ливанских гор, подобно другим водным потокам, которые вплоть до Антакьи идут параллельно друг другу, устремляясь к Средиземному морю. Слева под-

нимались высокие террасы монастыря в Антуре, и, хотя нас от него отделяли глубокие долины, он казался совсем рядом. Над многочисленными деревьями возвышались и другие монастыри: греческие, маронитские и принадлежащие европейским миссионерам-лазаристам. Это походило скорее на ландшафты Апеннин или Нижних Альп, и поэтому при мысли, что находишься в мусульманской стране, в нескольких лье от Дамасской пустыни и занесенных песками развалин Баальбека, испытываешь чувство восторга и удивления. Кажется, что ты в Европе, предприимчивой, свободной, а главное, разумной. Это ощущение еще больше усиливается вследствие того, что в Ливане нет той сильной жары, которая изнуряет в Азии. Шейхи и зажиточные люди в зависимости от сезона живут в долинах, расположенных в горах на разной высоте, и благодаря этому их окружает вечная весна.

Местность, куда мы пришли с заходом солнца, находилась уже на довольно значительной высоте; она была защищена двумя цепями гор, поросших лесом, и там царила замечательная прохлада.

— Здесь начинаются владения эмира, — уведомил меня Муса.

Итак, мы приблизились к цели нашего похода, но, только когда спустилась ночь и позади остался лес смоковниц, сквозь который мы с трудом провели лошадей, на самой вершине горы, вокруг которой вилась дорога, показалось здание. Это была точная копия готического замка; на фоне освещенных окон вырисовывались узкие стрельчатые своды — единственное, впрочем, украшение квадратного двора и высокой крепостной стены. Через небольшие ворота с низкой притолокой нас ввели в просторный двор, окруженный галереей с колоннами. Около лошадей засуетились многочисленные слуги и негры. Меня провели в большую комнату с низким потолком, или *сердан*, уставленную разными диванами, где мы должны были дожидаться ужина.

Эмир велел принести прохладительные напитки, а сам, извинившись, что из-за позднего часа не может представить нас семье, прошел на ту половину дома, которая как у христиан, так и у турок специально отведена женщинам. Он только вышел с нами стакан золотистого вина, когда подали ужин.

Назавтра я проснулся от доносившегося со двора шума: черные рабы и саисы суетились около лошадей, там же находилось много горцев, которые принесли провизию,

и несколько монахов-маронитов в синих рясах и черных капюшонах, с улыбкой взиравших на все вокруг. Скоро спустился эмир и отвел меня в сад, разбитый на террасе и огражденный с двух сторон стенами замка; оттуда открывался вид на глубокую долину, по дну которой протекает Нахр эль-Кальб. На этом крохотном участке земли выращивали банановые и лимонные деревья, карликовые пальмы и другие растения, которые на такой высоте являются редкостью и даже, можно сказать, роскошью. Я подумал об обитательницах замка; из их зарешеченных окон наверняка виден этот маленький Эдем, но женщины на Востоке — запретная тема. Эмир долго рассказывал о своей семье, о том, как его дед путешествовал по Европе и какие почести ему там оказывали. Он прекрасно говорил по-итальянски, как большинство ливанских эмиров и шейхов, и, казалось, был не прочь как-нибудь посетить Францию.

В обеденное время, то есть около полудня, меня отвели на высокую галерею, выходящую во двор. В глубине ее находилось что-то вроде алькова с диванами, стоящими на небольшом возвышении; там, поджав по-турецки ноги, сидели две богато одетые женщины и маленькая девочка. При моем появлении она подошла ко мне и, согласно обычаю, поцеловала руку. Я бы охотно воздал дамам эти же почести, будь я уверен, что это не оскорбит местные нравы. Я лишь поклонился и занял место рядом с эмиром за столиком наборного дерева; на нем стоял поднос с яствами.

Как только я сел, девочка принесла мне длинное шелковое полотенце, с обоих концов расшитое серебром. Во время трапезы женщины неподвижно, словно идола, восседали на возвышении. Только когда убрали со стола и мы заняли места напротив них, старшая приказала принести кальяны.

Поверх стягивающих грудь жилетов и шинтянов (шальваров) с глубокими складками эти женщины носили длинные платья из полосатого шелка, перехваченные тяжелыми поясами искусной работы, а украшения из бриллиантов и рубинов свидетельствовали о роскоши, весьма, впрочем, распространенной в Сирии среди женщин даже более низкого сословия. На голове у хозяйки дома был рог из позолоченного серебра, инкрустированный бирюзой, что заставляло ее по-лебединому поводить шейей. По плечам были рассыпаны косы с вплетенными туда цехинами согласно моде. Ноги дам, по-турецки сидящих на диване,

не знали чулок, на Востоке это добавляет еще один штрих к женским прелестям. Женщины, которые очень мало ходят пешком, по нескольку раз в день совершают омовения благовонными жидкостями, не уродуют обувью ступни, добиваются, как известно, того, что их ноги становятся столь же холеными, как и руки; ногти, окрашенные хной, браслеты на щиколотках довершают пзящество и очарование этих женщин. В отличие от европейских они не приносят себя в жертву искусству сапожников.

Жены эмира расспрашивали меня о Европе и рассказывали о различных путешественниках, посетивших их дом. В основном это были легитимисты, совершающие паломничество в Иерусалим; из разговора я заключил, насколько противоречивы представления о Франции, которые распространены среди христиан Ливана. Можно лишь утверждать, что политические разногласия не оказывают почти никакого влияния на народы с иным социальным устройством. Католики, вынужденные признавать в качестве властителя турецкого султана, не имеют сколько-нибудь ясного представления о нашем политическом состоянии. Впрочем, они считают себя лишь данниками султана. Настоящим же государем остается для них эмир Бешир, выданный султану англичанами после экспедиции 1840 года.

Очень скоро я почувствовал себя непринужденно в этой семье и с радостью отметил, как исчезли условности этикета и церемонии, строго соблюдавшиеся в первый день.

Жены эмира, одетые просто, как остальные женщины, участвовали в работах по дому, а самая младшая спускалась за водой к фонтану вместе с деревенскими девушками, словно библейская Ревекка или гомеровская Навсикая⁹⁰.

Была пора сбора шелковичных коконов, и мне показали питомники, служившие для разведения шелковичных червей. В одних помещениях червей еще кормили на специальных рамах, поставленных друг на друга, в других пол был покрыт срубленными ветками, где и выводились личинки. Коконы блестели, словно золотые масляны, на сложенных в кучу ветках; их нужно было извлечь оттуда и подвергнуть действию сернистых паров, чтобы разрушить куколку бабочки и затем размотать почти невидимые нити. Этой работой были заняты сотни женщин и детей, а жены эмира наблюдали за ними.

На следующий день после нашего приезда был праздник, и меня разбудили на заре для участия в охоте, которая обещала быть очень пышной. Я собирался заранее извиниться за свою неловкость в этом деле, боясь уронить европейское достоинство в глазах горцев, но речь шла всего лишь о соколиной охоте. Суеверие разрешает людям Востока охотиться лишь на животных, приносящих вред; из-за этого испокон веков для охоты используются ловчие птицы, на которых падает вина за пролитую кровь, как если бы за жестокий поступок, совершенный птицей, отвечала природа. Вот почему на Востоке всегда была распространена такая охота, а после крестовых походов она дошла и до нас.

Я думал, что жены эмира удостоят нас своим присутствием, что сделало бы охоту похожей на развлечение в совершенно рыцарском духе, но они даже не показались. Слуги, которым поручалась забота о птицах, достали соколов из клеток, расположенных в глубине двора, и вручили их эмиру и двум его кузенам, которые выделялись в толпе собравшихся. Я тоже было приготовил кулак, чтобы посадить сокола, но мне сказали, что эти птицы могут находиться только на руке знакомых им людей. Трех белоснежных соколов несли со всей подобающей торжественностью. Мне объяснили, что это особая разновидность птиц, встречающаяся лишь в Сирии: глаза у них отливают золотом.

Мы спустились в долину и направились по течению Нахр аль-Кальб до места, где долина расширялась и где в тени орешников и тополей раскинулись обширные луга. Река делала там поворот, оставив в стороне несколько больших озер, едва заметных среди камышей и тростника. Мы остановились. Наступила тишина. Соколы, которых вначале испугал топот лошадиных копыт, успокоились. Среди птиц, гонявшихся за болотными насекомыми, мы увидели двух цапель, которые, вероятно, были заняты ловлей рыбы и изредка взлетали, описывая дугу над травой.

Было сделано несколько выстрелов, чтобы спугнуть цапель; затем с соколов сняли клубочки, и всадники выпустили их, подбадривая криками. Соколы полетели наугад в поисках добычи; вскоре они заметили цапель и напали на них, но те отважно защищались, нанося сильные удары клювами. В какое-то мгновение мы даже испугались, что одна из цапель проткнет клювом сокола,

Арабские музыканты

напавшего на нее в одиночку; но, видимо почуяв опасность, он оставил ее и присоединился к двум своим братьям. Цапля, избавившись от врага, тут же скрылась в гуще деревьев, а другая взмыла в небо. Тут-то и началась настоящая охота. Цапля поднялась так высоко, что нам было уже ее не различить, но соколы следили за ней и, поскольку не могли продолжать преследование на такой высоте, ждали, когда она спустится. Я же не мог оторваться от этого волнующего зрелища — полета трех ловчих птиц, белизна которых растворялась в небесной лазури, делая их почти невидимыми.

Через десять минут цапля, устав или просто задохнувшись в разреженном воздухе, показалась неподалеку от соколов, и они бросились на нее. Борьба длилась одно мгновение, и, по мере того как птицы приближались к земле, мы видели яростно хлопавшие крылья, переплетенные лапы и шеи. Внезапно все четверо тяжело рухнули в траву, и охотникам понадобилось несколько минут, чтобы отыскать их. Они подняли еще живую цаплю и, чтобы она не мучилась, перерезали ей горло; соколам бросили кусок ее желудка и торжественно понесли окровавленные останки побежденной. Эмир рассказал мне, как во время охоты в долине Бекаа соколов использовали для ловли газелей.

К сожалению, в такой охоте есть что-то более жестокое, чем в простой с применением оружия, потому что соколов обучают бросаться сверху на голову несчастной газели и выклевывать ей глаза. Я не испытывал ни малейшего желания участвовать в столь гнусном развлечении.

Вечером того же дня состоялось пышное пиршество, куда были приглашены многие соседи. Во дворе расставили столики на турецкий манер и рассадили гостей в зависимости от их ранга. На возвышении стоял стол эмира, в центре которого поместили цаплю — триумфальный охотничий трофей, с помощью проволоки ей приподняли шею и расправили крылья. Меня пригласили занять место за этим столом рядом с одним из отцов-лазаристов из монастыря в Антуре, прибывшем сюда по случаю праздника. Во дворе под навесом расположились певцы и музыканты, а нижняя галерея была заставлена столиками на пять-шесть персон, где сидели остальные гости.

Почти нетронутые блюда передавались с первых столов к дальним и наконец попадали во двор к горцам, сидевшим прямо на земле. Наш стол был сервирован старинными бокалами из богемского стекла, но большинство гостей пили из простых чашек, передаваемых по кругу. Главные столы были освещены свечами. Угощение состояло из жареного барашка, плова в форме пирамиды, посыпанного шафраном и корицей, фрикасе, вареной рыбы, овощей, фаршированных рубленным мясом, арбузов, бананов и других местных фруктов. В конце трапезы произносились тосты, но их заглушали звуки музыкальных инструментов и веселые крики собравшихся; гости время от времени вставали и пили за здоровье остальных. Так продолжалось довольно долго. Само собой разумеется, что дамы, которые показались лишь в начале пиршества и не принимали в нем участия, вскоре совсем удалились во внутренние покои.

Празднество длилось почти всю ночь. В целом нравы маронитских эмиров и шейхов ничем не отличались бы от нравов других левантинцев, если бы не смешение арабских обычаев и некоторых феодальных, чисто европейских традиций. Это переход от родового строя, который еще сохраняется в горах, к современной цивилизации, уже затронувшей и преобразившей деловые города побережья. Создается впечатление, что находишься в XIII веке во Франции, но в то же время нельзя не вспомнить о Салах ад-Дине и его брате аль-Малек аль-Аделе, которых, как любят с гордостью рассказывать марониты, они победили между Бей-

рутом и Сайдой. Лазарист (его называли отец Адам), сидевший рядом со мной во время пиршества, подробно рассказал мне о жизни маронитского духовенства. До сих пор я считал, что они не слишком ревностные католики, главным образом потому, что им было разрешено вступать в брак. Однако это была лишь уступка, предоставленная только сирийской церкви. Жены попов величались попадьями, но к богослужению не допускались. Папа разрешает также существование маронитского патриарха, назначаемого конклавом; с канонической точки зрения он носит сан епископа Антиохии, ни патриарх, ни его двенадцать викарных епископов не могут вступать в брак.

КЕСРУАН

На следующий день мы отправились проводить отца Адама в монастырь Антуры. Это довольно большое здание стоит на террасе, возвышающейся над долиной. Внизу разбит большой сад с апельсиновыми деревьями. По саду бежит берущий начало в горах ручеек, который впадает в большой пруд. Церковь стоит в стороне от монастыря — довольно просторного внутри, разделенного на два ряда келий. Монахи, как и те, кто живет в горах, выращивают маслины и виноград. Они организовали школу для местных детей; в их библиотеке много книг, здесь же напечатанных, поскольку у монахов есть своя типография. Я даже обнаружил журнал-обозрение, озаглавленный «Горный отшельник», выпуск которого был прекращен несколько лет назад. Отец Адам рассказал мне, что первую типографию основал в Мар-Ханне сто лет назад монах из Алеппо по имени Абдаллах Захир, который отлил шрифт по собственному рисунку⁹¹. В этих религиозных центрах книгопечатания было выпущено много священных книг, исторических трактатов и даже сборников сказок. Проходя вдоль стен монастыря, забавно наблюдать, как сушатся на солнце свежотпечатанные листы. Одним словом, ливанские монахи занимаются самой разнообразной деятельностью, и в лености их не упрекнешь.

Кроме многочисленных монастырей европейских лазаристов и иезуитов, которые сегодня борются за свое влияние и не слишком доброжелательны друг к другу, в Кесруане насчитывается около двухсот монастырей черного духовенства, а также большое число скитов в районе Мар-Элиша. Есть тут и женские монастыри, где занимаются

просветительством. Не слишком ли много духовенства для страны в сто десять квадратных лье и с населением менее двухсот тысяч человек? Правда, этот уголок древней Финикии всегда славился своим религиозным рвением. В нескольких лье от того места, где мы находились, течет Нахр Ибрахим, древний Адонис, чьи воды и поныне становятся красными весной, в те дни, когда, по обычаю, оплакивают смерть символического возлюбленного Венеры. Неподалеку от устья реки расположен Джубейль, древний Библ, где родился Адонис, сын финикийского царя Кинира и его дочери Мирры. Эти воспоминания из древней мифологии, эти поклонения и божественные почести, оказываемые некогда божеству, рожденному от инцеста и адюльтера, до сих пор возмущают религиозные чувства лазаристов. Что касается монахов-маронитов, то они даже не подозревают обо всем этом.

Эмир охотно вызвался сопровождать меня по провинции Кесруан. Я никогда не думал, что она столь велика и населена. В Газире, главном городе провинции с населением шесть тысяч душ, пять церквей; здесь же находится резиденция семьи Хубейш, одного из трех самых знатных маронитских семейств, два других — это Дахдах и Хазин. В соответствии с обычным правом Ливана имущество должно поровну делиться между братьями, а так как отпрыски каждого из этих трех домов насчитываются сотнями, то соответственно доля каждого из них весьма невелика. Отсюда и местная шутка: этих эмиров называют принцами маслин и сыра, намекая на их весьма скудные средства к существованию.

Самые крупные владения принадлежат семье Хазин, живущей в Зук-Микайиле — городе, еще более населенном, чем Газир. Расцвету этой семьи во многом способствовал Людовик XIV, доверив нескольким ее представителям осуществление консульских обязанностей. Часть провинции, именуемая Кесруан Газир, состоит из пяти округов; другая часть — Кесруан Бикфайя, идущая в сторону Баальбека и Дамаска, — из трех. В каждом из этих округов имеются главный город, которым обычно управляет эмир, и дюжина деревень или приходов под властью шейхов. На вершине этой феодальной лестницы стоит эмир всей провинции. Он, в свою очередь, подчиняется великому эмиру в Дейр аль-Камаре. Так как последний ныне находится в плену у турок, его власть передана двум *каймакам*, или губернаторам, марониту и другу, которые подчиняются паше в вопросах, касающихся политики.

Подобное устройство чревато тем, что подогревает антагонизм между двумя народами, чего не было, когда во главе провинции стоял эмир. Великое начинание эмира Фахр ад-Дина — создать единую нацию и уничтожить расовые и религиозные предрассудки — было встречено в штыки, и народ, ранее объединенный узлами солидарности и веротерпимости, пытаются расколоть на две враждующие нации.

Порой задаешься вопросом: как правителям Ливана удавалось сохранять расположение и верность народов, исповедующих разные религии? Отец Адам объяснил, что эмир Бешир был христианином по крещению, турком по образу жизни и другом по своей смерти, ибо только у этого народа с незапамятных времен существовал обычай хоронить своих правителей в горах. Отец Адам рассказал мне местный анекдот. Путешествуют друз и маронит. Как-то один спрашивает другого: «Какую религию исповедует наш государь?» — «Он — друз», — отвечает друз. «Нет, он — христианин», — возражает маронит. Мимо проходит *метуалий* (мусульманский сектант)⁹², которого они избирают арбитром, и тот отвечает не задумываясь: «Он — турок». Окончательно запутавшись, все решают идти к эмиру, чтобы он внес ясность в их спор. Эмир Бешир принял их очень любезно и, узнав причину ссоры, обратился к своему везиру: «Какие забавные люди! Пусть всем троиm отрубят головы!»

Даже если не принимать на веру кровавую развязку этой истории, она все же дает представление о политике, проводимой великими эмирами Ливана. Весьма правдоподобно, что у них во дворце действительно есть и церковь, и мечеть, и *хальва* (друзский храм). Именно в этом долгое время заключался успех их политики, который впоследствии, быть может, стал их камнем преткновения.

СРАЖЕНИЕ

Я наслаждался жизнью в горах, в умеренном климате, среди людей, нравы которых мало чем отличались от нравов обитателей юга Франции. После долгих месяцев, проведенных под знойным египетским солнцем, я здесь по-настоящему отдыхал. Что же касается отношений с местным населением, то именно таких отношений просила душа, ведь симпатии мусульман не бывают до конца искренними, главным образом из-за расовых предрассудков.

В чтении, в беседах, в мыслях я находил что-то от Европы, от которой мы бежим по лености или от скуки, но о которой вновь грезим спустя какое-то время, как грезят о чем-то необычном, неожиданном, а может быть, даже и неведомом. Это вовсе не означает, что наш мир лучше, чем этот; просто, живя здесь, незаметно попадаешь в мир детства, оказываешься под влиянием повседневности. В одном из стихотворений Генриха Гейне говорится о ели на покрытом снегами Севере, которая грезит о горячих песках и раскаленном небе пустыни, тогда как пальма в выжженных зноем египетских пустынях мечтает подышать северными туманами, окунуться в талый снег и прогрузить свои корни в промерзлую землю⁹³.

Находясь в таком же беспокойном и противоречивом расположении духа, я уже было подумывал возвратиться в пустыню, убеждая себя, что приехал на Восток не для того, чтобы созерцать альпийские пейзажи; по как-то вечером я услышал беспокойные голоса, увидел, как из соседних монастырей спускаются в долину испуганные монахи; говорили о целой армии друзов, которые пришли из своих провинций и напали на кантоны со смешанным населением, разоруженные по приказу бейрутского паши. В Кесруане — части пашалыка Триполи — имелось оружие; надо было идти на помощь беззащитным братьям, перейти Нахр аль-Кальб — подлинный Рубикон, границу двух областей, которую переходили только в случае серьезной опасности. Вокруг деревни и в лугах толпились вооруженные горцы. С древним боевым кличем: «Во славу всевышнего! Во славу правого дела!» — по округе скакали всадники.

Эмир отвел меня в сторону и сказал:

— Не знаю, как поступить. Возможно, сведения, которые до нас дошли, несколько преувеличены, но мы всегда готовы идти на помощь соседям. Помощь от паши обыкновенно приходит слишком поздно... Ну а вам следовало бы отправиться в монастырь Антуры или морем вернуться в Бейрут.

— Нет, — возразил я, — позвольте мне сопровождать вас. Мне, имевшему несчастье родиться в мирное время, еще не приходилось видеть сражения, разве что в городах Европы, и, доложу вам, это невеселые сражения. Вместо гор у нас были дома, вместо долин — улицы и площади. Как бы мне хотелось хоть раз в жизни участвовать в столь благородной борьбе, в войне за веру! Как прекрасно отдать свою жизнь за дело, которое вы защищаете!

То не было простым бахвальством, я действительно так думал. Охваченный общим энтузiazмом, я всю ночь мечтал о подвигах, которые должны были показать мое высокое предназначение.

На заре эмир и его люди оседлали лошадей. Я тоже собирался последовать за ними, но юный Муса стал решительно возражать против того, чтобы я ехал на лошади, взятой напрокат в Бейруте: он должен был вернуть ее целой и невредимой и резонно за нее опасался.

Я согласился с его доводами и взял одну из лошадей эмира. На триста пеших человек было от силы двенадцать всадников. Наконец мы пересекли реку. После четырехчасового перехода мы сделали привал возле монастыря Мар-Ханны, где к нам присоединилось еще много горцев. Монастырские старцы накормили нас; но, по их мнению, следовало подождать: ничто не указывало на то, что друзья уже вошли на территорию округа. Но вновь прибывшие придерживались иного мнения, и было решено двигаться вперед. Мы оставили лошадей, чтобы кратчайшим путем пройти через лес, и к вечеру после нескольких ложных сигналов тревоги слышали выстрелы, разносимые горным эхом.

Я отошел от эмира, который начал взбираться по склону, чтобы проникнуть в деревню, видневшуюся за густыми зарослями, и вместе с несколькими горцами оказался у подножия шедших уступами террас; мои спутники о чем-то посоветовались и стали рубить саблями живую изгородь из кактусов, преграждавшую путь. Я тоже ринулся вперед со своим ятаганом, полагая, что за изгородью скрывается неприятель; кактусы покатались в разные стороны, словно отрубленные головы, и вскоре в изгороди образовалась брешь, куда устремились мои спутники. Никого там не обнаружив, они с необычайной яростью принялись рубить шелковицы и оливковые деревья. Один из них, видя, что я бездействую, предложил мне секиру, но я оттолкнул его, так как был возмущен этими разрушительными действиями. Вдруг я узнал место: мы находились в той части деревни Бейт-Мири, где жили друзья и где меня так хорошо принимали несколько дней назад.

Основная часть наших людей уже поднялась на плато, и я присоединился к эмиру, который выглядел весьма раздосадованным. Я подошел к нему, чтобы узнать, есть ли у нас другие враги, кроме кактусов и шелковиц, но эмир сам уже раскаивался в случившемся и, увидев, что несколько маронитов приближаются к домам друзов с го-

рящими еловыми ветками, приказал им немедленно вернуться.

Марониты окружили его с криками:

— Друзы поступили так с христианами. Сегодня мы сильнее, нужно им отомстить!

При этих словах эмир заколебался, ведь законы мести священны для горцев. За убийство платят убийством, за разрушения и пожары — тем же. Я пытался убедить их, что срубили уже достаточно деревьев и что это можно считать полной компенсацией. Эмир нашел еще более веский довод:

— Разве вы не понимаете, что огонь будет виден в Бейруте? Сюда вновь могут прислать албанцев.

Эти соображения в конце концов успокоили толпу. В домах обнаружили только одного старика в белом тюрбане и выволокли его на улицу; в нем я узнал человека, предложившего мне приют, когда я гостил в Бейт-Мири. Его отвели к шейху христиан, который выглядел несколько растерянным из-за всей этой сумятицы и вслед за эмиром тоже пытался успокоить собравшихся. Старик друз держался очень уверенно и обратился к эмиру с такими словами:

— Мир тебе, Миран, зачем ты пришел в наш край?

— Где твои братья? — спросил эмир. — Они, наверное, бежали при нашем приближении?

— Ты знаешь, что это не в их обычае, — ответил старец, — но их было мало по сравнению с твоими людьми; они увели далеко отсюда женщин и детей. Я же решил остаться.

— Нам, однако, говорили, что вы призвали на помощь друзей с других гор и что их очень много.

— Вас обманули. Вы послушали дурных людей, иноземцев, которые были бы рады перерезать нас, чтобы потом наши братья мстили вам.

Во время разговора старик продолжал стоять. Шейх, в доме которого мы находились, казалось, был задет такими речами и сказал ему:

— Разве ты считаешь себя пленником? Ведь когда-то мы были друзьями, почему ты не сядешь с нами?

— Потому что ты находишься в моем доме, — ответил старик.

— Полно. Давай забудем все это, — предложил шейх, — садись на диван, тебе принесут кофе и трубку.

— Разве ты не знаешь, — возразил старик, — что друзы никогда ничего не берут у турок или их друзей, боясь,

что это угощение добыто лихоимством или несправедливо взимаемыми налогами?

— Я вовсе не друг турок.

— Разве не они назначили тебя шейхом, хотя во времена Ибрахима эту должность занимал я? Тогда наши народы жили в мире. Разве не ты отправился к паше жаловаться на неурядицы, на поджог дома, одним словом, на обычную ссору соседей, которую мы бы сами легко разрешили?

Вместо ответа шейх покачал головой, но эмир пресек этот разговор и вышел из дома, держа друга под руку.

— Ну, а со мной-то ты выпьешь кофе? Ведь я ничего не брал у турок,— спросил он и велел своему кафеджи принести кофе в сад.

— Я был другом твоего отца,— сказал старик,— друзья и марониты жили тогда в согласии.

И они принялись вспоминать о том добром времени, когда оба народа жили под управлением Шехабов, а не были отданы на милость победителей.

Было решено, что эмир уведет своих людей, друзья вернутся в деревню, не обращая ни к кому за помощью, а причиненный им ущерб будет считаться компенсацией за поджог христианского дома.

Так закончился этот ужасный поход, суливший мне столько славы. Трудно найти другого такого арбитра, способного так быстро улаживать ссоры деревень со смешанным населением, как эмир Абу-Миран. Правда, следует заметить, что подобные ссоры редко бывают кровопролитными. Это напоминает вражду между испанцами, когда они преследуют друг друга в горах, не встречаясь лицом к лицу, потому что слабая сторона всегда скрывается от более сильной. Они поднимают много шума, жгут дома, рубят деревья, а погибшие существуют только в бюллетенях, которые издают обе стороны.

На самом деле эти народы уважают друг друга больше, чем можно предположить, и никогда не забывают о связывающих их узах. То миссионеры, то церковники, действуя в интересах европейцев, терзают их и натравливают друг на друга, а они по примеру кондотьеров старых времен умудряются разыгрывать крупные сражения без кровопролития.

Церковники читают проповеди — нужно братья за оружие; английские миссионеры разглагольствуют и платят — нужно показать свою отвагу; но в души закрадывается сомнение и разочарование. Каждому ясно, чего до-

бываются некоторые европейские державы, преследующие свои цели и интересы и которым на руку непредусмотрительность турок. Им кажется, что, сея распри в деревнях со смешанным населением, они доказывают необходимость полного размежевания двух некогда единых, дружных народов.

Под видом примирения в Ливане производится обмен земель друзов в христианских кантонах на земли христиан в друзских. Тогда, дескать, не будет постоянных междоусобиц и появятся два отдельных народа: один из них скорее всего попадет под покровительство Австрии, другой — Англии. Франции вряд ли удастся вновь обрести то влияние, которое она оказывала как на друзов, так и на маронитов во времена Людовика XIV.

Не мне судить о столь серьезных проблемах. Я лишь сожалею, что, находясь в Ливане, не смог принять участия в битвах, достойных песен Гомера.

Вскоре я покинул эмира и отправился в другие места Ливана. Тем временем события в Бейт-Мири получали все бóльшую огласку; благодаря пылкому воображению итальянских монахов эта война с тутовыми деревьями мало-помалу приобрела масштабы крестового похода.

II. ПЛЕННИК

УТРО И ВЕЧЕР

Что можем мы сказать о юности, друг мой? Мы уже пережили пору молодого пыла, и теперь нам подобает говорить о юности с известной долей сдержанности, а ведь мы едва вкусили ее, едва поняли, что уже скоро настанет наш черед декламировать в свою честь оду Горация «*Eheu fugaces, Posthume*»⁹⁴, хотя мы штудировали ее совсем недавно. Да, учение отняло у нас лучшие дни! Но вот счастливый результат всех этих ненужных усилий: можно понять, как понял я сегодня утром, смысл греческой песни, которую громко распевал у меня над ухом пьяный левантский матрос:

Nè kalimèra! nè orà kali!

Этот припев беззаботно подхватывали морской ветер и гулко бьющиеся о берег волны: «Нет, не здравствуй, нет, не прощай». Вот так понял я эти слова народной песни, к тому же, как мне кажется, я уловил следующую мысль:

Минуло утро, вечера все нет,
Но свет у нас в очах мрачится тенью.

Потом шел все тот же припев, и опять песня:

Блеснет закат, похожий на рассвет,
А там уж ночь придет, неся забвеньё⁹⁵.

Грустное утешение — размышлять о закате жизни и о приходящей ему на смену ночи. Мы уже подошли к той поре жизни, когда утро прошло, а вечер еще не наступил, и ничто на свете не в силах изменить ход событий. И как этому помочь?

Для себя я нашел один способ — продолжать жить на этом азиатском берегу, где я очутился волею судеб; с недавних пор мне стало казаться, что время потекло вспять,

я почувствовал себя моложе, я и впрямь молод, мне только двадцать лет...

Не понимаю, почему в Европе так быстро стареют? Лучшие годы мы проводим в коллежах, вдали от женщин, и едва облачаемся в мужское платье — молодость уже прошла. Девы наших первых грез встречают нас теперь насмешливой улыбкой, а более искушенные красавицы, возможно, при виде нас грезят о робких вздохах Керубино. Все это, бесспорно, предрассудки, особенно в Европе, где так редко встречаются Керубино. Сыщется ли существо более неуклюжее, нескладное и невзрачное, чем шестнадцатилетний европеец? Мы ставим в упрек молоденьким девушкам красные руки, костлявые плечи, угловатые движения и пронзительный голос. А что сказать тогда о щедушном отроке, приводящем в отчаяние призывную комиссию? Гораздо позже тощее юношеское тело облекается плотью, формируется, начинают играть мускулы — перед нами мужчина.

Возможно, восточные дети не так красивы, как европейские; у богатых они слишком раскормленные, у бедных слишком худые, со вздутыми животами, особенно в Египте, но в отрочестве и юноши и девушки очень хороши. Юноши несколько женоподобны, а тех, кто носит длинные одежды, трудно отличить от их матерей и сестер, но по-настоящему привлекательными они становятся с годами, когда во внешности появляется больше мужских черт. Безбородый возлюбленный не прельщает красавиц Востока, но тот, кого годы наградили густой окладистой бородой, может рассчитывать на успех: его берут на прицел все горящие глаза, которые сверкают в прорезях *йамака*, их темный блеск не может скрыть даже покрывало из белой кисеи. И представь себе, после той поры, когда щеки покрываются густой растительностью, наступает следующий этап — появляется дородность, хотя, наверное, и придающая красоту телу, но лишаящая его всякого изящества в узких европейских одеждах, в которых сам Антиной выглядел бы коренастым крестьянином. А левантинцы в просторных платьях, расшитых камзолах, шальварах с глубокими складками и широкими поясами, обвешанные оружием, выглядят весьма величественно. Еще через пять лет в бороде появляются серебряные нити, голова почти целиком седеет и даже начинает лысеть, и отныне самый деятельный, самый сильный человек, способный еще на нежность и пылкие чувства, у нас должен навсегда расстаться с надеждой стать героем романа. На Востоке же

это прекрасная пора жизни; пусть феска или тюрбан скрывают седину или лысину, ведь похвастаться шевелюрой, этим украшением природы, не может даже юноша: на Востоке головы бреют, так что невозможно догадаться, прямыми или кудрявыми волосами наделены вы от рождения. Если мужчина чувствует в себе способность любить, он может надеяться, что лет до шестидесяти будет вызывать ответные чувства, поскольку борода его окрашена особым персидским составом, а глаза оттенены тонким слоем специальной горной смолы.

Да, будем молоды в Европе, пока это в наших силах, а стареть отправимся на Восток, в страну мужчин, достойных этого имени, в край патриархов! В Европе, где закон юридически стменил имущественное неравенство, женщина обрела слишком большую силу. Обладая всеми секретами обольщения, хитростью, упорством и упрямством, которыми она наделена свыше, европейская женщина в смысле общественном обрела равенство с мужчиной, а этого даже больше чем достаточно, чтобы тот чувствовал себя полностью побежденным. Надеюсь, ты не станешь рисовать мне картины семейного счастья парижских супружеских пар, дабы помешать мне осуществить план, от которого зависит мое будущее? Я и без того сожалею об упущенной в Каире подобной возможности. Мне нужно соединиться с уроженкой этой священной земли — нашей общей прародине, чтобы я смог приобщиться к животворным источникам человечества, откуда проистекают песни и верования наших предков.

Ты смеешься над моим пылом, который, признаюсь, уже сменил много объектов за время путешествия, но вспомни, что речь идет о серьезном деле, в котором вполне уместны колебания. Ты знаешь, что я стремлюсь строить свою жизнь, как роман (возможно, это-то и придает интерес моему повествованию); я с радостью ставлю себя на место решительных и энергичных героев, которые стараются очутиться в самом центре драматических событий. Какое бы могущество ни приписывали случаю, он никогда не спасет посредственный сюжет, разве что повлияет на развитие действия... предоставим ему такую возможность, и все будет испорчено, несмотря на самые лучшие намерения. Раз уж считается, что возможны только две развязки — смерть или свадьба, что ж, выберем по крайней мере одну из них... поскольку до сих пор все мои приключения не шли дальше завязки; я смог стать участником достаточно банальных событий только после того, как купил у

Абд аль-Керима миловидную рабыню. Разумеется, в этом не было ничего неприятного, но прежде нужно было за-пастьись решимостью, а главное, иметь деньги. Правда, ради этого мне пришлось пожертвовать путешествием в Палестину, входившую в мой маршрут. За пять кошельков, которых стоила мне эта смуглая малайская дева, я мог бы посетить Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Мертвое море и реку Иордан! Словно наказанный богом пророк, я остановился у пределов земли обетованной и с горных высот лишь кидал на нее грустные взоры. Люди здравомыслящие утверждают, что нужно поступать, как заведено, и нечего разыгрывать из себя турка, если ты всего-навсего простой христианин из Европы. Правы ли они? Как знать!

Возможно, я действовал неразумно, возможно, я привязал себе камень на шею, возможно, я взвалил на себя огромную моральную ответственность, но разве не следует все же принимать во внимание волю рока, которая вершит всем в этой части света? Именно року стало угодно, чтобы звезда бедняжки Зейнаб встретила с моей звездой и чтобы я изменил, возможно, к лучшему ее судьбу. Неосторожность? Опять вы со своими европейскими предрассудками! Кто знает, возможно, углубись я один в пустыню и будь я богаче на пять кошельков, на меня напала бы, ограбила и убила орда бедуинов, издали почуявшая мое богатство. Пустое! Все к лучшему, что не к худшему! Это давно подтвердила народная мудрость.

Наверное, ты заключил из моих слов, что я намереваюсь взять в жены восточную рабыню и столь примитивным способом избавиться от угрызений совести? Ты ведь знаешь, насколько я щепетилен и что мне никогда не придет в голову мысль перепродать ее; я предложил ей свободу, но она отказалась, и по очень простой причине: она не сумела бы ею распорядиться. Кроме того, я не внес необходимого дополнения к столь благородной жертве, то есть не предоставил ей денежного обеспечения, которое позволило бы вольноотпущеннице безбедно существовать; мне объяснили, что так принято поступать в подобных случаях. Чтобы ты понял всю сложность моего положения, я должен тебе рассказать, что произошло со мной на днях.

ПОСЕЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПАНСИОНА

После поездки в горы я вернулся в пансион мадам Карлес, куда поместил бедную Зейнаб, чтобы не подвергать ее опасностям путешествия. Пансион находится в одном

из тех высоких домов в итальянском стиле, где степы строений с внутренней галереей образуют то ли обширный двор, то ли террасу, защищенную от солнца полосатым навесом. Когда-то здесь помещалось французское консульство, и на фронтонах еще сохранились гербы с некогда позолоченными лилиями. В круглых ямах, вырытых между плитами двора, растут гранатовые и апельсиновые деревья, что слегка скрашивает этот уголок, наглухо изолированный от живой природы. Бедные воспитанницы пансиона видят лишь лоскуток синего неба в кружеве фриз, по которому изредка пролетают голуби с соседней мечети. Уже от дверей до меня донесся гул зазубриваемых уроков, я поднялся на второй этаж и очутился на галерее, ведущей во внутренние помещения. Там стоял диван, на котором возлежала мадам Карлес, а вокруг на индийских циновках по-турецки сидели воспитанницы. В одной из двух самых старших я узнал рабыню, которая кинулась ко мне с радостными криками.

Мадам Карлес поспешно отвела нас в свою комнату, оставив за старшую одну из учениц, первым движением которой, столь естественным для местных женщин, было спрятать лицо, прикрыв его книгой. Значит, она не христианка, подумал я, те не боятся показывать лица у себя дома. Длинные белокурые косы с вплетенными туда шелковыми ленточками, белые точеные руки с длинными ногтями — свидетельство благородного происхождения — вот все, что у меня осталось в памяти от этого грациозного видения. К тому же я не подумал, что с этой стороны меня может подстерегать опасность, мне не терпелось узнать, как чувствует себя рабыня в новом положении. Бедняжка! Она плакала горячими слезами, прижимая ко лбу мою руку. Я был очень взволнован, еще не зная, то ли она хочет мне пожаловаться на что-то, то ли мое долгое отсутствие вызвало этот прилив чувств.

Я спросил, хорошо ли ей живется в этом доме. Она кинулась на шею своей наставнице со словами, что та ей как мать.

— Она очень мила, — сказала мне мадам Карлес со своим провансальским акцентом, — но ничего не хочет делать, разве что выучила с младшими несколько слов, вот и все. Учиться писать или шить она не желает. Я ее предупредила, что наказывать не буду, но, когда вернется хозяин, пусть сам решает, что с ней делать.

Слова мадам Карлес очень меня расстроили; я-то полагал, что, обучив эту девушку всему необходимому для

самостоятельного существования, я тем самым решу вопрос о ее будущем; я находился сейчас в положении отца семейства, все планы которого рушатся из-за злой воли или лености его отпрыска. Но в то же время я не обладал законными правами отца. Во всяком случае, я постарался принять самый суровый вид и с помощью хозяйки имел с рабыней следующую беседу.

— Почему ты не хочешь учиться шить?

— Потому что меня сразу же сделают служанкой, когда увидят, что я выполняю ее работу.

— Жены христиан свободны, но все работают, не будучи служанками.

— Но я же не выйду замуж за христианина,— ответила рабыня,— у нас муж должен подарить жене служанку!

Я хотел было сказать ей, что быть рабыней хуже, чем служанкой, но вспомнил, как она проводила различие между положением кадины и положением одалисок, которым предназначено работать.

— Ну а почему,— продолжал я,— ты не хочешь учиться писать? Тебе бы стали давать уроки пения и танцев; это ведь не работа служанки.

— Нет, но все эти занятия для альмей, бездельниц, а мне хочется остаться такой, какая я есть.

Известно, как сильна власть предрассудков над европейскими женщинами; что же касается женщин Востока, то побороть их предрассудки вообще невозможно из-за их невежества и живучести древних традиций. Они скорее согласятся расстаться со своей верой, чем с представлениями, затрагивающими их самолюбие. Мадам Карлес сказала мне:

— Не волнуйтесь, как только она перейдет в нашу веру, она увидит, что христианки работают, не теряя при этом своего достоинства, и тогда научится всему. Она уже несколько раз была на службе в монастыре капуцинов, и настоятель был очень тронут ее благочестием.

— Это еще ничего не значит,— возразил я,— я видел в Каире, как юродивые и дервиши заходили в церковь, то ли из любопытства, то ли послушать музыку, и проявляли при этом достаточно уважения.

На столе перед нами лежал Новый завет на французском языке; я машинально открыл книгу и нашел вначале изображение Иисуса Христа, а дальше — девы Марии. Пока я рассматривал гравюры, рабыня подседа ко мне и произнесла, указывая пальцем: «Иса! (Иисус), Мариа

(Мария)!»! Я с улыбкой поднес раскрытую книгу к ее губам, но она в ужасе отшатнулась и закричала:

— *Мафиш!* (Ни за что!)

— Почему же? — спросил я. — Разве ваша вера не почитает Ису как пророка, а Мариам как одну из трех святых жен?

— Да, но там сказано: «Не сотвори себе кумпра».

— Как видите, — сказал я мадам Карлес, — мы не слишком продвинулись в нашей беседе.

— Терпение, терпение, — ответила мадам Карлес.

'АКИЛА ⁹³

Я был в полном смятении. Недавно я сравнивал себя с отцом; я и впрямь испытывал какие-то отцовские чувства к этой бедной девушке, у которой больше не было никого на свете. В этом наверняка и заключается одна из привлекательнейших сторон рабства, как его понимают на Востоке. Неужто идея обладания, которая так крепко привязывает нас к вещам и животным, теряет свою силу, если речь идет о существах нам подобных? Я не имею в виду несчастных черных невольников из христианских стран, а говорю только о рабах мусульман, положение которых определяется религией и обычаями.

Я взял за руку бедную Зейнаб и посмотрел на нее с такой нежностью, которая, безусловно, сбила с толку мадам Карлес.

— Я не раз говорила ей, — сказала она, — подумай хорошенько, если ты станешь христианкой, твой хозяин, может быть, возьмет тебя в жены и увезет в свою страну.

— О мадам Карлес, — воскликнул я, — не слишком ли вы спешите в своей системе обращения... Что за мысли у вас!

Я еще не думал над таким решением... Конечно, весьма печально, уезжая в Европу и покидая Восток, не зная, как поступить с купленной рабыней, но жениться на ней! Это было бы уж слишком по-христиански! Нет, мадам Карлес, даже не помышляйте об этом! Ей уже восемнадцать лет, а на Востоке это немало; ее красоты хватит лет эдак на десять, а затем я, еще молодой человек, окажусь мужем азиатской женщины, у которой на лбу и на груди вытатуировано солнце, а в левой ноздре отверстие от вдевавшегося туда кольца. И если рабыня очень хороша в левантинском наряде, то в европейской одежде будет вы-

глядеть ужасно. Представьте себе, как я появлюсь в какой-нибудь гостиной об руку с красоткой во вкусе антропофагов! И для нее, и для меня это было бы нелепо. Нет, совесть не требует от меня такой жертвы, да и мое отношение к ней восстает против подобной развязки. Конечно, я дорожу своей рабыней, но в конце концов у нее были и другие хозяева. Она невежественна и не хочет учиться. Как можно поставить вровень с собой женщину, которая не просто вульгарна или глупа, а элементарно неграмотна? Поймет ли она со временем необходимость учения и труда? К тому же, честно говоря, я вообще опасаясь, может ли установиться искренняя привязанность между представителями столь разных народов.

И все-таки мне будет трудно расстаться с этой женщиной...

Как объяснить столь нелогичные рассуждения, противоречивые мысли, которые смешались сейчас у меня в голове? Я встал, словно куда-то спешу, чтобы уклониться от прямого ответа, которого ждала от меня мадам Карлес, и мы вышли на галерею, где девочки продолжали занятия под присмотром старшей. Рабыня бросилась ей на шею, помешав спрятать лицо, как это было, когда я вошел первый раз.

— *Иа махбуба!* (Это моя любимая подруга!) — закричала она.

И я смог полюбоваться лицом девушки, в котором европейская белизна сочеталась с точеным орлиным носом, придающим лицам нечто царственное. Гордый вид, смягченный изящными чертами, свидетельствовал о ее уме, а серьезность сделала особенно значительной улыбку, которой она ответила на мое приветствие. Мадам Карлес сказала:

— Бедняжка незаурядна, отец ее был шейхом в горах. К несчастью, туркам недавно удалось взять его в плен. Он имел неосторожность появиться в Бейруте во время волнений, и его посадили в тюрьму за то, что он с тысяча восемьсот сорокового года не платил налогов. Он не желает признавать нынешнюю власть, за это на его имущество был наложен секвестр. Оказавшись под арестом, покинутый всеми, он вызвал сюда дочь, но она может навещать его только раз в день; остальное время она проводит здесь. Я занимаюсь с ней итальянским, а она учит девочек арабскому литературному языку... ведь она очень образованна. По обычаям ее народа, женщины определенного происхождения могут учиться и даже заниматься различными

промыслами, что у мусульман считается недостойным занятием.

— Кто же она? — спросил я.

— Она из друзей, — ответила мадам Карлес.

Тогда я стал внимательнее разглядывать девушку, она поняла, что речь идет о ней, и слегка смутилась. Рабыня полулежала рядом с ней на диване и играла ее длинными косами.

Мадам Карлес сказала:

— Они хорошо ладят и неразлучны. Им доставляет удовольствие разговаривать друг с другом, поскольку остальные девочки еще малы. Я иногда говорю вашей девушке: «Бери пример со своей подруги, учись...», но ей нравится целый день играть и петь песни. Что поделаешь? Когда они попадают к нам так поздно, трудно что-нибудь изменить.

Я почти не обращал внимания на эти жалобы славной мадам Карлес, которые становились еще более проникновенными от ее провансальского акцента.

Стараясь убедить меня в своей невинности в столь незначительных успехах рабыни, мадам Карлес не замечала, что мысли мои обращены к другой ее воспитаннице. Однако ж я не осмеливался слишком явно проявлять свое любопытство, понимая, что не следует злоупотреблять простодушием этой славной женщины, привыкшей иметь дело с отцами семейств, лицами духовного звания и прочими серьезными людьми...

Опершись на перила галереи с задумчивым видом и опустив голову, я воспользовался южной словоохотливостью достопочтенной наставницы, чтобы любоваться очаровательной картиной, представшей перед моим взором. Рабыня сравнивала свою руку с рукой подруги; она весело продолжала разыгрывать эту пантомиму, приблизив свои темные косы к белокурым волосам соседки, а та смеялась над этими ребяческими выходками. Разумеется, рабыня не считала, что эти сравнения для нее невыгодны, а лишь искала повод поиграть и посмеяться с наивной увлеченностью, свойственной обитателям Востока; однако для меня в этом зрелище таилось опасное очарование, и я не преминул в этом убедиться.

— Но как случилось, — спросил я мадам Карлес слово из праздного любопытства, — что эта бедная девушка попала в христианскую школу?

— В Бейруте нет учебных заведений для друзей, нет и женских школ; таким образом, единственным подходя-

щим для нее местом оказался мой пансион. А кроме того, вы, возможно, знаете, что в верованиях друзей есть много общего с нашими: они признают Библию и Евангелие, почитают могилы наших святых.

Я не решился больше продолжать свои расспросы. Я чувствовал, что мое присутствие мешает занятиям, а малышки, казалось, о чем-то переговаривались с удивленным видом. Не следовало более нарушать привычный порядок этого заведения; мне хотелось остаться одному, чтобы поразмыслить над множеством новых проблем, возникших сегодня передо мной.

Я попрощался с мадам Карлес и пообещал навестить ее на следующий день.

Читая строки моего дневника, ты, наверное, посмеешься над моим интересом к юной арабской девушке, которую я случайно увидел на школьной скамье? Ты не веришь в любовь с первого взгляда, зная, что я достаточно искушен, поэтому не слишком серьезно относишься к подобным новостям, ты, наверное, делаешь скидку на влияние климата, на мою склонность увлекаться, на поэзию пейзажей, на восточные одежды — короче, на все эти декорации в виде гор и моря, на особую роль воспоминаний и окружения, которые будоражат душу, делая ее уязвимой для самых мимолетных впечатлений. Ты думаешь, что я не увлечен, а просто мне кажется, что я увлекся, словно в конечном итоге это не одно и то же.

Я слышал, как вполне серьезные люди утверждали, смеясь, что любовь придумана для актрис, королей, поэтов, для всех тех, кто, по их мнению, живет скорее воображением, нежели чувствами, но из-за безумной любви люди сходят с ума, гибнут, растрачивают понапрасну время, состояние, силы. Да, мне кажется, что я влюблен, да, мне кажется, что я болен, разве не так? Но раз мне так кажется, значит, так оно и есть!

Я избавлю тебя от описания моих переживаний; почти все истории о влюбленных, от Плутарха до Вертера, и, если в наше время влюбленные еще встречаются, подумай, что они заслуживают большего уважения, ибо сумели восторжествовать над скепсисом, основанным на нашем опыте и наблюдениях. Но довольно праздных рассуждений!

Выходя из дома мадам Карлес, я уносил с собой любовь, словно добычу. Как я был счастлив, что у меня появились желание, цель, мечта, что-то, к чему надо стремиться!

Эта страна пробудила мои юношеские мечты и чаяния, да иначе и быть не могло; едва ступив на эту землю наших предков, прикоснувшись к благословенным источникам нашей истории и наших верований, я понял, что ход времени нарушен, я снова почувствовал себя юным в этой колыбели человечества, ощутил свою молодость под сенью этой вечной юности.

Погруженный в свои мысли, я шел по городу, не обращая внимания на сутолоку толпы. Я спешил в горы, к прохладе, я знал, что стрелка моей судьбы внезапно сместилась; нужно было придумать, как заставить ее занять определенное положение. Если выйти из ворот в городской стене со стороны, противоположной морю, попадаешь на развилку дорог, вдоль которых тянутся дома с тенистыми садами; выше над ними растут приморские сосны, высаженные здесь два века назад, чтобы остановить продвижение песков, угрожавших бейрутскому мысу. Красноватые сосны, высаженные в шахматном порядке, занимают пространство в несколько лье, напоминая колонны храма, воздвигнутого вечной Природой. Он высится с одной стороны над морем, с другой — над пустыней, над этими двумя мрачными ликами земли. Я уже раньше приходил в эти места помечтать, поразмышлять над философскими проблемами, которые всегда волнуют праздный ум при виде столь величественного зрелища.

Теперь мои мысли не казались столь бесплодными; я был неодинок, будущее представлялось мне в виде ослепительной картины: предо мной явилась та идеальная женщина, которую каждый видит в своих грезах, все остальное отныне ничего не значило.

Мне неловко признаться, какая заурадная обыденность прервала мои высокие мечты; когда я двигался по тропинке из красного песка, мне преградил путь огромный жук, толкавший перед собой шарик размерами больше его самого; то была разновидность навозного жука, напоминавшего египетских скарабеев, несущих над головой земной шар. Зная, насколько я суеверен, ты, должно быть, решил, что я усмотрел в этом какое-нибудь дурное предзнаменование. И впрямь, я повернул обратно, думая о препятствиях, которые мне придется преодолевать.

Назавтра я поспешил к мадам Карлес. Желая как-то объяснить столь скорый визит, я сперва отправился на базар и купил там женские украшения, платки из Бурсы, несколько пиков⁹⁷ тонкого шелка, украшенного витыми шнурами и фестонами, на отделку платья, а также гир-

лянды искусственных цветов, которые левантинки вплетают в косы.

Когда я принес все это рабыне, которую мадам Карлес вызвала в свою комнату, та с радостными восклицаниями ринулась на галерею, чтобы показать подруге свои богатства. Я пошел за ней следом, попросив извинения у мадам Карлес, что стал невольным виновником такого безумного ликования; но уже весь класс в восхищении сгрудился вокруг рабыни, а друская девушка бросила на меня внимательный смеющийся взгляд, который взволновал меня до глубины души. О чем она думала, спрашивал я себя, наверное, считала, что я увлечен рабыней, а подарки — знак моей привязанности. Все это не слишком подходило к школьной одежде; мне следовало бы купить более практичные вещи, например бабуши — те, что носит Зейнаб, уже совсем стоптаны — или новое платье вместо отделок к старому. То же отметила и мадам Карлес, благосклонно присоединившись к своим воспитанницам: «Такие великолепные отделки требуют красивых платьев!»

— Вот видишь, — сказала она рабыне, — если бы ты научилась шить, сиди (господин) купил бы тебе на базаре семь или восемь пиков тафты, и ты бы могла сама сделать себе роскошное платье.

Но разумеется, рабыня предпочитала готовое. Мне показалось, что друская девушка с грустью смотрела на украшения, которые были ей не по средствам, как, впрочем, и самой рабыне, если принять в расчет мои возможности; я купил их наугад, не слишком задумываясь, подойдут ли они и во что это мне обойдется. Ясно, что кружева требуют бархатного или атласного платья; я оказался в затруднительном положении по собственной неосторожности. К тому же все выглядело так, словно я взялся играть роль богача, стремящегося, как говорят у нас, к азиатской роскоши, а в Азии принято считать европейской роскошью.

Однако я решил, что подобное предположение мне на руку. Увы, женщины везде одинаковы! Возможно, и мадам Карлес прониклась теперь ко мне большим почтением и в моих расспросах о друской девушке не станет искать ничего, кроме обычного любопытства приезжего. Я без труда дал ей понять, что то небольшое, что она сообщила мне в первый день о злключениях отца девушки, вызвало у меня интерес.

— Вполне возможно, — сказал я наставнице, — что я смогу быть полезным этим людям; я знаком с одним из служащих паши, а кроме того, как вы понимаете, евро-

пеец с некоторыми связями пользуется влиянием у консулов.

— Конечно, сделайте это, если можете, — воскликнула мадам Карлес со своей южной горячностью, — она этого вполне заслуживает, да и отец ее тоже, разумеется. Он из тех, кого называют *акил*, святой человек, ученый, а дочь, которой он дал образование, тоже зовется среди своих *акила ситти* («сведущая госпожа», или «разумная»).

— Но это только прозвище, — сказал я, — а как ее имя?

— Ее зовут Салема, а второе имя у нее такое же, как и у всех женщин духовного сословия. Бедное дитя, — добавила мадам Карлес, — я сделала все возможное, чтобы убедить ее принять христианство, но она утверждает, что ее религия ничем не отличается от нашей, что она верит в то же, во что верим мы, и тоже ходит в церковь... Что вам еще сказать? Эти люди заодно с турками; ваша рабыня, мусульманка, сказала мне, что тоже уважает их верования; теперь я вообще с ней об этом не заговариваю. Хотя замечу, когда верят во все, значит, ни во что не верят.

ДРУЗСКИЙ ШЕЙХ

Выйдя из пансиона, я сразу же направился во дворец, паши, поскольку торопился оказать услугу юной *акиле ситти*. Мой друг армянин находился на своем обычном месте, в приемной, и я спросил у него, знает ли он что-нибудь о задержании друзского шейха, посаженного в тюрьму за неуплату налогов.

— Наверное, дело обстоит гораздо серьезнее, — сказал он, — ведь все друзские шейхи уже три года не платят миру. Не иначе, как речь идет о каком-нибудь особом нарушении закона.

Он пошел справиться об этом деле у других служащих и скоро сообщил мне, что шейх Сеид Эшшерази обвиняется в чтении крамольных проповедей.

— Он был опасным человеком во время волнений, — добавил армянин. — К тому же паша Бейрута не вправе освободить его, это может сделать только паша Аккры.

— Паша Аккры! — вскричал я. — Но ведь у меня есть к нему рекомендательное письмо: я был лично знаком с ним в Париже!

Я проявил такую бурную радость при этом известии, что армянин, наверное, подумал, что я безумен. Правда, он не догадывался об истинной причине моих чувств.

Ничто так не разжигает любовь, как неожиданные обстоятельства, пусть даже самые незначительные, они словно выражают волю судьбы. Вдруг в однообразной чередке дней вы видите перед собой линию, начертанную злым роком или провидением, и идете по ней, даже не зная куда.

Я сразу же вообразил, что у меня на роду написано жениться в Сирии и что судьбе угодно так тщательно подготовить это важное событие, что, прежде чем оно свершится, должно произойти множество других, причудливо связанных между собой обстоятельств, зависимость между которыми я явно преувеличивал.

С помощью армянина я легко получил пропуск в государственную тюрьму, находящуюся в башнях в восточной стене города. Мы отправились туда вдвоем, и за бакшиш, данный тюремщикам, мне удалось попросить дружеского шейха принять меня. Это ни у кого не вызвало недоумения, поскольку на Востоке широко известна любознательность европейцев. Я ожидал увидеть мрачные камеры, сырые стены, карцеры, но ничего подобного не оказалось. Это здание ничем не отличалось от остальных домов в Бейруте (что, впрочем, говорит не в их пользу), разве что присутствием надзирателей и солдат.

Шейх располагался в настоящих апартаментах и имел право прогуливаться по террасам. Он принял нас в комнате, служащей приемной, и велел своему рабу принести кофе и трубки. Сам же он, как и все акилы, не курил. Когда мы уселись и я смог внимательно его рассмотреть, то поразился его молодости; он выглядел чуть старше меня. Его мужественные и благородные черты, слегка смягченные, повторились в облике дочери; то же самое можно было сказать и о тембре голоса, что меня весьма поразило.

Не строя заранее никаких планов, я просто очень ждал этой встречи и чувствовал себя теперь взволнованным и смущенным, что, наверное, выглядело странным для простого любознательного посетителя, но сердечный прием шейха успокоил меня. Я собирался было открыть ему свои подлинные намерения, но не мог подыскать нужных слов, чтобы не выглядеть нелепо. На сей раз я ограничился беседой, какую мог бы вести на моем месте любой путешественник. Шейх уже встречался в тюрьме с несколькими англичанами и привык к расспросам о его народе и о нем самом.

К тому же положение шейха вынуждало его быть тер-

пеливым и искать общества собеседников. Мои познания относительно истории страны друзей должны были убедить его, что меня привела сюда склонность к науке. Известно, как неохотно друзья отвечают на вопросы об их религии, поэтому я употреблял лишь полувопросительную форму: «Правильно ли?..» И дальше развивал теории Нибура⁹⁸, Вольнея⁹⁹ и Саси¹⁰⁰. Друг качал головой со сдержанностью, присущей жителям Востока, и только говорил: «Неужели? Разве все обстоит именно так? Неужели христиане так образованны?.. А как удалось это узнать?» — или произносил другие, столь же уклончивые фразы.

Я понял, что на сей раз большего от него не добиться. Мы беседовали по-итальянски, которым шейх владел довольно хорошо. Я попросил разрешения вновь посетить его, чтобы показать несколько фрагментов из истории великого эмира Фахр ад-Дина, которую я якобы писал. Я предвидел, что национальная гордость заставит его по меньшей мере несколько приукрасить события в пользу его народа, и не ошибся. Возможно, он понял, что во времена, когда Европа оказывала такое влияние на положение восточных стран, следовало сделать доступнее тайное учение друзей, тем более что его уже невозможно было скрыть от исследований европейских ученых.

— Представьте себе на минуту, — сказал я ему, — что в наших библиотеках хранятся десятки ваших религиозных книг, которые прочитаны, переведены и прокомментированы.

— Бог велик! — ответил он, вздыхая.

Думаю, что на сей раз он принял меня за миссионера, хотя ничем этого не выдал, и попросил меня вновь навестить его, раз мне это доставляет удовольствие.

Я могу лишь кратко изложить здесь мои беседы с дружеским шейхом, во время которых он стремился изменить мои представления о его религии, почерпнутые из взятых наугад отрывков арабских книг, переведенных и прокомментированных европейскими учеными. Раньше все это было тайной для иностранцев, и друзья тщательно прятали свои книги вдали от домов и храмов.

Только во время войн, которые им приходилось вести то с турками, то с маронитами, удалось собрать довольно много этих рукописей и составить в целом представление об их учении; но было бы удивительно, если бы с течением времени религия, насчитывающая восемь веков существования и включавшая в себя различные секты, не обросла бы массой досужих домыслов. Некоторые авторы усмот-

религ в этой религии одно из убедительных доказательств человеческой странности; другие с жаром говорили о связи между религией друзов и учением античных тайных союзов. Друзов сравнивали то с пифагорейцами, то с яссенистами, то с гностиками и, кажется, даже установили, что тамплиеры, розенкрейцеры и современные франкмасоны многое позаимствовали у друзов. Нет сомнений и в том, что летописцы крестовых походов часто путали их с исмаилитами, одной из сект которых была знаменитая организация ассасинов («убийц»), в свое время вселявшая ужас в правителей всего мира; но исмаилиты жили в Курдистане, а их шейх аль-джебель, или горный старец, не имел никакого отношения к эмиру Горного Ливана.

Одна из особенностей религии друзов состоит в том, что она считает себя последним откровением, данным людям. Ее мессия и в самом деле явился около 1000 года, примерно четыреста лет спустя после Мухаммеда. Как и у христиан, он принял образ человека. Но он выбрал свою брэнную оболочку настолько удачно, что даже на земле смог вести райское существование, ибо стал не кем иным, как повелителем правоверных, халифом Египта и Сирии, по сравнению с которым в том славном 1000 году все остальные государи выглядели весьма скромно. В момент его рождения все планеты находились в созвездии Рака и в небе ярко светил Фаруис (Сатурн). Природа наделила его всем необходимым для роли властелина: у него было волевое лицо, зычный голос, напоминающий раскаты грома, и темно-синие глаза, взгляд которых не всякий мог выдержать. Кажется невероятным, что властелин, наделенный такими достоинствами, не смог внушить подданным, что он — бог. Хаким нашел лишь небольшое число последователей среди своего народа. Напрасно велел он закрывать мечети, церкви и синагоги, напрасно учреждал дома мудрости, где нанятые им богословы доказывали его божественную сущность: народ отвергал в нем бога, продолжая почитать как государя. Наследник всемогущих Фатимидов добился меньшей власти над душами, чем сын плотника в Иерусалиме и погонщик верблюдов в Медине. Только будущее сохранило ему пусть малочисленный, как некогда еврейский, но истинно верующий в его учение народ, который стал считать себя носителем подлинного закона, вечной истины, тайны грядущего. В ближайшее время Хаким должен явиться в новом облике и повсеместно утвердить первенство своего народа, который

блеском и мощью затмит мусульман и христиан. По дружским книгам, это время наступит тогда, когда христиане восторжествуют над мусульманами на всем Востоке.

У леди Станхоуп ¹⁰¹, жившей среди друзов и воспринявшей их идеи, как известно, стояла наготове лошадь для Махди, апокалипсического персонажа, которого она надеялась сопровождать в его триумфальном шествии. Не секрет, что этим чаяниям не суждено было сбыться. Однако лошадь, предназначавшаяся Махди, со складками на спине, образующими своего рода естественное седло, и в самом деле существует и впоследствии попала к одному из друзских шейхов.

Вправе ли мы относиться ко всему этому как к проявлению безумства? Ведь нет ни одной современной религии, в которой бы не было подобных концепций. Более того, верования друзов не что иное, как синкретизм всех предшествовавших религий и философий.

Друзы признают лишь одного бога — Хакима, но этот бог, как Будда у индусов, предстает миру в различных ипостасях. Он десять раз воплощался в десяти разных местах: сначала в Индии, потом в Персии, в Йемене, в Тунисе и т. д. Эти места друзы называют «стоянками».

На небе Хаким зовется Альбаром.

За ним идут пять служителей, непосредственных эманацій божества, их имена: Гавриил, Михаил, Исрафил, Азраил и Метатрун. Они воплощают Разум, Душу, Слово, Предтечу и Последователя. Далее следуют три служителя рангом ниже: Усердие, Открытие и Призрак; у них есть и человеческие имена при их различных воплощениях, ибо они время от времени также принимают участие в великой драме человеческого существования.

Согласно катехизису друзов, главный пророк по имени Хамза, он же Гавриил, являлся миру семь раз: во времена Адама он звался Шатнил, позднее — Пифагор, Давид, Шуайб; во времена Иисуса он был настоящим мессией и назывался Элезар; при Мухаммеде — Сальман аль-Фарпси, и, наконец, под именем Хамза он был пророком Хакима, бога и халифа, подлинного создателя религии друзов.

Вот вам пример веры, где человечество непрестанно находится под божественным оком. Периоды, когда небесные силы вторгаются в земную жизнь, именуются обращениями. Всякий раз, когда род людской сбивается с пути истинного и забывает о своем долге, всевышний и его ангелы принимают человеческий облик, спускаются

на землю и, не прибегая к божественным средствам, восстанавливают нормальный ход событий.

По сути дела, это та же идея христианства, но с более частым вмешательством божества, идея христианства без Христа, потому что друзья считают, что апостолы выдали евреям лжемессию, который пожертвовал собой ради спасения другого, подлинного (Хамзы), а тот находился среди своих учеников под именем Элеазар и лишь нашептывал свои мысли Иисусу, сыну Иосифа. Евангелистов друзья именуют «столпами мудрости» и именно так истолковывают их учение. Они не поклоняются кресту и не принимают мысль о том, что бога могли убить люди.

Теперь же благодаря этой системе сменяющих друг друга религиозных откровений друзья признают мусульманское учение — правда, без Мухаммеда. Все тот же Хамза под именем Сальмана аль-Фариси посеял это новое слово. Позднее благодаря последнему воплощению Хакима и Хамзы были соединены воедино разные догмы, которые семь раз были поведаны миру со времен Адама: при Енохе, Ное, Аврааме, Моисее, Пифагоре, Христе и Мухаммеде.

Отсюда видно, что учение друзов в основе своей покоится на особом толковании Библии, потому что во всей этой религиозной системе нет места тем божествам, которым поклонялись язычники, и только Пифагор выпадает из этого пестрого списка. Все это помогает также понять, почему друзов принимали то за мусульман, то за христиан.

Мы насчитали восемь небожителей, спускавшихся на землю; одни, как Христос, действовали словом, другие, как боги у Гомера, — оружием. Конечно, существовали и ангелы тьмы, выполняющие противоположную миссию. Кроме того, в мировой истории, написанной друзами, каждый из семи периодов интересен как грандиозное действие, когда вечные враги, приняв человеческое обличье, ищут и узнают друг друга по превосходству над остальными людьми или по проявлению божественного гнева.

Таким образом, дух зла являлся поочередно то иблисом, или змеем, то Мафусаилом, царем города гигантов, в эпоху всемирного потопа, то Нимродом во времена Авраама, то фараоном во времена Моисея, позднее Антионом, Иродом и другими чудовищными тиранами в сопровождении страшных аколитов¹⁰², которые возрождались в эти эпохи, чтобы разрушить царствие господина. Учения некоторых сект гласят, что появление духа зла подчинено

тысячелетнему циклу, который зависит от определенных небесных светил; в этом случае эпоху Мухаммеда нельзя считать периодическим обращением, мистическая драма, всякий раз обновляющая лик земли, предстает то потерянными раем, то потопом, то бегством в Египет, то царствованием Соломона; миссия Христа и правление Хакима являются двумя последними картинами этой драмы. С этой точки зрения Махди может теперь появиться не раньше 2000 года.

Во всем этом учении вы не найдете ни слова о первородном грехе, в нем не сулят ни рая праведникам, ни ада грешникам. Награда и искушение свершаются на земле, когда души возвращаются на нее в иной телесной оболочке. Красоту, богатство, власть получают избранные; неверные же становятся рабами, немощными или страждущими. Праведная жизнь может дать им то социальное положение, которого прежде они были лишены, а на их месте может оказаться сильно возомнивший о себе избранный.

Что же касается переселения душ, то все очень просто: число людей на земле не меняется. Каждую секунду кто-то рождается и кто-то умирает; уходящую душу притягивает к себе новая телесная оболочка, а обмен судеб вершат звезды; однако люди в отличие от небесных духов не сознают переселения своих душ. Тем не менее правверные, поднимаясь по девяти ступеням посвящения, мало-помалу могут прийти к постижению вещей и самих себя. Это благо даровано акилам, но каждый друг может достичь этого звания учением и добродетелью. Те, кто лишь следует законам, не вдаваясь в премудрости, зовутся *джахилиями*, то есть несведущими. Они сохраняют за собой возможность возвыситься в иной жизни и очистить свои души, слишком привязанные к грубой материи.

Что касается христиан, евреев, мусульман и идолопоклонников, то их положение гораздо ниже. Однако, к чести религии друзей, следует сказать, что это, быть может, единственная из религий, которая не обрекает своих противников на вечные муки. Когда вновь явится мессия, то друзья за их заслуги будут поставлены во главе всех государств. Остальные народы перейдут в ранг слуг, рабов и ремесленников. Шейх, правда, утешил меня тем, что с христианами будут обращаться не худшим образом. Что ж, одна надежда на то, что друзья окажутся добрыми господами.

Эти беседы были для меня настолько поучительны, что

мне захотелось наконец познакомиться с жизнеописанием знаменитого Хакима, которого историки изображали свирепым безумцем — не то Нероном, не то Гелиогабалом. Я же понимал, что друзья поведение Хакима объясняли совсем иначе.

Добрый шейх не слишком сетовал на мои частые визиты; к тому же он знал, что я могу ходатайствовать за него перед пашой Аккры. Поэтому он сообразовал изложить мне со всей пышностью, присущей арабским романам, историю Хакима, которую я записал почти дословно. На Востоке любая история превращается в сказку. Однако главные события этой легенды подлинные. Посетив и изучив сегодняшний Каир, я был весьма доволен тем, что в семьях, сосланных из Египта в Сирию восемь веков назад, я сумел отыскать воспоминания о древнем Каире.

ГАШИШ

На правом берегу Нила, недалеко от горы аль-Мукаттам, возвышающейся над новым городом, близ пристаней Фустата, где покоятся руины Старого Каира, примерно в 1000 году христианского летосчисления, что соответствует четвертому веку хиджры, была расположена небольшая деревня, обитатели которой в основном принадлежали к секте сабейцев.

За последними домами, стоящими на берегу реки, открывается живописный вид: воды Нила тихо плещутся у острова Рода, похожего на корзину цветов в руках невольника. На другом берегу видна Гизе, и после захода солнца в фиолетовую пелену заката врезаются гигантские треугольники пирамид. На светлом небе выделяются черные силуэты пальм, смоковниц и фиговых деревьев. Сфинксы, лежащие среди песков, похожи на сторожевых псов, охраняющих стадо буйволов, длинной чередой бредущих на водопой, и фонари рыбаков золотыми точками светятся в непроницаемой тьме.

В деревне сабейцев, откуда открывается этот великолепный вид, среди рожковых деревьев, стоит белостенный окель, террасы которого спускаются прямо к воде: по ночам лодочки, плывущие вверх и вниз по Нилу, видят, как в доме горят огоньки. Любопытный путешественник, находясь в фелюге посередине реки, может рассмотреть сквозь кружево решеток океля, как вокруг столиков на маленьких ящиках, сплетенных из пальмовых прутьев, или на диванах, крытых циновками, расположились за всегдатаи, чье поведение вызывает удивление наблюдателя. Возбужденная жестикуляция, сменяющаяся тупой неподвижностью, бессмысленный смех, нечленораздельные крики говорят о том, что перед ним один из тех домов, где, пренебрегая запретом, неверные возбуждают себе вином, бузой (пивом) или гашишем.

Как-то вечером к одной из террас подошла лодка, гребец уверенно управлял ею, поскольку хорошо знал эти места; лодка причалила у первых ступенек, которые омывала вода, и из нее вышел юноша приятной наружности, с виду рыбак; он быстро и решительно поднялся в окель и сел в углу зала — вероятно, на свое обычное место. Никто не обратил на него внимания; очевидно, это был заведующий.

В это же время через противоположную дверь, выходящую в сад, в зал вошел человек в черном шерстяном плаще, с длинными волосами, какие не носят в этих местах, и в белой шапочке (такийя).

Его появление привлекло всеобщее внимание. Он сел в темный угол, и скоро захмелевшие посетители забыли о его присутствии. Несмотря на бедность одеяния, пришедший не был похож на нищего, отмеченного печатью униженности. Резкие черты его лица напоминали львиную маску. Глаза цвета сапфира властно притягивали к себе, вселяя и ужас и восторг одновременно.

Юсуф, так звали юношу, приплывшего по реке, почувствовал расположение к странному незнакомцу, чье появление он сразу же заметил. Юноша не участвовал в общем веселье, он подошел к дивану, на котором сидел чужестранец.

— Брат,— сказал Юсуф,— ты выглядишь усталым. Наверное, ты пришел издалека? Не хочешь ли освежиться?

— Да, путь мой был неблизок,— ответил чужестранец.— Я зашел в этот окель отдохнуть, но что мне ответить, ведь здесь подают лишь запретные напитки?

— Вы, правоверные мусульмане, осмеливаетесь смачивать губы лишь чистой водой; мы же, сабейцы, имеем право, не нарушая своих законов, утолять жажду вином или золотистым ячменным пивом.

— Но сам ты не пьешь спиртного?

— Пьянство простолюдинов претит мне,— сказал Юсуф, делая знак негру, который поставил на столик две маленькие стеклянные чашки, оплетенные серебряной филигранью, и сосуд, наполненный зеленоватой кашницей, с воткнутой туда лопаткой из слоновой кости.

— В этой чаше — рай, который твой пророк обещал правоверным, и если ты не будешь столь щепетилен, то через час очутишься в объятиях гурей, даже не проходя через мост ас-Спрат¹⁰³,— продолжал Юсуф, смеясь.

— Но ведь, насколько я понимаю, это гашиш,— ска-

зал незнакомец, отодвигая чашку, в которую Юсуф уже положил порцию фантастической смеси.— А гашиш запрещен.

— Все, что приятно, то запрещено,— возразил Юсуф, проглотив первую ложку кашицы.

Незнакомец в упор посмотрел на него своими синими глазами и так сильно нахмурил лоб, что натянулась даже кожа на голове; казалось, он вот-вот кинется на беззаботного юношу и разорвет его в клочья; но он сдержался, морщины на лбу разгладлись, и, внезапно решившись, он взял чашку и стал пробовать зеленую смесь.

Через несколько минут Юсуф и незнакомец уже ощутили действие гашиша, ими овладела приятная истома, на губах заиграла блаженная улыбка. Хотя они были знакомы от силы полчаса, им казалось, что они знают друг друга вечность. Действие наркотика усиливалось, они начали хохотать, возбужденно о чем-то рассказывать, особенно громко говорил чужестранец. Строго соблюдая запреты, он впервые отведал гашиша и сразу же испытал на себе его действие. Он выглядел страшно возбужденным: вихрем сменялись в его голове отрывки непонятных, неведомых, странных мыслей; глаза горели, словно освещенные пзнутри отблесками незнакомого мира, какое-то сверхъестественное величие сквозило в его манерах, затем наступило расслабление, и он мягко опустился на пол, находясь под блаженным действием кейфа.

— Ну, приятель,— спросил Юсуф, который, кажется, успел заметить эту вспышку в поведении опьяненного пзнакомца,— что тебе пригрезилось от простого фисташкового варенья? Будешь ли ты теперь предавать анафеме славных людей, которые собираются здесь, чтобы быть по-своему счастливыми?

— Гашиш уподобляет человека богу,— ответил незнакомец медленно и громко.

— Да,— горячо подхватил Юсуф,— тем, кто пьет воду, знакома лишь грубая, матерпальная оболочка вещей. Опьянение, заволакивая пеленой взор, открывает глаза души; дух вырывается из своей темницы — человеческого тела, словно пленник от уснувшего стража, оставившего ключ в двери. Радостный и свободный, он блуждает на просторе, беседуя с ангелами, которые озаряют его неожиданными и чудесными откровениями. Одним взмахом крыльев он переносится в атмосферу неслыханного счастья, и эти мгновения длятся вечность, так быстро сменяются ощущения. Я вижу, казалось бы, один и тот

Остров Рода

же, но в то же время другой сон: я сажусь в лодку, напевая от радости, которой наполняют меня эти видения, и закрываю глаза от немеркнувшего сверкания гиацинтов, карбункулов, изумрудов, рубинов, на их фоне разворачиваются замечательные фантастические зрелища, я вижу где-то в бесконечности небесное создание, прекраснее, чем все, описанное до сих пор поэтами, оно удивительно мягко улыбается мне и спускается за мной с небес. Ангел это или пэри? Не знаю. Она садится ко мне в лодку, и грубое дерево сразу же превращается в перламутр, мы плывем по серебряной реке, и легкий ветер несет с собой ароматы.

— Странное и благодное видение! — прошептал незнакомец, покачав головой.

— Это не все, — продолжал Юсуф. — Как-то вечером я принял меньшую дозу и очнулся от опьянения, когда лодка подплывала к острову Рода. На меня смотрела женщина, похожая на мое видение. Ее глаза, даже если они принадлежали человеческому существу, не утратили своего божественного блеска; из-под накидки в лунном свете мерцало одеяние, усыпанное драгоценными камнями. Я дотронулся до ее руки — мягкая, прохладная, нежная кожа, словно лепестки цветка; я укололся об оправу ее кольца и окончательно пробудился.

— Близ острова Рода? — спросил незнакомец задумчиво.

— Я не спал,— продолжал Юсуф, не обращая внимания на слова своего слушателя,— гашиш лишь оживил воспоминание, спрятанное в затаенных уголках души, потому что этот божественный лик был мне знаком. Но где я мог его видеть? На каком свете мы встречались? В какой прежней жизни мы могли сталкиваться? Этого я не знаю, но странная встреча, непонятное приключение ничуть меня не удивили: мне показалось естественным, что эта женщина, воплощение моего идеала, очутилась у меня в лодке посреди Нила, словно вышла из какого-то речного цветка.

Не требуя никаких объяснений, я бросился к ее ногам и как своей воплощенной мечте сказал ей все пылкие и возвышенные слова, которые приходят на ум в часы любовного экстаза; я произносил слова, полные глубокого смысла, фразы, в которых заключались бездны мудрости, мои речи таили отзвук исчезнувших миров. Душа моя переполнялась величием прошлого и будущего: мне казалось, что любовь, которую я испытывал, была чувством, вмещавшим в себя вечность.

По мере того как я говорил, ее огромные глаза заблестели и сделались лучистыми; она протянула ко мне свои прозрачные руки, и они засияли в ночи. Я почувствовал, что словно объят пламенем, и снова попал во власть грез. Когда я очнулся от сладостного забытья, овладевшего всем моим существом, я уже лежал под пальмой на противоположном берегу, а мой черный раб мирно спал около стоящей на песке лодки. На горизонте появились розовые отблески, занималось утро.

— Такая любовь совсем не походит на земные чувства,— сказал незнакомец, которого ничуть не смутила фантастичность рассказа Юсуфа, поскольку действие гашиша заставляет человека легко верить в любые чудеса.

— Я никому не рассказывал об этих невероятных событиях, почему я доверился тебе, незнакомому человеку? Мне трудно это понять. Что-то таинственное влечет меня к тебе. Когда ты вошел сюда, мой внутренний голос сказал мне: «Вот он наконец». Твой приход успокоил терзавшее меня смутное волнение. Ты тот, кого я ждал, сам того не ведая. Душа моя рвется тебе навстречу, и тебе я должен был открыть свою сокровенную тайну.

— Я испытываю те же самые чувства,— ответил чужестранец,— и скажу тебе то, в чем не осмеливался при-

зняться даже самому себе. Твоя страсть невозможна, моя чудовищна; ты любишь пери, я же... ты содрогнешься, я люблю свою сестру, но вместе с тем я не раскаиваюсь в своем преступном влечении. Как бы я ни судил себя, оправданием служит овладевшее мною тайное чувство, а не низменная земная любовь. К сестре меня влечет не сладострастие, хотя по красоте ее можно сравнить лишь с призраком твоих видений, это какое-то бесконечное чувство, бездонное, как море, необъятное, как небо, какое способно испытывать лишь божество. Мысль о том, что сестра моя может принадлежать какому-нибудь мужчине, кажется мне чудовищной как святотатство, ибо за ее телесной оболочкой я угадываю нечто возвышенное. Несмотря на ее земное имя, это супруга моей божественной души, дева, предназначенная мне с первых дней творения; иногда мне кажется, что через века и мрак я различаю следы нашей тайной связи. Мне на память приходят сцены, происходившие на земле до появления человека, я вижу нас обоих под золотой сенью Эдема, где нам повинуются послушные духи. Я боюсь, что, соединившись с другой женщиной, потревожу или опорочу мировую душу, которая живет во мне. От слияния нашей божественной крови может появиться бессмертная раса — верховное божество, более могущественное, чем все, известные нам до сих пор под различными именами и в разных обликах.

Пока Юсуф и чужестранец вели этот доверительный разговор, завсегда так окая в сильном опьянении то бессмысленно хохотали, предаваясь необузданному веселью, то застывали в иступлении, то судорожно извивались, но постепенно действие индийской конопли ослабевало, они успокаивались и падали на диван в полном изнеможении.

В окель вошел человек в длинной одежде, с лицом патриарха и окладистой бородой, он встал посреди зала и зычно произнес:

— Братья! Поднимайтесь, я наблюдал за небом, настал благоприятный час, чтобы принести в жертву пред сфинксом белого петуха во славу Гермеса и Агафодемона.

Сабейцы начали подниматься с диванов и, казалось, собирались пойти за своим священнослужителем. При этих словах глаза незнакомца несколько раз менялись в цвете: из синих они превратились в черные, лицо исказилось от ярости, а из груди вырвался глухой крик, от которого все

присутствующие в ужасе содрогнулись, словно в окель проник дикий лев.

— Безбожники, святотатцы, подлые твари! Гнусные идолопоклонники! — закричал он голосом, напоминавшим раскаты грома.

От этой вспышки ярости люди на мгновение оцепенели. Незнакомец имел столь властный вид, так величественно оправлял складки своего плаща, что никто не осмелился ответить на его обвинения.

Старец подошел к нему и произнес:

— В чем ты видишь зло, брат мой? Мы собираемся принести в жертву нашим духам-покровителям Гермесу и Агафодемону белого петуха, как это у нас принято.

Снова услышав эти два имени, незнакомец заскрежетал зубами от ярости.

— Если ты не разделяешь верований сабейцев, зачем ты пришел сюда? А может, ты приверженец Иисуса или Мухаммеда?

— Мухаммед и Иисус — самозванцы, — яростно закричал чужестранец.

— Значит, ты исповедуешь религию парсов? Ты поклоняешься огню?

— Все это ложь, выдумки, небылицы, — прервал незнакомец в черном плаще, еще больше распаляясь от гнева.

— Кого же ты считаешь?

— Он спрашивает, кого я считаю?! Никого! Я сам — бог, единственный, единый, истинный бог, все остальные лишь тени!

При этом невероятном, чудовищном, безумном утверждении сабейцы бросились на богохульника, и ему не повздоровилось бы, если бы Юсуф не оттащил его, прикрыв своим телом, в лодку, хотя тот отбивался и кричал как бешеный. Затем Юсуф, сильно оттолкнув лодку от берега, вывел ее на середину реки. Лодка быстро поплыла по течению.

— Куда отвезти тебя? — спросил Юсуф у своего странного друга.

— Туда, к острову Рода, где ты видел сияние, — ответил незнакомец, успокоенный ночной прохладой.

Несколько ударов веслами, и они подошли к берегу. Прежде чем прыгнуть на песок, человек в черном плаще сказал своему спасителю, сняв с пальца перстень старинной работы:

— Где бы ты меня ни встретил, покажи мне этот перстень, и я исполню любое твое желание.

Затем он пошел в глубь острова и скрылся за деревьями, подступающими к самой воде. А Юсуф, чтобы успеть к обряду жертвоприношения, с удвоенной энергией налег на весла.

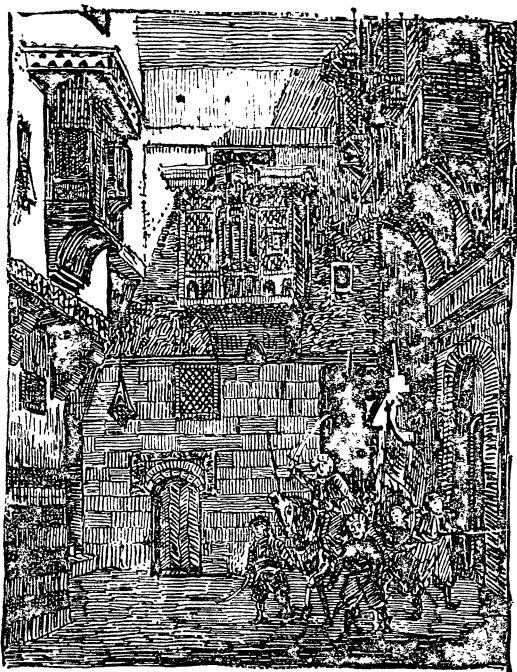
НЕУРОЖАЙ

Несколько дней спустя халиф, как обычно, вышел из своего дворца и отправился в обсерваторию на горе аль-Мукаттам. Все привыкли к тому, что время от времени он ездил туда верхом на осле в сопровождении только одного немого раба. Считали, что халиф проводит ночь, созерцая небесные светила, поскольку возвращался он лишь на рассвете.

Это не вызывало удивления его слуг, ведь так же поступали и его отец Азиз-Биллах, и дед Муизз ли Диналлах, основатель Каира, весьма искусные в кабалистических науках. Но халиф Хаким, изучив расположение звезд и убедившись, что ему не грозит опасность, быстро снимал свой костюм и надевал одежду раба, которого оставлял в башне, затем покрывал темной краской лицо, чтобы стать неузнаваемым, и спускался в город, где, смешавшись с толпой, узнавал секреты, которыми впоследствии пользовался, управляя государством. Так появился он несколько дней назад в океле сабейцев.

На сей раз Хаким спустился к площади Румейла, самому оживленному месту в Каире: люди собираются здесь группами — в лавках, в тени деревьев, чтобы послушать истории и поэмы, потягивая прохладительные напитки и лимонад, лакомясь засахаренными фруктами. Жонглеров, альмей и дрессированных зверей обычно окружало плотное кольцо зрителей, люди хотели развлечься после дня, проведенного в труде. Но в тот вечер все было иначе: ропот толпы напоминал бурное море или шум прибоя. Халиф прислушался: из общего гула можно было различить отдельные громкие голоса и гневные крики: «Городские амбары пусты!»

И правда, с некоторых пор народ волновался из-за неурожая; на какое-то время его успокаивали обещаниями, что скоро привезут зерно из Верхнего Египта, и каждый, как мог, экономил свои запасы; однако в тот день из Сирии пришел огромный караван, и добыть пропитание стало еще труднее. Чужестранцы взбудоражили толпу, и она двинулась к амбарам в Старом Каире, где хранились при-

Улица Каира

пасы на случай сильного голода. Десятую часть урожая ежегодно свозили в эти огромные склады, построенные когда-то Амру. По приказу завоевателя Египта эти амбары не имели крыши, чтобы птицы могли брать свою долю. С тех пор это благое начинание неукоснительно соблюдалось, поскольку убытки от птиц были весьма незначительны, а городу это приносило удачу. Но в тот день в ответ на требование разъяренной толпы раздать им зерно охранники ответили, что все зерно склевали внезапно налетевшие стаи птиц. Усмотрев в этом дурное предзнаменование, народ впал в глубокое уныние.

— Почему я ничего об этом не знал? — спрашивал себя Хаким. — Возможно ли, чтобы произошло такое чудо? Меня должны были предупредить звезды; ничего тревожного не увидел я и в расчерченной мной пятиконечной звезде.

Он предавался этим размышлениям, когда к нему подошел старик сириец и сказал:

— Государь, почему ты не дашь им хлеба?

Хаким удивленно поднял голову, взглянул на человека своим львиным оком, решив, что тот узнал его, хотя халиф был переодет рабом.

Но старик был слеп.

— Ты безумен,— сказал Хаким,— зачем ты обращаешься с этими словами к человеку, которого не видишь, ведь ты мог слышать лишь мои шаги по пыльной дороге.

— Все люди,— сказал старик,— слепы перед богом.

— Значит, ты обращался к богу?

— К тебе, государь.

Хаким на минуту задумался, мысли его смешались, как тогда, после гашиша.

— Спаси их,— сказал старик,— в тебе одном могущество, жизнь и воля.

— Ты что же, считаешь, что я могу вот так, сразу создать хлеб? — ответил Хаким, которого мучила какая-то неясная мысль.

— Лучи солнца не могут пробить тучи, они медленно их разгоняют. Облако, которое заслоняет тебя сейчас,— это принятый тобой человеческий облик, ты способен действовать лишь в пределах человеческих возможностей. Каждое существо подчиняется закону вещей, установленному богом. Только бог подчиняется тем законам, которые он сам установил. Мир, созданный им с помощью кабалистического искусства, исчезнет в тот же миг, когда бог нарушит собственную волю.

— Я вижу,— сказал халиф,— что ты просто нищий; ты узнал меня в этой одежде, но твоя лесь слишком груба. Вот тебе кошелек, ступай.

— Я не знаю, кто ты, государь, ведь я вижу лишь глазами души. Что же до золота, до я сведущ в алхимии и могу сделать его столько, сколько захочу. Я раздам эти деньги твоему народу. Хлеб стоит дорого, но в славном городе Каире за деньги продается все.

«Да он просто колдун»,— подумал Хаким.

Тем временем толпа кинулась подбирать деньги, которые ей бросил нищий, и ринулась к ближайшей пекарне. В тот день на один золотой цехин давали только одну *окку* (два фунта) хлеба.

«Ах вот оно что,— подумал Хаким,— понимаю! Этот старец, пришедший из страны мудрецов, узнал меня и

говорил со мной языком аллегорий. Халиф — это образ бога, и, как бог, я должен карать».

Он направился к цитадели и разыскал там начальника стражи Абу Аруса, знавшего о его переодеваниях. Вместе с этим офицером халиф взял с собой палача, как делал это уже не раз. Подобно всем восточным правителям, Хаким вершил правосудие на месте. Он привел их к дому булочника, продававшего хлеб на вес золота, и, обратившись к начальнику стражи, сказал:

— Это вор.

— Пригвоздить ему ухо к ставням лавки? — спросил тот.

— Да, — ответил халиф, — но сначала лучше отруби ему голову.

Народ, не ожидавший подобного развлечения, столпился вокруг булочника, который тщетно пытался доказать свою невиновность. Халиф, завернувшись в черную *аббу*, которую он взял в цитадели, казалось, выполнял обязанности простого кади.

Булочник, склонив голову, уже стоял на коленях, вверая свою душу ангелам Мункару и Накиру¹⁰⁴. В этот момент, растолкав толпу, какой-то молодой человек бросился к Хакиму и показал ему серебряный перстень, усыпанный драгоценными камнями. Это был сабеец Юсуф.

— Подари мне, — вскричал он, — жизнь этого человека.

Хаким вспомнил свое обещание и узнал друга с берега Нила. Он подал знак; палач отошел, и булочник радостно вскочил на ноги. Услышав разочарованные возгласы толпы, Хаким сказал несколько слов на ухо начальнику стражи, а тот громко произнес:

— Казнь откладывается на завтра на этот же час. Теперь каждый булочник должен продавать хлеб из расчета десять окк на цехин.

— На другой же день я догадался, — сказал Юсуф Хакиму, — что вы имеете отношение к правосудию, увидев, как вы ополчились на запретные напитки, но кольцо дает мне права, которыми я время от времени хотел бы пользоваться.

— Брат мой, — ответил халиф, обняв его, — теперь я свободен. Давай предадимся разгулу и вкусим гашш в океле сабейцев.

Войдя в окель, Юсуф отвел в сторону хозяина и попросил прощения за поведение друга.

— У каждого,— сказал он,— в момент опьянения бывают свои навязчивые идеи, мой друг воображает себя богом.

— Это объяснение повторили завсегда, и те, казалось, остались вполне удовлетворены.

Друзья сели на свои прежние места. Негритенок принес им чашу с опьяняющей смесью, каждый взял свою порцию, действие наркотика не замедлило сказаться; но, вместо того чтобы забыться во власти фантастических галлюцинаций и вести бессвязные беседы, халиф поднялся, обуреваемый навязчивыми идеями, как если бы его толкала чья-то неумолимая рука. На его крупном, словно изваянном скульптором лице читалась твердая воля, и властным голосом он изрек:

— Брат, возьми лодку и отвези меня к тому месту, где ты прежде высадил меня, у самых садов Роды.

Юсуф был готов исполнить столь неожиданный приказ, хотя ему и казалось странным уходить из океля именно тогда, когда, распростершись на диване, можно было полностью отдаться блаженному забвению, но глаза халифа горели такой решимостью, что юноша послушно спустился к лодке. Хаким устроился на носу, а Юсуф сел на весла. Во время недолгого пути халиф проявлял признаки крайнего возбуждения. Он спрыгнул на землю, не дожидаясь, когда лодка коснется берега, затем величественным жестом отпустил своего друга. Юсуф вернулся в окель, а халиф отправился во дворец.

Он вошел через потайную дверь и, пройдя по нескольким темным коридорам, очутился в своих апартаментах, чем весьма удивил придворных, привыкших к его возвращениям на рассвете. Его словно озаренное изнутри лицо, твердая, но в то же время неуверенная походка, странные жесты внушали евреям непонятный ужас; им казалось, что во дворце должно что-то случиться, они жались к стенам, опустив голову и скрестив руки, и с почтительным волнением ждали. Всем были известны скорые расправы Хакима — страшные и не всегда справедливые. Каждый трепетал, зная за собой какой-нибудь грех.

Однако на сей раз никто не поплатился головой. Хакима занимала лишь одна мысль: забыв об этикете, он направился в покои сестры, принцессы Ситт аль-Мульк,

что противоречило всем мусульманским правилам. Открыв дверь, он вошел в первую комнату, к ужасу евнухов и наперсниц принцессы, которые поспешно стали закрывать лица.

Ситт аль-Мульк (первая дама государства) полулежала на подушках в алькове одной из дальних комнат; убранство этой комнаты ослепляло своим величием. Свод, выполненный в виде небольших куполов, напоминал пчелиные соты или грот со сталактитами из-за вычурно-сложного орнамента, где перемежались ярко-красные, зеленые, голубые и золотистые тона. Стены на высоту человеческого роста были выложены изумительными мозаичными плитками из стекла; сердцевидные арки грациозно опирались на пышные капители в форме тюрбанов, а те, в свою очередь, покоились на мраморных колоннах. Вдоль карнизов дверей и окон шли надписи карматским шрифтом, изящные буквы которого перемежались с цветами, листьями и завитками арабесок. В центре комнаты бил фонтан, струи кристально чистой воды поднимались до самого свода и падали в круглый бассейн с серебряным звоном, рассыпаясь на тысячи брызг.

Встревоженная шумом, вызванным появлением Хакима, Ситт аль-Мульк встала и сделала несколько шагов к двери. Она сразу же предстала во всей своей прелести: сестра халифа была самой красивой принцессой в мире; невозможно было выдержать взгляд ее глаз, как невозможно не отрываясь смотреть на солнце; черные шелковистые брови казались нарисованными, легкая горбинка тонкого носа указывала на принадлежность к царской породе, а золотистая бледность чуть нарумяненных щек оттеняла ослепительно алый рот, блестящий, словно спелый гранат.

Костюм Ситт аль-Мульк отличался невиданной роскошью: полумесяц, украшенный бриллиантами, поддерживал вуаль, усыпанную блестками; зеленый и розовый бархат платья был почти скрыт сплошной вышивкой; только на рукавах, на локтях и на груди оставались островки, откуда исходило золотое и серебряное сияние; тяжелый пояс из золотых ажурных пластин с вделанными туда рубинами обвивал гибкий и тонкий стан, спускаясь к крутым бедрам. В этом наряде Ситт аль-Мульк напоминала владычицу исчезнувшего царства, ведущую свой род от самих богов.

Дверь резко распахнулась, и на пороге появился Хаким. Ситт аль-Мульк не сдержала возгласа удивления —

Охрана у городских ворот Каира

не столько из-за появления брата, сколько из-за его странного вида. Казалось, с лица Хакима исчезли все жизненные краски. Его бледность словно была отблеском иного мира.

Внешне это был тот же халиф, но озаренный особым, внутренним светом. Его жесты напоминали движения сомнамбулы, а сам он походил на собственную тень. Он сделал шаг к Ситт аль-Мульк, движимый скорее усилием воли, нежели простыми человеческими чувствами, и взглянул на нее таким пристальным, волевым взглядом, что принцесса вздрогнула и обхватила себя руками, словно какая-то неведомая сила пыталась разорвать на ней одежды.

— Ситт аль-Мульк, — сказал Хаким, — я долго думал, кому отдать тебя в жены, но ни один мужчина на свете не достоин тебя. Нужно сохранить чистой божественную кровь, которая течет в твоих жилах. Мы должны сберечь сокровище, полученное от прошлого. Я, Хаким, халиф, повелитель неба и земли, буду твоим супругом; свадьба через три дня. Такова моя священная воля.

Услышав эти неожиданные слова, принцесса была настолько потрясена, что не могла вымолвить ни слова. Хаким говорил так властно, так убедительно, что Ситт аль-Мульк поняла: возражать бесполезно. Не ожидая ответа сестры, Хаким вышел из комнаты и, вернувшись к себе, тяжело рухнул на подушки и заснул: действие гашиша достигло апогея.

Сразу же после ухода брата Ситт аль-Мульк вызвала великого везира Барджавана и рассказала ему о случившемся. В годы отрочества Хакима, провозглашенного халифом в одиннадцать лет, Барджаван был регентом империи; он сохранил неограниченную власть, и в силу привычки его по-прежнему считали подлинным правителем, а на долю Хакима приходились лишь официальные почести. Невозможно сказать, что творилось в душе Барджавана, когда Ситт аль-Мульк рассказала ему о ночном посещении халифа; постичь загадочную натуру везира было выше возможностей простого человека. Может быть, страсть к знаниям и к размышлениям иссушила его тело и омрачила суровый взор, а решимость и воля избороздили его лоб морщинами и начертали на нем зловеющий знак *тау*, предвестник ужасной судьбы? Бледность неподвижного, словно маска, лица, на котором только иногда между бровями залегала глубокая складка, напоминала о том, что он вырос на выжженных солнцем равнинах Магриба. Уважение, которое питали к нему жители Каира, его влияние на знать и богачей — не говорило ли это о том, что он вершил государственные дела мудро и справедливо?

Ситт аль-Мульк, воспитанная им, всегда чтит его как своего отца, прежнего халифа. Барджаван разделял негодование принцессы, но сказал только:

— Увы! Какое несчастье для империи! Разум повелителя правоверных помутился... небо покарало нас. Сначала голод, а теперь новое наказание. Весь народ должен молиться; наш государь сошел с ума.

— Да спасет нас господь! — воскликнула Ситт аль-Мульк.

— Я надеюсь, — добавил везир, — что, когда повелитель правоверных проснется, это наваждение исчезнет и он, как обычно, будет возглавлять большой совет.

Барджаван ждал до рассвета пробуждения халифа. Но тот встал очень поздно, когда зал, где собирается диван, уже давно был заполнен учеными, законниками и кади. Когда Хаким появился в зале, все, как обычно, па-

ли ниц, и, поднявшись, везир пытливо взглянул на задумчивое лицо властелина.

Халиф заметил этот взгляд. Ему показалось, что на лице его министра застыло выражение ледяной проницательности. Уже с некоторых пор Хаким сожалел, что предоставил своим подчиненным слишком большую власть; и всякий раз, когда собирался действовать по собственному разумению, он с негодованием убеждался, что встречает сопротивление среди улемов, кяшифов и мудиров, всецело преданных Барджавану. Именно для того чтобы вырваться из-под опеки Барджавана и самому принимать решения, он и начал совершать ночные прогулки с переодеваниями.

Видя, что совет разбирает лишь текущие дела, халиф остановил обсуждение и громко произнес:

— Давайте немного поговорим о голоде. Я обещал, что сегодня отрубят головы всем булочникам.

Со скамьи улемов поднялся старик и сказал:

— О повелитель правоверных, разве не ты помиловал одного из них этой ночью?

Халиф узнал голос говорившего и ответил:

— Да, это так. Но я даровал ему жизнь при условии, что хлеб будут продавать из расчета десять окк за цехин.

— Подумай,— сказал старик,— ведь эти несчастные платят десять цехинов за ардеб¹⁰⁵ муки. Накажи лучше тех, кто продает муку за эту цену.

— Кто опи?

— Мультазимы, кяшифы, мудирсы и сами улемы, которые хранят огромные запасы муки в своих домах.

Члены совета испуганно зашептались, все они владели домами в Каире.

Обхватив голову руками, халиф несколько минут размышлял. Разгневанный Барджаван хотел было ответить на слова старого улема, но раздался громовой голос Хакима.

— Сегодня,— сказал он,— в час вечерней молитвы, я выйду из своего дворца на острове Рода, переправлюсь на фелюге через Нил, и там на берегу меня будут ждать начальник стражи и палач; по левому берегу Халига я войду в Каир через ворота Баб-ат-Тахла прямо к мечети Рашида. Я буду заходить на всем пути в дома мультазимов, кяшифов, улемов и спрашивать, нет ли у них зерна. И там, где его не будет, я прикажу отрубить голову хозяину.

Везир Барджаван не осмелился выступить на заседа-

нии совета после халифа, но, когда тот возвращался в свои покои, везир догнал его и сказал:

— Государь, вы этого не сделаете!

— Убирайся прочь,— гневно крикнул ему Хаким.— Помнишь, когда я был ребенком, ты в шутку дразнил меня ящерицей. Так вот, ящерица превратилась в дракона.

МАРИСТАН

В тот же вечер, когда наступил час молитвы, Хаким вошел в город со стороны казарм, за ним следовали начальник стражи и палач. Хаким заметил, что улицы, по которым они шли, были освещены. На всем пути халифа стояли простые люди и держали свечи; перед домами ученых, кяшифов, нотариусов и других видных особ, пазванных в указе, собрались небольшие группы. Если в доме, куда заходил халиф, обнаруживали запасы зерна, он приказывал раздать зерно толпе и записывал имя хозяина.

— Я обещаю вам,— говорил он,— что вашей голове ничего не грозит, но впредь не храните так много зерна, ведь это означает, что вы либо живете в роскоши среди всеобщей нищеты, либо перепродаете зерно на вес золота и тем самым истощаете государственную казну.

Посетив несколько домов, он послал офицеров осматривать другие, а сам отправился в мечеть Рашида, чтобы помолиться: была пятница. Каково же было удивление, когда, войдя в мечеть, он услышал, как кто-то с кафедры провозгласил в его честь:

— Да славится имя Хакима на земле и на небесах! Вечная хвала живому богу!

Несмотря на ликование народа по поводу принятых халифом мер, эта неожиданная молитва возмутила истинных правоверных; они кинулись к кафедре, чтобы стащить с нее святотатца, но тот сам с величественным видом сошел с нее и двинулся через удивленную толпу, заставляя расступаться возмущенных; увидев его вблизи, люди шептали: «Это слепой! На нем печать господа».

Хаким узнал старика с площади Румейла. И как в бессонную ночь, когда непостижимым образом стирается грань между реальностью и самыми сокровенными грезами, он ощутил, словно громом пораженный, как нерасторжимо переплелись его истинная жизнь и тайная, несущая ему моменты наивысшего иступления. Однако разум проти-

вился этому новому ощущению, и, не желая более оставаться в мечети, халиф сел на коня и отправился во дворец.

Он позвал везира Барджавана, но того не нашли. Поскольку настало время ехать в аль-Мукаттам изучать расположение светил, халиф отправился в обсерваторию и поднялся на верхний этаж, здесь в куполе было сделано двенадцать отверстий — по числу созвездий. Сатурн, планета Хакима, был серовато-свинцового цвета, а Марс, в чью честь город был назван Каиром, излучал зловещий красный свет, предвещавший войны и бедствия. Хаким спустился на первый этаж, где еще его дед Муизз ли Диналлах установил кабалистический стол. В центре круга по-халдейски были написаны названия всех стран мира и стояла бронзовая статуя всадника, вооруженного копьем, которое он обычно держал прямо; но, когда на Египет шли враги, всадник опускал копьё и поворачивался лицом к стране, откуда они наступали. Хаким увидел, что всадник стоял лицом к Аравии.

— Опять эти Аббасиды! — вскричал он. — Опять эти вырожденки, сыновья Омара, которых мы уже били в их собственной столице Багдаде! Но что мне сейчас эти неверные! Ведь в моих руках громы и молнии!

Поразмыслив еще немного, халиф все же решил, что он не более могуществен, чем обычно; гашиш больше не действовал, и убежденность Хакима, что он бог, уже не сопровождалась верой в свои сверхчеловеческие силы.

— Ну что ж, — сказал он, — пойдём посмотрим, что скажет мне сладкий хмель забвения.

И он отправился предаваться блаженству под действием замечательной смеси, которая, быть может, и есть та самая амброзия — пища бессмертных.

Верный Юсуф уже ждал его, мечтательно созерцая воды Нила, мрачные и спокойные, их уровень упал до отметки, предвещавшей засуху и голод.

— Брат мой, — сказал Хаким, — ты гредишь о любви? Скажи мне тогда, кто твоя избранница, и, клянусь, ты ее получишь!

— Увы, я не знаю, — ответил Юсуф. — С тех пор как хамсин опалает ночи своим дыханием, я не видел больше на Ниле ее золотую лодку. Даже если я снова ее увижу, осмелюсь ли я спросить, кто она? Иногда мне кажется, что все это только галлюцинации, вызванные этой коварной травой, которая, возможно, действует на мой разум... так, что сам я уже не могу отличить сон от яви.

— Ты так считаешь? — с волнением спросил Хаким. Затем, поколебавшись, добавил: — Какое это имеет значение, забудем сегодня все.

Опьяненные гашишем, друзья, как ни странно, всегда ощущали родство душ.

Юсуф часто воображал себе, как его друг, устремившись на небо, отринув от себя эту грешную землю, недостойную его величия, протягивает ему руку и увлекает за собой ввысь через звездные вихри и белую пыль созвездий; он видел, как стремительно приближается и увеличивается в размерах бледный Сатурн с ярким кольцом из семи лун, а дальше Юсуф уже не мог себе представить, что произойдет с ними во время этого небесного путешествия. Язык людей способен передавать лишь ощущения, свойственные человеческой натуре; а когда друзья беседовали в своем божественном сне, они не прибегали к этим земным словам.

Погрузившись в забытие, когда им уже казалось, что их тела стали невесомыми, Хаким вдруг начал судорожно извиваться и кричать: иблис! иблис! В тот же миг в окель вломилась *зебеки*, а впереди них — везир Барджаван. Он велел оцепить зал и схватить всех неверных, которые нарушили указ халифа, запрещающий употреблять гашиш и опьяняющие напитки.

— Демон! — вскричал халиф, очнувшись и придя в себя. — Я искал тебя, чтобы отрубить голову! Я знаю, это ты устроил голод и раздал своим подручным зерно из государственных амбаров! На колени перед повелителем правоверных! Сначала ответь мне, а потом умрешь!

Барджаван нахмурил брови, но в его суровых глазах играла насмешка.

— В Маристан, на цепь этого безумца, возомнившего себя халифом! — властно приказал он страже.

Понимая, что на сей раз ему не спасти друга, Юсуф кинулся к лодке.

Маристан, который сейчас примыкает к мечети Калауна, был в те времена огромной тюрьмой, и только часть его отводилась для буйнопомешанных. На Востоке чтят безумцев и под стражей содержат лишь тех, кто представляет собой опасность для общества. Проснувшись наутро в темной камере, Хаким понял, что ему ничего не добиться в своих одеждах феллаха, даже если он будет впадать в ярость или доказывать, что он — халиф. Впрочем, здесь уже содержалось пять халифов и несколько богов. Таким образом, присваивать себе последний титул было не так

уж почетно. Впрочем, Хаким, тщетно пытаюсь порвать цепь, все же был абсолютно уверен в том, что его божественная сущность, заключенная в жалкую человеческую оболочку, подобно индийским буддам и другим воплощениям Высшего Разума, становилась беззащитной перед людским коварством и грубой силой. Он подумал даже, что положение, в котором он очутился, было для него не ново. «Главное,— сказал он себе,— постараться избежать побоев». Это было нелегко, потому что именно таким способом здесь обычно лечили помутнение рассудка. Настал час посещения врача, тот пришел вместе с другим врачом, чужеземцем. Хаким вел себя очень осторожно: он не подал виду, что удивлен этим визитом. Он сказал только, что его недолгое умственное расстройство было следствием употребления гашиша, а сейчас он чувствует себя не хуже, чем обычно. Врач стал переговариваться со своим спутником, обращаясь к нему с большим почтением. Тот покачал головой и сказал, что у умалишенных часто бывают минуты просветления и с помощью хитроумных уловок они добиваются того, чтобы их выпустили на свободу. Однако он не видел никаких препятствий к тому, чтобы этот больной ходил во двор на прогулки.

— Вы тоже врач? — спросил халиф у чужеземца.

— Это король мудрейших,— воскликнул тюремный лекарь,— это великий Ибн Сина, Авиценна, он прибыл недавно из Сирии и соизволил посетить Маристан.

Имя знаменитого Авиценны, ученого врача, владеющего тайнами здоровья и долголетия людей, которое для простого человека звучало как имя кудесника, способного творить любые чудеса, произвело сильное впечатление на халифа. Забыв об осторожности, он воскликнул:

— О ты, пришедший ко мне, как некогда к Исе (Иисусу), покинутому всеми, бессильному перед кознями дьявола и дважды неузнанному ни как халиф, ни как бог, о ты, мудрейший, придумай что-нибудь, помоги мне побыстрее освободиться. Если ты веришь, поведай обо мне всем, если нет — будь проклят!

Авиценна не ответил, он повернулся к врачу и покачал головой:

— Вот видите, разум уже покидает его... — и добавил: — К счастью, подобные идеи никому не причиняют вреда. Я всегда утверждал, что конопля, из которой готовят пасту гашиша, — это и есть та самая трава, которая, по словам Гиппократов, вызывала нечто вроде бешенства у животных, заставляя их бросаться в море.

Гашиш знали уже во времена Соломона: слово «гашишот» упоминается в «Песни песней», где описано опьяняющее действие этой смеси ¹⁰⁵.

Продолжения Хаким не слышал, так как врачи перешли в другую палату. Он остался один во власти самых противоречивых чувств; Хаким уже сомневался, бог ли он, а иногда даже не был уверен, что он — халиф, голова шла кругом. Воспользовавшись предоставленной ему некоторой свободой, он подошел к несчастным, сидящим во дворе в самых причудливых позах, и стал прислушиваться к их пению и речам. Некоторые из них заинтересовали его.

Один из безумцев, собрав всевозможные палочки и камешки, соорудил себе тиару, украсив ее осколками стекла, а на плечи накинул лохмотья, покрытые блестящей вышивкой, которую он изобразил с помощью мишуры.

— Я,— говорил он,— Каим аз-Заман (властелин века или времени) и извещаю вас, что час пробил!

— Ты лжешь,— отвечал ему другой,— ты самозванец; ты из дивов и хочешь нас обмануть.

— Кто же я, по-твоему? — спрашивал первый.

— Ты не кто иной, как Тамурат, последний царь мятежных джиннов. А помнишь, кто победил тебя на острове Серандиб? Адам, то есть я. На моей могиле до сих пор висят твои копье и щит ¹⁰⁷.

— На твоей могиле! — с хохотом вскричал другой.— Да ее и в природе нет. Рассказывай, рассказывай!

— Я имею право говорить о своей могиле, потому что уже шесть раз жил среди людей и шесть раз, как положено, умирал; мне сооружали великолепные надгробия, но вот твое-то найти будет нелегко, ведь вы, дивы, живете лишь в телах мертвых!

Вслед за этими словами несчастного повелителя дивов раздался всеобщий смех, тот встал, разъяренный, а другой, воображавший себя Адамом, ребром ладони сбил с него корону.

Первый сумасшедший бросился на него, и битва двух врагов неминуемо возобновилась бы пять тысяч лет спустя (по их подсчетам), если бы один из надзирателей не разогнал их ударами плети из бычьих жил, которые он, кстати говоря, раздавал невзирая на титулы.

Невольно задаешь себе вопрос: для чего было Хакиму с таким интересом слушать эти бессмысленные речи, а иногда даже самому вызывать их несколькими умелыми репликами? Единственный здравомыслящий среди людей с

потревоженным рассудком, он молча погружался в воспоминания.

Странно, но, может быть, из-за его сурового вида сумасшедшие относились к нему с уважением; никто из них не осмеливался задерживать взгляд на его лице, но что-то заставляло их собираться вокруг него, словно растения, которые в предрассветные часы уже поворачиваются в сторону еще не появившихся солнечных лучей.

Если простые смертные сами не в состоянии постичь, что происходит в душе человека, который внезапно понимает, что он — пророк или бог, то легенды и история рассказывают, какие сомнения и тоска гложут эти божественные души в то смутное время, когда их ум освобождается от кратковременных пут перевоплощения. Случалось, что сам Хаким начинал сомневаться, как некогда Сын Человеческий на Емонской горе, но больше всего его удручало сознание того, что собственная божественная сущность открывалась ему только в состоянии экстаза, вызванного гашишем. «Значит,— говорил он себе,— существует нечто более сильное, чем тот, кто выше всех на этом свете, и это всего-навсего полевая трава. Воистину, обычный червяк доказал, что он могущественнее, чем Соломон, когда прогрыз посередине и сломал посох, на который опирался этот повелитель духов; но кто такой этот Соломон по сравнению со мной, если я — подлинный Альбар (Вечный)?»

ПОЖАР КАИРА

По злой насмешке судьбы случилось так, что однажды Маристан посетила принцесса Ситт аль-Мульк. Как это принято у царственных особ, она приходила с утешением к заключенным. Пройдя по части здания, отведенной под тюрьму, она захотела посмотреть и отделение для умалишенных. Принцесса была закутана в покрывало, но Хаким узнал ее по голосу и не мог сдержать своего гнева, увидев рядом с нею министра Барджавана; спокойный и улыбающийся, он показывал ей помещение.

— Здесь,— говорил он,— содержат несчастных, которые находятся во власти всевозможных бредовых идей. Один считает, что он — повелитель джиннов, другой утверждает, что он — Адам, но вот перед вами самый большой честолюбец; он паразитально похож на вашего брата халифа.

— Это и правда удивительно,— сказала Ситт аль-Мульк.

— Так вот,— продолжал Барджаван,— это сходство и стало причиной его несчастий. Наслушавшись, что он как две капли воды похож на халифа, он вообразил себя халифом; но этого ему было недостаточно, и он решил, что он — бог. Сам же он — ничтожный феллах, разум которого помутился, как и у многих других, от неумеренного употребления дурманящих снадобий... Интересно было бы посмотреть, что он скажет в присутствии самого халифа...

— Презренный! — вскричал Хаким.— Так, значит, ты отыскал двойника, который похож на меня и занял мое место?

Он замолчал, почувствовав, что осторожность покидает его, а это может подвергнуть его жизнь новым опасностям; к счастью, его слов никто не расслышал из-за гвалта, поднятого сумасшедшими; эти несчастные осыпали Барджавана проклятиями, особенно тяжкие оскорбления наносил ему царь дивов.

— Подожди,— кричал он ему,— подожди, пока я умру, тогда мы с тобой еще встретимся.

Барджаван пожал плечами и вышел вместе с принцессой. Хаким даже не пытался напомнить ей о себе. Поразмыслив, он пришел к выводу, что интрига слишком хорошо сплетена, чтобы разорвать ее одним ударом. Или действительно она его не узнала, принимая за какого-то самозванца, или же его сестра в сговоре с министром решили проучить его, заперев на несколько дней в Маристан. Может быть, они надеялись позднее воспользоваться оглаской, которую получит это дело, и захватить власть, а над Хакимом учредить опеку. Возможно, это предположение было не лишено оснований, так как принцесса, покидая Маристан, пообещала имаму мечети пожертвовать большую сумму денег на расширение и улучшение отделения, предназначенного для сумасшедших, с тем, сказала она, чтобы эта обитель была бы даже достойна халифа.

После ухода сестры и министра Хаким сказал лишь: «Так и должно было быть!» И он вернулся к прежнему образу жизни, ничем не нарушая своей обычной кротости и терпения. Лишь изредка он вел длительные беседы с теми из своих товарищей по несчастью, у кого наступали минуты просветления, а также с обитателями другой части Маристана, которые часто стояли у решетки, разделявшей двор, чтобы посмотреть на выходы соседей. Ха-

ким встречал их столь мудрыми речами, что несчастные часами не отходили от него и смотрели как на одержимого (*мальбус*). Не потому ли первыми слово божье всегда слышат отверженные? И за тысячу лет до этого первыми слушателями мессии были бедняки и мытари.

Войдя к ним в доверие, Хаким заставлял их одного за другим рассказывать ему свою жизнь, историю своих прегрешений и преступлений и отыскивал глубинные причины, толкнувшие их на это; и, как всегда, виной тому были невежество и нищета. Они рассказывали ему также о тайнах каирской жизни, об уловках ростовщиков и крупных торговцев, законников и цеховых старшин, сборщиков налогов и самых видных негодяев Каира; рассказали о том, как эти люди сговариваются между собой, как укрепляют свою власть брачными союзами, как они подкупают других и как подкупают их самих, как они по собственной прихоти повышают или понижают торговые тарифы, как по их желанию возникают голод или изобилие, война или мятеж, как они, никому не подвластные, угнетают народ, лишая его самого необходимого для жизни. Таков был итог правления Барджавана, который был опекуном халифа в годы его несовершеннолетия.

Затем по тюрьме поползли зловещие слухи, их распространяли сами стражники. Говорили, что к городу приближается чужеземное войско, что оно уже стоит лагерем на равнине Гизе, что в Каире готовится измена — город сдадут без боя, что господа, улемы и торговцы в страхе за свое богатство готовятся открыть ворота и уже подкупили военачальников. Говорили, что вражеский генерал вот-вот войдет в город через ворота Баб аль-Хадид. С этого времени род Фатимидов лишится трона, в Каире, как и в Багдаде, будут править халифы Аббасиды, и в молитвах будет упоминаться их имя. «Так вот что уготовил мне Барджаван,— подумал халиф,— вот что предвещал талисман моего отца и вот почему на небе померк Фаруис (Сатурн)! Но пришло время посмотреть, что может сделать мое слово и буду ли я побежден, как некогда назарянин».

Приближался вечер. Узники Маристана собрались во дворах на обычную молитву. Хаким обратился сразу к безумцам и к преступникам, которых разделяли решетчатые ворота; он сказал им, кто он есть на самом деле и чего он от них ждет, сказал с такой властью и убежденностью, что никто не посмел усомниться в его словах. В мгновение ока тысячи рук сломали решетки, и смертельно перепуганные стражники сами открыли двери, ведущие в мечеть.

Халифа внесла туда на руках толпа отверженных, в которых его голос вселял надежду и смелость.

— Вот халиф! Вот подлинный повелитель правоверных! — кричали заклеянные людским судом.

— Вот Аллах! Он идет творить божий суд! — горланили сумасшедшие. Двое из них встали по обе стороны от Хакима и кричали:

— Идите все на суд, который вершит владыка наш Хаким!

Собравшиеся в мечети правоверные сперва не могли понять, что нарушило их молитву, но из-за общего беспокойства, вызванного приближением неприятеля, все были готовы к любому повороту событий. Одни разбежались, сея тревогу по улицам, другие кричали: «Сегодня день Страшного суда!» Услышав эти слова, возрадовались самые бедные и страждущие: «Наконец-то, господи, наконец пришел твой день».

Когда Хаким показался на ступенях мечети, от лица его исходило сияние; его длинные и развевающиеся волосы вопреки обычаю мусульман ниспадали на пурпурную мантию, которую кто-то из сопровождающих накинул ему на плечи. Даже евреи и христиане, которых всегда много на улице Сукария, пересекающей базар, пали ниц, говоря:

— Это или настоящий мессия, или антихрист. В Священном писании сказано, что он придет через тысячу лет после Христа!

Некоторые узнали государя, но они не могли взять в толк, как он оказался в центре города, тогда как, по общему мнению, он в это время вел войска против неприятеля, стоявшего на равнине, вблизи пирамид.

— О мой народ! — обратился Хаким к обступившим его беднякам. — Вы — мои истинные сыны. Это не мой, это ваш день настал. Опять, в который раз, пришли времена, когда глас небесный утратил власть над душами человеческими, времена, когда добродетель оборачивается преступлением, слава — стыдом, мудрость — безумием, когда все идет наперекор правде и справедливости. Но и в такие времена голос свыше просветляет умы, как молния перед громом, и тогда раздается клич: «Сгинь, Енох, город детей Каиновых, город нечестивцев и тиранов; горе тебе, Гоморра, горе вам, Ниневия и Вавилон, горе тебе, Иерусалим». Этот клич не смолкает, он звучит из века в век и несет возмездие отступникам, но всегда есть время покаяться... Изю дня в день сокращается это время, и гром ударяет сразу вслед за молнией. Так покажем же сейчас,

что и слово — оружие и что наконец наступит царствие, приход которого предвещали пророки. Вам, дети мои, отдаю я этот город, разжиревший на обмане, ростовщичестве, несправедливости и грабеже; вам отдаю эти награбленные сокровища, эти украденные богатства. Покарайте эту преступную роскошь, эту ложную добродетель, эти заслуги, купленные за золото, это предательство, которое, прикрываясь словами о мире, продало вас врагу! Огню, огню предайте этот город, который мой предок Муизз ли Диналлах основал под знаком победы (*кахира*) и который стал теперь символом вашей трусости!

Кого — бога или властелина — видела в нем толпа? Нет сомнения, им руководил Высший Разум, который выше людского суда; в противном случае его гнев разил бы без разбору, как злая воля освобожденных им преступников. В считанные мгновения пламя поглотило базары, вплоть до кедровых крыш, и дворцы с их резными террасами и легкими колоннами; самые богатые горожане Каира бежали, оставив народу свои дома на разграбление. Страшная ночь, когда государев гнев вылился в мятеж, а десница божья карала адским мечом!

Пожары и грабежи длились три дня. Обитатели богатых кварталов защищались с оружием в руках, вместе с ними против заключенных и черни, исполнявших приказы Хакима, сражались греческие солдаты и берберы-кутама, варварийские войска, которыми руководил Барджаван. Первый везир распустил слух, что Хаким — самозванец, что настоящий халиф находится с войсками у Гизе. На площадях и в садах Каира при свете пожарищ развернулась ужасающая битва. Хаким на высотах Карафы под открытым небом вершил кровавый суд; согласно легенде, он явился в сопровождении ангелов, рядом были Адам и Соломон, первый отвечал за людей, второй — за джиннов. На суд привели всех, на кого указал народный гнев; суд был скорым — головы катились с плахи под одобрительные крики толпы; за три дня казнили несколько тысяч человек. Тем временем бои в центре города не утихали; наконец некий Рейдан ударом копья убил Барджавана и бросил его голову к ногам халифа; сопротивление тотчас прекратилось. Говорят, что, когда везир, пораженный в сердце, упал, испуская душераздирающие крики, безумцы Маристана, наделенные даром ясновидения, закричали, что в этот миг они видели, как из бранных останков Барджавана вылетел иблис (сатана) и призывал к себе на помощь других демонов, обитавших в телах его сторон-

ников. Битва, начавшаяся на земле, продолжалась на небесах; фаланги противоборствующих сил перестраивались и вели свой вечный бой с непримиримостью разбушевавшейся стихии. По этому поводу арабский поэт сказал:

«О Египет, Египет! Ты хорошо знаешь эти тяжкие битвы ангелов добра и зла, когда огнедышащий Тиффон поглощает воздух и свет; когда чума косит трудолюбивый люд; когда уменьшаются паводки плодородного Нила; когда облака саранчи пожирают всю зелень полей.

Но силам ада недостаточно этих грозных бедствий; они населяют землю душами жестокими и алчными, которые под обличем людей прячут коварство змей и шакалов!»

На четвертый день, когда уже сгорела половина города, в мечетях собрались шерифы и, подняв к небу корзаны, вскричали: «О Хаким! О Аллах!» Но молитва эта шла не от сердца. И тогда старец, который раньше всех уверовал в божественную сущность Хакима, предстал перед ним и сказал:

— Владыка наш, довольно, останови эти разрушения во имя предка твоего Муизз ли Диналлаха.

Хаким хотел задать несколько вопросов этому странно-му человеку, который являлся перед ним лишь в грозный час, но тот уже исчез, смешавшись с толпой.

Хаким, как обычно, сел на своего серого осла и начал объезжать город, обращаясь к людям со словами примирения и милосердия. С этого времени отменялись суровые законы против христиан и евреев: первых он освободил от обязательного ношения тяжелого деревянного креста на плечах, вторых — от ярма на шее. Одинаковой терпимостью ко всем культам Хаким хотел исподволь подготовить умы к принятию нового учения. Специально для духовных собраний отводились помещения, которые назывались «домами мудрости», и ученые мужи начали публично обосновывать божественность Хакима. Но человеческий ум восстает против верований, не освященных временем, и во всем Каире нашлось не более тридцати тысяч его приверженцев. Объявился некто аль-Мушаджар, который говорил сторонникам Хакима: «Тот, к кому вы взываете вместо бога, не может ни сотворить муху, ни помешать мухе докучать ему».

Халиф, узнав об этих словах, велел дать аль-Мушаджару сто золотых монет, чтобы доказать, что он никого не хочет принуждать веровать в себя. Другие говорили: «Все-му роду Фатимидов присущи такие бредовые мысли. Дед Хакима, Муизз ли Диналлах, скрывался несколько дней,

а потом объявлял, что он возносился на небо; затем он укрывался в каком-то подземелье, и стали говорить, что он не умер, как все люди, а просто исчез с лица земли». Все эти разговоры, доходившие до Хакима, повергли его в глубокую задумчивость.

ДВА ХАЛИФА

Халиф возвратился к себе во дворец на берегах Нила, и жизнь вошла в привычное русло. Однажды он зашел к своей сестре Ситт аль-Мульк и велел ей готовиться к свадьбе, которую собирался устроить тайно, боясь вызвать негодование народа: ведь народ не был еще убежден в божественной сущности Хакима и мог возмутиться подобным нарушением установленных законов. На церемонии в дворцовой мечети должны были присутствовать только евнухи и рабы; что же касается празднеств, которыми обычно сопровождаются подобные браки, то жители Каира, привыкшие к факелам на стенах сераля и звукам музыки, которые приносил с другого берега реки ночной ветер, вряд ли обратят на это внимание или удивятся. Позже, когда настанет благоприятный час, а люди будут благожелательно настроены, Хаким во всеуслышание объявит об этом тайном бракосочетании.

Наступил вечер, халиф переоделся и, как обычно, направился в обсерваторию аль-Мукаттам, чтобы взглянуть на положение звезд. Небо не предвещало Хакиму ничего доброго: зловещее расположение планет, спутанный узел звезд предсказывали скорую смерть. Но как бога, сознающего свое бессмертие, его не слишком встревожили эти небесные предостережения, которые угрожали лишь его бренному телу. Однако сердце сжалось от острой тоски, и, отказавшись от обычной прогулки, Хаким вернулся во дворец вскоре после полуночи. Переезжая на лодке через реку, он с удивлением увидел, что дворцовые сады освещены, как во время праздника.

На всех деревьях, словно рубины, сапфиры и изумруды, горели фонарики, из-под листвы били серебряные струи ароматической жидкости, по мраморным желобкам текла вода, а от алебастровых резных плит дворца исходили самые пзысканные запахи, смешиваясь с благоуханием цветов. Чарующие звуки музыки словно лились с небес и перемежались с пением птиц: обманутые этими огнями, они славили новую зарю. И на этом сверкающем

фоне среди моря света вырисовывались четкие линии дворцового фасада.

Хаким был безмерно удивлен: кто здесь осмеливается устраивать праздник в его отсутствие? Какого незваного гостя могут встречать такими почестями в столь поздний час, когда эти сады обычно пустынно и тихи. Но на сей раз он не притрагивался к гашишу и не мог стать жертвой галлюцинаций. Он прошел в сад. В центре персидского ковра окруженного факелами, словно змеи, извивались танцовщицы в ослепительных нарядах. Казалось, они не замечали халифа. У входа во дворец он увидел толпу рабов и слуг, несших золотые чаши с замороженными фруктами и вареньем, серебряные кувшины с шербетом. Хотя он шел бок о бок с ними, иногда даже задевая их, никто не обращал на него ни малейшего внимания. Его охватило тайное беспокойство. Ему казалось, что он превратился в тень, в бесплотный дух; как невидимка, проходил он через толпы людей, словно на пальце у него было надето волшебное кольцо Гигеса.

Когда он подошел к последнему залу, его ослепил поток света: тысячи свечей в серебряных канделябрах сверкали, словно огненные цветы, сливая свои пылающие лучи. Гремела музыка спрятанного на галерее оркестра. В волнении халиф укрылся за тяжелыми складками парчовой портьеры. Он увидел, что в глубине зала, на диване, рядом с Ситт аль-Мульк сидит человек, на его одежде среди блеска и сияния драгоценных камней мерцали россыпи бриллиантов. Можно было смело утверждать, что на костюм этого нового халифа ушли все сокровища Харуна ар-Рашида.

Вообразите, как был потрясен Хаким этой неожиданной сценой; он схватился за висевший на поясе кинжал, чтобы броситься на незнакомца, но его удержала какая-то непреодолимая сила. Это зрелище казалось ему предостережением свыше, но он был еще больше ошеломлен, когда узнал в человеке, сидевшем рядом с его сестрой, себя самого. Он решил, что это его двойник, а для восточных людей самое худшее предзнаменование — увидеть собственное привидение. Тень заставляет тело последовать за нею.

Здесь же появление двойника было тем более угрожающим, что он предвосхитил исполнение плана, задуманного самим Хакимом. В действиях этого фантастического халифа, праздновавшего свадьбу с Ситт аль-Мульк, на которой собирался жениться он сам, настоящий халиф, вероятно, скрывался какой-то загадочный смысл, таинственное и

ужасное предзнаменование! Не было ли это какое-то ревнивое божество, которое собиралось захватить власть на небе, вырвав Ситт аль-Мульк из рук брата, разлучив чету, которую провидение предназначило друг другу от сотворения мира? А может быть, племя дивов пыталось таким образом помешать соединению носителей Высшего Разума, подменив их своим гнусным отродьем? Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Хакима. Охваченный яростью, он мечтал наслать землетрясение, потоп, огненный дождь или иное стихийное бедствие, но вспомнил, что он лишь простой смертный на этой земле и способен только на то, что в человеческих силах.

Сокрушаясь, что он не может громогласно заявить о себе, Хаким удалился и вернулся на берег Нила.

Через несколько минут калитка сада открылась, и в темноте Хаким различил две тени, одна из которых была темнее другой. Благодаря слабым отблескам, исходящим от неба, земли и воды, темнота на Востоке никогда не бывает кромешной, поэтому ему удалось разглядеть, что это были молодой араб и гигант-эфиоп.

Дойдя до кромки воды, юноша опустился на колени, негр встал около него, в ночи, словно молния, блеснул меч из дамасской стали. Однако, к изумлению халифа, голова не упала с плеч, а негр наклонился к юноше и прошептал ему что-то на ухо, после чего тот спокойно поднялся, никак не выражая своей радости, будто все происходящее его не касалось. Эфиоп вложил меч в ножны, а юноша двинулся вдоль берега как раз по направлению к Хакиму, наверное, к ожидавшей его лодке. Он столкнулся лицом к лицу с халифом, который сделал вид, что только что проснулся. Халиф сказал:

— Мир тебе, Юсуф, что ты здесь делаешь?

— И тебе мир,— ответил Юсуф, который по-прежнему видел в Хакиме лишь товарища по приключениям и не удивился, застав его спящим на берегу, как делают все дети Нила в душные летние ночи.

Юсуф пригласил его к себе в лодку, и они поплыли по течению вдоль восточного берега. Заря уже осветила красноватыми отблесками ближнюю равнину, где вырисовывались стоявшие на краю пустыни руины Гелиополя. Хаким выглядел задумчивым, он внимательно вглядывался в лицо своего спутника, черты которого становились все более отчетливыми при свете дня, и убеждался, что между ними существует определенное сходство, которого он раньше не замечал, потому что они виделись лишь ночью

пли в хмельном тумане. Он больше не сомневался в том, что перед ним недавнее видение-двойник, которого, возможно, заставили играть роль халифа, пока Хакима держали в Маристане. Однако и в этом логичном объяснении оставалось много неясного.

— Мы похожи, как братья,— сказал он Юсуфу,— пной раз так случается, если происходишь из одних и тех же мест. Откуда ты родом, друг?

— Я родился у подножия Атласа, в Магрибе, среди берберов и кабилы. Я не знал отца, которого звали Давас,— его убили в бою вскоре после моего рождения; мой предок в далекие времена был шейхом этой страны, затерявшейся в песках.

— Мои предки тоже происходили из этой страны,— сказал Хаким,— кто знает, может быть, мы вышли из одного племени... но какое это имеет значение? Наша прочная и искренняя дружба не пуждается в узах крови. Скажи мне, почему я не видел тебя последние дни?

— О чем ты спрашиваешь? — сказал Юсуф.— Эти дни, или, точнее, эти ночи — потому что днем я сплю — прошли как чудесные сны, полные очарования. После того как стража напала на нас в океле и разлучила, я снова встретил на Ниле чудное видение, в реальности которого я уже не мог сомневаться. Закрывая мне глаза рукой, чтобы потом я не смог найти обратной дороги, она провела меня в великолепный сад, а оттуда в роскошные покои, где гений архитектора превзошел те сказочные дворцы, что рождаются в дурмане гашиша. Странная у меня судьба! Мои бдения более фантастичны, чем мои сны. Казалось, во дворце никого не удивляло мое присутствие, и, когда я шел, все почтительно склоняли предо мной головы. Затем эта необычная женщина посадила меня у своих ног, и я захмелел от ее речей и от ее взгляда. Каждый раз, когда она поднимала на меня глаза, обрамленные бархатными ресницами, мне казалось, что предо мной открывались двери рая. Ее мелодичный голос погружал меня в невыразимое блаженство. Моя душа, убаюканная этой божественной мелодией, таяла от наслаждения. Рабы принесли изысканные кушанья: варенье из роз, шербет со льдом, которых она едва касалась губами; такое небесное создание, такое совершенство питается, наверное, только ароматами, росой и светом. Однажды она произнесла магические слова, и плита в полу, испещренная таинственными печатями, отодвинулась. Мы спустились в подземелье, где хранятся сокровища; она показа-

ла мне свои богатства, сказав, что все это станет моим, если я буду храбр и буду любить ее. Я увидел там больше чудес, чем в пещере горы Каф, где спрятаны сокровища ангелов: там были слоны из горного хрусталя; золотые деревья, на которых пели и махали крыльями птицы из драгоценных камней; павлины, веером распустившие свои хвосты, украшенные солнцами бриллиантов; горы кристаллов камфоры, ограненных в форме дынь и покрытых сеткой филигранны; шатры из бархата и парчи на шестах из массивного серебра; каменные колодцы, наполненные, как зерном, горами золота, серебра, жемчуга.

Хаким, который внимательно слушал Юсуфа, спросил: — Знаешь ли ты, брат мой, что то, что ты видел, — это сокровища Харуна ар-Рашида, увезенные Фатимидами, они могут находиться только во дворце халифа?

— Я не знал этого, но по красоте и богатству моей незнакомки догадался, что она очень высокого происхождения, может быть, она родственница великого везира, жена или дочь какого-нибудь важного эмира! Но зачем мне знать ее имя? Она любит меня, разве этого не достаточно? Вчера, когда я пришел на условленное место, я застал там рабов: они меня омыли, умастили благовониями, нарядили в роскошные одежды, наверное, сам халиф Хаким не мог бы носить лучшие. Сад был празднично освещен, как будто готовилась свадьба. Моя возлюбленная разрешила мне сесть подле нее на диване, положила свою руку на мою и одарила меня взглядом, полным томления и страсти. Внезапно она побледнела, словно увидела страшное привидение, роковую тень, пришедшую, чтобы омрачить праздник. Нетерпеливым жестом она отпустила рабов и прошептала мне срывающимся голосом:

— Я погибла! Я увидела за портьерами горящие глаза цвета сапфира, эти глаза не знают пощады. Достаточно ли ты любишь меня, чтобы умереть? — Я заверил ее, что предан ей безгранично. — Нужно, — продолжала она, — чтобы ты исчез, словно тебя никогда не было, чтобы на земле не осталось твоего следа, чтобы ты растворился, чтобы твое тело распалось на неосязаемые частицы, которые тоже должны бесследно исчезнуть, иначе тот, кто повелевает мной, придумает для меня такую страшную казнь, что содрогнутся злые дивы и задрожат от ужаса проклятые в аду. Иди за этим негром, он распорядится твоей жизнью так, как нужно.

За потайной дверью негр поставил меня на колени, как если бы собирался отрубить мне голову, он два или

три раза взмахнул мечом, но, убедившись в моей твердости, сказал, что все это была игра, испытание, что принцесса хотела проверить, действительно ли я столь храбр и так предан ей, как говорил.

— Будь завтра к вечеру в Каире у фонтана влюбленных, там тебе назначат новое свидание,— прибавил он, прежде чем вернуться в сад.

После этого рассказа у Хакима больше не оставалось сомнений относительно обстоятельств, которые разрушили его планы. Его удивляло только, почему ни измена сестры, ни любовь, которую питал юноша низкого происхождения к его сестре, не вызывали у него гнева. Быть может, после стольких кровавых казней он устал карать или, сознавая свое божественное начало, ощущал ту отцовскую любовь, которую бог должен испытывать к своим чадам? Беспощадный к злу, он чувствовал себя бессильным перед всепобеждающим даром молодости и любви. Была ли виновна Ситт аль-Мульк в том, что отвергла брак, который казался ей преступным? Был ли виновен Юсуф, когда полюбил женщину, не ведая, кто она? И вот халиф решил явиться на назначенное Юсуфу свидание, чтобы простить их и благословить этот союз. Только с этой целью он вызвал Юсуфа на откровенность. Но в голове у него проносились мрачные мысли, теперь его беспокоила собственная судьба. Обстоятельства складывались неблагоприятно, и даже его воля была бессильна перед ними. Прощаясь, он сказал Юсуфу:

— Мне жаль приятных вечеров, проведенных в океле. Мы туда еще вернемся, ведь халиф отменил указы, запрещающие гашиш и опьяняющие напитки. Мы вскоре опять увидимся, друг мой.

Возвратившись во дворец, Хаким вызвал к себе начальника охраны Абу-Аруса, который в ту ночь нес дежурство во главе отряда в тысячу человек, и приказал всем быть в казармах; он хотел, чтобы все ворота Каира были заперты, когда он отправится в свою обсерваторию, и только одни ворота должны были открыться по условленному сигналу, когда он соблаговолит вернуться. В тот вечер его проводили до конца улицы Дарб ас-Сибя; там он сел на осла, которого его люди держали наготове в доме у евнуха Несима, стража ворот, и он выехал за город, как обычно, в сопровождении пешего слуги и юноши раба. Взобравшись на гору и еще не успев подняться в башню обсерватории, он взглянул на звезды и вскричал:

— Ты все же появился, предвестник несчастья!

Затем он встретил несколько всадников-арабов, они узнали его и попросили о помощи, он отправил их со своим слугой к евнуху Несиму, чтобы тот дал им денег; затем он поехал по дороге к некрополю, расположенному слева от горы аль-Мукаттам. Он почти уже достиг мавзолея Фоккай, как вдруг в местечке, называвшемся Максаба, где росло много тростника, на него напали трое вооруженных кинжалами; но едва они нанесли первые удары, как один из них при свете луны узнал Хакима и бросился на двух других. Он дрался с ними до тех пор, пока сам не упал рядом с халифом, крикнув: «О брат мой!» Так по крайней мере рассказывал раб, которому удалось спастись. Он прибежал в Каир и известил Абу-Аруса, но, когда стражники прибыли на место убийства, они не нашли ничего, кроме окровавленных одежд и серого осла халифа по кличке Камар, у которого были перерезаны сухожилия.

ОТЪЕЗД

Так закончилась история халифа Хакима. Шейх замолчал и погрузился в глубокую задумчивость. Рассказ об этой жизни, полной страданий, правда, менее трагической, чем жизнь Христа, меня глубоко взволновал — может быть, потому, что во время своего недавнего пребывания в Каире я видел места, где разворачивались эти события: карабкался по склонам горы аль-Мукаттам, на которой сохранились остатки обсерватории Хакима. Кем бы он ни был — богом или человеком, халиф Хаким, столько раз оклеветанный коптскими и мусульманскими историками, по-видимому, стремился установить царство разума и справедливости. Я увидел в новом свете события, описанные аль-Макином, аль-Макризи, ан-Нувейри и другими писателями, чьи книги читал в Каире, и я оплакивал горькую судьбу, которая обрекает всех реформаторов, пророков, мессий на насильственную смерть, а позднее на людскую неблагодарность.

— Вы мне не рассказали, — заметил я шейху, — кто из врагов Хакима приказал убить его.

— Вы читали историков, — сказал он, — и, наверное, знаете, что Юсуф, сын Давваса, отправился на свидание к фонтану влюбленных. Там его встретили рабы, они отвели его в дом, где ждала переодетая принцесса Ситт аль-Мульк. Ей удалось уговорить Юсуфа убить Хакима, сказав, что Хаким собирался предать ее смерти; она обещала Юсуфу выйти за него замуж. Ее слова сохранила нам

история: «Отправляйся на гору, он придет туда один, его будет сопровождать только слуга. Затем он спустится в долину, беги за ним и убей его; убей и слугу его, и юношу раба, если тот будет с ним». Она вручила ему обоюдоострый кинжал — *яфур*; затем она дала оружие двум рабам, велев им следовать за Юсуфом и убить его, если он не выполнит своей клятвы. Только нанеся первый удар халифу, Юсуф признал в нем своего спутника по ночным прогулкам; Юсуф пришел в ужас и бросился на рабов, но тут же упал, сраженный их ударами.

— А что случилось с телами? История говорит, что они исчезли, на этом месте нашли лишь осла и семь плащей Хакима, застегнутых на все пуговицы.

— Разве я говорил вам, что были тела? В наших преданиях об этом ничего не сказано. Звезды обещали халифу восемьдесят лет жизни, если он избежит опасности в эту ночь — двадцать седьмого шавваля четырехста одиннадцатого года хиджры¹⁰⁸. Неужели вы не знаете, что в течение шестнадцати лет после его исчезновения народ Каира все еще считал, что он жив?

— Мне действительно приходилось слышать нечто подобное, но частые явления Хакима обычно приписывали самозванцам, таким, как Шерут, Сиккин и другие; они были похожи на него и пользовались этим сходством. Такое нередко случается с выдающимися правителями, жизнь которых становится народной легендой. Копты утверждают, что Иисус Христос явился Хакиму, который просил у него прощения за совершенные злодеяния и долгие годы каялся в пустыне.

— Наши книги говорят, — сказал шейх, — что Хаким не умер от нанесенных ударов. Его подобрал неизвестный старик, и он пережил ту роковую ночь, когда его должны были убить по приказу сестры; но, устав от власти, он удалился в пустыню Аммона и там создал учение, которое позднее поведал его ученик Хамза. Его последователи, изгнанные из Каира после его смерти, ушли в Ливан и там дали начало народу друзов.

Все эти легенды перепутались у меня в голове, и я собирался еще раз навестить друзского вождя, чтобы как следует расспросить его об учении Хакима, но буря, которая удерживала меня в Бейруте, улеглась, и я должен был отправиться в Сен-Жан д'Акр, где надеялся заинтересовать пашу судьбой пленника. Я пришел к шейху, только чтобы с ним попрощаться, и не посмел заговорить с ним о его дочери, не сказал, что видел ее.

ПАКЕТБОТ

Маршруты греческих и арабских судов чем-то напоминают маршруты Одиссея и Телемаха, так как зависят от переменчивого ветра, который может занести их в любой уголок Средиземноморья; поэтому, если европейцу нужно попасть в какой-нибудь определенный порт на сирийском побережье, ему лучше всего дождаться английского пакетбота, обслуживающего каботажную линию в Палестине. Каждый месяц простой бриг, даже не пароход, следует из порта в порт, которые когда-то назывались: Берит, Сидон, Тир, Птолемаида, Цезарея (Кесария); от них не сохранилось даже развалин. В древние времена эти города владычествовали над морями и торговлей; их наследница — Англия не сочла нужным предоставить им даже парохода. Однако на борту пакетбота, так же как на крупных судах, полностью соблюдаются все социальные условности, которых так строго придерживается эта свободная страна. В первый класс не пускают простых пассажиров, то есть тех, у кого нет туго набитого кошелька; эти порядки порой удивляют восточных людей, особенно когда они видят, что торговцы занимают лучшие места, а шейхи, шерифы и даже эмиры ютятся вместе с солдатами и слугами. Из-за жары спать в каютах невозможно; и вот все пассажиры перетаскивают на спине, как парализованные из Евангелия, свои койки на палубу — там спят почью и во время сиесты; остальное время пассажиры спят на корточках на своих матрасах или циновках, прислонившись спиной к борту и покуривая трубки или кальяны. Только франки весь день слоняются по палубе, к большому удивлению левантинцев, отказывающихся понимать это беличье мельтешение. Невозможно сделать и шага, не споткнувшись о ноги какого-нибудь турка или бедуина, который вскакивает с угрожающим видом, хватаясь за кинжал, и изрыгает проклятия, обещая встретиться с ва-

ми в другом месте. Мусульмане, которые путешествуют со своим сералем, но не имеют денег, чтобы снять отдельную каюту, вынуждены помещать своих жен на корме, в загородке, где несчастные едут, тесно прижавшись друг к другу, как овцы. Иногда бывает, что жены страдают от морской болезни, тогда супруг идет к заболевшей, провожает ее вниз, а затем отводит обратно в «овчарню». Во время такого путешествия супругу-турку приходится терпеливо выполнять массу всевозможных обязанностей под насмешливыми взорами неверных. Он сам утром и вечером наполняет водой из общей бочки медные тазы, предназначенные для ритуальных омовений, заменяет воду в кальянах, заботится о детях, изнемогающих от качки,— все это только для того, чтобы уберечь жен и рабынь от соседства с франками. Эти предосторожности не нужны, когда на судне одни левантинцы. Несмотря на то что они исповедуют разные религии, левантинцы придерживаются определенных правил поведения в обществе, особенно по отношению к женщинам.

Пробил колокол, приглашающий к завтраку; как раз в этот момент английский миссионер, тоже ехавший в Аккру, показал мне место на побережье, где, как полагают, Иона вышел из чрева кита. Небольшая мечеть, возведенная на этом месте, показывает, с каким уважением мусульмане относятся к этому библейскому преданию; по этому поводу я завел с пастором один из тех религиозных диспутов, которые в Европе уже не в моде, но естественно возникают между путешественниками на Востоке, где все пронизано религией.

— По существу,— сказал я,— Коран — это не что иное, как краткое изложение Ветхого и Нового завета с несколькими поправками на особенности климата. Мусульмане чтут Христа как пророка, если не как бога; они почитают аль-Азрау Марьям (Деву Марию), а также наших ангелов, пророков и святых; откуда же идут те глубокие предрассудки, которые разделяют мусульман и христиан, откуда недоверие друг к другу?

— Лично я не принимаю этого,— сказал мне пастор.— Я думаю, что когда-нибудь турки и протестанты смогут договориться. Возникнет какая-нибудь промежуточная секта, что-то вроде восточного христианства.

— Или англиканского ислама,— сказал я.— А почему такое слияние невозможно с католиками?

— Да потому, что в глазах мусульман католики — это идолопоклонники. Вы можете сколько угодно им доказы-

вать, что вы служите не нарисованным образам и скульптурам, а тем, кого они изображают, что вы чтите ангелов и святых, а не поклоняетесь им. Они не понимают этой разницы. Да и потом, разве были такие идолопоклонники, которые поклонялись просто дереву или металлу? Значит, для мусульман вы одновременно и идолопоклонники и политеисты, тогда как различные протестантские исповедания...

Наша беседа, которую я здесь кратко излагаю, продолжалась уже после завтрака, и эти последние слова услышал чернобородый, небольшого роста человек с быстрым взглядом, в греческой накидке с поднятым капюшоном, прикрывающим головной убор — единственный признак на Востоке, по которому можно определить национальность. Но мы недолго оставались в неведении на этот счет.

— Пресвятая дева! — воскликнул незнакомец. — Протестанты тут сделают не больше, чем другие. Тюрки всегда будут тюрками (он произносил «тюрки»).

Внезапное вторжение в нашу беседу и провансальский акцент не испортили мне удовольствия от встречи с соотечественником. Я повернулся к нему и что-то сказал — на меня обрушился поток красноречия.

— Нет, сударь, с тюрками ничего не поделаешь. Этот народ исчезает! Сударь, я жил последнее время в Константинополе и все время спрашивал себя: «Где тюрки?» Их больше нет!

Страсть к парадоксам в сочетании с произношением безошибочно указывали, что передо мной — дитя улицы Канебьер¹⁰⁹, только слово «тюрки», которое он все время повторял, меня немного раздражало.

— Ну, это уж слишком! — сказал я. — Я сам видел довольно много турок.

Я произнес последнее слово особенно отчетливо, но провансалец не обратил на это ни малейшего внимания.

— Вы считаете, что видели тюрков? — вскричал он, произнося слово «тюрков» особенно мелодично. — Но это не настоящие тюрки. Я считаю тюрками только османцев. Мусульманин — еще не тюрков.

Впрочем, южанин считает свое произношение идеальным, а выговор парижанина — смешным. Я скорее мог привыкнуть к его акценту, нежели к его парадоксальным высказываниям.

— И вы уверены, что это именно так? — спросил я его.

— Послушайте, сударь, я возвращаюсь из Константинополя; там живут одни греки, армяне, итальянцы и выходцы из Марселя. Если там случайно и окажется тюрок, то его тотчас делают кади, улемом или пашой, а то и просто отправляют напоказ в Европу.

Я повернулся к английскому миссионеру, но он, покинув нас, прогуливался по корме.

— Сударь, — сказал мне марселец, беря меня под руку, — как вы думаете, что сделают дипломаты, когда райя придут к ним и скажут: «С нами произошло несчастье; во всей империи нет больше ни одного тюрка... Мы не знаем, что делать, вот вам ключи от всех дверей».

Дерзость такого предположения рассмешила меня. Марселец же продолжал как ни в чем не бывало:

— Европа скажет: «Поищите получше; наверное, где-нибудь заваялось несколько тюрков! Без них никак нельзя: ни тебе пашей, ни везиров, ни муширов, ни назиров. Это перевернет всю нашу дипломатию. К кому обращаться? За что платить драгоманам?»

— Да, действительно.

— Папа римский скажет: «Боже мой! Что же делать? Кто теперь будет охранять храм Гроба господня, когда нет больше тюрков!..»

Не так-то легко остановить марсельца, пустившегося в рассуждения. Этот же, казалось, был счастлив, что ему удалось доказать всю несостоятельность простодушного высказывания одного из его сограждан: «Вы едете в Константинополь? Там полно тюрков!»

Когда я подошел к пастору, он встретил меня довольно холодно. Я понял, что пассажиру первого класса не пристало разговаривать с пассажирами из второго класса. Отныне он и меня считал недостойным своего общества и, безусловно, глубоко сожалел о том, что завязал отношения с человеком, который вел себя не как джентльмен. Может быть, он простил бы мне левантинский костюм, отсутствие желтых перчаток и лакированных ботинок, но отнюдь не готовность вступить в разговор с первым встречным, это было совершенно *impardonable* (неприлично). Он со мной больше не разговаривал.

СВЯЩЕННИК И ЕГО ЖЕНА

Поскольку мне нечего больше было опасаться, я решил полностью насладиться обществом марсельца, который оказался весьма интересным собеседником, особенно

если учесть недостаток развлечений на английском пакет-боте. Этот человек много путешествовал и многое повидал; по торговым делам ему приходилось часто переезжать из порта в порт и завязывать деловые отношения с разными людьми.

— Англичанин не хочет больше разговаривать, наверное, у него началась морская болезнь. Точно, он нырнул в свою каюту. Видно, много съел за завтраком.

Он помолчал и, засмеявшись, продолжал:

— У нас был такой депутат, он очень любил вкусно поесть. Как-то в паштет из дрозда ему подсунули мясо совы. «Вот,— сказал он,— кажется, вкусный кусочек!» А когда он закончил трапезу, ему сказали, что он ел... Вы бы видели, что с ним творилось, что там качка...

Безусловно, мой провансалец не принадлежал к изысканному обществу, но, что делать, я уже перешел Рубикон. Я пересек ту невидимую границу, которая отделяет первый класс от второго, и не принадлежал более к обществу *comme il faut*; приходилось с этим мириться. Наверное, пастор, который так неосторожно вступил со мной в беседу, мысленно сравнил меня с мильтоновскими падшими ангелами¹¹⁰. Признаюсь, я недолго страдал от этого; носовая часть корабля была несравненно более интересна, чем корма. Представители самых различных человеческих рас в красочных одеждах сгрудились на циновках, матрасах, дырявых ковриках — все это сверкало на ярком солнце, словно расшитое золотом покрывало. Блестящие глаза, белые зубы, беззаботный смех горцев, патриархальные нравы бедных курдских семейств, сгрудившихся в тени парусов, как в палатках посреди пустыни, благородная осанка эмиров и шерифов, у которых явно было больше предков, чем пиастров, и которые, как Дон Кихот, могли бы сказать: «Где бы ни сел, я на почетном месте»¹¹¹, — все это, разумеется, стоило общества нескольких молчаливых туристов и церемонных восточных чиновников.

Болтая, марселец подвел меня к своему матрасу, рядом расположились греческий священник и его жена, совершающие паломничество в Иерусалим. Это были довольно добродушные старички, успевшие уже подружиться с марсельцем. У них на коленях прыгал ручной ворон; они делили с ним свой скромный завтрак. Марселец предложил мне сесть рядом, достал из ящика огромных размеров колбасу и бутылку вина.

— Если вы еще не успели позавтракать, угощайтесь,

попробуйте, сударь, это арльская колбаса, она вызывает аппетит даже у мертвого! Консервированные ростбифы и овощи из жестяных банок, которые подают вам, пассажирам первого класса, не стоят хорошего куска колбасы, свежей, прямо со слезой. С запасом такой колбасы вы можете спокойно пересечь пустыню, да еще заслужите благодарность арабов, которые будут утверждать, что в жизни не ели ничего вкуснее!

Чтобы доказать это, марселец отрезал два куска и предложил священнику и его жене, которые не замедлили отдать должное этому угощению.

— Но это, извините, нельзя есть всухомятку, — продолжал марселец, — вот камаргское вино, оно гораздо лучше кипрского и идет как столовое... Вам, наверное, нужен бокал, сам-то я пью прямо из бутылки.

Священник достал из-под сутаны что-то вроде серебряного кубка, покрытого выпуклым орнаментом старинной работы; внутри сохранились следы позолоты; возможно, это был церковный килик. Вино кровавого цвета весело играло в серебряном сосуде. Я так соскучился по красному вину и еще больше по французскому, что осушил кубок без всяких церемоний в противоположность священнику и его жене.

— Посмотрите на этих славных людей, — сказал мне марселец. — Им вместе уже, наверное, полтора века, и вот перед смертью они решили посмотреть святую землю. В Иерусалиме они отпразднуют свою золотую свадьбу. Их дети умерли. Все их состояние — этот ворон! И все равно они едут туда, чтобы возблагодарить всевышнего!

Священник, поняв, что мы говорим о нем, благодушно улыбался под своей черной скуфьей; старушка в длинной накидке из синей шерсти напоминала мне суровую Ревекку.

Корабль замедлил ход, некоторые пассажиры повскакали со своих мест, указывая на белую точку на берегу: мы подходили к порту Сайды, древнего Сидона. Гора Илип (Мар-Элиас) — священная как для турок, так и христиан и друзов — виднелась слева от города. Мой взор привлекло массивное здание «французского каравансарая». На стенах и башнях сохранились следы английской бомбардировки 1840 года, когда были разрушены все приморские города Ливана. Кроме того, все порты Ливана — от Триполи до Сен-Жан д'Акра — были как известно, засыпаны по приказу Фахр ад-Дина, друзского эмира, чтобы помешать высадке турецких войск. С тех

пор некогда цветущие города являют картину разрухи и опустошения.

Только природа не подчиняется библейскому проклятию. Все, что осталось от городов, она окружила нежной зеленью. Сады Сидона цветут так же, как во времена культа Астарты. Современный город построен в одной миле от древнего; его руины окружают холм, на вершине возвышается средневековая башня, тоже разрушенная.

В Сайде сходили многие. Поскольку корабль стоял здесь несколько часов, мы с марсельцем надумали прогуляться по берегу. Священник и его жена тоже оставляли корабль; они плохо переносили качку и решили продолжать свое паломничество по суше.

Мы прошли на каике вдоль арочного моста, который соединяет город с фортом, построенным на островке, мимо легких тартанов — только они могут подходить к порту — и причалили к старинному молу, камни которого были частично унесены морем. Пенные волны бились о развалины, и, чтобы добраться до берега, не замочив ног, необходимо было воспользоваться услугами полуголых носильщиков — хаммалов. Мы посмеивались, видя затруднительное положение, в котором оказались две англичанки — спутницы миссионера, столь же белокурые, но более тщательно одетые, чем nereиды из «Триумфа Галатеи»¹¹²: они извивались в руках этих загорелых тритонов.

Ворон — сотрапезник греческой четы — бил крыльями и кричал. Какие-то молодые люди в полосатых машлах из верблюжьей шерсти бросились к нашему багажу, другие предлагали себя в чичероне, выкрикивая несколько слов по-французски. Лишь вид лодок с апельсинами, инжиром и огромным виноградом — дарами земли обетованной — ласкал взор; чуть дальше острый запах пряностей, соленой рыбы и горелого масла говорил о близости лавок. Миповав здание морской службы и таможню, мы вышли на улицу, вдоль которой тянулись лотки с товарами, и оказались у ворот «французского караван-сарая». И вот мы на нашей земле. Над этим зданием, самым большим в Сайде, реет трехцветный флаг. В центре квадратного двора, затененного акациями, виднеется бассейн, вокруг тянутся два ряда галерей; нижний ряд — магазины, верхний — квартиры негоциантов. Мне указали консульство в левом углу двора, и я направился туда, в то время как марсеlec и священник пошли в монастырь францисканцев, расположенный в глубине двора. «Французский караван-сарай» — это целый город, я не видел в Сирии бо-

лее крупного сооружения такого рода. К сожалению, наша торговля уже не соответствует его размерам.

Я мирно беседовал с господином Кюнти, нашим вице-консулом, как вдруг ворвался возбужденный марселец и стал поносить францисканцев, осыпая их эпитетами в духе Вольтера. Они отказались принять священника и его жену.

— Дело в том,— объяснил господин Кюнти,— что они дают приют лишь тем, у кого есть рекомендательные письма.

— Да, это очень удобно,— сказал марселец,— но я-то знаю этих монахов и их проделки; когда они видят бедняков, у них всегда один ответ. А люди состоятельные платят по восемь пиастров (два франка) в день в каждом монастыре — цену не назначают, но они сами знают, сколько нужно платить,— и, будьте покойны, их повсюду прекрасно принимают.

— Но ведь и бедным пилигримам дают рекомендации,— сказал господин Кюнти,— монахи их принимают бесплатно.

— Возможно, что это и так, а потом через три дня их выставляют за дверь. И сколько же таких бедняков они принимают за год? А знаете ли вы, что во Франции дают паспорта для выезда на Восток лишь тем, кто докажет, что у него хватит денег на путешествие?

— Это действительно так,— подтвердил я и изрек несколько прописных истин о равенстве всех французов... при условии, что у них есть деньги.

— Возможно, вы знаете,— ответил вице-консул,— что в силу капитуляций¹¹³ с Портой консулы обязаны репатриировать своих граждан, у которых нет средств на возвращение в Европу. Для государства это большой расход.

— Итак,— сказал я,— довольно самостоятельных крестовых походов, довольно паломничества, при всем том, что у нас церковь не отделена от государства.

— Все эти рассуждения,— вскричал марселец,— не помогут нам найти пристанище для этих славных людей.

— Я мог бы их рекомендовать,— сказал господин Кюнти,— но вы понимаете, что католический монастырь в любом случае не примет греческого священника с его женой. Однако здесь имеется греческий монастырь, и они могли бы обратиться туда.

— Ну нет,— сказал марселец,— это еще хуже.— Эти бедняки — из греков-схизматиков; вы знаете, во всех исповеданиях одно и то же: чем ближе верования, тем силь-

нее несправедят друг друга верующие; попробуйте это уладить... Ей-богу, я постучусь в дверь какого-нибудь турка. Они-то не откажут. Они-то предоставят кров каждому страждущему.

Господин Контти с трудом убедил марсельца не делать этого и изъявил готовность предоставить свое помещение священнику, его жене и ворону, который, почувствовав беспокойство хозяев, жалобно каркал.

Наш консул, человек щедрой души, как выяснилось, был ученый-ориенталист; он мне показал два текста, переведенные им с манускриптов, которые предоставил ему один друг. Оказалось, что их религиозная доктрина больше не окружена такой тайной, как прежде. Узнав, что эта тема меня очень интересует, господин Контти любезно рассказал мне обо всем за обедом. Затем мы отправились осматривать развалины; чтобы добраться до них, нам пришлось пересечь восхитительные сады, самые прекрасные на побережье Сирии. Что же касается руин, расположенных к северу, то это всего лишь щебень и пыль; основание стены, возможно, восходит к финикийской эпохе; остальное — остатки средневековых построек. Известно, что Людовик Святой велел построить здесь город и восстановить замок, воздвигнутый еще при Птолемах. Цистерна Илии, гробница Завулона и несколько погребальных гротов с настенными рисунками — это все, что осталось от прошлого Сайды.

На обратном пути господин Контти показал нам дом, в котором жил Бонапарт во время сирийской кампании. По его указанию комната была оклеена обоями с военной символикой; в двух книжных шкафах, на которых стояли китайские вазы, хранились книги и планы, их прилежно штудировал император. Как известно, чтобы установить отношения с эмирами Ливана, он дошел до Сайды. По тайному договору в его распоряжение поступило шесть тысяч маронитов и шесть тысяч друзов, которые должны были остановить армию дамасского паши, наступавшую на Аккру. К сожалению, интриги европейских монархов и частично монастырей, враждебных идеям революции, приостановили народное движение; слишком осторожные эмиры Ливана поставили свое официальное участие в войне в зависимость от исхода осады Сен-Жан д'Акра. Впрочем, тысячи местных воинов присоединились к французской армии из ненависти к туркам. Но численность войск в этих обстоятельствах не имела значения. Осадные команды, которых с нетерпением ждали, были перехвачены англий-

ским флотом, которому удалось забросить в Аккру своих саперов и канониров.

Обороной, как известно, руководил француз, некто Фелиппо, однокашник Наполеона. Бывает же так, что старая школьная вражда решает судьбы мира!

ЗАВТРАК В СЕН-ЖАН Д'АКРЕ

Пакетбот снова поднял паруса. По мере того как мы приближались к Аккре, цепь Ливанских гор понижалась, отступала вдаль, берег становился песчаным, зелень исчезала. Вскоре появился порт Сура, древнего Тира. Мы остановились там ненадолго, чтобы взять на борт нескольких пассажиров. Этот город еще меньше, чем Сайда. Он построен на самом берегу, на островке, где возвышался Тир в те времена, когда его осаждал Александр, теперь остались только сады и пастбища. Мол, который был построен великим завоевателем, занесен песком; на нем не видно следов человеческой деятельности, это просто перешеек длиной в четверть лье. Но если от античности на этих берегах сохранились лишь остатки красно-серых колонн, то христианское время представлено более величественными памятниками. Еще можно различить фундамент древнего собора, построенного в сирийском стиле; он состоял из трех полукруглых нефов, разделенных пилястрами; в одном из нефов — могила Фридриха Барбароссы, утонувшего недалеко от Тира, в реке Касами¹¹⁴. В Рас-аль-Айне, в одном лье от города, и поныне существуют знаменитые колодцы с живой водой, упомянутые в Библии. Это настоящие артезианские колодцы, создание которых приписывают царю Соломону; на горизонте и сейчас виднеются отдельные арки акведука, по которому вода из них поступала в Тир. Вот все, что осталось от древнего Тира. Когда-то он славился во всем мире своими прозрачными вазами, огненным пурпуром, ценными породами дерева. Богатая торговля уступила место вывозу небольшого количества зерна; его собирают метуалии и продают греки, которых очень много в городе.

Уже спускалась ночь, когда мы входили в порт Сен-Жан д'Акр. Было слишком поздно, чтобы высаживаться на берег, но при свете звезд благодаря контрасту моря и суши четко выделялись контуры залива, изящным полукругом лежавшего между Аккрой и Хайфой. Над линией горизонта в несколько лье возвышались вершины Анти-

ливана; они снижались слева, а справа поднимались, громясь друг над другом, горы Кармельской гряды, уходящие к Галилее. Виднелись только зубчатые стены спящего города, его прямые башни и оловянный купол мечети с заметным издали единственным минаретом. Если бы не эта чисто мусульманская достопримечательность, можно было бы подумать, что перед нами феодальный город тамплиеров, последний оплот крестоносцев.

Эта иллюзия развеялась со светом дня, который обнажил бесформенное нагромождение руин — результат многочисленных осад и бомбардировок, продолжавшихся до недавнего времени. Марселец разбудил меня на рассвете, чтобы показать утреннюю звезду, взошедшую над Назаретом, который находился всего в восьми лье отсюда. Трудно передать охватившее нас волнение. Я предложил марсельцу предпринять небольшое путешествие.

— К сожалению, — сказал он, — там нет больше дома Девы Марии; вы ведь знаете, что однажды ночью ангелы перенесли его в Лоретту, близ Венеции. Теперь показывают только место, где стоял дом. Вот и все. Не стоит ехать, чтобы смотреть то, чего нет.

Раз так, подумал я, сейчас самое подходящее время нанести визит паше. Марселец благодаря своему знанию турецких нравов мог бы дать мне совет относительно того, как мне следует представиться, и я рассказал ему о своем знакомстве с пашой в Париже.

— Думаете, он меня узнает? — спросил я.

— Вполне возможно, — ответил он, — только вам нужно переодеться в европейское платье, иначе вам придется дожидаться приема как обычному посетителю и вы вряд ли сможете попасть к нему сегодня.

Я последовал его совету, оставив только феску, так как голова у меня была выбрита по-восточному.

— Я хорошо знаю пашу, — говорил мне марселец, пока я переодевался. — В Константинополе его звали Гезлюк, что значит «человек в очках».

— Это правда, — сказал я, — он носил очки.

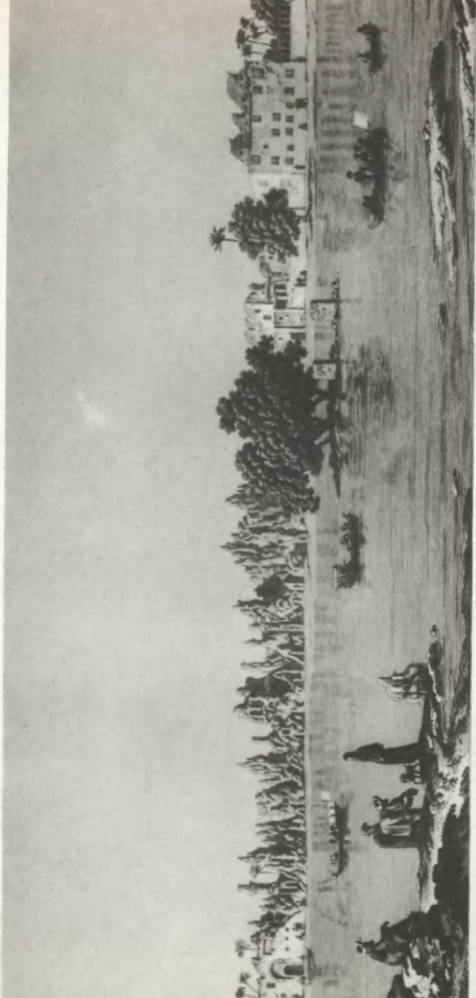
— Видите, как бывает у тюрок: прозвище становится именем, а потом станет и фамилией; его сын и все потомки будут зваться Гезлюк-оглу. Большая часть собственных имен имеет такое же происхождение... Обычно это указывает на то, что человек возвысился благодаря своим заслугам, и его дети получают в наследство имя, иногда это ироническое прозвище, напоминающее о смешной черте или о физическом недостатке, а иной раз о ремесле,

Н. Конте. Мечеть в Каире,
1800, офорт

О. Джонс, О. Гоури.
Интерьер мечети, 1843,
литография

Ж. Коллен. Каир.
Площадь Эзбекия, 1808,
офорт

←
О. Джонс, О. Гоури.
Пирамиды в Гизе, 1837,
литография

А. Биде. Женщина в покрывале,
1844, литография

А. Бюда. Крестьянка, 1844, литография

А. Бидá. Знатная египтянка, 1844, литография

А. Бюда. Альмея, 1844, литография

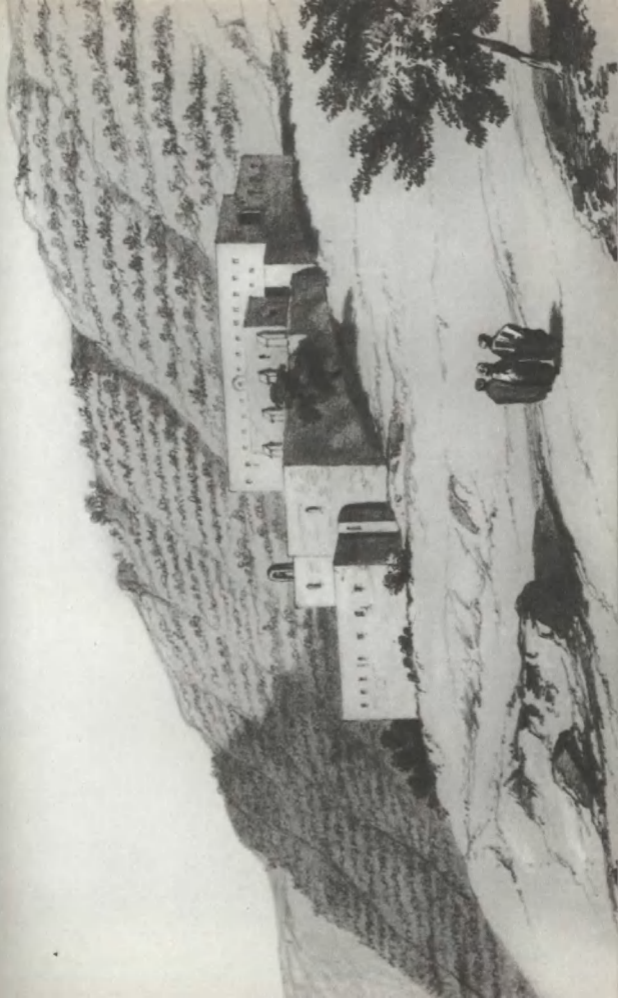
А. Биды. Женщина с дарабуккой, 1844, литография

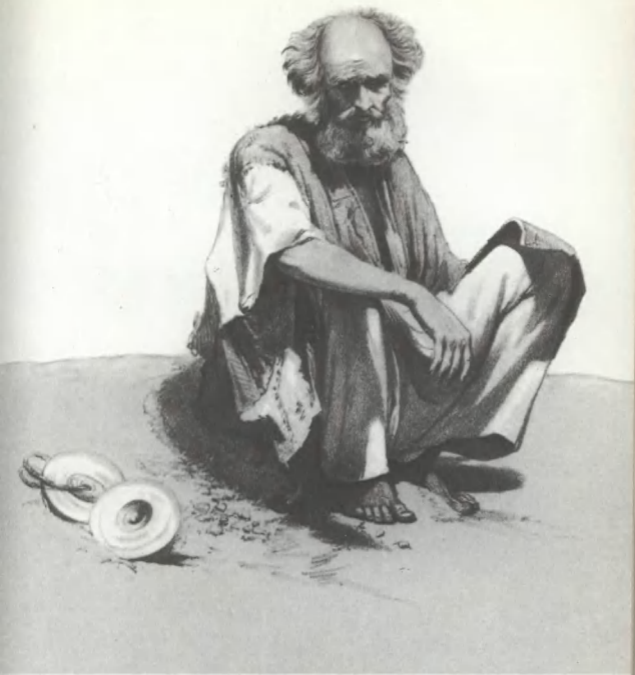
П. Мария. Музыканты, 1837, литография

Л. де Ляборд. Ливан. Вид монастыря, 1837, литография

←
П. Мариля. Верблюды, 1837,
литография

Л. де Ляборд. Святой угодник,
1837, литография

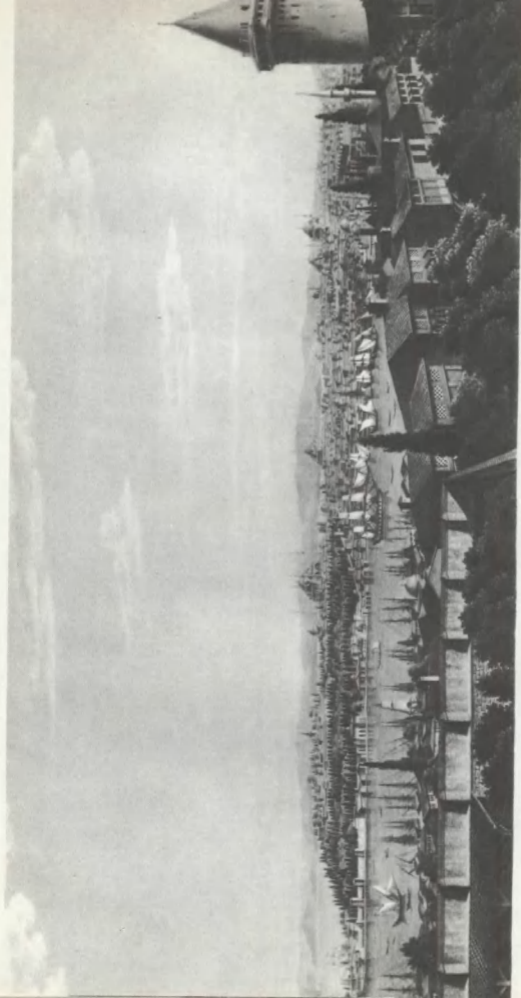

Л. де Ляборэ. Баальбек, 1837, литография

П. Лей. Дом в Бейруте, 1837, литография

А. Меллинг. Вид Константинополя, 1809, офорт

которым человек занимался до того, как стал важной особой.

— Это еще один из принципов мусульманского равенства: добиться почета, пройдя через унижение. Разве это также не по-христиански?

— Послушайте,— попросил меня марселец,— поскольку этот паша — ваш друг, окажите и мне услугу. Скажите, что я могу продать ему музыкальные часы с птицами, которые машут крыльями и поют, а сами часы исполняют арии из всех итальянских опер. Это настоящее чудо. Тюркам это нравится.

Вскоре мы ступили на берег. Дожидаясь подходящего времени, чтобы быть представленным паше, я прошелся по узким и пыльным улицам города, где не было ничего заслуживающего внимания, за исключением базара со стрельчатыми сводами и недавно отреставрированной мечети Джеззар-паши. От реставратора требуется большое искусство, чтобы воссоздать церкви и монастыри времен крестовых походов. Фундаменты указывают только на местоположение этих зданий; протянувшаяся вдоль порта галерея — все, что осталось от дворца великих магистров ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Резиденция паши находилась за городом, во дворце, расположенном близ садов Абдаллаха, там, где кончался акведук, пересекающий равнину. Увидев во дворе посетителей с лошадьми и рабами, я понял, насколько был прав марселец, посоветовав мне сменить костюм. В левантинском наряде я бы показался особой незначительной, но, поскольку на мне был черный европейский костюм, все взоры сразу же обратились ко мне.

Под лестницей лежала гора восточных туфель, снятых посетителями. *Сердарбаши* (начальник стражи), который меня принял, предложил мне снять ботинки, но я отказался, чем возвысился в его глазах. В приемной я оставался не более минуты. Паше передали мое рекомендательное письмо, и он приказал немедленно меня пропустить, хотя до меня было еще много посетителей. Меня встретили довольно официально и совсем не по-европейски. Паша усадил меня рядом с собой на диван, занимавший большую часть стены, и говорил только по-итальянски, хотя, как я помнил по Парижу, он владел французским языком. Он задал мне вежливый вопрос: «Хорош ли твой кейф?», что означало: «Хорошо ли ты себя чувствуешь?» — и велел принести мне кофе и чубук. Наша беседа ограничивалась общими фразами. Паша еще раз

спросил меня: «Хорош ли твой кейф?» — и велел принести мне еще одну чашку кофе. Я все утро гулял по улицам Аккры и по окрестностям, не встретив ни единой траптории; я даже отказался от хлеба и от арльской колбасы, которыми угощал меня марселец, рассчитывая на мусульманское гостеприимство, но вот что значит полагаться на дружбу сильных мира сего! Наша беседа продолжалась, а паша не предлагал мне ничего, кроме кофе без сахара и табачного дыма. Когда он третий раз повторил вопрос: «Хорош ли твой кейф?» — я встал, чтобы попрощаться. В этот момент часы, находившиеся как раз над моей головой, начали отбивать полдень, затем они заиграли какой-то мотив; почти тотчас же стали бить вторые часы и заиграли другую мелодию; вступили третьи и, наконец, четвертые; в результате комната наполнилась неслыханной какофонией. Привычный к странностям турок, я все же не мог понять, зачем понадобилось столько часов в одном зале. Паша, казалось, был в восторге от их мелодичных звуков и горд оттого, что имел возможность продемонстрировать европейцу свою любовь к прогрессу. Я вспомнил о поручении марсельца. Но переговоры показались мне тем более затруднительными, что часы были расположены симметрично в каждом углу. Куда же поместить еще пятые? И я промолчал.

Мне показалось также неуместным говорить о деле друзского шейха, заключенного в Бейруте. Я отложил этот деликатный разговор до следующего визита, когда паша, может быть, примет меня не так холодно. Я удалился, сказав, что у меня дела в городе. Во дворе меня догнал офицер и сказал, что паша приказал двум кавасам сопровождать меня. Я совсем не нуждался в таком внимании, которое обычно сводилось к тому, что сопровождающим приходилось давать большой бакшиш.

Как только мы въехали в город, я спросил у одного из провожатых, где можно позавтракать. Они переглянулись с удивлением и сказали, что сейчас не время для завтрака. Поскольку я настаивал, они попросили у меня один колоннат (испанский пиастр), чтобы купить рис и кур. Но где же все это приготовить? В караульной. Это мне показалось слишком дорого и сложно. Тогда им пришла в голову мысль отвести меня во французское консульство, но я узнал, что резиденция нашего дипломатического агента находилась на другой стороне залива, на склоне горы Кармеля. В Сен-Жан д'Акре, как и в других городах Ливана, европейцы обычно живут в горах, где

меньше чувствуется жара и обжигающие ветры равнины. У меня не хватило смелости напрашиваться на завтрак так высоко над уровнем моря. Я знал также, что ни в одном монастыре меня не примут без рекомендательного письма. Я мог рассчитывать только на встречу с марсельцем, который скорее всего находился на базаре. И впрямь, он был занят тем, что продавал греческому торговцу набор старинных часов в форме луковиц, которыми пользовались наши отцы и которые турки все еще предпочитают плоским часам. Чем толще часы, тем выше их стоимость. Нюрнбергские часы яйцевидной формы стоят безумные деньги. Стародавние ружья из Европы также пользуются большим спросом на Востоке, где доверяют только кремневым ружьям.

— Вот в чем состоит моя коммерция,— сказал мне марселец,— я покупаю во Франции по дешевке все это старье, а здесь продаю его за хорошие деньги. Старые украшения с настоящими камнями, старые кашемировые шали тоже хорошо здесь идут. Это пришло к нам с Востока и возвращается сюда. Во Франции не знают цены хорошим вещам: все зависит от моды. Имейте в виду, самая выгодная сделка — закупить во Франции старое турецкое оружие, чубуки, янтарные мундштуки и прочие восточные безделушки, привезенные в разное время путешественниками, а потом продать все это в Турции. Когда я вижу, как европейцы покупают здесь ткани, костюмы, оружие, я говорю себе: глупцы! Вам это обошлось бы намного дешевле у какого-нибудь старьевщика в Париже.

— Друг мой,— сказал я ему,— сейчас речь не об этом. Остался ли у вас хотя бы кусок вашей арльской колбасы?

— Еще бы! Ее хватит надолго. Я понимаю ваше затруднение: вы не успели позавтракать, это поправимо. Зайдем к кафеджи, там вам дадут хлеба.

Самое худшее заключалось в том, что в городе нельзя было найти ничего, кроме пресного хлеба, приготовленного без дрожжей и испеченного на жестяных пластинах; он напоминал галеты или сухие блины, какие продают на карнавалах. Я употреблял его только в очень небольшом количестве, заедая какую-нибудь пищу. С колбасой этот хлеб съесть было трудно, и завтрак у меня получился весьма скудный.

Мы предложили колбасу кавасам, но они отказались из религиозных предубеждений.

— Несчастные,— покачал головой марселец,— они думают, что это свинина! Они не знают, что арльская колбаса делается из мяса мулов!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАРСЕЛЬЦА

Давно наступило время сиесты; все спали, и двое часовых, уверенные в том, что мы поступим так же, растянулись на скамейках кофейни. У меня возникло сильное желание отделаться от надоевшего мне кортежа, отправиться за город и предаться кейфу где-нибудь в тени деревьев, но марселец сказал, что этого делать не стоит, что вряд ли мы найдем больше тени за городом, чем здесь, под защитой толстых стен базара. И мы принялись болтать, надеясь таким образом скоротать время.

Я рассказал ему о теперешнем моем положении, о моих планах, о моем твердом намерении поселиться навсегда в Сирии и жениться на местной женщине; но поскольку я не мог взять в жены мусульманку — иначе мне пришлось бы менять религию,— то остановил свой выбор на молодой друзской девушке, которая подходила мне во всех отношениях. Случается, что, подобно брадобрею царя Мидаса, вдруг начинаешь испытывать настоящую потребность излить душу первому встречному. Марселец по своему легкомысленному характеру, возможно, и не заслуживал такого доверия, но, по существу, он был добрым малым, если судить по тому интересу, с которым он слушал о моих злоключениях.

— Признаюсь,— сказал я ему,— я рассчитывал, что паша, с которым я познакомился в Париже, окажет мне менее официальный прием. Я даже питал надежду, что наше знакомство позволит мне оказать услугу друзскому шейху, отцу той прелестной девушки, о которой я вам говорил... А теперь не знаю, что и делать.

— Вы шутите? — вскричал марселец.— Вы так стараетесь ради какой-то горянки? Вы просто не знаете, кто такие эти друзья! Боже мой! Да что из себя представляет этот друзский шейх по сравнению с европейцем, с французом, с человеком из высшего света! Вот, кстати, недавно сын английского консула, мистер Паркер, женился на подобной женщине из секты ансариев¹¹⁵ области Триполи, и его семья от него отреклась! А она ведь тоже дочь шейха.

— Да, но ансарии — это не друзья.

— Послушайте, все это юношеские причуды. Я долгое время жил в Триполи, вел там дела со своим соотечественником, который открыл в горах шелкопрядильную фабрику; он хорошо знал этих людей, так вот, надо сказать, что и мужчины и женщины ведут там довольно странный образ жизни.

Я засмеялся, понимая, что сейчас речь пойдет о сектах, никак не связанных с друзьями, разве что общностью происхождения, и попросил марсельца рассказать о том, что он знает.

— Они со странностями,— шепнул он мне на ухо с тем комическим выражением, которое присуще южанам, понимающим под этим что-то особо игривое.

— Возможно,— сказал я,— но девушка, о которой я вам говорю, не принадлежит к сектам, где могут существовать обряды, в искаженном виде перешедшие из первоначального культа друзов. Она из тех, кого называют «сведущая» — акила.

— А я о чем говорю! Те, кого я знал, именовали своих жриц аккалами, это то же слово только в местном произношении. Ну так вот, знаете, чем занимаются эти жрицы? Они стоят на священном столе и изображают аль-Азрау (Святую Деву). Разумеется, в чем мать родила, а священнослужитель произносит молитву, говоря, что нужно поклоняться образу материнства. Это похоже на мессу, только на алтаре ставят большой кубок с вином, откуда священнослужитель пьет и потом передает кубок всем присутствующим.

— Вы верите этим рассказам, которые придумывают приверженцы других культов?

— Верю ли я? Конечно, верю. Я собственными глазами видел, как в окрестностях Кадмуса в день рождества все мужчины, встречая на улице женщин, простирались ниц и целовали им колени.

— Ну что ж, это пережитки древнего языческого культа Астарты, к которым примешались некоторые положения христианства.

— А что вы скажете на то, как они отмечают день Епифании?

— Крещение?

— Да, только для них этот праздник — начало Нового года. В этот день все аккалы, мужчины и женщины, собираются в своем храме, который они называют хальва; в какой-то момент во время богослужения гасятся все огни, и можете сами догадаться, что там происходит.

— Я не верю в подобные рассказы; то же самое говорили о тайных вечерах первых христиан. Да и кто из европейцев мог видеть такие церемонии, в храм ведь допускают только посвященных?

— Кто? Не кто иной, как мой соотечественник из Триполи, владелец шелкопрядильной фабрики. Он вел дела с одним из этих аккалов, тот задолжал ему. Мой друг и говорит: «Я прошу тебе долг, если ты проведешь меня на одно из ваших собраний». Тот сперва не соглашался, уверяя, что если их разоблачат, то на месте заколют кипжалами. Но знайте, когда марсельцу что-нибудь втемяшится в голову, он обязательно своего добьется. Они встретились на празднике; аккал заранее объяснил моему другу, что и когда нужно делать, особого риска не было, поскольку он был в местном костюме и хорошо знал язык. И вот они подошли к хальве; она напоминает гробницы святых: часовня с небольшим куполом словно срослась со скалой; ее почти не видно за деревьями. Вы, наверное, встречали такие в горах.

— Да, доводилось.

— Около храма было много вооруженных людей, чтобы не допускать туда любопытных.

— А потом?

— Потом они ждали, пока взойдет звезда, которую они называют аз-Зохра, это Венера. Они ей молятся.

— Наверное, это тоже пережитки поклонения Астарте.

— Подождите. Потом они начали считать падающие звезды. Когда их набралось нужное число, они увидели в этом доброе предзнаменование, вошли в храм, и началось богослужение. Пока шла молитва, в храм одна за другой входили женщины, а когда настало время жертвоприношения, все огни погасли.

— А что случилось с марсельцем?

Ему рассказали, что он должен был делать, выбора у него не оставалось; знаете, как будто женишься с завязанными глазами.

— Ну что ж, это лишь их способ бракосочетания, а раз это связано с обрядом освящения, не стоит придавать ему такого значения. Кроме того, этот обычай очень удобен для некрасивых женщин.

— Да нет же, вы не поняли! Они все женаты и все пришли вместе с женами. Даже их великий шейх, которого они называют *мукаддам*, не может уклониться от этого уравнительного ритуала.

— Я начинаю беспокоиться за судьбу вашего друга.

— Мой друг был в восторге от выпавшей на его долю удачи. Он только говорил: «Как жаль, что я не знаю, кого любил так недолго! Какой нелепый обычай!..»

— Они, вероятно, хотят, чтобы никто не знал доподлинно, кто чей отец; это лишний довод в пользу их учения о всеобщем равенстве. Восток пошел гораздо дальше нас в этом отношении.

— Однако моему другу,— продолжал марселец,— пришла в голову блестящая мысль: он оторвал лоскуток от платья женщины, которая была с ним, и подумал: завтра, при свете дня, я узнаю, с кем имел дело.

— Ого!

— Так вот,— продолжал марселец,— на рассвете, после того как служители культа призвали бога или, кто знает, может быть, дьявола благословить эти браки, все вышли из храма как ни в чем не бывало. И вот мой друг начинает следить за женщинами, которые уже успели опустить покрывала. Он вскоре увидел ту, от платья которой оторвал лоскуток. Не привлекая внимания, следует за ней, а некоторое время спустя как обычный путник стучится к ней в дом. Он просит воды; в такой просьбе в горах никогда не отказывают; его тотчас же окружает толпа детей и внуков. Увы! Эта женщина оказалась вовсе не молода!

— Зачем ему понадобилось это выяснять? Не лучше ли было сохранить иллюзию? В античной мифологии есть и более изящные легенды, например история Психеи.

— Вы думаете, что я рассказал вам легенду? Но эту историю в Триполи знает каждый. А что вы теперь скажете об этих людях и их обрядах?

— Воображение заводит вас слишком далеко,— сказал я марсельцу,— обычая, о котором вы рассказали, придерживается только одна секта, отвергнутая всеми остальными. Приписывать подобные нравы ансарням или друзьям столь же несправедливо, как распространять на все христианство аналогичного рода безумства, приписываемые анабаптистам или вальденсам¹¹⁶.

Наша беседа продолжалась. Заблуждения моего путчика еще более укрепили мои симпатии к народностям Ливана, я не кривил душой, пытаюсь его переубедить, и одновременно старался пополнить свои знания его ценными наблюдениями.

Большинство путешественников обращают внимание лишь на те стороны жизни и на те нравы чужих народов,

которые кажутся им необычными. Значение всего увиденного ускользает от них; постичь его можно, только проведя серьезные наблюдения. Как теперь я радовался тому, что познакомился с историей и с религиозными учениями народностей Ливана, которые внушают мне глубокое уважение. Поскольку я принял решение поселиться среди них, все эти сведения могли мне понадобиться для того, чтобы противостоять многим европейским предрассудкам.

Обычно в Сирии мы проявляем интерес к маронитам, которые такие же католики, как и мы, в лучшем случае еще к грекам, армянам и евреям, религиозные представления которых ближе нам, чем представления мусульман; однако мы забываем, что существуют еще и другие верования, которые способны усвоить принципы цивилизации севера и постепенно приобщить к ним арабов.

Сирия, безусловно, единственная страна Востока, где Европа могла бы утвердиться и установить прочные торговые отношения. По меньшей мере половина сирийского населения состоит из христиан и из народностей, готовых воспринять идеи реформы, к необходимости которой склоняется большая часть просвещенных мусульман.

ОБЕД У ПАШИ

День клонился к вечеру, и свежесть, принесенная легким морским бризом, пробудила горожан. Мы вышли из кофейни, и я начал беспокоиться по поводу обеда; кавасы, которых я плохо понимал, потому что они говорили на какой-то смеси турецкого и арабского, все время повторяли, как левантинцы у Мольера¹¹⁷: «Ти сабир?»

— Что они хотят? — спросил я у марсельца.

— Они говорят, что пора возвращаться к паше.

— Зачем?

— Чтобы с ним отобедать.

— Честное слово, — сказал я, — я не рассчитывал на это: паша меня не приглашал.

— Поскольку он дал вам провожатых, это само собой разумеется.

— Но в этой стране обедают обычно около полудня.

— Только не турки, у них обед на заходе солнца, после молитвы.

Я попрощался с марсельцем и возвратился во дворец пашы. Пересекая равнину, покрытую выжженными солнцем дикими травами, я увидел, что от того места, где рань-

ше стоял древний город, когда-то величественный и великолепный, осталась лишь узкая полоска земли, уходящая в море; на ней сохранились ужасающие следы трех бомбардировок, совершенных здесь в последние пятьдесят лет¹¹⁸. На равнине беспрестанно натыкаешься на осколки бомб и пушечные ядра, которыми буквально начинена эта земля.

Возвратившись во флигель, где меня принимали утром, я уже не увидел горы туфель под лестницей; в приемной (*мабаим*) не было посетителей. Меня провели через зал с часами, и в следующей комнате я увидел пашу, который курил, сидя на подоконнике; он встал и запросто, словно француз, протянул мне руку.

— Как дела? Вы хорошо погуляли по нашему прекрасному городу? — спросил он меня по-французски. — Вы все осмотрели?

Его прием настолько отличался от утреннего, что я не удержался и выразил некоторое удивление.

— Извините, — сказал он мне, — утром я вас принимал как паша. Эти славные люди в приемной не простили бы мне, если бы я пожертвовал этикетом ради *франгий*. В Константинополе это уже все понимают, но здесь — провинция.

Сделав ударение на этом последнем слове, паша стал мне рассказывать, как долго он жил в Меце, в Лотарингии, будучи слушателем артиллерийской подготовительной школы. Эта подробность была мне на руку, так как среди его сокурсников были и мои друзья. Во время беседы со стороны города раздался выстрел из портовой пушки, возвестивший о заходе солнца. Грохот барабанов и флейт напомнил албанцам, слонявшимся по двору, что настал час молитвы. Паша покинул меня на время, вероятно, чтобы исполнить свои религиозные обязанности; затем вернулся и объявил:

— Мы будем обедать по-европейски.

И впрямь, принесли стулья и высокий стол, вместо того, чтобы перевернуть табурет, поставить сверху металлический поднос, а вокруг разложить подушки, как это обычно делается. Я почувствовал в этом приеме проявление уважения ко мне, и все же, признаюсь, мне не нравились эти европейские обычаи, мало-помалу проникавшие на Восток; я пожаловался паше на то, что он обращается со мной как с заурядным путешественником.

— Вы же явились ко мне в черном костюме, — возразил он мне.

Замечание было справедливым, и тем не менее я чувствовал, что все же прав я. Как бы далеко ни простиралось расположение турка, не следует считать, что он полностью воспринял наш образ жизни. Европейские обычаи, которым он иногда следует, служат для него чем-то вроде нейтральной территории, где он нас принимает, не раскрывая нам своей души; он соглашается подражать нашим обычаям в той же степени, в какой прибегает к нашему языку, — только для общения с нами. Он напоминает балетного персонажа — полукрестьянина, полусеньора; для Европы он джентльмен, для Азии всегда османлы.

Впрочем, подобная политика продиктована предрассудками местного населения.

В остальном же паша Аккры был прекрасным человеком, вежливым и предупредительным; его глубоко огорчало положение, создавшееся в Турции из-за политики европейских держав. Он мне сказал, что покинул недавно высокий пост паши Топхане ¹¹⁹ из-за интриг европейских консулов.

— Представьте себе большой город, где сто тысяч жителей подчиняются местной полиции. Нет ни одного вора, ни одного убийцы или распутника, которому не удалось бы найти покровительство какого-нибудь консульства. В городе двадцать различных полиций, которые не считаются друг с другом, а за все отвечает паша!.. Теперь наше положение не многим лучше: здесь живет семь или восемь различных народностей со своими шейхами, своими кади и эмирами. Мы согласны оставить их в покое при условии, что они будут исправно платить дань... Но, увы! Вот уже три года, как мы не получили от них ни одного пара.

Я понял, что сейчас не самый удачный момент ходатайствовать за друзского шейха, находившегося в заключении в Бейруте, и перевел разговор на другую тему. Я надеялся, что после обеда паша, следуя старинному обычаю, усладит меня танцами альмей, ибо знал, что его французская вежливость простирается не настолько далеко, чтобы представить меня своим женам, но мне пришлось вытерпеть европейский прием до конца. Мы спустились в бильярдную, где я был вынужден играть в карамболь до часу ночи. Я поддавался, как мог, к большому удовольствию паши, который раскатисто хохотал, с радостью вспоминая забавы в мецкой школе.

— Француз, француз проигрывает, — кричал он.

— Я согласен с тем,— говорил я,— что Сен-Жан д'Акр — место неблагосклонное к французскому оружию, но сейчас вы сражаетесь в одиночку, а у старого паши Аккры были английские пушки.

Наконец мы расстались. Меня отвели в большой зал, освещенный огромной свечой, вставленной в подсвечник, который, по местному обычаю, стоял на полу посередине комнаты. Рабы приготовили мне постель, она состояла из подушек, положенных на пол, поверх которых натянули простыню с пришитым к ней с одной стороны одеялом; помимо этого мне вручили большой шелковый ночной колпак желтого цвета, похожий на дыню.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

Я прерываю здесь мой путевой дневник, который вел изо дня в день, час за часом, записывая все мельчайшие подробности, которые позволяют получить самое точное представление о местных нравах. Бывают такие минуты, когда жизнь вопреки закону времени ускоряет свой ход, словно обезумевшие часы, у которых сломался маятник; бывают же периоды, когда время будто ползет, отмеченное лишь незначительными впечатлениями, едва достойными внимания.

Поведать тебе о моих странствиях по горным дорогам или среди выжженной солнцем пустыни, о моем пребывании среди людей, душу которых можно узнать лишь после долгого соседства с ними? Их суровые нравы, размеренное существование не столь привлекательны для путешественника, как шумная, полная контрастов жизнь горожан. С некоторых пор мне кажется, что я перенесся в прошлое, воскрешенное словно по волшебству, что я попал в феодальные времена с их устоями, такими же незыблемыми, как сторожевые башни их замков.

Вы, мрачные горные цепи, черные бездны, где полуденный свет вычерчивает круги тумана; реки и горные потоки, знаменитые не менее, чем развалины, несущие в своих волнах колонны храмов и разбитые изображения богов; вы, вечные снега, венчающие горы, подножия которых вдаются в пышущие зноем поля пустыни; далекие горизонты долин, до половины заполненные синими водами морей; душистые леса кедров; вы, вздымающиеся к небу скалы, среди которых звонит колокол скитов; источники, прославленные библейской музой, куда по вечерам спускаются девушки, грациозно поддерживая на голове

высокие кувшины; да, для европейца это отчая, святая земля, его прапраматерь!

Оставим Дамаск, город арабов, цвести на краю пустыни и приветствовать солнце, встающее над высокими минаретами, но Ливан и Кармель — наследие крестовых походов, и пусть они принадлежат если не самому кресту, то хотя бы тому, что он символизирует, — свободе.

* * *

Я кратко излагаю тебе события, которые произошли за последние месяцы моей кочевой жизни. Ты знаешь, как радушно принял меня паша Аккры. Я поведал ему о своем намерении взять в жены дочь шейха Эшшерази и попросил помочь мне в этом деле. Паша от души рассмеялся, как умеют смеяться только на Востоке, и весело спросил:

— Ваше решение окончательное?

— И бесповоротное, — ответил я ему, — видите ли, мусульманин меня поймет. Во всей этой истории можно проследить целую цепь фатальностей. Жениться мне посоветовали в Египте; женитьба там — обыденное, приятное и легкое дело, начисто лишенное тех препон, которые мешают осуществить подобное намерение в Европе. Я согласился жениться и любовно вынашивал этот план; к сожалению, я весьма требователен, к тому же в отличие от многих европейцев у меня появились угрызения совести на этот счет... ведь в самом акте покупки у родителей их дочерей мне всегда виделось что-то отталкивающее. Копты и греки, совершающие подобные сделки с европейцами, прекрасно понимают, что это не настоящие браки, несмотря на пресловутое религиозное освящение... Я колебался, раздумывал и наконец за деньги, которых мне вполне бы хватило, чтобы обзавестись женой, я купил рабыню. Увы, нельзя безнаказанно вторгаться в чужой для тебя мир! Теперь я не вправе ни отослать эту женщину, ни продать ее, ни бросить, не чувствуя при этом своей вины, ни даже жениться на ней — это было бы воспринято как безумство... Теперь она стала для меня обузой, я превратился в ее раба. Видите, меня здесь удерживают происки рока.

— И в этом все дело? — спросил паша. — Тогда отдайте ее мне... в обмен на лошадь, на что хотите, если вы не желаете брать денег; у нас, мусульман, другие представления на этот счет.

— Я отдам ее в обмен на свободу шейха Эшшерази,— ответил я,— это по крайней мере будет достойная цена.

— Нет,— ответил он,— милосердие не продается.

— Ну что ж, я снова не знаю, как поступить, я не первый франк, купивший себе рабыню; обычно этих бедных девушек оставляют в монастыре; там они переходят в другую веру, а почести за их блистательное обращение достаются либо хозяину, либо просветившему их отцу-настоятелю; наконец, они становятся монахинями или, попросту говоря, несчастными. Для меня это было бы ужасным укором.

— Чего же вы хотите?

— Жениться на полюбившейся мне девушке и дать ей в приданое или в качестве свадебного подарка рабыню; они подружились и будут жить вместе. Более того, рабыня сама подала мне эту мысль. Осуществление же этого плана зависит от вас.

* * *

Я несколько сумбурно излагаю тебе все свои доводы, с помощью которых я пытался убедить пашу и использовать его расположение в свою пользу.

— Увы, я не всемогущ,— ответил паша.— Пашалык Аккры не тот, каким он был когда-то; его разделили на три губернаторства, и в Бейруте я пользуюсь только номинальной властью. Предположим, мне даже удастся выпустить на свободу шейха, но он все равно воспримет это благодеяние без всякой признательности... Вы не знаете этих людей! Я готов согласиться с тем, что этот шейх достоин всяческого уважения. Но во время недавних волнений албанцы убили его жену. Озлобившись, он способен совершить необдуманные действия и сейчас все еще опасен. Если же он пообещает в будущем вести себя разумно, то можно попытаться...

Я употребил все свое влияние на этого доброго человека и добился от него письма к губернатору Бейрута Эссад-паше. Не без помощи армянина, моего спутника по путешествию, Эссад-паша согласился отправить пленника дружескому каймакаму (губернатору), сняв с него обвинение в мятеже; это значительно упрощало дело, сведя его к простому отказу от уплаты налогов, что можно было сравнительно легко уладить. Как ты видишь, в этой стране даже паша не всевластен; в противном случае добрейший Мехмед смог бы гораздо быстрее преодолеть все

препятствия. Возможно, он также не хотел, чтобы я чувствовал себя обязанным, и скрыл от меня свое воздействие на нижестоящие власти. Как бы то ни было, явившись от него к каймакаму, я был сердечно принят; шейха уже перевели в Дейр аль-Камар, нынешнюю резиденцию каймакама, в какой-то мере унаследовавшего власть эмира Бешира. Как ты знаешь, теперь в стране два каймакама: один — для друзов, другой — для маронитов; это совместное правление целиком зависит от турецких властей, но его создание льстит национальной гордости этих народов и удовлетворяет их требование самоуправления.

* * *

Кто только не описывал Дейр аль-Камар, его тесно прижавшиеся друг к другу дома с плоскими крышами, стоящие на обрывистой скале, похожей на крутую лестницу разрушенной Вавилонской башни. Бейт ад-Дин, древняя резиденция горных эмиров, находится на другой вершине, издали кажется, что она касается первой, на самом же деле их разделяет глубокая долина. Если взглянуть на Бейт ад-Дин из Дейр аль-Камара, то перед тобой как бы возникает сказочный замок; стрельчатые аркады, парящие в воздухе террасы, колоннады, беседки и башенки — все вместе являет ослепительное смешение стилей, но если взглянуть в отдельные архитектурные детали, то они скорее разочаруют наблюдателя. Этот дворец олицетворяет политику живущих в нем эмиров. Он выглядит языческим сооружением своими колоннами и росписями, христианским — своими башнями и стрельчатыми сводами, мусульманским — своими куполами и беседками; прекрасно вписываясь в архитектуру дворца, в нем размещаются хальва, церковь и мечеть. Это дворец, крепостная башня и сераль одновременно, но сегодня во всем этом огромном здании есть только одно жилое помещение — тюрьма.

Именно туда поместили пока шейха Эшшерази, который тем не менее радовался, что вырвался из рук чужого правосудия. Его, наверное, утешало то, что он спал под сводами старинного дворца своих правителей. Вторая милость состояла в том, что ему разрешили оставить при себе дочь, этого ему никак не удавалось добиться в Бейруте. И все же каймакам, беспокоясь то ли о пленнике, то ли о деньгах, которые тот задолжал, велел стеречь шейха, не спуская с него глаз.

Как и в Бейруте, я получил разрешение посетить шейха. Поселился я в Дейр аль-Камаре, и, чтобы попасть во дворец, находившийся на противоположном склоне, мне нужно было пересечь долину; вдали, меж горных вершин, проглядывала голубизна моря. Гулкие галереи, пустынные залы, прежде полные челяди, рабов и солдат, напоминали мне замки Вальтера Скотта, которые после падения Стюартов лишились бывшего величия. А величие природы, разве оно не говорило о чем-то возвышенном?.. Я понимал, что мне следовало честно объясниться с шейхом и не скрывать от него причин, побудивших меня оказывать ему содействие. Нет ничего хуже, чем выслушивать излияния незаслуженных тобой благодарностей.

Когда я закончил свои сбивчивые объяснения, шейх постучал пальцем по лбу.

— *Энте меджнун?* (Ты сумасшедший?) — спросил он меня.

— *Меджнун*, — ответил я, вспомнив, что так зовут знаменитого влюбленного, а я вовсе не собирался отречься от этого имени.

— Ты видел мою дочь?! — вскричал он.

Его взгляд в ту минуту невольно напомнил мне историю, которую поведал мне паша Аккры. Ему эту историю, в свою очередь, рассказал один *кяхья*.

«Однажды в полночь я услышал стук в дверь. За дверью стоял друг с мешком за спиной.

— Что там у тебя? — спросил я.

— Моя сестра завела любовную интригу, и я убил ее. В этом мешке ее тантур.

— Но ведь в мешке два тантура!

— Я убил и мать: она все знала. Властью и могуществом наделен лишь всевышний.

Друз принес эти украшения своих жертв, чтобы умиловить турецкое правосудие. Кяхья велел арестовать его и сказал:

— Иди спи. Поговорим завтра.

На следующий день он спросил у него:

— Наверное, ты не сомкнул глаз?

— Наоборот, — ответил друг, — вот уже год, как подзрел свою сестру в бесчестье и потерял сон; сегодня ночью сон вернулся ко мне».

Это воспоминание промелькнуло у меня в голове, подобно вспышке молнии, раздумывать было некогда. Мне

нечего было опасаться, но вместе с шейхом находилась его дочь, а ведь он мог заподозрить худшее, нежели то, что я видел ее без покрывала... Я рассказал ему о посещении школы мадам Карлес, разумеется оправданном тем, что там находилась моя рабыня, о дружбе девушек, о том, как я случайно увидел его дочь. Я не упомянул о покрывале, опасаясь, что у шейха могут возникнуть вопросы... Полагаю, что в моей искренности он не мог усомниться.

— У всех народов,— добавил я,— принято просить у отца руки его дочери, не понимаю, чем вы так удивлены. Вы видели, какими связями я располагаю здесь, и не можете считать, что мое положение ниже вашего. Что же касается веры, то я не согласен менять ее даже ради самой прекрасной женщины на земле, но я знаю вашу веру, знаю, насколько она терпима и что она допускает всевозможные формы культа и все откровения как одинаково священные проявления божественного начала. Я полностью разделяю эти воззрения и, оставаясь христианином, мог бы....

— Несчастный! — воскликнул шейх.— Это невозможно, перо сломано, чернила высохли, книга закрыта.

— Что это означает?

— Это слова нашего закона. Никто из посторонних не может вступить в нашу общину.

— Я думал, что посвящение открыто для всех.

— Только для джахилей (несведущих) нашего народа, которые могут возвыситься учением и добродетелью, но не для чужестранцев, ибо наш народ — единственный, избранный богом.

— Однако вы не осуждаете других.

— Не более чем птицы, которые не осуждают животных, обитающих на земле. К вам было обращено слово божье, но вы не вняли ему.

— Когда это было?

— Во времена Хамзы, пророка господа нашего Хакима.

— А могли мы его услышать?

— Разумеется, ведь он направил миссионеров (*деев*) во все «острова» (страны) ¹²⁰.

— Но в чем же наша вина? Нас еще не было на свете.

— Вы существовали — правда, в иной телесной оболочке, но душа ваша оставалась прежней. Бессмертная, как и у нас, она осталась глуха к слову божьему и тем проявила свою неизменную сущность. Слово это сказано на веки вечные...

Не так-то просто сбить с толку юношу, изучавшего философию в Германии и читавшего в подлиннике «Символику...» Крейцера¹²¹.

Я не стал спорить с достопочтенным акилом о переселении душ. Напротив, я принялся развивать его мысль.

— Поскольку деи проповедовали слово божье во всех странах около тысячного года христианского летосчисления, у них должны быть последователи не только в здешних горах. Откуда ты знаешь, а может быть, я как раз и происхожу из них? Хочешь, я расскажу тебе, как растет *алиледж* (растение-символ)?

— Оно растет в твоей стране?

— Оно растет только в сердцах правоверных, тех, кто считает, что нет бога, кроме Хакима.

— Это священные слова, но ты мог услышать их от изменщиков.

— Хочешь, я прочту тебе по памяти катехизис друзей?

— Франки похитили у нас много священных книг, а наука, воспринятая неверными, теряет свою священную силу. Если ты действительно приходишь из друзей других «островов», у тебя должен быть черный камень (*хорс*). Покажи его нам, и мы признаем тебя своим.

— Ты увидишь его позднее,— сказал я, хотя и не понял, что он имеет в виду. Я прервал беседу, пообещав навестить его снова, и возвратился в Дейр аль-Камар.

* * *

В тот же вечер я спросил у каймакама, как бы из простого любопытства, что такое хорс; он объяснил, что это камень в форме животного, все друзья носят его при себе и по нему узнают друг друга. После того как такой камень был найден у мертвых, решили, что друзья поклоняются тельцу.

Это столь же нелепо, как и утверждение, что христиане поклоняются агнцу или голубю... Эти камни раздавали во времена распространения вероучения; они переходят от отца к сыну.

Таким образом, мне было достаточно найти такой камень, чтобы убедить акила в том, что я происхожу от какого-нибудь раннего приверженца их учения, но подобная ложь казалась мне отвратительной. Каймакам — человек по самому своему положению более просвещенный и более восприимчивый к идеям Европы, чем его соотечественни-

кл, — сообщил мне дополнительные детали, которые навели меня на неожиданную мысль... Друг мой, я все понял, в один миг все отгадал, и моя безумная мечта уже готова стать явью!

* * *

Ищи, собирай самые невероятные предположения или же брось свой язык собакам, как говорила мадам де Севинье¹²². Узнай же то, что для меня самого было лишь смутной догадкой: акилы друзей — это франкмасоны Востока! Именно поэтому друзья всегда утверждали, что они — потомки крестоносцев. В том, что заявлял их великий эмир Фахр ад-Дин при дворе Медичи, ходатайствуя о поддержке Европы против турок, и в том, что содержат дипломы, данные Генрихом IV и Людовиком XIV народам Ливана, есть доля истины. В течение двухсот лет длилось господство в Ливане рыцарей Храма (тамплиеров). В своем стремлении сохранить власть над разными народами и религиозными общинами тамплиеры разработали масонскую систему иерархии, целиком заимствованную из местных обычаев.

Впоследствии восточные идеи, проникшие в орден, частично стали причиной обвинений в ереси, возводившихся против них в Европе. Масонство, как тебе известно, унаследовало доктрину тамплиеров; вот откуда идет эта связь, не случайно друзья говорят, что их единоверцы рассеяны по многим странам Европы, но больше всего их в горах Шотландии Джебель-эль-Скузпа. Под этим они подразумевают шотландских мастеров, так же как и розенкрейцеров, ранг которых соответствует рангу старшего тамплиера.

Но ты также знаешь, что сам я — масон, один из детей вдовы, волчонок (сын мастера), мне с детства привили ненависть к убийству Адонирама¹²³ и восхищение перед священным храмом, колонны которого сделаны из кедров с Ливанских гор. Говоря откровенно, масонство претерпело большие изменения среди европейцев.. Однако, как видишь, в путешествии это может принести пользу. Короче говоря, для друзей я уже не неверный; я — ученик (*мута-дарис*), затем мне надлежит стать товарищем (*рафик*), а потом уже мастером (*дай*); акил считался бы у нас розенкрейцером или тем, кого называют «рыцарь каддош». Все остальное тесно связано с деятельностью наших масонских лож, поэтому я не стану вдаваться в детали.

* * *

Теперь ты можешь представить себе, как развивались события. Я показал свои документы, к счастью, у меня оказались с собой масонские дипломы, испещренные кабалистическими знаками, понятными на Востоке. Когда шейх снова спросил меня о черном камне, я ему ответил, что французских тамплиеров сожгли на костре и что они не могли передать свои камни франкмасонам — своим духовным наследникам. Нужно было бы удостовериться в этом факте, который сам по себе не исключен; камень этот, паверное, *бахомет* (пдол), о котором шла речь на процессе тамплиеров.

С этой точки зрения мой брак становился элементом высокой политики. Он мог бы способствовать восстановлению связей друзей с Францией. Эти славные люди жалуются на то, что наше покровительство распространяется лишь на католиков, тогда как в прежние времена французские короли считали друзей потомками крестоносцев и, так сказать, христиан. Англичане пользуются этой ситуацией, чтобы укрепить свое влияние, отсюда и возникает вражда двух соперничающих народов — друзей и маронитов, некогда объединенных под властью одного правителя.

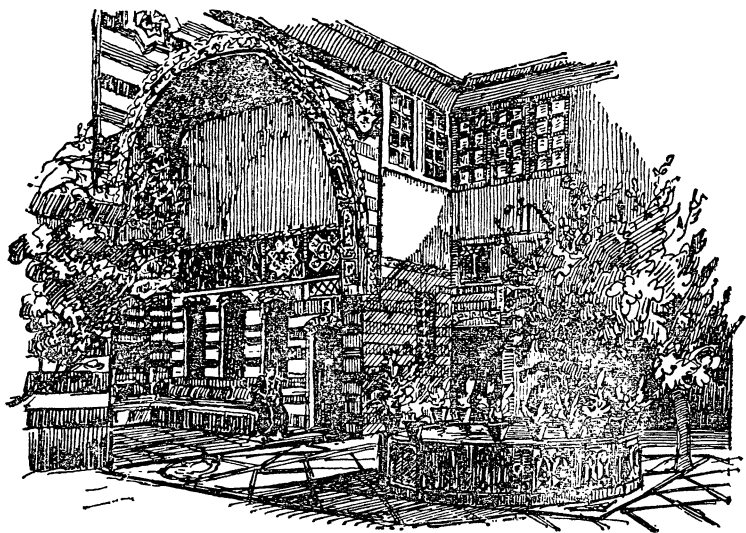
Каймакам разрешил наконец шейху возвратиться в свой край, не скрыв от него, что этого добился я своим ходатайством перед пашой Аккры. Шейх сказал мне:

— Если ты хотел мне помочь, то поступил так, как должен был поступить каждый; если же ты преследовал собственные интересы, то к чему мне благодарить тебя?

* * *

Его учение порой удивляло меня, хотя если по-настоящему понять его, то видишь, насколько оно благородно и чисто. Акилы не различают ни пороков, ни добродетелей. Честный человек лишен достоинств, он просто поднимается вверх по лестнице человеческой иерархии, тогда как бесчестный спускается вниз. Переселение душ приводит к вознаграждению или наказанию. О друзьях не говорят, что он умер, он переселился.

Друзья не подают милостыни, поскольку, на их взгляд, милостыня унижает того, кто ее принимает. Они лишь соблюдают законы гостеприимства, это обмен, совершаемый в этой или иной жизни.

Дом с верандой в Дамаске

У них есть закон мести; любая несправедливость должна караться, прощение унижает того, кому оно даровано. Друзья воспитывают не унижением, а знанием; нужно во всем уподобляться господу.

Молитва необязательна; это не средство искупления вины. Человек сам должен исправить содеянное зло — даже не потому, что он поступил дурно, а потому, что зло по закону жизни когда-нибудь обернется против него самого.

Акилы имеют что-то общее с сословием ученых в Китае. Благородные (*шерифы*) должны пройти ряд испытаний при посвящении; крестьяне (*салеми*) могут стать равными им или даже выше их, если догонят или превзойдут их на этом пути.

Шейх Эшшерази был одним из последних.

Я представил ему рабыню, сказав: «Вот служанка твоей дочери». Он посмотрел на нее с интересом и нашел смиренной и благочестивой. С этого часа обе женщины стали неразлучны.

* * *

Вчетвером мы выехали на мулах из Бейт ад-Дина. Наш путь лежал через долину Бекаа, и, миновав Захлу, мы прибыли в Баальбек, в горах Антиливана. Я провел не-

сколько часов среди этих величественных рощ, которые невозможно описать лучше, чем у Ламартина или Вольнея. Вскоре мы добрались до горной цепи, расположенной неподалеку от Хаурана. Здесь мы остановились в деревне; отсюда до Дамаска оставался день пути. Кругом росли шелковичные деревья. Шейх ввел меня в свой скромный дом, сквозь крышу которого проросла поддерживающая ее акация (дерево Хирама). В утренние часы дом наполняется криками детей — это школа. Таково лучшее из названий для дома акила.

Я не описываю тебе свои редкие встречи с невестой. На Востоке, за исключением особых случаев, женщины живут у себя, мужчины — у себя. Она подарила мне красный тюльпан и посадила во дворе акацию: дерево должно расти вместе с нашей любовью. Таков местный обычай.

Теперь я учусь, чтобы обрести ранг рафика (товарища), я надеюсь, что это скоро произойдет. Тогда и состоится наша свадьба.

* * *

Время от времени я совершаю прогулки в Баальбек. Я встретил там отца Планше, который гостил у епископа-маронита. Он не слишком порицал меня за мое решение, но сказал, что этот брак... нельзя считать настоящим браком. Я воспитан на философских идеях, поэтому меня не очень волнует мнение пезуита. А может быть, удастся ввести в Ливане моду на смешанные браки? Надо поразмыслить над этим.

Константинополь

1.

Друг мой, как известно, человек предполагает, а бог располагает... Наверное, было предначертано свыше, что мне не суждено жениться ни в Египте, ни в Сирии, хотя в этих странах вступить в брак до нелепого просто. В то время, когда я уже был достоин жениться на дочери шейха, меня внезапно свалила знаменитая сирийская лихорадка, которая если не приводит к смерти, то длится месяцами или даже годами. Единственным спасением было покинуть этот край. Я поспешил уехать из долин Хаурана, пыльных и влажных одновременно, где берут начало реки, орошающие равнину Дамаска. Я надеялся поправить свое здоровье в Бейруте, но там смог лишь набраться сил, чтобы сесть на австрийский пакетбот, прибывший из Триеста, и добраться на нем сперва до Смирны (Измира), а затем до Константинополя. И вот я снова на земле Европы. Здесь примерно такой же климат, как на юге Франции.

Моя тоска росла по мере того, как возвращалось здоровье. Как быть? Стоит мне вернуться в Сирию, как у меня возобновится лихорадка — таково мнение врачей. Привести же мою избранницу на Север означало бы подвергнуть ее опасности заболеть теми ужасными болезнями, от которых гибнет три четверти женщин, приехавших в Европу с Востока.

Обдумав все это с тем душевным спокойствием, которое приносит выздоровление, я решил написать шейху друзей Эшшерази, чтобы просить его вернуть данное мною слово.

2.

Я стоял у подножия Галатской башни, глядя на панораму Константинополя, Босфора и двух морей, и вновь мысленно обращался к оставленному мной Египту.

Среди мирных пейзажей Европы, правда мусульманской, но уже напоминающей мою родину, я по-прежнему вижу ослепительный далекий мираж, окутанный заревом и пылью... Так солнце еще долго стоит перед глазами, если смотреть на него какое-то время не моргая.

Это впечатление дополняет окружающий меня пейзаж: турецкое кладбище в тени стен Галаты Генуэзской.

За моей спиной лавочка армянского цирюльника, которая одновременно служит кофейней; огромные желтые и рыжие псы, покрытые рубцами и шрамами — следами ночных сражений, разлеглись в траве на самом солнцепеке. Слева от меня почтенный служитель божий в фетровом колпаке тоже забылся сладостным сном, предвещающим ему райские кущи. Внизу Топхане с мечетью, фонтаном и артиллерийскими батареями, защищающими вход в пролив. Время от времени до меня доносятся гнусавые голоса, распевające псалмы греческой литургии, и я вижу, как по дороге, ведущей в Пёру, движутся длинные похоронные процессии, во главе которых идут священники в коронах наподобие императорских. Шелковые одеяния, расшитые мишурой, фальшивые драгоценности, длинные бороды делают их похожими на призраков властителей Поздней Римской империи.

Все это наводит на грустные мысли. Я вспоминаю Египет, но, разумеется, я сожалею не о луке чудовищных размеров, отсутствие которого на земле Ханаанской оплакивали евреи. Я тоскую о друге и о женщине: с одним нас разделяет могила, другая потеряна для меня навеки.

К чему соединять здесь два имени, которые могут встретиться лишь в моих воспоминаниях? Только приехав в Константинополь, я узнал о смерти французского генерального консула, который так радушно принимал меня в Каире. О нем я тебе рассказывал. Вся ученая Европа знала этого человека, дипломата и исследователя, что так редко сочетается в одном лице. Должно быть, он всерьез воспринял свое назначение на пост консула, который обычно ни от кого не требует специальных знаний.

В самом деле, согласно общепринятым законам дипло-

матической службы в один прекрасный день консула в Александрии назначают чрезвычайным и полномочным послом в Бразилию, а поверенный в делах в Кантоне становится генеральным консулом в Гамбурге. К чему тогда знать язык, изучать местные нравы, завязывать знакомства, искать рынки сбыта для своей страны? Самое большее, о чем думают назначенные сюда дипломаты,— о положении в стране, климате и отделке приглянувшейся резиденции, которая непременно должна превосходить резиденцию его предшественника.

Мой друг, французский консул в Каире, занимался изучением египетских древностей. Однажды, когда мы беседовали о подземных храмах и пирамидах, я сказал ему: «Стоит ли уделять столько времени могилам... Уж не хлопчете ли вы о назначении консулом на том свете?» В тот момент я вовсе не подозревал, что сказал ему жестокую вещь. «А вы не заметили, в каком я состоянии? — спросил он.— Мне трудно дышать. Но я мечтал посмотреть пирамиды, поэтому и приехал в Каир. Моя резиденция в Александрии на берегу моря, там гораздо лучше для здоровья, а здешний воздух, пропитанный прахом и пылью, для меня смертелен...»

И правда, в ту пору в Каире было так жарко, как в раскаленной печи. Хамсин разносил по улицам жар Нубийской пустыни. Только ночь возвращала силы, позволяя перенести еще один день.

Такова обратная сторона великоления и блеска Египта; так губительное дыхание Тифона всегда берет верх над благими деяниями богов.

А может быть, лихорадка, которую я сам перенес в Сирии, навела меня на грустные мысли о смерти консула?

Все удручает меня. Я написал консулу в Бейруте и попросил сообщить о судьбе дорогих мне людей... Он сумел получить лишь самые общие сведения. В Хауране вспыхнул новый мятеж... Что случилось со славным шейхом друзей, его дочерью и рабыней, которую я оставил в их семье? Может быть, я узнаю об этом из следующей почты?

Пера

3.

Мне пришлось сократить время своего путешествия из Бейрута в Константинополь. Я сел на австрийский пакетбот, и на следующий день мы подошли к Ларнаке — одному из портов на Кипре. К сожалению, как и повсюду,

нам запретили выходить на берег, прежде чем мы не пройдем карантин. Берега здесь лишены растительности; говорят, что только в глубине острова можно увидеть дуга, густые леса и тенистые рощи, которые в древности были посвящены пафосской богине. До сих пор сохранились развалины храма, а в соседней деревне — резиденция епископа.

На следующий день перед нами возникли очертания сумрачных гор азиатского побережья. Мы еще останавливались в порту Родоса. Я видел две скалы, наверное служившие постаментом колоссальной статуи Аполлона. Эта бронзовая фигура, вероятно, была в два раза выше башен Нотр-Дам. Два форта, построенные древними рыцарями, защищают вход в эту гавань.

Проходя через восточную часть архипелага, мы ни на минуту не теряли из виду землю. В течение нескольких часов слева от нас был остров Кос, прославленный именем Гипократа. Среди яркой зелени берегов время от времени возникали белые города. Казалось, что живущие здесь люди должны быть счастливы. Отец медицины не случайно обосновался в этом райском уголке. Я не переставал восхищаться тем, как утром и вечером высокие скалы и горы отливали нежно-розовым цветом; именно таким предстал предо мною Патмос — остров святого Иоанна; наверное, поэтому описания из Апокалипсиса кажутся порой столь завораживающими. Днем и ночью апостолу виделись чудовища, разрушения и войны; утром и вечером в радужном свете зорь возвещал он о чудесах грядущего царствия Христова и озаренного сиянием нового Иерусалима.

В Смирне нас подвергли десятидневному карантину. Правда, проводили мы его в прекрасном саду с видом на бескрайний залив, напоминавший мне тулонский рейд. Жили мы в палатках, которые нам предоставили на время.

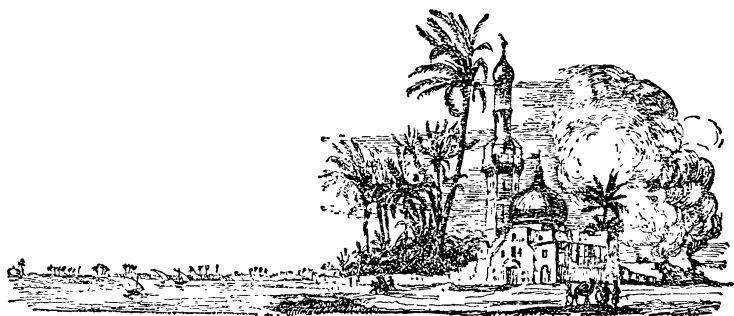
Весь одиннадцатый день — день нашего освобождения — мы бродили по улицам Смирны, и я весьма сожалел, что не смог посетить Бурнабад в двух лье отсюда, где расположены загородные дома торговцев. Говорят, это очаровательное место.

Смирна — почти европейский город. Посетив базар, похожий на все базары Востока, цитадель и мост для караванов, перекинутый через древнюю реку Мелет, давшую прозвище Гомеру¹²⁴, я отправился на улицу Роз, где в окнах и на порогах домов можно ненароком увидеть юных

гречанок, которые, подобно нимфам Вергилия, убегают лишь после того, как их заметят ¹²⁵.

Послушав оперу Доницетти в итальянском театре, мы возвратились на пакетбот. Через день мы подошли к Дарданеллам; слева от нас остались берега, где стояла Троя; от нее, Тенедоса и многих других прославленных мест сохранилась лишь туманная дымка на горизонте.

Через пролив, похожий на широкую реку, мы вошли в Мраморное море, а на рассвете следующего дня уже наслаждались восхитительным видом в константинопольской гавани, без сомнения самой прекрасной в мире.

**НОЧИ
РАМАДАНА**

БАЛЫК-БАЗАР

Что за странный город Константинополь! Роскошь и нищета, слезы и радость, самый большой произвол и самая большая свобода — четыре народа, довольно мирно живущие бок о бок. Турки, армяне, греки и евреи — дети одной земли, и поэтому они лучше ладят между собой, чем жители разных частей Франции или разных ее провинций.

Неужто мне суждено присутствовать при последнем акте фанатизма и варварства, который еще мог быть разыгран во имя древних мусульманских традиций? Я встретил в Пера одного из старых друзей — французского художника ¹²⁶, который безбедно жил здесь уже три года, продавая свои картины, из чего следует, что в Константинополе музы еще не преданы забвению. Из Перы, города франков, мы направились на базары Стамбула, города турок. За укрепленными воротами Галаты начиналась длинная, извилистая улица, вдоль которой тянулись питейные заведения, кондитерские, цирюльни, мясные лавки и франкские кофейни, напоминавшие наши, только здесь на столах лежали греческие и армянские газеты; в одном Константинополе их выходит пять или шесть, кроме того, греческие газеты еще приходят из Мореи. Вот тут-то путешественник и вынужден призвать на помощь все свои знания классических языков, чтобы понять хотя бы несколько слов этого древнего языка, с каждым днем возрождающегося. Многие газеты до такой степени стараются отойти от современного разговорного языка и приблизиться к древнегреческому, что в один прекрасный день их, возможно, вообще перестанут понимать. Есть здесь также газеты из Сербии и Валахии, издаваемые на румынском языке, который понять нам гораздо легче, чем греческий, потому что он содержит много латинских корней. На несколько минут мы зашли в одну из этих кофеен и выпили по чашке глории с сахаром, которую не продают у турок. Ниже находились фруктовые ба-

зары, ломившиеся от великолепных даров щедрой природы. Спускаясь дальше по узким, по-прежнему заполненным толпой улицам, выходишь к пристани, где нужно сесть в лодку, чтобы переправиться через Золотой Рог — залив в четверть лье шириной и около лье длиной. Это самая надежная и самая лучшая гавань в мире, отделяющая Стамбул от предместий Перы и Галаты.

На этом небольшом пространстве царит чрезвычайное оживление; у берега вокруг дощатого дебаркадера стоят изящные кайки. Гребцы одеты в красивые шелковые рубашки с длинными рукавами. Лодки удлиненной формы, напоминающей рыбу, быстро снуют меж сотен судов всех держав, заполняющих вход в гавань.

Через десять минут мы были на противоположном берегу, у Балык-базара, или рыбного рынка. Здесь мы стали свидетелями необычной сцены.

В одном из уголков базара собралась большая толпа. Сначала мы решили, что там выступают жонглеры или дрессированные медведи. Пробравшись вперед, увидели, что на земле лежит обезглавленное тело в куртке и синих штанах, а голова в фуражке зажата между слегка расставленными коленями. Какой-то турок, обернувшись и признав в нас франков, сказал:

— Говорят, что головы в шляпах тоже рубят.

Мусульманам запрещено носить уборы с козырьком или полями: при молитвах они должны биться лбом о землю, не обнажая при этом голову.

Мы отошли, испытывая неприятное чувство от этой сцены, и двинулись вдоль базара. Один армянин пригласил нас выпить шербета у него в лавке и рассказал предысторию этой странной расправы.

Обезглавленное тело было выставлено на Балык-базаре уже три дня, что пришлось совсем не по душе торговцам рыбой. Казненный был некто Овагим, армянин, которого три года назад застали с турецкой женщиной. В подобном случае приходится выбирать между жизнью и вероотступничеством. Турок может отделаться палочными ударами, и Овагим сделался мусульманином. Позднее он раскаялся, что поддался страху; он перебрался на греческие острова и отрекся от своей новой веры.

Три года спустя он решил, что его дело забыто, и вернулся в Константинополь в одежде франка. Фанатики изобличили его, и турецким властям, кстати вполне веротерпимым, пришлось привести закон в исполнение. В защиту Овагима выступили европейские консулы, но что по-

деласшь, если существует точное предписание закона? На Востоке закон является одновременно и гражданским и религиозным. Коран и свод законов — это одно и то же. Турецкий суд должен считаться с яростным фанатизмом низших классов. Сначала Овагиму предложили обрести свободу ценой нового вероотступничества. Он отказался. Тогда пошли на большее: предоставили ему возможность бежать. Невероятно, но он снова отказался, заявив, что может жить только в Константинополе и что умрет от тоски, если снова уедет отсюда, или от стыда, если останется здесь жить вероотступником. Тогда его казнили. Многие из его единоверцев стали почитать Овагима, как святого и ставили свечи в память о нем.

Эта история произвела на нас сильное впечатление. Судьбе угодно было устроить все таким образом, что иной развязки не могло быть. На третий день, вечером, на Балык-базаре появились трое евреев, согласно обычаю, они взвалили тело на плечи и бросили в залив, туда, где обычно плавают трупы утонувших собак и лошадей.

Не следует подвергать сомнению прогрессивные тенденции новой Турции только из-за того, что мне довелось стать свидетелем столь грустного эпизода. Здесь, как и в Англии, закон сковывает волю и дух народа. В настоящее время только дела, связанные с адюльтером и вероотступничеством, наказываются столь жестоко.

Мы обошли прекрасные базары, которые образуют центр Стамбула. Это настоящий каменный лабиринт в чисто византийском духе; здесь можно укрыться от дневного зноя. В огромных галереях с округлыми или стрельчатыми сводами, с резными балками и колоннадами хранятся самые разнообразные товары. Особенно восхищают женские наряды и бабуши, вышитые ткани и парча, кашемировые шали, ковры, мебель, инкрустированная золотом, серебром и перламутром, ювелирные изделия, а больше всего блестящее оружие, собранное в той части базара, которая называется «бедестан». За этим подземным городом расположена довольно красивая площадь Сераскира, окруженная домами и мечетями. Это излюбленное место прогулок женщин и детей. В Стамбуле женщины прячут лицо гораздо тщательнее, чем в Пере; они носят зеленые или фиолетовые *фераджэ*, а лицо закрывают плотной кисеей, так что ничего нельзя разглядеть, разве что глаза или переносицу. Армянки и гречанки носят покрывала из более прозрачной ткани.

Одна сторона площади Сераскира целиком занята пере-

писчиками, продавцами книг и картин; сама же площадь, куда из зеленых дворов слетаются тысячи голубей, с ее кофейнями и ювелирными лавками, с взметнувшейся над городом башней, с мрачными стенами старого сераля, где живет султанша-мать, имеет своеобразный, неповторимый облик.

СУЛТАН

Я направлялся в гавань, когда мимо меня проехал султан в довольно странном экипаже: лошади, запряженные цугом, тащили двуколку, к откидному верху которой, широкому, как балдахин, была прикреплена бархатная занавеска с золотой бахромой. Султан был одет в простой, наглухо застегнутый сюртук, какие турки носят со времени реформы, и единственное, что отличало его, — это императорский вензель из бриллиантов на красной феске. Его бледное аристократическое лицо носило печать меланхолии. Машинальным движением я снял шляпу, приветствуя его, разумеется, из вежливости, а вовсе не из боязни разделить участь армянина с Балык-базара... Он внимательно посмотрел на меня, так как тем самым я нарушил местный этикет. Здесь не принято приветствовать султана.

Мой спутник, которого я потерял в толпе, подошел ко мне и сказал:

— Последуем за султаном, он тоже направляется в Перу, только он пересечет Золотой Рог по понтонному мосту. Это более долгий путь, но зато там не нужно пересаживаться на лодку, тем более что сейчас на море легкое волнение.

Мы двинулись за экипажем, который медленно спускался по длинной улице мимо мечетей и роскошных садов, и после нескольких поворотов очутились в квартале Фанар, где живут богатые греки — негоцианты и вельможи. Многие дома этого квартала — настоящие дворцы; в тени высоких мечетей притаилось несколько церквей, украшенных изнутри недавно выполненными фресками, и все это в черте Стамбула, по преимуществу турецкого города.

Дорогой я поведал своему другу о впечатлении, которое произвел на меня необычный облик Абдул Меджида, его быстрый взгляд, в котором, казалось, я успел прочесть упрек за то, что приветствовал его как заурядного властелина. Мне понравились его бледное тонкое лицо, миндалевидные глаза, удивленно и доброжелательно вззирающие

на мир из-под бахромы густых ресниц, изящество его облика.

— Как он мог, — спросил я, — приказать казнить этого несчастного, чье обезглавленное тело мы видели на Балык-базаре?

— Он ничего не мог сделать, — ответил мой спутник, — власть султана более ограничена, чем власть конституционного монарха. Он вынужден считаться с влиянием улемов, представляющих судебную и религиозную власть в стране, а также с пародом, который выражает свой протест мятежами и поджогами. Разумеется, он может призвать войска, столь часто притеснявшие его предков, и навязать свою волю; но кто спасет его затем от яда, орудия расправы ближайшего окружения, или от кишжала любого из его подданных? По пятницам султан обязан публично молиться в одной из мечетей города и, таким образом, поочередно посещать все районы Стамбула. Сегодня он отправляется в текке Перы; это монастырь «кружащихся» дервишей.

Мой друг поведал мне и другие подробности о положении, в котором находится султан, что в какой-то степени объясняло, почему на его лице была написана такая грусть. Вероятно, он — единственный турок, который может пожаловаться на неравенство социального положения. Мусульмане проявили себя вполне демократично, поставив во главе нации человека, чье положение одновременно выше и ниже положения остальных. Он один во всей империи не вправе жениться, как все, по закону, из опасения, что столь высокий союз даст слишком большую власть некоторым семьям, а брак с иностранкой ему запрещен. Таким образом, у него даже нет четырех законных жен, которых Мухаммед разрешил иметь каждому правоверному, если тот в состоянии их прокормить. Его султанши, которых он даже не может величать супругами, обычно рабыни, а так как все женщины Турецкой империи — армянки, гречанки, католички и еврейки — считаются свободными, то его гарем пополняется лишь за счет неисламских стран, с правителями которых султан не поддерживает официальных отношений.

Когда Порта воевала с Европой, гарем Великого Сеньора украсили белокурые красотки с белой кожей. Например, французская Роксолана¹²⁷ со вздернутым носиком существовала в действительности, а не только на театральных подмостках; ее гроб, затянутый кашемиром и украшенный плюмажем, покоится рядом с гробом супруга в мечети Сулейманне.

Но сегодня в гареме несчастного султана нет ни французенок, ни других европейских женщин. Риски он похитить какую-нибудь гризетку из Перы, которые по воскресеньям горделиво красуются в нарядах по последней европейской моде, на него обрушилась бы лавина дипломатических нот от послов и консулов и, возможно, вспыхнула бы война, более длительная, чем та, которая возникла из-за похищения прекрасной Елены.

Когда султан проходит сквозь толпу в Пере и гречанки теснятся, чтобы взглянуть на него, ему следует отводить глаза от соблазна, так как этикет не позволяет ему заводить случайную любовницу, а заключить в гарем свободно рожденную женщину он не имеет права. Таким образом, он вынужден довольствоваться только черкешенками, майлаками или абиссинками, которых можно брать в рабство, и ему остается только мечтать о белокурых англичанках и остроумных французенках; увы, это запретный плод.

Мой спутник назвал мне число женщин, живущих сейчас в серале. Оно меньше, чем предполагают в Европе. В гареме султана всего тридцать три кадины, или дамы, из которых лишь три считаются фаворитками. Остальные женщины серала — это одалиски, горничные. Выходит, что в Европе неверно толкуют само понятие «одалиска». Есть также танцовщицы и певицы, которые могут возвыситься до ранга султанши лишь по прихоти повелителя и в нарушение закона. Тем самым султан, вынужденный ограничиваться рабынями, сам является сыном рабыни, о чем турки не забывают ему напоминать в периоды народного недовольства.

Мы беседовали об этом и не раз вздыхали: «Бедный султан!» Тем временем он вышел из экипажа на набережной Фафара, ибо в экипажах нельзя переправляться по понтонному мосту, пересекающему Золотой Рог в самой узкой его части. Там установлены два высоких пролета для прохода барок. Султан сел на коня и, перебравшись на противоположный берег, по тропинке, тянущейся вдоль внешних стен Галаты, через кладбище с огромными кедрами, направился к одной из улиц Перы. Во дворе монастыря, куда нам входило было запрещено, его уже ждали дервиши. В этой теккие находится могила знаменитого графа де Бонневалья, известного ренегата, долгое время командовавшего турецкой армией и сражавшегося в Германии против христианских войск. Его жена, венецчанка, которая последовала за ним в Константинополь, в походах была его адъютантом. Пока мы стояли у ворот монастыря, по улице в сторо-

ну предместья двигалось погребальное шествие, во главе которого шли греческие священники. Охрана приказала им отойти назад, потому что султан мог появиться с минуты на минуту, а ему не подобало встречаться с похоронной процессией. Все остановились в нерешительности; наконец архимандрит, неприступный, словно Карл Великий, в короне, как у императора, и в длинных византийских одеждах, расшитых блестками, быстро отдал какие-то распоряжения возглавляющему процессию, а затем, повернувшись с разгневанным видом к священнослужителям, велел продолжать шествие, дав понять, что, если султан именно сейчас должен выйти из монастыря, пусть он уступит дорогу мертвому. Я описываю эту сцену как яркий пример терпимости, существующей в Константинополе по отношению к различным культурам.

КЛАДБИЩЕ

Мне неловко так часто описывать погребения и кладбища, когда речь идет о прекрасном, полном жизни Константинополе; его разноцветные дома и изящные мечети с отлитыми из олова куполами и кружевными минаретами, его зыбкие зеленоватые горизонты должны наводить на мысль об удовольствиях и о сладких грезах. Однако ж в этой стране даже смерть превращается в праздник. Греческий кортеж, о котором я только что упоминал, ничем не походил на грустные европейские похороны. Попы с румяными лицами, в сверкающих вышитых одеждах, молодые священники в длинных рясах, их друзья в праздничных платьях, лежащая среди цветов совсем юная покойница с восковой бледностью на щеках, несмотря на румяна, в венке из роз, в наряде из бархата и атласа и с множеством бриллиантовых украшений, которые, возможно, она не унесет с собой в могилу,— такое зрелище, скорее печальное, нежели душераздирающее, являли собой эти похороны.

От монастыря «кружащихся» дервишей открывается вид на Малое кладбище; его таинственные аллеи, окаймленные гигантскими кипарисами, спускаются к морю, прямо к зданию Адмиралтейства. Напротив теккие находится кофейня, куда дервиши, веселые и разговорчивые по натуре, заходят выпить кофе и выкурить кальян или *шибук* — трубку с длинным чубуком. Их любимое развлечение — наблюдать за прохожими-европейцами. По этой

улице часто проезжают экипажи богатых англичан и слов, раззолоченные повозки местных дам или арбы, отличающиеся от тележек наших прачек только окраской и позолотой. Арбу тащат быки. Удобство этих повозок состоит в том, что они могут легко вместить целый гарем, если женщинам вздумается отправиться за город. Муж никогда не сопровождает жен в подобных прогулках, которые чаще всего происходят в пятницу — турецкое воскресенье.

По оживлению и ярким нарядам толпы я понял, что все направляются в предместье на какой-то праздник. Мой друг покинул меня, поехав обедать к армянам, заказавшим ему картину, но предварительно порекомендовал мне венский ресторан в верхней части Перы. Если бы не монастырь и не зеленая лужайка на противоположной стороне улицы, можно было бы подумать, что находишься в одном из парижских кварталов. Блестящие магазины модных товаров, бижутерии, белья, кондитерские, французские и английские отели, читальные залы и кафе — все это сосредоточено на небольшом отрезке в четверть лье. Фасады консульских зданий также выходят на эту улицу. Особенно выделяется огромный каменный дворец русского посольства. В случае необходимости он мог бы стать грозной крепостью, так как господствует над тремя предместьями — Перой, Топхане и Галатой. Что касается французского посольства, то оно расположено не столь выгодно и находится на одной из улиц, спускающихся к Топхане. К тому же этот дворец, стоивший миллионы, еще не достроен.

Дальше улица несколько расширяется. Слева расположились итальянский театр, который открыт только два раза в неделю, и красивые, утопающие в зелени дома знати, затем справа — здания турецкого университета и школ, слева — французский госпиталь.

Здесь предместье кончается. Дальше идет широкая дорога, по обеим сторонам ее попадаются шипящие жаровни, неподалеку расположились продавцы арбузов и рыбы; здесь чаще, чем в городе, встречаются питейные заведения. Как правило, они огромных размеров, с большим залом наподобие фойе театра, а в нем высокая галерея с деревянными перилами. С одной стороны находится стойка, где красное и белое вино наливают в кружки, и каждый посетитель несет их на свой столик; с другой — огромная плита, где дымится рагу, его накладывают в тарелку, которую тоже надо самому отнести на столик. Вообще, нелегко есть за таким маленьким столиком, который едва доходит до

колен. Вокруг толпятся в основном греки; их легко узнать по фескам меньших размеров, чем у турок; евреи носят небольшие тюрбаны из серой ткани, а армяне — колпаки, напоминающие шапки гренадеров, только широкие вверху. Мусульманин никогда не рискнет публично зайти в подобное заведение, где воздают хвалу Бахусу.

Различие головных уборов, которые в основном носит простой люд, совсем не говорит о том, что в Турции, как прежде, царит неравенство. В былые времена вероисповедание каждого можно было определить не только по шапке, но и по обуви. Турки носили желтые сапоги или туфли, армяне — красные, греки — синие, а евреи — черные. Роскошные богатые одежды были привилегией мусульман. Даже дома и те несли на себе подобные отличия: яркие — у турок, темные — у представителей остальных народов. Теперь все изменилось. Каждый подданный империи имеет право облачаться в костюм времен реформы и водрузить на голову красную *феззи*, частично скрытую шелком, правда слишком плотным и к тому же лазурного цвета, чтобы принять его за шевелюру.

Я сам в этом убедился, когда увидел множество людей, одетых именно таким образом, которые верхом или пешком направлялись к месту, где в Пере обычно гуляют европейцы. Лакированные сапоги на щеголях всех рас стерли последние следы неравенства в области обуви. Следует, однако, заметить, что фанатизм в этой области проявляется больше у райи, чем у мусульман. Тем не менее старую одежду в зависимости от национальной принадлежности все еще носят — либо по привычке, либо из бедности.

Кто посмеет утверждать, что Константинополь — город, не терпящий иноверцев, увидев, какое оживление царит во время прогулок в Пере? У выезда из предместья лихо несутся экипажи всех видов, гарцуют лошади; разряженные женщины шествуют либо к морю, либо к дороге на Бюйюкдере, где находятся дачи купцов, торговцев и банкиров. Если пойти прямо, выйдешь к тропинке, вьющейся меж кустарника, в тени лиственниц и елей; через просветы в листве виднеется море и устье Босфора между Скутари и стрелкой сераля, где кончается Стамбул. Башня Леандра, которую турки называют Девичьей башней, возвышается между двумя городами в центре пролива, который слева от вас превращается в реку. Башня — это узкое прямоугольное сооружение, стоящее на скале; издали она напоминает вышку часового. Дальше, за входом в Мраморное море, в туманной дымке виднеются Принцевы острова.

Нет нужды говорить, что этот столь живописный, столь таинственный и тенистый лес — еще одно кладбище. Что поделывать, если все места отдыха в Константинополе находятся среди могил. Вот солнечный луч, пробиваясь сквозь чащу деревьев, высвечивает ряды белых призраков; белые мраморные колонны в человеческий рост, с шарами вместо голов, на которых красуются тюрбаны; многие из них для большего сходства еще раскрашены и раззолочены; форма тюрбана указывает на ранг или древность рода усопшего. Не все тюрбаны отвечают последней моде, многие из них снесены; это означает, что прежде они украшали могилы янычар, и, когда их войско было уничтожено, народный гнев не ограничился живыми: на всех кладбищах были обезглавлены памятники мертвым. На могилах женщин тоже водружены колонны, но вместо голов в тюрбанах они увенчаны розетками с лепными позолоченными цветами. У надгробных камней время от времени слышен громкий смех: это вдовы, матери и сестры собрались всей семьей у могилы дорогого им существа.

В этой стране так сильна религиозная вера, что слезы проливают только в момент прощания, потом думают лишь о счастье, которым усопшие должны наслаждаться в раю Мухаммеда. Родные приносят на кладбище обед, с веселым гомоном бегают дети. Перед каждой могилой вырыты специальные ямы, куда кладут еду и для покойника. Бездомные собаки, издали наблюдая за людьми в надежде на скорый ужин, тем временем довольствуются остатками обеда, которые кидают им дети. Не думайте, что родственники верят, что усопшему достанется еда, просто таков старинный обычай, восходящий еще к глубокой древности. Некогда этими подношениями питались священные змеи, но в Константинополе священными животными считаются собаки.

Выйдя из леса, огибавшего артиллерийские казармы, я оказался на дороге в Бюйюкдере и там стал свидетелем сцены, подтверждающей мои слова. На поляне перед казармами собралось несколько сотен собак, которые повизгивали от нетерпения. Через некоторое время вышли канониры; они шли по двое, неся на плечах на длинном шесте тяжелые котлы. Собаки радостно залаяли. Как только котлы поставили на землю, животные набросились на еду; солдаты же следили, чтобы у одного котла не скапливалось слишком много собак.

— Собакам дают суп, — объяснил мне проходивший мимо итальянец, — им совсем не плохо живется.

Я думаю, что им все-таки доставались остатки солдатской пищи. В Константинополе собаки пользуются правом пожирать падаль, которая обычно валяется на улицах. Специально для них благотворительные учреждения строят бассейны с водой у входа в мечети или возле фонтанов.

Дальше открывалось еще более захватывающее зрелище. За казармой находится вход на Большое кладбище, раскинувшееся на огромной возвышенности, поросшей соснами и смоковницами. Сначала идут могилы франков, среди них много надписей на английском языке с изображением фамильных гербов; большей частью это длинные плоские каменные надгробия, на которые, как на скамью, может спокойно присесть любой прохожий. На лужайке стоит кофейня с террасой, откуда открывается вид на море: азиатский берег со множеством ярко выкрашенных домов и мечетей просматривается так отчетливо, словно глядишь с одного берега Рейна на другой. Вдали на горизонте возвышается Олимп Вифинский, его неровная, словно обломанная вершина почти сливается с облаками. По берегу слева тянутся длинные греческие колоннады летнего дворца султана с фестонами на крыше и золочеными решетками, сверкающими на солнце.

Двинемся дальше. Началась армянская часть кладбища. Плоские надгробия испещрены ровными буквами; на мраморе высечены атрибуты тех ремесел, которыми покойные занимались при жизни: здесь и ювелирные изделия, и молотки, и угломеры, и весы, и разнообразные инструменты. А на всех женских могилах непременно изображены букеты цветов.

Но отвлечемся от этих кладбищенских мотивов, всегда тягостных для европейца. Здесь очень многолюдно; женщины не носят покрывал, и левантинские головные уборы, подобно европейским шляпкам и чепцам, оживляют их лица, пышущие здоровьем. Только некоторые армянки оставляют на лице повязки из прозрачной кисеи, которая прекрасно держится на их носах с горбинкой, а для женщин постарше служит дополнительным средством кокетства. Куда движется вся эта веселая, разряженная толпа? Туда же, в Бююкдере.

САН-ДИМИТРИ

Большинство гуляющих заходят в уютные придорожные кофейни. По левую руку расположена одна такая кофейня с просторными галереями, которые с одной стороны

выходят к кладбищу, с другой — к долинам и холмам, где среди садов рассыпаны домики. За ними на горизонте прорисовываются кружевные очертания стамбульских мечетей и минаретов. Эта изломанная линия горизонта, по которой почти безошибочно можно угадать вход в Босфор, в конце концов начинает утомлять взор своим однообразием.

Кофейня — место встречи веселых компаний, как у нас в кафешантанах на Елисейских полях. За двумя рядами столиков по обе стороны улицы расположился весь цвет Перы. Мороженое, лимонад, кофе подают на французский манер. Единственное, что придает этому заведению местный колорит, — неизменное присутствие трех или четырех журавлей; как только вам приносят кофе, они застывают перед столиком, как вопросительные знаки. Их длинные, торчащие над столом клювы не решаются посягнуть на содержимое сахарниц. Они почтительно выжидают. Эти ручные птицы ходят от стола к столу, получая сахар.

Неподалеку от меня расположился немолодой седой мужчина в старомодном черном костюме с белым галстуком и ярким бантом в петлице. Он сложил на своем столике все французские газеты, которые были в кафе, я тоже с удовольствием ознакомился бы сейчас со свежими новостями из Европы. Поверх всей этой пачки газет лежал раскрытый «Moniteur Ottoman», который он внимательно читал. Извинившись, я осмелился осторожно потянуть из этой стопки газету; он бросил на меня такой яростный взгляд, который я встречал только у завсегдатаев старых парижских кафе...

— Я еще не прочел «Moniteur Ottoman», — возмутился он. Я подождал несколько минут. Наконец он смилился и протянул мне газету с поклоном, от которого повеяло восемнадцатым веком.

— Сударь, — сказал он, — сегодня у нас большой праздник. В газетах сообщается о рождении принцессы, и это радостное событие для всех подданных его высочества совпало с началом рамадана.

Теперь я понял, почему повсюду царит такое оживление, и терпеливо ждал, пока сосед поочередно передавал мне прочитанные французские газеты, которые я, в свою очередь, быстро просматривал, а в паузах глядел на дорогу, запруженную каретами и всадниками.

Он, безусловно, оценил мою вежливость и терпение и, когда я уже собирался уходить, произнес:

— Куда вы идете? На бал?

— А разве будет бал? — спросил я.

— Слышите музыку?

В самом деле, до меня донеслись пронзительные звуки греческого или валашского оркестра. Но это совсем не означало, что там танцы; в большинстве кофеен и питейных заведений Константинополя тоже есть музыканты, которые играют даже днем.

— Пойдемте со мной, — предложил незнакомец.

Шагах в двухстах от кафе мы увидели богато украшенные ворота сада, который имел форму треугольника. Деревья были увиты гирляндами, столики стояли среди зелени — все это, впрочем, не в диковинку для парижанина. Мой спутник был в восторге. Мы вошли внутрь; все помещения были заполнены посетителями, оркестранты из всех сил изощрялись в игре на однострунных скрипках, тростниковых флейтах, тамбуринах, гитарах, исполняя, впрочем, довольно оригинальные мелодии. Я спросил, где же происходит бал.

— Терпение, — ответил незнакомец, — бал начнется только после захода солнца. Таковы правила, установленные полицией. Впрочем, ждать осталось недолго.

Он подвел меня к окну: действительно, солнце уже опускалось за фиолетовый горизонт над Золотым Рогом. Сразу же со всех сторон раздался оглушительный грохот. Это пушки Топхане, а затем и всех кораблей, стоявших в порту, салютовали по случаю двойного праздника. Одновременно вдалеке, где виднеются силуэты Стамбула, начался волшебный спектакль. По мере того как на землю ложилась ночь, длинные языки пламени освещали купола мечетей, выписывая на них узоры арабской вязью — наверное, то были легенды, начертанные затейливыми буквами; словно тысячи мачт над домами вознеслись освещенные минареты, опоясанные галереями. Со всех сторон доносилось пение муэззинов, обычно нежное, сегодня оно звучало подобно триумфальному гимну.

Мы вернулись в зал; танцы уже начались.

В середине оставалось пустое пространство, из глубины зала туда вышло человек пятнадцать танцоров в красных фесках, вышитых куртках и ярких поясах. Первый, казалось, вел за собой остальных, которые раскачивались, взявшись за руки, он же словно плел танцевальный рисунок, не приближаясь к соседу и не удаляясь от него больше чем на расстояние, равное платку, за концы которого держались каждые двое. Главный танцор напоминал голову огромной гибкой змеи, а его партнеры — свернувшееся кольцами туловище.

Очевидно, это был греческий танец — с характерными покачиваниями бедер, переплетением рук и движением цепочкой. Когда он закончился, меня начала было одолевать скука, поскольку я видел множество таких танцев в Египте, но в этот момент появились танцовщицы, которые образовали ту же фигуру. В большинстве своем это были молодые и изящные женщины в левантинских нарядах; их красные шапочки были вышиты золотом, длинные косы с вплетенными туда цехинами спускались до пола, волосы были украшены цветами; среди зрителей у них сразу же появилось множество поклонников. Но это были лишь греческие девушки, которые пришли на праздник с друзьями или братьями, и любая попытка поухаживать за ними могла бы закончиться ударом ножа.

— Сейчас я вам покажу нечто более интересное, — сказал мне мой новый знакомый.

Выпив шербету, мы покинули заведение, этот мабиль ¹²⁸ франков Перы.

Стамбул сверкал на потемневшем горизонте тысячами огней, ярко вычерчивая грациозный силуэт города, словно в театре теней. Но было уже слишком поздно ехать туда: переправа закрывалась с заходом солнца.

— Согласитесь, — сказал мне незнакомец, — что Константинополь — подлинный оплот свободы. Вы сейчас в этом убедитесь. Нужно только почитать собак, что, впрочем, вполне благоразумно, и зажигать фонарь, когда заходит солнце, и вы можете чувствовать себя так же свободно, как в Лондоне... или почти как в Париже.

Он вынул из кармана цинковый фонарь, полотняные стенки которого раздвигаются, как шторы, и поставил свечу.

— Взгляните, — сказал он, — как оживленно в этот час на аллеях Большого кладбища.

Действительно, повсюду мелькали шелковые платья или суконные фередже, таинственный шепот, сдавленный смех слышался в тени грабов. Мелькающие огни фонариков в руках гулявших напомнили мне акт с монахинями из «Роберта» ¹²⁹, в отсветах фонариков, казалось, все эти плоские могильные камни приподнимаются; но ветерок с моря шевелил заросли тиса, а на кипарисах дремали голуби. Я вспомнил Гёте:

А ты среди великих
Минувшего развалин...
Шалаш свой ставишь, человек,
И счастлив над гробами ¹³⁰.

Мы шли в Перу, порой останавливаясь, чтобы полюбоваться великолепным видом спуска к Золотому Рогу, огнями, высвечивающими синеву ночного неба, на фоне которого проступали верхушки деревьев, а также морем, отражавшим разноцветные фонари на мачтах многочисленных кораблей.

— Знаете,— сказал мне мой спутник,— вы сейчас разговариваете с бывшим пажом императрицы Екатерины III!

«Это довольно внушительно,— подумал я,— ведь по меньшей мере речь идет о последних годах прошлого века».

— Скажу только,— продолжал он несколько высокомерным тоном,— что наша государыня (я — русский) была в ту пору... моих лет.

Он вздохнул. Потом принялся пространно рассказывать об императрице, о ее уме, очаровании и великодушии.

— Екатерина всегда мечтала побывать в Константинополе и даже подумывала отправиться сюда, переодевшись немецкой бюргершей. Но разумеется, она бы предпочла войти в город победительницей и именно поэтому направила в Грецию экспедицию под командованием Орлова, который еще тогда готовил восстание эллинов. Война за Крым преследовала те же цели, но турки защищались так храбро, что Екатерине досталась лишь эта провинция, полученная в результате мирного договора.

Вы, наверное, слышали, какие праздники устраивались в этой далекой стране, ведь на них бывали многие французы, любители приключений. При дворе Екатерины говорили только по-французски, интересовались главным образом философией энциклопедистов, трагедиями, поставленными в Париже, и фривольной поэзией. Принц де Линь¹³¹ пришел в восторг от «Ифигении в Тавриде» Гийома де ля Туша.

Императрица тут же презентовала ему часть древней Тавриды, где думали отыскать руины храма, воздвигнутого жестоким Тоасом. Принц был очень взволнован этим подарком в несколько квадратных лье, где проживали мусульмане-земледельцы, запятые лишь тем, что целый день курили и пили кофе. Поскольку из-за разорившей их войны они не могли продолжать эти занятия, принцу де Линь пришлось дать им денег. Расстались они добрыми друзьями.

Но в этом проявилась лишь широта его души. Потемкин действовал с бóльшим размахом. Поскольку пыльная равнина раздражала очи государыни, он велел привезти за пятьдесят лье целый лес срубленных елей, которые, прав-

да, давали тень лишь во время недолгого пребывания здесь царского двора.

Екатерина, однако, была безутешна оттого, что упустила случай посетить берега Азии. Чтобы занять свой досуг во время пребывания в Крыму, она попросила господина де Сегюра обучить ее французскому стихосложению. О, эта женщина всегда хотела невозможного! Убедившись в сложности этого дела, она заперлась на четыре часа в своем кабинете и вышла только тогда, когда сочинила всего две александрийские строки (кстати, весьма посредственные). Вот они:

В серале в тишине, на бисером расшитых
Подушках, средь колонн, густым плющом увитых...¹³²

Продолжить она так и не сумела.

— Однако в этих стихах есть какой-то восточный колорит, — сказал я, — они свидетельствуют даже о желании разобратся в турецких обычаях.

— Принц де Линь нашел, что рифма этого двустипшия сильно хромает, чем навсегда отвратил императрицу от французских просодий... Я, правда, рассказываю вам о том, что сам знаю лишь понаслышке. Тогда я был еще ребенком и застал лишь последние годы этого великого царствования... От умершей императрицы мне передалось ее страстное желание увидеть Константинополь. В двадцать лет я оставил семью и приехал сюда почти без денег. Моим единственным богатством были прекрасные зубы и быстрые ноги...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ДРЕВНЕМ СЕРАЛЕ

Мой спутник вздохнул и произнес, глядя на небо:

— Сейчас я продолжу свой рассказ, хочу только показать вам самый большой праздник, который скоро начнется в Стамбуле и продлится тридцать ночей. — Он указал на небосклон, где появился тонкий серп полумесяца — молодая луна, луна рамадана, едва заметная на горизонте. — Празднества начнутся, когда она будет отчетливо видна с минаретов или с гор, окружающих город. Об этом оповестят специальными сигналами.

— Что вы делали в Константинополе? — вернулся я к прерванному разговору, понимая, что ему приятно вспомнить свою молодость.

— Каким блестящим был тогда Константинополь, су-

дарь, не то что сейчас; восточная экзотика определяла его архитектурный облик, а теперь все дома перестраиваются на европейский лад. Тут господствовала строгость нравов, но, пожалуй, главным очарованием этого города была невозможность завязывать любовные интриги.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил я, испытывая искренний интерес к рассказу, когда мой попутчик снова замолчал.

— Я не буду описывать, сударь, какие отношения установились у меня с прелестными особами моего круга. Спасность такого рода связей заключалась во внешних проявлениях: панести визит турчанке или прийти к ней тайком, пожалуй, никто не осмелился бы. Не буду хвастаться рискованными авантюрами, на которые я решался. Разве что последнее приключение может быть вам интересно...

Так как мои родители, тяжело переживавшие нашу разлуку, перестали посылать мне деньги, мне пришлось поступить на службу в торговый дом в Галате. Я стал делопроизводителем у одного богатого ювелира. Однажды к нему явилось несколько женщин в сопровождении рабов в султанских ливреях.

В ту пору дамы сераля имели право сами делать покупки у торговцев во французских кварталах, поскольку никто не посмел бы вести себя с ними непочтительно... Да, впрочем, тогда христиан и за мужчин-то не считали... Когда сам посол Франции приходил в сераль, обед ему подавали отдельно, а султан потом спрашивал своего первого везира: «Ты покормил собаку?» — «Да, собака поела», — отвечал министр. «Ну что ж, тогда пусть убирается!» Это соответствовало этикету. Толмачи же переводили это в виде комплиментов в адрес посла, и на этом встреча заканчивалась.

Я прервал эти лирические отступления и попросил собеседника вернуться к рассказу о визите дам из сераля к ювелиру.

— Как вы понимаете, в подобных случаях за этими прелестными созданиями неотступно следовали их охранники во главе с *кызлар-агой*. Впрочем, внешний вид этих дам мог очаровать лишь людей, наделенных пылким воображением: они были так же тщательно закутаны в свои покрывала, как домино на бале-маскараде.

Главная, во всяком случае та, которая командовала другими, велела показать разные украшения и, выбрав одно из них, уже собиралась его забрать. Я сказал тогда, что

оправу нужно почистить и что в ней не хватает нескольких маленьких камешков.

— Хорошо! — ответила она.— Когда за ним можно прислать? Мне оно нужно к празднику, на котором я должна предстать перед султаном.

Я с почтением поклонился и слегка дрожащим голосом заметил, что трудно с определенностью сказать, сколько времени займет эта работа.

— Ну что ж,— сказала дама,— когда все будет готово, пошлите одного из ваших рассыльных во дворец Бешик-Таш.— И она рассеянно посмотрела вокруг...

— Я принесу его сам, ваше высочество,— ответил я,— потому что ни рассыльному, ни рабу нельзя доверить столь ценное украшение.

— Хорошо,— сказала она,— принесите его, и вам заплатят.

В этой стране глаза женщины красноречивы, как нигде в мире, ведь это единственное, что видят окружающие. Мне показалось, что принцесса беседовала со мной с особой благожелательностью; я приписал это своему возрасту и внешности... Сударь, сегодня я смело берусь утверждать: я был одним из последних красавцев Европы,— произнеся это, он выпрямился, казалось, фигура его приобрела особое изящество, которого раньше я у него не замечал.

— Когда украшение было готово,— продолжал он,— я отправился в Бешик-Таш той же дорогой на Бюйюкдере, по которой мы сейчас идем. Я вошел во дворец со стороны полей.

В приемной мне велели немного подождать; затем принцесса приказала провести меня в свои покои... Я отдал ей украшение, получил деньги и хотел уйти, как вдруг один из офицеров спросил меня, не желаю ли я присутствовать на представлении канатоходцев. Я согласился, принцесса велела подать мне обед; она даже соблаговолила поинтересоваться, как меня накормили. Наверное, то, что столь высокопоставленная особа вела себя со мной так учтиво, было не совсем для меня безопасно...

Когда стемнело, дама пригласила меня пройти в другую комнату, обставленную с еще большей роскошью, и приказала принести кофе и кальяны.

На высокой галерее с перилами появились музыканты, казалось, все ждали, что со звуками музыки начнется что-то необычное. Мне стало ясно, что этот праздник султанша приготовила для меня; однако она по-прежнему полу-

лежала в величественной позе на софе в глубине комнаты.казалось, ее внимание целиком занимали акробатические номера, которые демонстрировали артисты.

Я не понимал, из робости или из-за условностей этикета она не решается признаться в своих чувствах, и думал, что нужно действовать более решительно.

Я пылко припал к ее руке, впрочем, она не слишком сопротивлялась, как вдруг послышался шум. «Янычары! Янычары!» — в ужасе заметались рабы и слуги. Султанша о чем-то переговорила со своей стражей, потом отдала им какое-то приказание. Меня и двух канатоходцев по потайной лестнице провели в комнату вниз, где какое-то время мы оставались в темноте. У нас над головами пробежали солдаты, потом донесся шум борьбы, и мы похолодели от ужаса: сейчас взломают дверь нашего убежища. По лестнице торопливо спустилась стража султанши, и со словами: «Все кончено... Спускайтесь сюда!» — перед нами открыли что-то вроде люка. В темноте я стал нащупывать ступеньки и вдруг шагнул в пустоту...

Все трое мы оказались в Босфоре. Дворцы на берегу моря, и в частности Бешик-Таш, который вы, наверное, видели на европейском берегу Стамбула, в четверти лье от города, частично построены на сваях. Полы комнат нижнего этажа представляют собой настилы из кедровых досок, которые находятся прямо на воде, их приподнимают, если дамам из сераля угодно немного поплавать. В одной из таких купален мы и очутились в полной темноте. Люки над нами захлопнулись, и поднять их было невозможно. Впрочем, сверху еще доносились шаги и бряцание оружия. С трудом держась на поверхности, я едва мог время от времени глотнуть свежего воздуха. Видя, что вернуться во дворец нельзя, я попытался хотя бы выплыть за его пределы. Но передо мной была решетка, образованная сваями. Обычно она, наверное, служила преградой, если бы, плавая, женщинам вздумалось выбраться из дворца, а также заслоняла их от нескромных взглядов во время купания.

Представьте себе, сударь, весь ужас подобной ситуации: прямо над головой — настил из досок, под настилем шесть дюймов воздуха, причем вода мало-помалу прибывает, за шесть часов уровень Средиземного моря повышается на один-два фута. Хватило бы и более медленного подъема воды, чтобы очень скоро захлебнуться.

В отчаянии я принялся трясти сваи, которые окружали меня словно клетка. Изредка я слышал вздохи несчастных канатоходцев, которые тоже пытались найти путь к

спасению. Наконец я нащупал то ли разъединенную сыростью, то ли более старую сваю, которая легко поддалась. Из последних сил я оторвал кусок гнилого дерева и выскользнул наружу благодаря своей юношеской стройности. Затем, цепляясь за наружные опоры, выбрался на берег. Не знаю, что случилось с моими товарищами по несчастью. Напуганный опасным приключением, я поспешил покинуть Константинополь.

Я не смог удержаться и сказал своему собеседнику, предварительно выразив ему сочувствие по поводу пережитых им страхов, что он наверняка утаил от меня некоторые обстоятельства этой истории.

— Сударь, — ответил тот, — я ничего не добавлю на этот счет и уж, во всяком случае, не буду злоупотреблять великодушием...

Он не закончил фразу. Мне уже приходилось слышать о страшных историях конца прошлого века, в которых якобы были замешаны некоторые дамы старого сераля.

Сдержанность этого убеленного сединами Буридана¹³³ вызвала у меня уважение.

ГРЕЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Мы поднялись на холм, возвышающийся над предместьем Сан-Димитри. Это греческая деревня, расположенная между Большим и Малым кладбищами. Туда вела дорога, вдоль которой выстроились очень элегантные дома, несколько напоминающие китайские постройки.

Мне показалось, что эта дорога, тоже ведущая в Перу, будет короче. Правда, нужно было спускаться в низину, по дну которой бежала речка. Дорога, шедшая вдоль реки, вела к морю. Здесь много казино и кабаре.

Мой спутник спросил:

— Куда вы хотите пойти?

— Я бы с удовольствием отправился спать.

— Во время рамадана спят только в дневные часы. Проведем вместе остаток ночи, а потом с восходом солнца можно будет пойти соснуть. Если хотите, я отведу вас в один дом, где играют в *баккару*.

Мы шли мимо домов с выходящими на улицу верандами, мимо освещенных зарешеченных окон, мимо отливавших глянцем фасадов; все свидетельствовало о том, что здесь собирались такие же веселые компании, как там, где мы уже побывали.

Не следует браться за описание нравов Константинополя, если вы боитесь слишком смелых эпитетов. Пятьдесят тысяч европейцев, живущих в пределах Перы и Галаты, — итальянцы, французы, англичане, немцы, русские и греки — не имеют между собой никакой духовной связи, даже единства вероисповедания, поскольку их секты более изолированы одна от другой, чем секты, исповедующие разные религии. К тому же следует учесть, что в городе, где образ жизни женщин так строго регламентирован, было бы невозможно увидеть даже лица местных женщин, если бы не существовало казино или других увеселительных заведений, куда стекается довольно смешанное общество.

Морские офицеры, начинающие коммерсанты, служащие различных посольств — все эти разнообразные элементы европейского общества испытывают потребность в дополнительных встречах помимо вечеров в посольствах, у драгоманов или банкиров. По этой причине в Пере часто устраиваются благотворительные балы.

Мы паходились в греческой деревне, этой Капуе фрякского населения. Я уже бывал тут как-то днем, но мне даже в голову не приходило, что по вечерам здесь открывается так много увеселительных заведений, казино, курзалов и даже игорных домов. Патриархальный вид отцов семейств, которые просто так сидели на скамейках или что-то мастерили из дерева, чинили черепицу на кровле или ткали, скромные манеры женщин в греческих платьях, беззаботное веселье ребятишек, домашняя птица и свиньи, разгуливающие прямо на улице, кофейни на высоких верандах с перилами, откуда открывался вид на затянутую дымкой долину и заросший травой ручей, зеленые сосны, дома с резными украшениями из дерева — все это напоминало тихий уголок в Нижних Альпах. И как представить себе, что ночью все здесь совершенно преображается, если через ставни окон не пробивается даже полоска света? Однако, когда на улицах тушат фонари, во многих домах свет не гаснет, и, должно быть, до раннего утра продолжают танцы и игры. Молодежь, как во времена древнего Алкимадура¹³⁴, вывешивает цветочные гирлянды над крашеными воротами, быть может, это восходит к традициям греческих гетер. Увы, мимо нас прошел не античный любовник в венке из пышных цветов, а какой-то субъект английского вида, вероятно, моряк, но одетый во все черное, в перчатках и в белом галстуке. Его сопровождал нанятый им скрипач, призванный, несмотря на свой мелан-

холощеский вид, вносить оживление в прогулку англичанина. Мы решили, что это какой-нибудь боцман, который после длительного перехода весьма расточительно тратит заработанные им деньги.

Мой спутник остановился перед одним из домов, который, так же как и остальные, снаружи не был освещен, и несколько раз осторожно постучал по глянцевитой двери. Ее не без опаски открыл негр, но, увидев, что мы в шляпах, приветствовал нас, величая эфенди.

Дом, где мы очутились, несмотря на изящество внутреннего убранства, никак не соответствовал расхожим представлениям о турецком доме. Время идет вперед, и пресловутая незыблемость старого Востока начинает поддаваться натиску цивилизации.

Реформа, нарядившая турка в красную феску и наглухо застегнутый сюртук, внесла и в дом строгость убранства, свойственную европейским интерьерам. Отныне нет пышных арабесок, лепных потолков, похожих на пчелиные соты или пещерные сталактиты, нет больше кружевных решеток и резных потолков из кедрового дерева, вместо них гладкие, блестящие от краски стены с простыми лепными карнизами и банальными картинками, несколько горшков с вьющимися растениями — и все это в том самом стиле (вернее, с тем отсутствием стиля), который лишь отдаленно напоминает старинный восточный стиль, затейливый и волшебный.

В первой комнате находились слуги. Во второй, украшенной с большой пышностью, предо мной открылось поразившее меня зрелище. Посредине комнаты стояло нечто вроде круглого стола, покрытого толстым ковром, вокруг которого размещались кровати в античном стиле, здесь их называют *тандур*; на них полулежало несколько женщин, вытянув ноги к центру стола, где под ковром была спрятана жаровня, излучавшая тепло. Величественная и горделивая осанка, ослепительные наряды, накидки, обшитые мехом, прически по старинной моде говорили о том, что эти дамы достигли того возраста, когда не следует обижаться на слово «матрона», бывшее столь употребительным у римлян; они просто привели на вечер своих дочерей или племянниц и ждали их, как матери актрис из Оперы ждут в фойе окончания спектакля. Все они большей частью жили по соседству и возвращались домой лишь на расвете.

Третья комната, которая по нашим понятиям напоминала гостиную, была обставлена диванами, покрытыми ярким шелком. В глубине комнаты, на одном из диванов, восседали четыре прелестные особы, которые то ли по воле случая, то ли вполне намеренно являли собой четыре разных восточных типа.

В центре сидела черкешенка, что можно было сразу определить по большим черным глазам, оттеняющим белизну матовой кожи, по тонкому, точеному, словно вылепленному носу с горбинкой, по длинной шее, стройной осанке, маленьким рукам и ногам — отличительным чертам ее нации. Из-под тюрбана из тонкой кисеи, усыпанного золотыми мушками, выбивались черные как смоль волосы, обрамляя нарумяненные щеки. Накидка, украшенная вышивкой и отделанная всевозможными фестонами из шелка, казалось, окаймлена гирляндами цветов — таким яркими были ее краски; этот блестящий и изысканный наряд дополняли серебряный пояс и широкие шальвары из розового шелка, расшитые бисером. Разумеется, ее глаза, как принято на Востоке, были подведены сурьмой, от этого они казались ярче и блестели; ногти и ладони были выкрашены хной в оранжевый цвет, так же как ступни и ногти на ногах, не менее холеных, чем руки. Она сидела, грациозно поджав ноги по-турецки, и при малейшем ее движении позвякивали браслеты на щиколотках.

Рядом с ней сидела армянка. Ее костюм, лишенный варварской пышности, больше соответствовал современной константинопольской моде; лицо со строгим, гордым профилем носило печать почти животного равнодушия; на голове красовалась феска наподобие мужской, с перекинутой вперед огромной синей шелковой кисточкой. На ней было платье из зеленого бархата, отделанное белоснежным лебяжьим пухом, который изящно обвивал ее шею; на шее поблескивали серебряные украшения. Талия была перетянута поясом из филигранных пластин, и, сбросив на пол туфельки, она демонстрировала последнюю моду — шелковые чулки с вышитыми треугольниками.

В отличие от подруг, у которых косы с вплетенными в них ленточками и пластинками из металла свободно ниспадали на плечи, сидящая рядом с армянкой еврейка прятала волосы, как предписывает ей закон, под небольшой белой шапочкой, какие носили женщины в четырнадцатом веке, к примеру Кристина Пизанская. Костюм ев-

рейки был более строгим и состоял из двух надетых одна на другую туник, верхняя доходила до колен: их краски были более приглушенными, а вышивка — менее яркой, чем на платьях остальных женщин. Ее нежное лицо с правильными чертами было того необычного еврейского типа, который встречается только в Константинополе и не имеет ничего общего с известными нам типами; нос ее не имел той характерной формы, по которой у нас его обладательницу бозошибочно именуют Ревекка или Рахиль.

Четвертая, сидевшая на самом краю дивана, была юная белокурая гречанка с профилем, как у античных статуй. Татикос с фестонами и золотыми кисточками, кокетливо сдвинутый набок и перевитый двумя огромными косами, образовывал на голове тюрбан и замечательно оттенял ее умное лицо с лучистыми голубыми глазами, так отличавшимися от черных глаз ее соперниц по красоте.

— Вот, — сказал мой спутник, — великолепные образцы женского совершенства всех четырех наций, составляющих византийское население.

Мы приветствовали этих прелестных особ, которые поздоровались с нами на турецкий манер. Черкешенка встала, хлопнула в ладоши, и дверь распахнулась. Я увидел еще одну комнату, где вокруг зеленого стола сидели игроки в различных костюмах.

— Это всего-навсего перский Фраскати ¹³⁵, — объяснил мне спутник. — Можно сыграть несколько партий, пока подадут ужин.

— Я бы предпочел остаться здесь, — сказал я, не испытывая желаний присоединиться к толпе, где мелькало много греческих костюмов.

Тем временем появились две девочки: одна несла на подносе хрустальную компотницу, другая — графин с водой и стаканы, она держала также полотенце, расшитое шелком и серебром. Черкешенка, видимо играя роль хозяйки, подошла к нам, зачерпнула ложкой из позолоченного серебра варенье из роз и поднесла к моему рту с самой любезной улыбкой. Я знал, что в таком случаелагается попробовать угощение и запить его водой; девочка подала мне полотенце, чтобы вытереть рот. Все это происходило в соответствии с этикетом лучших турецких домов.

— Мне кажется, — сказал я, — что передо мной картина из «Тысячи и одной ночи», я вижу сон, как Разбуженный спящий.

Я бы назвал этих красавиц: Очарование, Волнение, Дневное светило, Цветок жасмина...

Старик хотел было назвать мне их по именам, как вдруг за дверью раздался страшный шум и стук ружейных прикладов.

В игорном зале поднялся сильный переполох, и несколько человек, видимо, успели убежать и скрыться.

— А не находимся ли мы у жен султана, — спросил я, вспомнив рассказ старика, — может, нас сейчас бросят в море?

Его невозмутимый вид немного успокоил меня.

— Посмотрим, — ответил он.

Кто-то поднимался по лестнице, и из первых комнат, где сидели матроны, допеслись голоса. В гостиную вошел полицейский офицер, и я услышал слово «франги», которое произнесли указывая на нас; он захотел осмотреть игорный зал, где оставшиеся партнеры невозмутимо продолжали игру.

Это был обычный патруль кавасов (жандармов), которые следили, чтобы здесь не оказались турки или кадеты военных школ. Ясно, что убежавшие относились к одной из этих категорий. Но патруль входил в дом с таким шумом, что можно было не сомневаться: жандармам заплатили, чтобы они ничего не видели и не сообщали ни о каких нарушениях. Такое, впрочем, наблюдается во многих странах.

Наступило время ужина. Игроки, как удачливые, так и проигравшие, помирившись после баталий, расселись вокруг стола, накрытого по-европейски. Женщины не присоединились к этой уже дружеской компании, а разместились на возвышении. По восточному обычаю, трапеза сопровождалась музыкой: играл оркестр, находившийся в другом конце комнаты.

Смесь цивилизации и византийских традиций — одна из привлекательнейших черт этих веселых ночей — результат нынешних контактов между Европой и Азией, центром которых вследствие веротерпимости турок стал ослепительный Константинополь. Так случилось, что мы побывали только на одном празднике, столь же невинном, как вечеринки в марсельских кафе. Девушки, украшавшие собой это общество, были приглашены за несколько пиастров, чтобы иностранцы могли получить представление о местных красавицах. И не было никаких оснований подозревать, что их пригласили сюда не только для того, чтобы продемонстрировать местные моды и свою красоту. Все и впрямь разошлось с первыми лучами солнца, и предместье Сан-Димитри вновь обрело спокойный и безмятежный вид.

Каким целомудренным предстал этот идиллический пейзаж на рассвете, когда из деревянных домов показались первые хозяйки.

Мы расстались. Мой спутник вернулся к себе в Перу; что касается меня, то, все еще находясь во власти чудесной ночи, я решил пройтись к монастырю дервишей; от туда можно было полюбоваться панорамой залива. Солнце начало подниматься, осветив далекие линии берегов и мыс, и в тот же момент в порту Топхане выстрелила пушка. Тут же с невысокого минарета над текке раздался нежный и печальный голос, который пел: «Аллах акбар! Аллах акбар! Аллах акбар!»

Мною овладели непонятные чувства. Да, Аллах велик! Аллах велик! И мне казалось, что несчастные дервиши, без устали повторявшие этот величественный призыв со своего минарета, осуждают меня за дурно проведенную ночь. Муэzzин без конца повторял: «Аллах велик! Аллах велик!»

«Аллах велик! Мухаммед — пророк его. Сложите свои грехи к ногам Аллаха!» Так звучит этот вечный призыв к покаянию. Для меня бог есть повсюду, как бы его ни называли, и я действительно чувствовал себя несчастным из-за того, что совершил ошибку, но ведь я не сделал ничего плохого, только развлекался, как все франки Перы, в одну из ночей праздника, который собирает в этом многонациональном городе представителей разных религий. К чему бояться ока божьего? Над еще влажной от росы землей дул благоуханный морской ветер: прежде чем коснуться моего лица, он облетел сады сераля на другом берегу пролива. Ослепительное солнце высветило волшебную панораму Босфора, которая открывается из любой точки города благодаря высоким берегам и разнообразному ландшафту. Через час я почувствовал себя утомленным и вернулся в гостиницу, где остановился. Окна моей комнаты выходили на Малое кладбище.

II. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАЗДНЕСТВА

ЙЫЛДЫЗ-ХАН

Отдохнув, я решил узнать, как попасть на ночные праздники в турецком городе. Мой друг художник, знакомый с местными нравами, сказал, когда мы встретились днем, что, по его мнению, мне следует обосноваться в Стамбуле, а это было чрезвычайно трудно.

Мы сели в каик, переправились через Золотой Рог и вышли на пристани у рыбного базара, как раз в том месте, где накануне стали свидетелями кровавой сцены. Лавки повсюду были закрыты. Был закрыт и египетский базар, где продают пряности и химические товары. На улицах тоже никого не было, кроме собак, которые в первые дни рамадана всегда недоумевают, не получая своего обычного пропитания. Наконец мы подошли к одной из лавок неподалеку от базара, которой владел армянин, знакомый моего друга. Его лавка тоже была закрыта; но не будучи мусульманином, он мог позволить себе бодрствовать днем и спать ночью, правда не показывая этого открыто.

Мы даже у него пообедали, так как он предусмотрительно закупил впрок все продукты, иначе нам пришлось бы возвращаться в Перу. Моя мысль поселиться в Стамбуле сначала показалась ему нелепой: ни один христианин не имеет права тут жить, разрешено только приезжать сюда днем. Здесь нет ни гостиниц, ни постоянных дворов, ни единого караван-сарая для христиан; исключение делалось только для армян, евреев и греков, подданных империи.

Однако я настаивал и рассказал, как в Каире мне удалось обосноваться в неевропейском квартале, переодевшись коптом.

— Тогда,— сказал он,— существует только один выход — выдать вас за перса. В Стамбуле есть один караван-сарай, его называют Йылдыз-Хан (хан Звезда); здесь ос-

танавливаются все азиатские торговцы, принадлежащие к различным мусульманским общинам. Это не только люди из секты Али, там есть гебры, парсы, каранты, ваххабиты. В общем, там так перемешаны языки, что турки не в состоянии разобраться, кто из какой части Востока приехал. Таким образом, вы сможете жить среди них, если не будете говорить на северном языке, иначе вас выдаст произношение.

Мы отправились в Йылдыз-Хан, расположенный в самой высокой части города, неподалеку от Сгоревшей Колонны, одного из самых любопытных памятников древней Византии. Караван-сарай был весь из камня и изнутри походил на какую-то казарму. Двор опоясывала галерея в три этажа; все жилые помещения с круглыми сводами были одинаковыми: большая комната для хранения товаров и вторая, поменьше, обшитая досками, в которой можно было поставить кровать. Кроме того, каждый жилец имел право держать в общей конюшне свою лошадь или верблюда.

Так как у меня не было ни лошади, ни товара, я мог выдавать себя только за коммерсанта, который уже все распродал и приехал в Стамбул с намерением закупить новую партию.

Армянин имел деловые отношения с торговцами из Мосула и Басры, которым он меня и представил. Мы заказали кофе и трубки и изложили им суть дела. Они охотно согласились принять меня в свое общество, только мне нужно было одеться, как они. К счастью, я уже располагал отдельными предметами, например машлахом из верблюжьей шерсти, который выручал меня в Египте и Сирии; не хватало только каракулевой шапки, какую носят персы; ее мне достал армянин.

Некоторые персы говорили на французском языке Леванта, который легко усвоить, достаточно немного пожить в торговых городах. Таким образом, мне удалось завязать дружеские отношения с торговцами. Меня горячо рекомендовали всем соседям по галерее, и я даже начинал испытывать беспокойство от их чрезмерного стремления развлекать меня и повсюду сопровождать. На каждом этаже был свой повар, который в то же время умел варить кофе; таким образом, мне не нужно было никуда выходить. Однако персы, как и турки, спали весь день, чтобы веселиться по ночам в течение всего рамадана, и с наступлением вечера брали меня с собой, чтобы я мог полюбоваться этим долгим праздником, длящимся тридцать лун.

Если смотреть на Стамбул с высот Перы, он весь в огнях иллюминации; в самом городе улицы кажутся еще более яркими. Все лавки открыты, освещены свечами, украшены гирляндами и вазами с цветами, сияют зеркалами, красивые витрины, цветные фонарики перед входом, свежая краска и позолота, повсюду продавцы сладостей, детских игрушек и бижутерии — это зрелище буквально завораживает. Улицы переполнены, особенно много женщин и детей, мужчины проводят большую часть времени в мечетях и кофейнях.

Не думайте, что кабачки были закрыты; турецкий праздник — это праздник для всех; эти заведения могут посещать только католическая, греческая, армянская и еврейская райя. Входная дверь всегда закрыта, но если ее толкнуть и войти внутрь, то за десять пара (пять сантимов) можно пропустить стаканчик доброго тенедецкого вина.

Повсюду стоят жаровни, торгуют фруктами и вареной кукурузой — порции за десять пара хватит, чтобы быть сытым целый день; продают также *баклаву* — вид печенья, сильно пропитанного сахаром и маслом, к этому лакомству особенно равнодушны женщины.

Ярче всего иллюминирована площадь Сераскира. Справа и слева сверкают огнями мечети, в глубине — казармы, а сама площадь треугольной формы запружена народом. Перед домами разложили свой товар бродячие торговцы; кофейни пестрят афишами различных зрелищ, цирковых представлений и китайского театра теней.

ПОСЕЩЕНИЕ ПЕРЫ

Поскольку я не был обязан, как мусульмане, спать весь день и веселиться всю ночь напролет в течение блаженного месяца рамадана — масленицы и поста одновременно, я часто уезжал в Перу, чтобы пообщаться с европейцами. Как-то я обратил внимание на большую афишу, извещавшую об открытии театрального сезона. Начинались трехмесячные гастроли итальянской труппы. Крупным шрифтом было выведено имя звезды — Ронци Таккинарди, певицы времен славы Россини, которую воспевал Стендаль¹³⁶. Ронци, увы, уже была не молода! Она приехала в Константинополь, подобно знаменитой трагедийной актрисе мадемуазель Жорж, которая несколько лет назад выступала в театре Перы и во дворце у султана, а потом поехала

в Крым, чтобы сыграть там «Ифигению в Тавриде» на том самом месте, где когда-то стоял храм Тоаса. Выдающиеся актеры, как и все талантливые люди, очень тонко чувствуют прошлое; они любят опасные путешествия, их, словно орлов, влечет к себе солнце Востока. Дирижировал Доницетти, которого султан давно пригласил возглавлять свой оркестр.

Правда, это знаменитое имя принадлежит лишь брату столь почитаемого нами композитора, но для европейцев тем не менее оно весьма звучное; весь город франков жил только предстоящими спектаклями. Билеты, которые заранее продавались в отелях и кофейнях, достать было очень трудно. Мне пришла в голову мысль зайти к издателю главной французской газеты в Константинополе, редакция которой размещалась в Галате. Он принял меня радушно, заставил с ним пообедать, а потом удостоил чести предоставить мне место в своей ложе.

— Если вы не забыли профессию журналиста, то мы сможем печатать ваши театральные обзоры, и вы получите пропуск на все спектакли.

Я несколько опрометчиво согласился, потому что, живя в Стамбуле, не так-то просто каждые два дня возвращаться туда среди ночи после окончания спектакля.

В тот день давали «Buondelmonte»¹³⁷. Театр Перы находится на горе. Ложи расположены по-итальянски, без балконов. Почти все эти ложи были заняты послами и банкирами.

Армяне, греки и франки расположились в партере, там можно было увидеть лишь считанных турок — наверное, из тех, кого родители с ранней юности отправляли учиться в Париж или Вену; ведь даже если предрассудки и не помешают мусульманину пойти в европейский театр, нельзя забывать, что наша музыка не доставляет ему особенного удовольствия; турецкая четвертьтоновая мелодика столь же непривычна для европейского уха, воспитанного на темперированном строе. Кажется, только греческие и валашские мотивы одинаково доступны для всех. Доницетти-композитор поручил брату записать их и использовал в своих операх.

Издатель газеты хотел было представить меня французскому послу, но я уклонился, потому что мог получить приглашение на обед, а меня уже против этого предостерегали.

Этот дипломат все лето жил в Тарании — местечке на берегу Босфора, в шести лье от Константинополя. Чтобы

Султан Махмуд II

добраться туда, нужно нанять на полдня каик с шестью гребцами за двадцать ффранков. Таким образом, посол угощал вас довольно дорогим обедом. Другое неудобство этого визита состояло в том, что возвращаться в столь поздний час приходилось морем, а случалось и в непогоду, в плоскодонном каике, к тому же в сопровождении неутомимой стаи касаток, которые скользят по гребням волн в надежде плотно поужинать запоздалыми гостями французского посла.

Представление прошло совсем как в обычном итальянском театре. Ронци засыпали цветами, вызывали двадцать раз; восторг византийской публики, по всей видимости, был ей приятен. Затем все зажгли свои фонари, послы и банкиры сели в экипажи, другие отправились верхом; я же собрался

обратно в Йылдыз-Хан, потому что в Пере невозможно найти пристанище даже на одну ночь.

Я хорошо знал длинную дорогу в Стамбул по понтонному мосту через Золотой Рог и не боялся идти один при ясном свете луны рамадана, это была одна из тех прекрасных ночей, которые могут сравниться с нашими рассветами. Собаки, словно жандармы, охраняющие улицы, нападают только на тех неосторожных прохожих, кто, несмотря на предписание, осмеливается ходить без фонаря. Таким образом, я шел через кладбище Перы по направлению к галатским воротам, которые выходят к морскому министерству, стена укреплений в этом месте кончается, но, чтобы переправиться через Золотой Рог, ее нельзя просто обогнуть. Нужно постучать в окошко, поприветствовать охрану: «Алейкум ас-салам», дать бакшиш, и только тогда вам позволят пройти. Спустившись по улице, ведущей к морю, попадаешь к великолепному мосту в четверть лье длиной, который был построен султаном Махмудом.

На противоположном берегу я вновь увидел праздни-

ные огни — приятное и радостное зрелище, особенно после того, как глубокой ночью отшагаешь целую милю среди кипарисов и могил. На набережной Фанара, запруженной продавцами фруктов и сладостей, торговцами жареным мясом, греками, предлагающими анисовую водку и розолно ¹³⁸, всегда много матросов; их корабли рядами выстроились в бухте. С соседних улиц еще долго видны кабачки и кофейни, освещенные фонарями. Затем огни и шум постепенно отдаляются, и вы проходите целый ряд безлюдных и тихих кварталов (празднества устраиваются только в торговой части города). Вскоре перед вами вырастают арки акведука Валента, его каменная громада нависает над жалкими деревянными домишками турок.

Дорога то поднимается на склоны, возвышающиеся над улицей, которая либо пересекается с ней, либо идет рядом, то вновь опускается и тянется вдоль улицы, чтобы снова подняться на холмы или спуститься к морю.

Стамбул раскинулся на многочисленных холмах, и человек почти не изменил здесь того, что создала природа. Дойдя до конца улицы Мечетей — главной улицы города, которая ведет к большим базарам, попадаешь в лучший район Стамбула. Здесь особенно красиво ночью: великолепные сады, ажурные галереи, мраморные фонтаны с позолоченными решетками, летние дворцы, портики и минареты, которые прорисовываются на фоне ночного неба, золоченые надписи, живопись лаком, решетки со сверкающими переплетами, резьба по мрамору, яркие, бьющие в глаза орнаменты — все это оттеняет густую зелень садов, где на высоких беседках, увитых лозой, дрожат гроздья винограда.

Но вот тишина нарушена, воздух наполняют радостные крики, вновь сверкают огнями лавки. Богатые и бедные кварталы предстают в праздничном блеске; торговцы игрушками раскладывают на лотках тысячи затейливых вещей на радость родителям, которые спешат вернуться домой с французским Полишинелем, игрушками из Нюрнберга или прелестными китайскими безделушками, доставленными сюда караванами. Китайцы лучше всех знают, чем порадовать детей.

«КАРАГЁЗ»

Среди этих игрушек сразу бросается в глаза странная марионетка под названием «Карагёз», уже известная французам. Трудно поверить, что эта непристойная фигурка мо-

жет предназначаться детям. Однако именно ее родители чаще всего преподносят своим чадам. На Востоке иные, чем в Европе, понятия о воспитании и нравственности. Здесь стремятся развивать у детей чувственность, тогда как мы стремимся ее притушить...

Я вышел на площадь Сераскира; было многолюдно. Мне попала на глаза афиша «Карагёз, жертва собственного целомудрия».

Для тех, кому известен данный персонаж, это название звучит крайне парадоксально... Слова, которые я только что прочел, наверное, пришли в ужас от подобного соседства. Однако я решил пойти на спектакль, несмотря на опасность испытать страшное разочарование.

В дверях *шаббазы* (ночного увеселительного заведения) стояли четыре актера, они, вероятно, были заняты во второй пьесе: после «Карагёза» был обещан «Муж двух вдов» — комедия-фарс, из тех, которые называют *таклид*. У актеров, одетых в вышитые золотом куртки, из-под фесок выбивались длинные косы, как у женщин. Глаза были подведены, ладони выкрашены в красный цвет, на лицах приклеены блестки, а на обнаженных руках — мушки; они любезно приветствовали публику и, получая плату за вход, расточали улыбки эфенди, которые платили больше, чем остальные. Йирмилик-алтын (золотая монета достоинством в один франк двадцать пять сантимов) обеспечивала зрителю горячую признательность актеров и место в первых рядах. Впрочем, платить нужно было всего десять пара. К тому же в цену билета входила также стоимость неизменного кофе и табака. За шербеты и различные прохладительные напитки платили отдельно.

Как только я занял место в зале, ко мне подошел элегантно одетый юноша с тонкими чертами лица, которого можно было принять за девушку, и предложил мне шибук или кальян; вместе с трубкой он принес мне чашку кофе.

Зал понемногу заполнялся, женщин совсем не было, но пришло много детей со слугами или рабами. В большинстве своем они были нарядно одеты, в эти праздничные дни родителям хотелось доставить детям удовольствие, но сами родители на спектакле не присутствовали, потому что в Турции мужчина не стесняет себя ни женой, ни детьми: каждый живет сам по себе, и мальчики с раннего возраста оторваны от матерей. К рабам, которые занимаются воспитанием детей, относятся как к членам семьи. Их освобождают от тяжелого труда, и, как в древности, они выполняют лишь домашнюю работу, что вызывает зависть у про-

стой райи; а если раб к тому же еще наделен умом, он почти всегда через несколько лет службы получает свободу и ренту, которая назначается в подобных случаях. Стыдно сознаться, но христианская Европа проявила себя более жестокой, чем Турция, используя своих невольников на тяжелых работах в колониях.

Вернемся к спектаклю. Когда зал почти заполнился, оркестр, размещавшийся на высоком балконе, сыграл нечто вроде увертюры. Осветился один из углов зала. Кусок прозрачной белой кисеи, отделанной фестонами, указывал, где именно будет происходить спектакль. Огни в зале погасли, и, когда оркестр перестал играть, среди публики раздались радостные возгласы. Наступила тишина, затем за занавесом послышался звук, словно трясли мешок с деревяшками. Таким образом, по обычаю, извещали о появлении марионеток. Дети восторженно приветствовали их.

Затем кто-то из зала, наверное ведущий, крикнул другому, который говорил за кукол:

— Что нам сегодня покажут?

Тот ответил:

— Для тех, кто умеет читать, это написано перед входом.

— Но я забыл, чему учил меня *ходжа* (духовник, обучающий детей в мечетях).

— Ну ладно, речь пойдет о знаменитом Карагёзе, жертве собственного целомудрия.

— Как ты можешь объяснить такое название?

— Я надеюсь на людей со вкусом и буду вымалливать у Ахмада помощи «черным глазам...».

Ахмад — «уменьшительное имя, которым правоверные называют Мухаммеда. Что же касается «черных глаз» — это дословный перевод «Карагёза».

— Складно говоришь, — воскликнул собеседник, — остается узнать, как-то пойдет дело.

— Успокойся! — ответил голос. — Все будет в порядке.

Вновь заиграл оркестр, потом за кисейным занавесом появились декорации, представляющие одну из площадей Константинополя с фонтаном посередине. Затем друг за другом прошли кавас (жандарм), собака, водонос и другие куклы, одетые в яркие костюмы, именно куклы, а не просто силуэты, как в известном у нас китайском театре теней.

Из одного дома вышел турок, за ним шел раб с большим дорожным мешком. Турок выглядел взволнованным, потом, решившись, постучал в дверь соседнего дома и закричал:

— Карагёз! Карагёз! Мой лучший друг, ты все еще спишь?

Карагёз высунулся из окна, и, увидев его, публика пришла в неописуемый восторг. Карагёз попросил подождать, пока он оденется, затем вышел и обнял друга.

— Послушай,— сказал тот,— я хочу попросить тебя о большой услуге. Я должен отправиться в Бурсу по важному делу. Ты знаешь, что жена моя очень красива, и для меня просто пытка оставлять ее здесь со слугами, которым я не очень доверяю... И вот, друг мой, ночью мне пришла такая мысль: я поручу тебе охранять честь моей жены. Я знаю твою деликатность и глубокое ко мне уважение и буду счастлив доказать тебе свою симпатию.

— Несчастный! — вскричал Карагёз.— Ты сошел с ума! Посмотри на меня хорошенько!

— Ну и что?

— Как! Разве ты не понимаешь, что, взглянув на меня, твоя жена не сможет побороть искушения принадлежать мне?

— Не думаю,— возразил турок,— она меня любит, и, если мне следует опасаться, что она не устоит перед соблазном, вряд ли он будет исходить от тебя, мой добрый друг. Поручкой тому прежде всего твоя честь, а потом... Клянусь Аллахом! Ты так странно сложен!.. В общем, вся надежда на тебя!

Турок уходит. «Как люди слепы! — говорит Карагёз.— Я странно сложен! Скажи лучше: слишком хорошо сложен! Слишком красив, слишком соблазнительен, слишком опасен!

Ну что ж, мой друг поручил мне стеречь свою жену; нужно оправдать его доверие. Войдем в дом, как он просил, и устроимся на диване... О ужас! Его жена, любопытная, как все женщины, захочет на меня взглянуть... И как только она увидит меня, восхищению ее не будет предела и она не сможет совладать с собой. Нет, лучше не входить... останемся у дверей, как часовой спахи на часах. Ни одна женщина не стоит того, чтобы терять из-за нее друга...»

Эта фраза вызвала одобрительные возгласы у мужской части публики. Затем последовали куплеты; эти пьесы похожи на наши водевили, в припеве часто повторяется слово «баккалум» — любимое выражение турок, которое означает «неважно», «не все ли равно».

Несмотря на кисейный занавес, за которым декорации и персонажи выглядели немного расплывчато, Карагёз с

черными глазами, густыми бровями и весьма выдающимся мужским признаком был виден вполне отчетливо. Казалось, его уверенность в собственной неотразимости не удивляла зрителей.

После куплетов он погрузился в раздумье. «Что делать? — спрашивал он себя, — конечно же, стоять у дверей в ожидании, пока не вернется друг... Но эта женщина прекрасно сможет меня разглядеть через машрабийю. Кроме того, она в любой момент может выйти из дома под предлогом, что идет с рабынями в баню... А этому не вправе помешать даже муж... И тогда она уж будет любоваться мной сколько душе угодно... О неосторожный друг! Зачем ты поручил мне этот надзор?»

Дальше пьеса уже начинает отходить от реальности. Чтобы не попасться на глаза жене своего друга, Карагёз ложится на живот, приговаривая: «Я стану мостом». Экцентричность подобной выходки становится понятной, если учитывать физические особенности его сложения. Представьте себе Полишинеля, который, выпятив живот и опершись о пол руками и ногами, изображает арочный мост. Только у Карагёза нет горба на спине. По нему проходит множество людей, лошади, собаки, патруль, и, наконец, приближается арба, запряженная быками, в которой сидят женщины. Незадачливый Карагёз успевает вовремя подняться, чтобы не служить мостом для такого тяжело груженного экипажа.

За этой сценой следует другая забавная сцена, не поддающаяся описанию. Чтобы понять всю ее условность, нужно вернуться к комизму римских ателлан¹³⁹... Таким образом, Карагёз — это не кто иной, как Полишинель осков; в неаполитанском музее хранится несколько прекрасных изображений этого персонажа. В этой фривольной сцене, которая вряд ли могла бы быть показана у нас, Карагёз ложится на спину и изображает... кол. Мимо проходят люди и говорят: «Кто вбил сюда этот кол? Вчера еще его не было. Интересно, он из дуба или ели?» От фонтана возвращаются прачки и вешают на кол белье. Карагёз с радостью убеждается, что его проделка удалась. Затем появляются рабы, которые ведут лошадей на водопой, рабы встречают приятеля, и тот зовет их в галеру (нечто вроде кабачка), чтобы освежиться, но куда привязать лошадей? «Смотри-ка, вот кол» — и лошадей привязывают к Карагёзу.

Вскоре из кабачка послышались веселые песни, навеянные приятным теплом тенеодосского вина. Лошади в нетер-

пени рвутся с привязи. Карагёз, которого буквально разрывают на части, зовет на помощь и жалобно доказывает, что он — жертва ошибки. Его освобождают и помогают встать на ноги. В этот момент из дома выходит жена его друга, направляясь в баню. Карагёз не успевает спрятаться, и женщина, к радости зрителей, приходит в неопиcуемый восторг.

— Какой красавец! — кричит дама. — Я никогда не встречала таких мужчин!

— Простите, ханум, — возражает ей по-прежнему целомудренный Карагёз, — я не тот мужчина, который заслуживает вашего внимания... Я ночной сторож, стучу своей алебардой, чтобы предупредить жителей, если в квартале случится пожар.

— А почему ты оказался здесь днем?

— Я несчастный грешник... хотя и правоверный мусульманин; гяуры затащили меня в кабачок. И вот, уж не помню каким образом, меня бросили на этом месте мертвецки пьяного. Да простит меня Мухаммед за то, что я нарушил его заповеди.

— Бедняжка... Должно быть, ты нездоров... Зайди в дом и отдохни немного.

И дама в знак гостеприимства пытается взять Карагёза за руку.

— Не трогайте меня, ханум! — кричит тот в ужасе... — Я нечист! Я не могу войти в порядочный мусульманский дом... Я осквернил себя тем, что прикоснулся к собаке.

Чтобы понять героизм этой лжи, свидетельствующей о порядочности Карагёза, надо знать, что турки, хотя и почитают собак и даже кормят их за счет благотворительных организаций, считают себя оскверненными, если дотронутся до них.

— Как это произошло? — спрашивает дама.

— Меня по заслугам покарало небо: во время мерзкой почной пирушки я съел виноградного варенья; и когда проснулся на улице, то с ужасом почувствовал, что собака лижет мне лицо... Такова правда, да простит меня Аллах!

Из всех выдумок, на которые идет Карагёз, чтобы отвратить от себя жену своего друга, последняя — самая удачная.

— Бедняжка! — говорит она участливо. — И впрямь, никто не сможет до тебя дотронуться, пока ты не совершишь пяти омовений по четверть часа каждое, читая стихи из Корана. Иди к фонтану и приходи сюда, когда я вернусь из бани.

А. Меллиг. Порт в Константинополе, 1809, офорт

А. Меллине. Площадь Агмедан в Константинополе, 1809, офорт

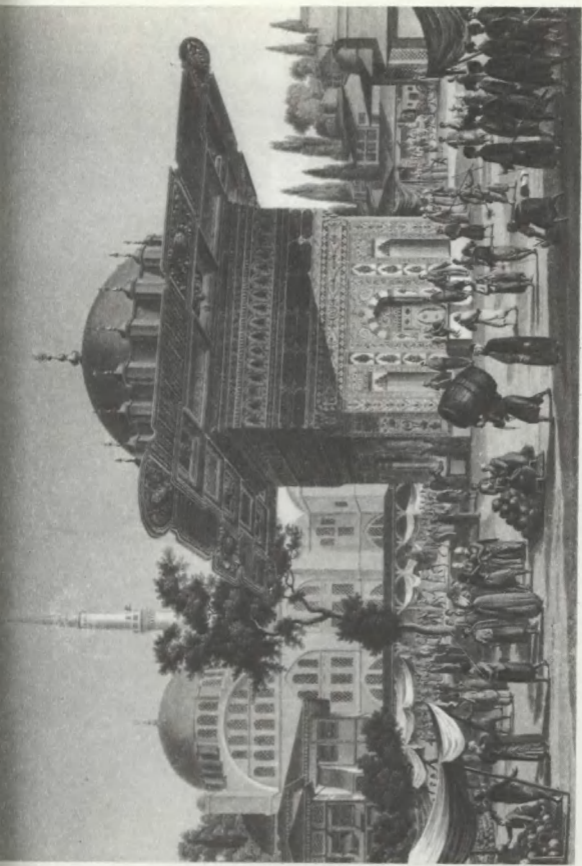
А. Меллинг. Первый двор сераля, 1809, офорт

А. Меллинг. Посещение послами сераля, 1809, офорт

А. Меллинг. Фонтан в Константинополе, 1809, офорт

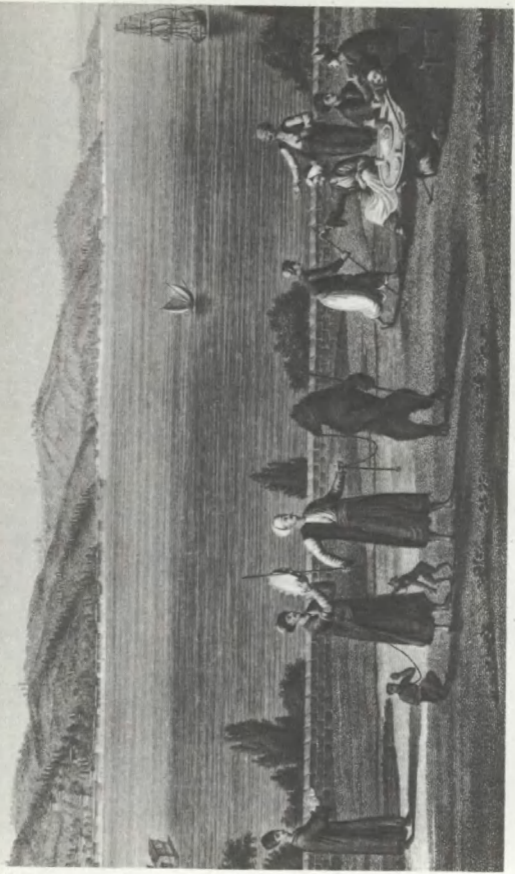

А. Меллинг. Турецкая свадьба, 1809, офорт

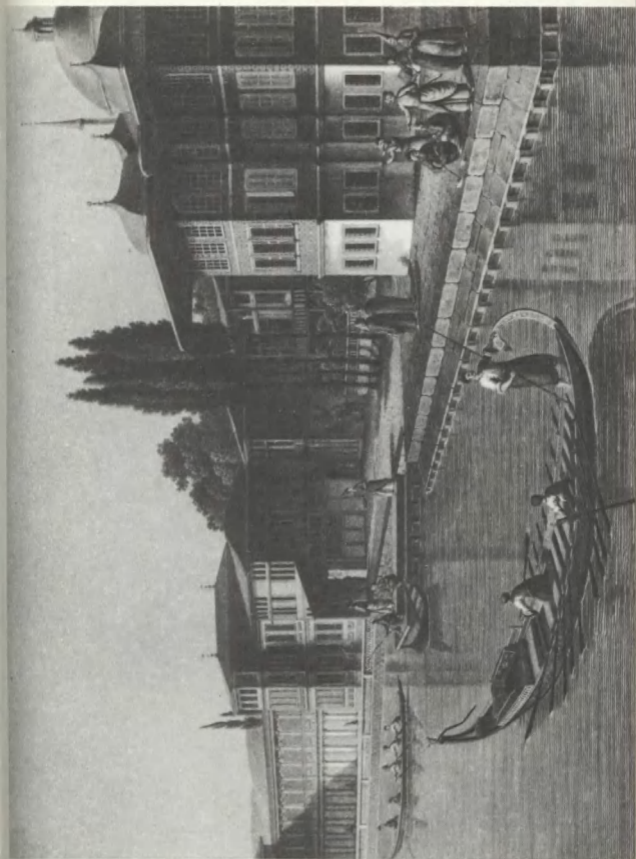
↑ А. Меллинг. Байрам, 1809, офорт

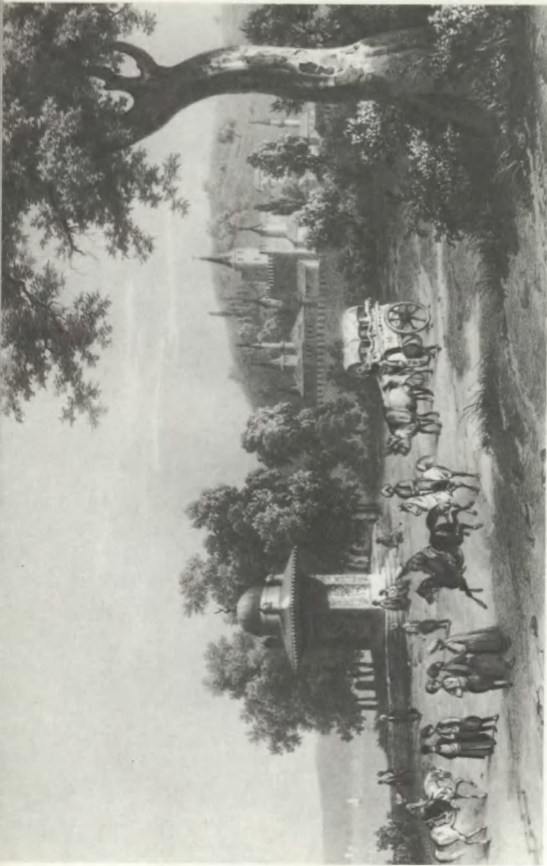

А. Меллинг. Загородная прогулка, 1809, офорт

А. Меллинг. Резиденция султана, 1809, офорт

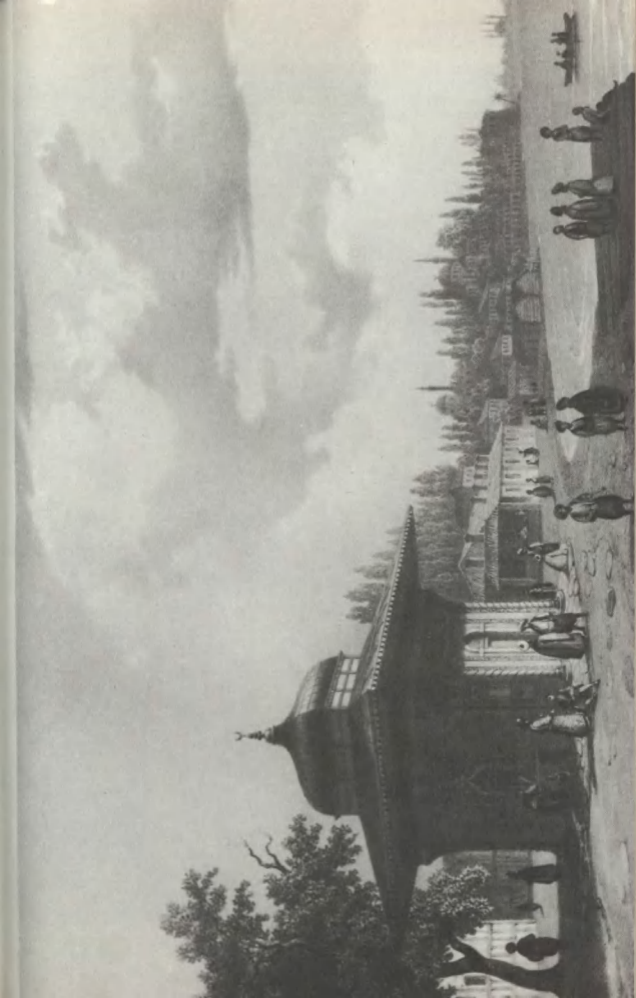

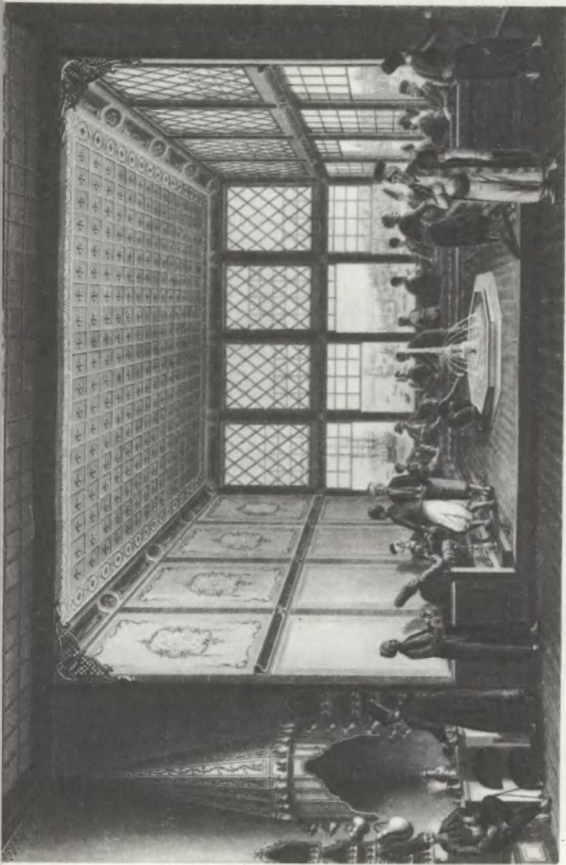

Р. де Бюсьер. Сладкие воды Азии, 1829, литография

Р. де Бюсьер. Скутари. Фонтан, 1829, литография

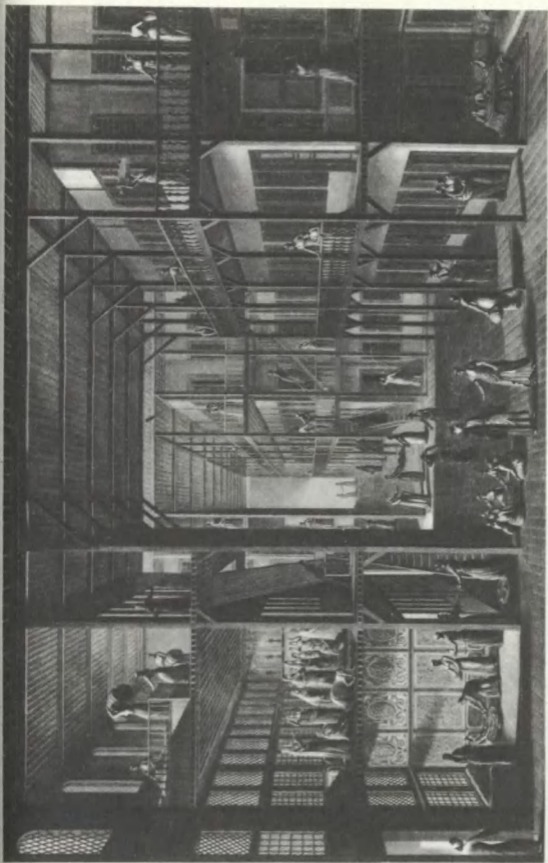

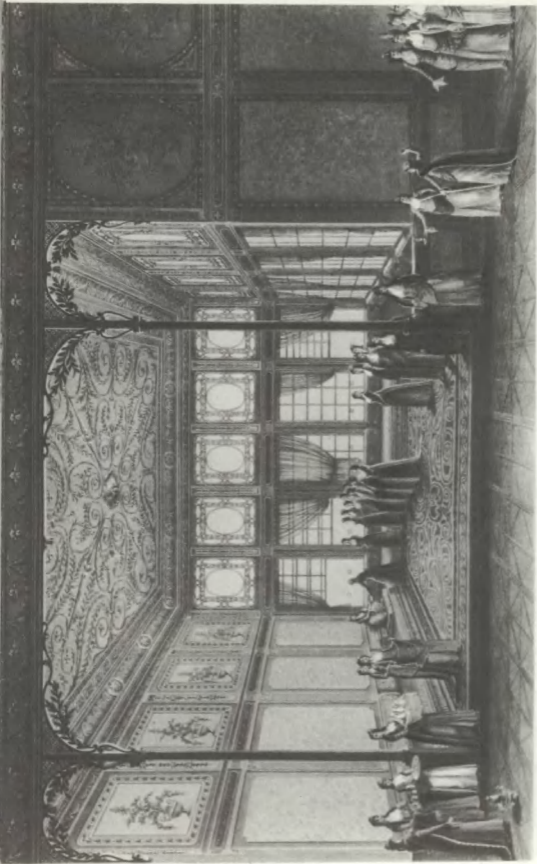

А. Меллинг. Кофейня, 1809, офорт

А. Меллинг. Сербаль вельможки, 1809, офорт

А. Меллине. Салон сестры султана, 1809, офорт

Ш. Шамарген. Турчанки на кладбище, 1837, литография

Л. Фурман. Стамбульские бани, 1821, офорт

— До чего же отважны стамбульские женщины! — кричит Карагёз, когда дама уходит. — Под ферадже, скрывающими их лица, они скорее осмеливаются посягать на целомудрие порядочных мужчин. Нет, я не поддамся на эти ухищрения, на этот елеиный голосок, на эти пламенные взоры в прорезях кисейной маски. Почему полиция не заставляет этих бесстыдниц прятать под вуалью также и глаза?

Было бы очень долго описывать здесь все злоключения Карагёза. Комизм ситуации состоит в том, что охранять женщину поручено персонажу, являющемуся полной противоположностью тем, кому турки обычно вверяют своих жен. Дама возвращается из бани и застаёт горе-хранителя ее добродетели на том же месте, где его задержали разные перипетии. Но она не смогла удержаться и рассказала женщинам в бане о том, что встретила столь прекрасного и стройного незнакомца. И поэтому целая толпа купальщиц нагрянула вслед за подругой. Представьте себе, как растерялся Карагёз под натиском этих новых менад.

Жена друга раздирает одежды, рвет на себе волосы и не останавливается ни перед чем, чтобы победить сдержанность Карагёза. Он вот-вот сдастся, но тут случайно мимо проезжает старинная французская карета, это посол.

Карагёз хватается за последний шанс; он умоляет французского посла взять его под свое покровительство и пустить в карету, чтобы спасти от преследующих его соблазнов. Посол выходит из кареты; на нем весьма элегантный костюм — шляпа-треуголка, нахлобученная на парик невероятных размеров, вышитый жилет, короткие панталоны, шпага в ножнах. Он заявляет дамам, что Карагёз находится под его покровительством, что это его лучший друг... Последний пылко его обнимает и поспешно садится в карету, которая исчезает, увозя с собой предмет грез бедных женщин. Возвращается муж и поздравляет себя, узнав, что целомудрие Карагёза сохранило его жену непорочной. Эта пьеса — апофеоз дружбы.

Я бы не стал столь подробно описывать эту известную пьесу, если бы она не отражала местные нравы. По костюму посла можно было понять, что пьеса восходит к прошлому веку и разыгрывается как наши традиционные арлекинады. Карагёз — неизменный герой этих фарсов, где, правда, ему не всегда отводится главная роль. У меня есть все основания считать, что нравы в Константинополе сильно изменились после реформы. Но можно полагать, что до воцарения султана Махмуда слабый пол на свой

манер протестовал против угнетения сильным. Этим и можно объяснить, с какой легкостью женщины уступали чарам Карагёза.

В современных пьесах этот персонаж почти всегда настроен оппозиционно. Это либо насмешливый горожанин, либо человек из народа, который с присущим ему здравомыслием критикует чиновничество. Когда впервые было издано распоряжение полиции, запрещающее выходить на улицу без фонаря после заката солнца, Карагёз появился с весьма своеобразно подвешенным фонарем, безнаказанно насмехаясь над властями, так как в распоряжении не было сказано, что в фонаре должна находиться именно свеча. Кавасы арестовывают его, затем отпускают, сочтя его объяснения резонными; тогда он вновь появляется с фонарем, на этот раз со свечой, которую он, правда, забыл зажечь. Подобные выходки наши народные легенды приписывают Жану из Кале, что доказывает, что народ повсюду одинаков.

Карагёз всегда говорит правду в глаза, не боясь ни кола, ни сабли, ни веревки.

После антракта, во время которого зрители пополняли запасы табака и освежались прохладительными напитками, кисейный занавес, за которым двигались марионетки, упал, и на сцену вышли настоящие актеры, чтобы разыграть пьесу «Муж двух вдов». Среди главных персонажей были три женщины и всего один мужчина, но все роли исполняли мужчины. Правда, восточные юноши, одетые в женские платья, с их чисто девичьим изяществом, нежным румянцем и незнакомой европейцам смелостью имитации могут изображать женщин, добиваясь абсолютного сходства. Обычно эти роли играют греки или черкесы.

Сначала вышла еврейка-перекупщица, из тех, кто по ходу дела помогает женщинам плести интриги. Она пересчитала заработанные деньги и сказала, что надеется получить еще больше от молодого турка по имени Осман, влюбленного в богатую вдову, главную жену *бинбаши* (полковника), убитого на войне. Так как любая женщина после трех месяцев вдовства имеет право снова выходить замуж, можно было предположить, что эта дама остановит свой выбор на влюбленном в нее юноше. Еще при жизни мужа она выделяла его, и он при посредничестве еврейки несколько раз преподносил ей многозначительные букеты цветов.

Сваха торопится привести счастливого Османа, которому можно теперь смело входить в этот дом.

Осман надеется, что скоро зажгут свадебные факелы, и торопит возлюбленную. Но какая неблагодарность! А может быть, обычный женский каприз! Она не соглашается выйти замуж за Османа, пока тот не женится на второй жене бинбаши.

К черту, говорит себе Осман, жениться на двух — это уж слишком...

— Свет моих очей, — обращается он к вдове, — кто внушил вам эту мысль? Ваше требование довольно странно.

— Могу объяснить, — отвечает вдова, — я молода и красива, как вы всегда мне говорили. Так вот, в этом доме есть женщина, которая не так красива, как я, и гораздо старше меня. Разными уловками она заставила моего покойного мужа жениться на ней и даже полюбить ее. Она подражала мне во всем и в конце концов сумела понравиться ему даже больше, чем я. Ну а теперь, уверенная в ваших чувствах, я хотела бы, чтобы, женившись на мне, вы взяли в качестве второй жены это уродливое создание. Я так долго страдала из-за той власти, которую она благодаря своей хитрости имела над моим придурковатым мужем, что теперь хочу заставить ее проливать слезы, когда вы будете оказывать предпочтение мне; короче, пусть она будет так же несчастлива, как я в свое время.

— Сударыня, — отвечает Осман, — описанная вами женщина не вызывает симпатий. Очевидно, она весьма неприятная особа, так зачем же к радости столь желанного для меня брака примешивать горечь второго союза, который может принести одни огорчения? Вы же знаете, что по заповедям пророка муж должен одинаково относиться к своим женам. Значит, нужно иметь либо одну жену, либо положенных четырех... Но я не собираюсь этого делать.

— Пусть так. Но я уже дала обет Фатиме (дочери пророка) и выйду замуж только за человека, который сделает то, что я сказала.

— Сударыня, дайте мне подумать.

«Как я несчастен!.. — думает Осман. — Жениться на двух женщинах: красивой и безобразной. Неужели не бывает радости без печали?..»

Возвращается еврейка, и он посвящает ее в суть дела.

— Что вы говорите! — восклицает та. — Да ведь вторая жена просто прелесть! Как можно верить женщине, когда она говорит о сопернице? Правда, вапа избранница блондинка, а та, вторая, — брюнетка. Разве вы не любите брюнеток?

— Ну что вы.— отвечает влюбленный,— я лишен подобных предрассудков.

— Хорошо,— говорит еврейка,— к чему тогда бояться получить двух прелестных женщин? Хотя они и отличаются цветом волос, но стоят друг друга. Я-то в этом разбираюсь!

— Если ты не лжешь.— говорит Осман,— то закон пророка, по которому супруг должен делить свои обязанности между четырьмя женами, не будет для меня столь тягостным.

— Вы ее скоро увидите,— говорит еврейка,— я уже предупредила, что вы влюблены в нее и что когда вы проходили по улице и задерживались под окнами, то делали это ради нее.

Осман поспешно вознаграждает усердную посредницу, и тут появляется вторая вдова бинбаши. Она действительно очень красива, хотя и немного смугла. Ей явно льстит внимание молодого человека, и она готова вступить в брак.

— Вы любили меня тайно,— говорит она,— мне уже сказали, что вы из робости не решались открыть свое сердце. Я тронута вашим чувством. Теперь я свободна и могу ответить на вашу любовь. Дело за кади.

— Здесь не будет никаких затруднений,— говорит еврейка,— единственное препятствие: этот несчастный юноша должен деньги первой жене.

— Как! — восклицает вторая.— Эта злобная и уродливая тварь ссужает деньги под проценты?

— Увы, это так. И я оказалась замешанной в это дело, и все из-за того, что всегда стараюсь прийти на помощь молодым. Этот бедный мальчик едва не совершил ложный шаг, к счастью, его спасло мое вмешательство. Но он не может вернуть деньги, и ханум простит ему долг только в том случае, если он на ней женится.

— Такова грустная истина,— подтверждает молодой человек. Дама смягчается.

— Но как вам будет приятно,— говорит ей еврейка,— когда любящий вас мужчина будет относиться с презрением и пренебрежением к вашей коварной сопернице.

Женщина, гордая и уверенная в себе, немедленно попадает на подобную уловку. Она дает согласие на этот двойной брак, и тут же зовут кади.

Брачный контракт подписан. Теперь главное состоит в том, чтобы узнать, какой из женщин будет отдано предпочтение. Еврейка приносит счастливому Осману букет, который молодой супруг должен вручить той из жен, ко-

торую он изберет на первую брачную ночь. Осман в смятении: обе женщины протягивают руки, чтобы получить пальму первенства. Но пока он колеблется между блондинкой и брюнеткой, в доме раздается страшный шум, прибегают испуганные рабы с криками, что видели привидение. Драматическая сцена. Появляется бинбаши с палкой. Супруг, о котором так недолго горевали, на самом деле не был убит. Его не досчитались среди воинов и сочли мертвым, хотя на самом деле он находился в плену. Мирный договор между Турцией и Россией принес ему освобождение... и возвращение к родным пенатам. Разобравшись, что к чему, он награждает всех присутствующих палочными ударами. Обе жены, еврейка и влюбленный убегают после первых ударов, а кади, менее проворному, чем остальные, достается за всех под восторженные аплодисменты публики.

Мораль этой пьесы по душе всем сидящим в зале мужьям.

Оба спектакля дают общее представление о том, в каком состоянии находится драматическое искусство в Турции. Ему нельзя отказать в примитивном комизме, присущем древнегреческим и римским пьесам. Но дальше этого дело не идет. Сам характер мусульманского общества противодействует созданию серьезного театра. Без женщин, без актрис театр немислим, но мужья-мусульмане никогда не позволяют женам показываться на публике. Куклы, даже актеры, которые выступают в подобных постановках, лишь развлекают своих зрителей, кстати не слишком богатых...

Богачи устраивают представления у себя дома. Они приглашают друзей, жены также приглашают приятельниц, и в большой комнате разыгрывают пьесы. Таким образом, залы, специально оборудованные под театр, есть лишь у высокопоставленных особ. Даже у султана, большого любителя театральных постановок, нет постоянного зала для спектаклей; часто бывает так, что дамы из сераля, услышав разговоры о великолепном спектакле, поставленном в

Полковник
турецкой армии
во времена
Танзимата

театре Перы, тоже хотят увидеть его, и тогда султан приглашает труппу на один или несколько вечеров. У одной из стен летнего дворца возводят временные подмости. Зарешеченные окна в комнатах кадии (дам) превращаются тогда в ложи, откуда время от времени раздаются смех и одобрительные возгласы, а зал, расположенный амфитеатром между этими ложами и сценой, заполнен лишь мужчинами — дипломатами и прочими гостями, приглашенными на театральный вечер.

Недавно султан из чистого любопытства просил сыграть у себя комедию Мольера «Господин де Пурсоньяк». Успех был огромный. Толмачи объясняли придворным, не знающим французского языка, что происходит на сцене, хотя нужно признать, что большинство государственных деятелей Турции более или менее владеют французским, поскольку, как известно, он является общепринятым дипломатическим языком. Турецкие чиновники ведут переписку с иностранными кабинетами на французском языке. Поэтому в Париже существуют турецкие и египетские коллежи.

Что касается женщин сераля, они весьма образованны: они получают знания по истории, поэзии, музыке, живописи и географии. Многие из них рисуют или пишут стихи, и в Пере часто передают из рук в руки пьесы в стихах или лирические поэмы, вышедшие из-под пера этих прелестных затворниц.

ЛЮБИТЕЛИ ВОДЫ

Все, что я увидел на площади Сераскира, не могло оставить меня безучастным; эти странные сцены без конца повторяются во всех кварталах и принимают порой мистическую окраску, необъяснимую для нас, европейцев. Что, например, означает Карагёз, это фантастическое и непристойное существо, которое участвует в представлениях только во время религиозных праздников? Быть может, это смутное воспоминание о боге Лампсака, о Пане, всеобщем отце, которого до сих пор оплакивает Азия?

Выйдя из театра, я прогуливался по площади, размышляя об увиденном. Почувствовав жажду, я стал искать лотки торговцев напитками.

В этой стране, где напитки на дрожжах или на спирту продаются только в кофейнях, существует странная

коммерция — торговля водой стаканами или какой-либо другой мерой.

На лотках этих необычных продавцов расставлено множество сосудов и чаш с водой, которая является здесь большой редкостью. В Константинополь вода поступает только по акведуку Валента и хранится в резервуарах, построенных византийскими императорами, где часто приобретает неприятный привкус... Не поэтому ли в Константинополе создано настоящее общество любителей воды, подлинных гурманов этой жидкости?

В специальных лавках продают воду из разных стран и разной давности. Больше всего ценится нильская вода, поскольку именно ее пьет султан; вода — часть дани, которую платит ему Александрия. Считается, что она способствует плодовитости. Вода из Евфрата, слегка зеленая и терпкая на вкус, рекомендуется людям со слабым здоровьем. Дунайская вода, богатая солями, нравится людям энергичного склада. Что же касается давности воды, больше всего ценится нильская 1833 года в запечатанных сургучом бутылках, которая стоит очень дорого.

Европеец, не посвященный в учение Мухаммеда, естественно, не может быть фанатиком воды. Помню, как в Вене один шведский ученый доказывал, что вода — это камень, простой кристалл, естественно, в охлажденном состоянии. В странах же с жарким климатом этот кристалл переходит в жидкое состояние, правда, тропический зной не может расплавить другие камни. Чтобы подтвердить свою теорию, он ставил различные химические опыты на речной, озерной воде и воде из источников и в осадке, образовавшемся после выпаривания, обнаружил вредные для человека вещества. Следует отметить, что основная цель ученого, умалявшего пользу воды, состояла в том, чтобы получить у правительства привилегию на производство пива в империи. Господин де Меттерних, казалось, был потрясен подобными выводами. Впрочем, как крупному виноделу, ему также было выгодно признать эту теорию.

Какова бы ни была научная ценность данной гипотезы, на меня она произвела сильное впечатление: не слишком приятно сознавать, что глотаешь расплавленный камень. Турки и впрямь не обращают на это внимания — но зато какому числу всевозможных болезней и прочим бедам они подвержены!

Размышляя таким образом, я не стал утолять жажду

этим прохладительным напитком и предоставил любителям воды вдоволь наслаждаться ее богатым выбором, а сам подсел к лотку, уставленному блестящими бутылками — по-видимому, с лимонадом. За один турецкий пиастр (двадцать пять саптимов) а купил бутылку, но, поднеся ее ко рту, не смог сделать ни глотка. Торговец смеялся над моей неопытностью (позже я скажу, что это был за напиток), и мне пришлось поспешить в Йылдыз-Хаи, чтобы утолить жажду чем-то более приятным на вкус.

Был день, и персы, утром вернувшиеся в гостиницу, давно спали. Я же не мог уснуть, возбужденный ночной прогулкой и всем увиденным. В конце концов я оделся и отправился обратно в Перу к своему другу, художнику.

Мне сказали, что он переехал и живет теперь в Курук-чешме у армян, заказавших ему картину на религиозный сюжет. Курук-чешме расположен на европейском берегу Босфора, в одном лье от Перы. На пристани у Топхане мне надо было взять каяк.

Казалось, что может быть прелестнее этой набережной франкского города? Из Перы сюда нужно спускаться по узким улочкам, отходящим от широкой улицы, где расположены консульства и посольства, а затем пройти мимо базарной площади, где в изобилии выставлены великолепные дары азиатских берегов. Почти в любое время года есть черешня, поскольку она созревает в этом климате круглый год. К моему приезду поспели арбузы и виноград. Огромные дыни из Касабы, лучшие в мире, сулят прохожим простой, но изысканный завтрак. Особенно украшает эту площадь великолепный фонтан в старинном турецком стиле, с резными портиками на узких колоннах и лепными раскрашенными арабесками. Вокруг площади и на улице, которая ведет прямо к набережной, много кофеен, на их фасаде по вечерам светятся вывески, где золотыми буквами выведено имя Карагёза, которого здесь любят не меньше, чем в Стамбуле.

Хотя Топхане — франкский квартал, тут живет много мусульман, большинство из них грузчики (*хаммалы*) или лодочники (*каикджи*). Прямо на набережной стоит батарея из шести орудий, из которых производят залп в честь кораблей, входящих в Золотой Рог, а также извещают о восходе и заходе солнца все три части города, разделенные водой, — Перу, Стамбул и Скутари.

Скутари величественно раскинулся на противоположном берегу Босфора, оживляя небесную синеву кру-

жевом своих куполов, минаретов и дворцов, которые ничем не уступают стамбульским.

Я без труда нашел лодку с двумя гребцами. Погода была великолепная, нежаркая, и послушная лодка с необычайной скоростью начала рассекать водную гладь. Голубая ширь Босфора, разделяющего, словно река, благодатные берега Европы и Азии, всегда заполнена водоплавающими птицами, оживляющими пейзаж с дворцами и загородными виллами. Обилие птиц объясняется почтением, которое мусульмане питают ко всякого рода живности.

Начиная от Топхане, по обоим берегам, которые кажутся гораздо ближе, чем на самом деле, тянется сплошная линия ярко покрашенных домов с резными узорами и позолоченными решетками.

Дальше на левом берегу на четверть лье протянулись колоннады нового дворца Бешик-Таш. Он целиком выдержан в греческом стиле, окрашен белой масляной краской, с позолотой на решетках. Выходы дымовых труб сделаны в форме дорических колонн, что придает зданию изящный и очаровательный вид. У причала, мраморные ступени которого спускаются к самой воде, качаются позолоченные лодки. На пологих холмах разбиты многочисленные сады.

Среди растительности преобладает пиния. Здесь совсем нет пальм, ибо климат Константинополя слишком суров для них. Сразу же за дворцом начинается деревня; на пристани много больших кайков. Затем мы прошли мимо древнего сераля, того самого, в котором жила принцесса Эсме, сестра Махмуда. Он построен в турецком стиле восемнадцатого века: фестоны, украшения в виде раковин, беседки, расписанные трюпистниками и арабесками, похожие на огромные золоченые клетки, островерхие крыши, ярко раскрашенные колонны...

Невольно вспоминаешь таинственные истерии из «Тысячи и одной ночи».

Пассажир в кайке полулежит на матах на корме, в то время как гребцы в широких блузах, отделанных атласными лентами, напрягают сильные руки и загорелые плечи. Эти люди очень вежливы и выполняют свою работу артистически.

Вдоль европейского берега Босфора выстроились виллы, где в основном живут придворные султана. Наконец показалась еще одна пристань со множеством лодок — это Курук-чешме.

Я оставил лодку за собой, как это принято, чтобы вечером вернуться на ней; гребцы пошли в кофейню. Войдя в деревню, я словно воочию увидел полотно Декана¹⁴⁰. На крышах лавок и на беленных известью стенах солнце вырисовало светлые ромбы; утомленный от яркого солнца взор отдыхал, задерживаясь на сине-зеленой листве. Я зашел в табачную лавку, купил *латакии* (сирийский табак) и спросил, как мне найти армянскую семью, где гостил мой друг.

Мне любезно объяснили.

Семья, которая сейчас увлекалась французской живописью, принадлежала к высшей армянской знати. Меня проводили до самых дверей, и я нашел художника в великолепной комнате, похожей на турецкое кафе на бульваре Тампль в Париже, чье оформление больше соответствует восточной действительности, чем предполагают.

В этой комнате собралось много иностранцев, среди которых было несколько атташе французского посольства, бельгийский принц и валашский господарь, приехавшие в Константинополь на праздник; все они любовались картонками с изображением будущих фресок. Мы отправились в часовню, где уже была выполнена большая часть внутренней росписи. В глубине церкви, над будущим алтарем, находилась огромная картина, изображавшая поклонение волхвов. Только роспись боковых стен была еще в эскизах... Семья, заказавшая эту работу, имела несколько особняков в Константинополе и за городом, поэтому в распоряжение художника был предоставлен весь дом с лошадьми и слугами. Художник предложил нам совершить прогулку по окрестностям. В Арнаут-Кей, расположенном в одном лье отсюда, происходил греческий праздник; кроме того, поскольку была пятница (турецкое воскресенье), то, проехав еще одно лье и переправившись через Босфор, можно было попасть на Сладкие воды Азии.

Турки обычно спят целый день в течение всего месяца рамадана, чтобы не думать о пище, поскольку им запрещено есть до захода солнца, а отнюдь не из каких-то особых религиозных побуждений. По пятницам они не спят, а, как обычно, выезжают за город, чаще всего на Сладкие воды Европы, расположенные на оконечности Золотого Рога, или Сладкие воды Азии, куда мы и намеревались поехать.

Сначала мы отправились в Арнаут-Кей. Праздник

еще не начался, но там уже собралось много народу и большое число торговцев вразнос. В узкой долине в тени сосен и лиственниц построили загородку и подмости для танцев и представлений. Главным местом праздника считается грот с источником, посвященный Илье¹⁴¹, где вода начинает бить только в определенный день в году, в день какого-то святого, имя которого я забыл. Всем верующим раздают стаканы, наполненные водой из этого источника. Здесь уже толпились сотни гречанок, но час чуда еще не наступил. Другие гуляли под сенью деревьев или отдыхали на траве. Среди них я узнал четырех красавиц, которых видел в игорном доме в Сан-Димитри; на сей раз они не были одеты в разные костюмы, рассчитанные на то, чтобы продемонстрировать зрителям идеал женской красоты четырех народов Константинополя, но были сильно нарумянены и с мушками на лице. Их сопровождала пожилая матрона; при солнечном свете красавицы выглядели несколько хуже, чем при вечернем освещении. Атташе из посольств, видимо, были с ними давно знакомы; вели оживленный разговор и угощали шербетом.

ПАША СКУТАРИ

Пока мы отдыхали в тени огромной смоковницы, на скамейке под деревом расположился немолодой турок в феске с синей шелковой кисточкой, в наглухо застегнутом сюртуке с небольшим, почти незаметным орденом Нишана на груди. С ним был мальчик, одетый точно так же, как отец, он поздоровался с нами с серьезностью, свойственной всем турецким детям, ибо с младенчества они оторваны от матери. Турок, видя, что мы оценили воспитанность его сына, в свою очередь, поздоровался с нами и подозвал кафеджи. Мигнуто спустя мы с удивлением увидели, что принесли кофе и трубки, которые незнакомец любезно предложил нам. Мы колебались, но кафеджи сказал:

— Что вы, соглашайтесь, вам оказывает честь большой человек — это паша Скутари. Паше нельзя отказывать.

— Я был удивлен, увидев, что только мне не предложили угощения; мой друг обратил на это внимание кафеджи, но тот ответил:

— Я не обслуживаю кяфиров (еретиков).

— Кяфир! — вскричат я, поскольку это слово было оскорблением. — Сам ты кяфир, собачий сын!

Я не подумал, что этот человек, несомненно правоверный мусульманин-суннит, адресовал свои обвинения моему персидскому костюму, в котором я выглядел членом секты Али, или шиитом.

Мы обменялись несколькими весьма грубыми ругательствами, потому что на Востоке никогда не следует оставлять последнее слово за грубияном, иначе он сочтет вас трусом и может ударить, тогда как самые сильные ругательства лишь придадут вам авторитет в глазах присутствующих. Однако, поскольку паша с недоумением наблюдал за этой сценой, мои спутники, которых очень развеселило это недоразумение, сказали ему, что на самом деле я франк.

Я описываю это происшествие, чтобы показать, как живуч фанатизм среди низших слоев населения, хотя европейцев он затрагивает в меньшей степени; он еще очень силен в отношениях между различными религиозными сектами. Правда, то же самое можно наблюдать и у христиан: римский католик ставит турка выше, чем грека.

Паша посмеялся над случившимся и немного поговорил с художником. Мы одновременно с пашой сели в лодки, и, так как должны были проплыть мимо летнего дворца султана, паша пригласил нас посетить его.

Этот летний сераль (не путать с другим, расположенным на европейском берегу), пожалуй, самая очаровательная резиденция в мире. Обширные сады, разбитые террасами на склоне холма, идут до самой вершины, откуда справа открывается вид на Скутари, а за ним вдалеке голубоватые очертания Олимпа Вифинского. Дворец построен в стиле восемнадцатого века. Чтобы войти внутрь, мы должны были сменить свою обувь на предложенные нам бабуши, затем нам разрешили осмотреть пустовавшие пока апартаменты жен султана. Нижние помещения стоят на сваях, сделанных в большинстве своем из редких пород дерева, даже из дерева алоэ, которые меньше подвержены воздействию морской воды. Осмотрев просторные нежилые комнаты первого этажа, мы попали в покои султанш. В большой центральный зал выходили двери, наверно, двух десятков будуаров, совсем как в банях.

Мы заглянули в каждую комнату; обстановка везде была одинаковой: диван, несколько стульев, комод крас-

ного дерева, мраморный камин с часами. Если бы еще стояла кровать в форме ладьи, можно было бы подумать, что ты в будуаре парижанки, но на Востоке принято спать на диванах.

Это были комнаты кадин. Абсолютное сходство этих помещений удивило меня, но мне объяснили, что между женами султана царит полное равенство... В качестве примера художник рассказал мне, что когда его высочество заказывает для своих жен в Пере, обычно у французского кондитера, коробки конфет, они обязательно должны быть одинаковыми. Дополнительная обертка, особая форма конфеты, даже лишние пастилы или драже вызвали бы нежелательные разногласия между этими прелестными созданиями; как и у всех мусульман, у них очень развито чувство равенства.

В центральном зале специально для нас завели музыкальные часы, исполнявшие арии из итальянских опер. Они были украшены механическими птицами: соловьями, издающими трели, и павлинами, распускающими хвост веером.

На втором этаже жили одалиски, которые подразделялись на певиц и служанок. Еще выше размещались рабыни. В гареме царит порядок, как в дорогих пансионах. Командует всем старшая кадина, но она во всем подчиняется султанше-матери, к которой время от времени должна ездить в Стамбул, в старый сераль.

Так, насколько я понял, устроен сераль. Все происходит здесь гораздо проще, чем это рисуется извращенному воображению европейцев. Количество жен у турок подчинено идее продолжения рода. Например, кавказская раса, столь красивая и энергичная, сильно уменьшилась по какой-то необъяснимой причине. Турецкое население очень ослабло в результате войн в прошлом веке. Отвага погубила этих людей, как это случилось с франкскими народами в средние века.

Кажется, что султан, со своей стороны, весьма расположен увеличивать численность Турецкой империи, если судить по пушечным выстрелам и иллюминациям Стамбула в честь рождения очередного принца или принцессы.

Затем нам показали погреба, кухни, парадные помещения, зал для концертов; все здесь устроено таким образом, чтобы жены могли участвовать во всех развлечениях гостей-султана, не показываясь при этом. Повсюду в залах сделаны зарешеченные ложи, позволяющие да-

мам гарема незримо участвовать в политических или светских приемах.

Мы полюбовались ванной комнатой из мрамора и дворцовой мечетью. Затем через украшенный колоннами перистиль, примыкающий к застекленной галерее с посаженными там деревцами, растениями и индийскими цветами, нас провели в сад.

Константинополь со сравнительно холодным климатом из-за своего гористого положения и частых гроз, приносимых с Черного моря, имеет оранжереи с тропическими растениями, как в наших северных странах. Мы обошли сады, и в одной из беседок нас угостили фруктами и вареньем по распоряжению паши. Сам он ничего не ел, потому что луна рамадана еще не появлялась на небе. Мы были весьма смущены его вниманием и испытывали неловкость, что можем поблагодарить его только на словах.

— Теперь вы вправе рассказывать, — сказал он в ответ на наши благодарности, — что ужинали во дворце султана.

Даже не преувеличивая почестей, оказанных нам подобным приемом, в нем можно усмотреть благожелательность и почти полное отсутствие у нынешних турок религиозных предрассудков.

ДЕРВИШИ

Вдоволь налюбовавшись апартаментами и садами азиатского сераля, мы отказались от намерения посетить Сладкие воды Азии, из-за чего нам пришлось подняться вверх по Босфору на одно лье. Но, оказавшись близ Скутари, мы решили пойти посмотреть монастырь «воюющих» дервишей. Скутари — мусульманский город в большей степени, чем Стамбул с его смешанным населением и множеством европейцев. Азиатский Скутари все еще хранит старые турецкие традиции; здесь почти неизвестен послереформенный костюм, и местные жители упрямо продолжают носить зеленые и белые тюрбаны; одним словом, это константинопольское предместье наподобие парижского Сен-Жермена. Дома, фонтаны и мечети построены в старом стиле, а также нововведения, как канализация, мостовые, тротуары, фонари, кареты, запряженные лошадьми, которые можно видеть в Стамбуле, считаются здесь опасными новшествами.

Скутари — прибежище старомусульман, которые убеждены, что Европейской Турцией скоро завладеют христиане, и поэтому стремятся обеспечить себе тихое место на кладбище где-нибудь на земле Анатолии. Они думают, что Босфор будет разделять две империи и две религии и что в Азии они будут в полной безопасности.

Из достопримечательностей Скутари можно назвать только большую мечеть и кладбище с огромными кипарисами; ну а башни, беседки, фонтаны и сотни минаретов есть в любом турецком городе. Монастырь «воющих» дервишей расположен неподалеку от мечети; он построен в более раннем архитектурном стиле, чем текке дервишей в Пере, где живут «кружащиеся» дервиши.

Паша, сопровождавший нас до города, хотел отговорить нас от посещения этих монахов, которых он именовал сумасшедшими; но, что поделаешь, надо уважать любознательность путешественников. Поэтому он простился с нами и пригласил еще раз заглянуть к нему.

Дервиши — самая веротерпимая религиозная секта. Ортодоксальные мусульмане, вынужденные считаться с их существованием как с особой корпорацией, по сути дела, лишь терпят их.

Народ любит дервишей и всячески поддерживает; их религиозный пыл, дсбродушие, легкость характера и жизненных принципов больше импонируют толпе, чем непреклонность имамов и мулл. Эти последние считают дервишей пантеистами и часто критикуют их учение, хотя в действительности у них нет оснований обвинять их в ереси. Есть две философские системы, которые связаны с турецкой религией и всем, что вытекает из нее. Одна идет от Аристотеля, другая — от Платона. Дервиши придерживаются второй.

Не следует удивляться этой связи мусульман с греками, поскольку мы сами познакомились со многими философскими сочинениями древних в переводе мусульман.

Пусть дервиши — пантеисты, как утверждают истинные османлы, это отнюдь не мешает им иметь неоспоримые заслуги перед религией. Орхан, второй султан турок, закрепил за ними дома и привилегии. Их орден основали семь мыслителей; число абсолютно пифагорейское, указывающее на источник их идей. По имени основателя всех их называют «мевлеви»; «дервиш», или «дюрвеш», означает «нищий». По сути, это мусульманская секта, отрицающая частную собственность. Многие дервиши относятся к *мунасихам*, которые верят в переселение души. Со-

гласно их учению, каждый человек, недостойный воскресать в человеческой оболочке, после смерти переселяется в тело животного, на которое он похож по характеру или темпераменту. Пустоту же, образованную от переселения человеческой души, заполняют души животных, которые умом или верностью заслужили право подняться до уровня человека. Это учение, очевидно относящееся к индийской традиции, объясняет существование благотворительных фондов при монастырях и мечетях в пользу животных, ведь их почитают именно потому, что когда-нибудь они могут превратиться в людей.

Эшраки, или иллюминаты (букв. «озаренные»), созерцают бога в числах, формах и красках. Они более сдержанны, проникнуты большей любовью к богу и более изысканны, чем остальные. Они самые лучшие учителя и развивают силу своих учеников упражнениями на выносливость и изящество. Их учение, безусловно, идет от Пифагора и Платона. Это поэты, музыканты и художники.

Среди них есть несколько *хайреги*, или недоумевающих (возможно, отсюда произошло слово «еретик»), воплощающих дух скептицизма и безразличия. Они настоящие эпикурейцы, их принцип состоит в том, что ложь неотличима от правды и что не следует искать какую-либо мысль в ухищрениях человеческой хитрости. Страсть может вас обмануть, разозлить и сделать несправедливыми как в добре, так и в зле; таким образом, нужно воздерживаться и твердить: «Аллах бильёр... бизе каранлык!» («Аллах знает... а мы ничего не знаем!», или просто: «Аллах, знает, что лучше!»).

Таковы три философские доктрины, которые господствуют среди дервишей. Несовпадение принципов отнюдь не порождает между ними той ненависти, которая обычно возникает в подобном случае; эшраки, духовные догматики живут в мире с мунасихами, материалистами-пантеистами, а хайреги, скептики, берегут свои легкие от споров с остальными. Каждый живет по-своему, в зависимости от темперамента: одни — неумеренно потребляя пищу, другие — напитки и наркотики, третьи — предаваясь любовным утехам. Среди мусульман дервиши пользуются любовью, особенно те, которые собственной добротелью, самоотверженностью и религиозным рвением заслужили признательность своих братьев.

Святость, ставшая их профессией, принципиальная бедность, смягчаемая порой добровольными пожертвова-

циями правоверных, свойственные дервишам терпение и скромность в моральном отношении настолько возвышают их над другими людьми, насколько сами они себя принижают. Дервиш может выпить вина или настойки, если его угощают, так как ему запрещено что-либо покупать. Если, проходя по улице, он вдруг захотел иметь какой-то необычный предмет, украшение, выставленное в лавке, то торговец обычно дарит ему желаемое или попросту позволяет взять. Если он встречается женщину, то может приблизиться к ней, не оскорбив ее этим, поскольку дервиши весьма почитаемы в народе. Правда, такое уже не встретишь в крупных городах, где полиция обладает весьма незначительными познаниями в отношении религии дервишей; но в основе всех этих вольностей лежит следующий принцип: если человек отказался от всего, он может получить все, потому что его добродетель состоит в том, что он отвергает любую собственность; правоверные же должны восполнить ее отсутствием своими дарами и подаяниями.

Из той же особой святости дервиши вправе отказаться от паломничества в Мекку, они могут есть свинину и зайчатину и даже прикасаться к собакам, что запрещено остальным туркам, несмотря на благоговение, которое они испытывают перед образом собаки Семи спящих отроков¹⁴².

Когда мы вошли во двор текке, то увидели огромное количество собак, которых кормили братья-служки. Для этого исстари собирают специальные пожертвования. Двор, где росли акации и платаны, был обнесен стеной, к которой на определенной высоте были приделаны деревянные домики, украшенные резьбой и чем-то похожим на консоли. Это были скворечники для птиц, живущих здесь добровольно, не теряя при этом своей свободы.

Зрелище, которое я увидел в монастыре «воющих» дервишей, не представляло для меня ничего нового по сравнению с тем, что мне уже доводилось наблюдать в Каире.

Эти славные люди проводят большую часть времени, танцуя и при этом сильно топая ногой по земле вокруг шеста, увитого гирляндами, именуемого сари; это напоминает фарандолу, если ее отплясывать, не сходя с места. С разными интонациями они поют одну и ту же литанию, повторяя: «Аллах хай», то есть «Аллах жив». Публика может присутствовать на этих радениях, находясь на высоких трибунах с деревянными перилами. По исте-

чении часа некоторые дервиши входят в состояние крайнего возбуждения и становятся *мальбус* («одержимыми»). Они катаются по земле, и на них нисходят благодные видения.

У тех дервишей, которых мы увидели сегодня, были длинные волосы, они носили белые фетровые колпаки в форме цветочного горшка и белые костюмы с черными пуговицами; этих дервишей называли «кадырийя» — по имени основателя ордена.

Один из присутствующих рассказал, что он видел на радении «кружащихся» дервишей в текке Перы. Так же как и в Скутари, нужно было войти в огромное помещение, отделанное деревом, с балконами и трибунами для зрителей; пускали всех, но полагалось сделать небольшое пожертвование. В текке Перы у всех дервишей были плиссированные белые одежды, как греческие фустанеллы¹⁴³. Все занятие дервишей состояло в том, чтобы во время радения вращаться как можно дольше. Они были в белых одеяниях, только главный — в голубом. По вторникам и пятницам радение начинается с проповеди, после которой дервиши кланяются старшему по текке. Затем все расходится по залу, чтобы можно было вращаться, не задевая друг друга. Кружатся белые юбки дервишей, вращаются головы в фетровых колпаках, и каждый дервиш напоминает большой волчок. Некоторые из них исполняют при этом на тростниковых флейтах грустные мелодии. У «кружащихся», как и у «воющих», дервишей бывают моменты, так сказать, магнетической экзальтации, после которой наступает совершенно особый экстаз.

Образованный человек не станет удивляться столь странным способам отправлять религиозный культ. Дервиши продолжают традиции кабиров, дактилов и корибантов, которые на протяжении многих веков танцевали и кричали на тех же самых берегах. Возбуждающие напитки приводят человека в то необычное состояние, когда бог, тронутый его любовью, открывается ему в возвышенных видениях, предвещающих райское блаженство.

Когда мы спускались от монастыря дервишей к морской пристани, взошла луна и осветила слева от нас огромные кипарисы на скутарийском кладбище, а над нами — отливающие глянец и позолотой дома лежащего на холмах Скутари, который называют «Серебряным городом».

Справа по берегу моря четко вырисовывались белые с золотом кружевные стены летнего дворца султана, где

мы побывали днем. Мы перешли базарную площадь, и минут через двадцать канки доставили нас в Топхане, на европейский берег Босфора.

Бросив последний взгляд на Скутари, на видневшуюся за ним на далеком горизонте гряде сневатых гор, на длинные кипарисовые аллеи кладбищ, я вспомнил Байрона:

В долине, меж кустов блистая,
Могильных камней виден ряд;
И кипарисы там шумят,
Не вянет зелень их густая;
Но ветви, темные листы
Печальны, как любовь младая
Без упования и мечты ¹⁴⁴.

СЛАДКИЕ ВОДЫ АЗИИ

Мы все-таки решили в одну из пятниц поехать на Сладкие воды Азии. На этот раз мы выбрали дорогу, которая шла к Бююдере.

По пути мы остановились в загородном доме, который принадлежал Б.-эфенди, одному из приближенных султана. Он — армянин; жена его состояла в родстве с теми армянами, у которых гостил мой друг. Перед домом был разбит сад, где цвели редкие растения. Две хорошенькие девочки, разодетые, как маленькие принцессы, играли среди цветов под надзором негритянки. Они поцеловали художника и провели нас в дом. Дама в левантинском костюме вышла нам навстречу; мой друг приветствовал ее словами: «Калимера, кокона» («Здравствуйте, сударыня»). Он говорил по-гречески, поскольку она была гречанка, хотя и замужем за армянином. Описывая путешествие, всегда трудно говорить о ничем не выдающихся людях, оказывавших самый сердечный прием европейцу, который стремится как можно полнее узнать нравы народа, дружелюбно настроенного к его стране, освещенного лучами нашей цивилизации. В средние века Восток давал нам все, теперь нам хотелось бы вернуть этому общему для всех людей источнику то могущество, которое мы почерпнули из него прежде, и тем самым возвеличить его.

Славное имя Франции дорого этим далеким народам; здесь наша будущая сила... мы можем на это надеяться, какой бы ни была политика наших правительств.

Да, о живущих здесь можно сказать словами Расина из предисловия к «Баязету»: «Это так далеко!» Но нельзя не поблагодарить наших хозяев за теплый прием, который они нам оказали. Армяне более восприимчивы к европейским идеям; они распространяют эти идеи среди турок, к которым Франция всегда относилась с большой симпатией.

Признаюсь, для меня было очень приятно после целого года странствий оказаться в европейском доме; только женщины, к счастью, были одеты по последней стамбульской моде.

Мадам Б. предложила легкие закуски, которые подати ее дочери; затем мы прошли в гостиную, где находилось несколько левантинских дам; одна из этих дам села к роялю и сыграла несколько фрагментов из новой оперы Алевиз, недавно полученной из Парижа; то было учтивостью по отношению к нам, и мы ее оценили.

На столах лежали газеты, книги — стихи и пьесы Виктора Гюго, сочинения Ламартина. Это кажется непривычным после Сирии, но в Константинополе такое не в диковинку, здесь знают литературные новинки Парижа почти так же хорошо, как в Петербурге.

Пока мы просматривали книги и альбомы, вошел господин Б.; он непременно хотел оставить нас обедать, но мы твердо решили ехать на Сладкие воды, поэтому поблагодарили и отказались. Господин Б. проводил нас до Босфора.

Мы провели какое-то время на берегу в ожидании катка. Пока мы прохаживались по пристани, показался величественного вида мужчина; он был смуглым, как мулат, в прекрасном турецком костюме, но не в новом, послереформенном, а в таком, какой носили в старину. Увидев господина Б., он остановился; тот приветствовал его с большим почтением. Мой друг сказал, что этот человек — важная персона и что, когда он будет уходить, ему нужно будет сделать церемонный саламалейк: приложить руки сперва к груди, потом — к губам. Я так и сделал; в ответ мулат изящно поклонился.

Я знал, что это не султан, которого я уже видел.

— Кто это? — спросил я, когда человек отошел.

— Это кизлар-ага, — ответил мне художник с чувством восхищения, к которому примешивался страх.

Я все понял: кизлар-ага — главный евнух сераля, самый влиятельный человек после султана, даже более грозный, чем первый везир. Я пожалел, что не познакомился с ним ближе, он показался мне весьма учтивым, хотя и несколько надменным. Лодки наконец прибыли. Мы попрощались с Б.-эфенди, и как с шестью гребцами направился к азиатскому берегу.

Чтобы добраться до Сладких вод, нам понадобилось полтора часа. Справа и слева по берегу виднелись старинные замки с зубчатыми стенами; когда-то они охраняли со

стороны Черного моря Перу, Стамбул и Скутари от вторжений из Крыма и Трапезунда. Они были построены генуэзцами, как и стены, разделяющие Перу и Галату.

Мы миновали замки Европы и Азии, и наша лодка вошла в реку Сладких вод. Высокие травы, из которых изредка вылетали болотные птицы, покрывали все устье реки, напоминая мне нижнее течение Нила, там, где он впадает в озеро Пелузиум (Манзала), близ моря. Но здесь природа спокойнее; больше зелени, словно великолепие дельты Нила было переведено на язык Севера, утратив при этом красочность, как иногда случается, когда переводят с греческого языка на латинский.

Мы высадились на пышный луг, по которому текли светлые ручьи. Умело разреженные леса бросали тень на высокие травы. Несколько палаток, натянутых продавцами фруктов и прохладительных напитков, создавали впечатление оазиса, где останавливаются бродячие племена. На лугу было множество людей. Костюмы самых разных оттенков выделялись на фоне зелени, как яркие цветы на лужайке. Посреди опушки виднелся фонтан из белого мрамора в форме китайской беседки, каких довольно много в Константинополе.

Люди создают самые причудливые сооружения, в которых воплощен их восторг перед чистой водой. Правда, это не такой источник, как Арнаут-Кей, который начинает бить только в день праздника своего святого. У гяуров же достаточно времени, чтобы ждать, пока чудо позволит им утолить жажду. Но у фонтана Сладких вод не нужно томиться в ожидании. Я не знаю, какой мусульманский святой у этого источника, но он одаряет страждущих прозрачной водой с щедростью, неведомой греческим святым. Стакан этого напитка стоит один пара; путешествие к источнику обходится примерно в десять пиастров.

Дамы из Скутари приезжали к Сладким водам в самых разнообразных экипажах, в большинстве позолоченных и запряженных быками. У фонтана толпились женщины и дети; они кричали, смеялись, что-то экспансивно говорили на певучем турецком языке, напоминающем воркование птиц.

Лица женщин были скрыты под покрывалами, и они совсем не стремились удовлетворить любопытные взоры франков. Полицейские правила предписывают им носить возможно более плотное покрывало, с тем чтобы не искушать неверных.

Было очень жарко, и мы удалились в тень огромного

платана, вокруг которого стояли деревянные скамьи. Мы попытались заснуть, но для француза немислимо спать в полдень. Увидев, что мы не спим, художник рассказал нам такую историю.

Это произошло с его другом, тоже художником, который приехал в Константинополь в надежде заработать состояние на дагерротипах. Обычно он выбирал многолюдные места и однажды установил свой аппарат в тени Сладких вод.

Внимание его привлек ребенок, игравший на траве; художник сделал снимок и получил прекрасное изображение на пластинке. Он выставил портрет на обозрение; вокруг немедленно собралась толпа зевак.

Из естественного любопытства подошла и мать ребенка; она была поражена, увидев прекрасный портрет, и решила, что это — колдовство.

Художник не знал турецкого языка и сперва не понял комплиментов дамы. Сопровождавшая ее негрятенка сделала ему знак следовать за ними. Дама села в арбу и поехала в Скутари.

Художник, взяв под мышку довольно увесистый ящик с дагерротипом, отправился пешком вслед за арбой. Дойдя до первых домов Скутари, он увидел, что арба остановилась, дама вышла и направилась в деревянный особняк, стоявший на берегу моря. Старуха негрятенка сделала ему знак не входить в дом, а подождать на улице; только с наступлением темноты она ввела его внутрь.

Когда художник предстал перед дамой, она ему заявила, что пригласила его для того, чтобы он сделал с помощью своего аппарата ее портрет.

— Мадам,— пытался объяснить художник,— мой аппарат работает только при солнечном свете.

— Ну что ж,— ответила дама,— подождем, пока встанет солнце.

К счастью для мусульманской морали, это была вдова.

На следующее утро, пользуясь солнечными лучами, проникавшими через зарешеченные окна, художник попытался запечатлеть черты прекрасной дамы из предместья Скутари. Она была еще молода, несмотря на то что у нее был уже большой сын; как вы знаете, на Востоке обычно выходят замуж в двенадцать лет. Пока художник обрабатывал свои пластинки, в наружную дверь постучали.

— Прячьтесь! — крикнула дама и с помощью служанки затолкала художника вместе с его аппаратом в крошечный чулан рядом со спальней. У несчастного было достаточно

времени, чтобы предаться грустным размышлениям. Он не знал, что дама была вдовой, и, естественно, подумал, что неожиданно из какого-нибудь путешествия вернулся ее муж. У него возникло и другое предположение, также сулящее ему неприятности: в дом нагрянула полиция, которой сообщили, что накануне сюда зашел гяур. Он прислушался и, поскольку комнаты в турецких домах разделены тонкими перегородками, вскоре несколько успокоился, так как различил только женский шепот.

Действительно, дама принимала одну из своих подруг, но такие визиты в Константинополе могут продолжаться целый день: прекрасные бездельницы ищут любой повод убить время. Показываться было опасно: посетительница могла быть старой и некрасивой; к тому же, хотя мусульманкам нередко приходится делить мужа, это отнюдь не означает, что им неведомо чувство ревности, особенно в делах сердечных. А несчастный художник имел неосторожность понравиться.

Наступил вечер; докучливая подружка пообедала, отведала прохладительных напитков и, вдоволь позлословив, удалилась восвояси, позволив наконец французу покинуть свое тесное убежище.

Было слишком поздно, чтобы вновь приниматься за долгое и трудоемкое изготовление дагерротипа. Помимо всего художник испытывал голод и жажду. Пришлось отложить сеанс до утра.

На третий день его положение напоминало положение матроса из народной песни времен Людовика XV, которого долго держала взаперти жена судьи: он начал томиться.

Разговоры турецких дам довольно однообразны. Если к тому же не знаешь языка, то быстро устаешь от их общества. Художник изготовил заказанный ему портрет и дал понять, что важные дела требуют его возвращения в Перу. Но выйти из дома днем было невозможно, а когда наступил вечер, прекрасный ужин, предложенный дамой, удержал его в не меньшей степени, чем признательность за ее очаровательное гостеприимство. Однако на следующий день он решительно заявил о своем намерении уйти. Опять нужно было дожидаться вечера. Но его дагерротип спрятали, а как можно было уйти без этого ценного аппарата, в те времена единственного в городе? Кроме того, с его помощью он зарабатывал себе на жизнь. Женщины Скутари несколько необузданны в своих привязанностях; дама дала понять художнику, который уже стал разбирать некоторые турецкие слова, что если он попытается уйти, то

она позовет соседей и громогласно заявит, что он пробрался в дом, покушаясь на ее честь.

В конце концов эта обременительная связь истощила терпение молодого человека. Пока дама спала, ему удалось удрать через окно, пожертвовав дагерротипом.

Самым печальным в этой истории было то, что друзья художника в Пере, обеспокоенные его трехдневным отсутствием, известили полицию. Нашли свидетелей, которые видели, что произошло на Сладких водах Азии. Крестьяне заметили, как проезжала арба, за которой несколько поодаль шел художник. Показали и дом; несчастную турчанку наверняка бы растерзали фанатики за то, что она принимала гяура, если бы полиция вовремя ее не увезла. Она отделалась пятьюдесятью палочными ударами, а негритянка получила двадцать пять, так как по закону невольнику полагается наказание в два раза меньше, чем свободному человеку.

КАНУН БОЛЬШОГО БАЙРАМА

Байрам у турок напоминает наш Новый год. Из европейской цивилизации, все более проникающей в быт турок, их больше всего прельщает то, что совместимо с их религией; так, женщины и дети без ума от украшений, безделушек и игрушек, которые привозят из Франции или Германии. Кроме того, хотя турчанки варят изумительное варенье, предпочтение отдается сладостям и конфетам в прекрасных коробках из Парижа.

Возвращаясь со Сладких вод, мы проезжали по главной улице Перы, которая в тот вечер напоминала нашу рю де Ломбар¹⁴⁵. Мы остановились у самой большой кондитерской, принадлежавшей мадам Мёнье, чтобы освежиться прохладительными напитками и наблюдать за толпой. Там было много высокопоставленных особ, богатых турок; они сами приходили в кондитерскую, потому что в этой стране не принято доверять слугам покупать конфеты. Эфенди (знатные люди) питают особое доверие к мадам Мёнье; они знают, что она не подсунет им сомнительные сласти... Соперничество, ревность, ненависть — вот частая причина преступлений в мусульманском обществе; если кровавые развязки стали уже редкостью, то яд все еще остается последним аргументом женщин, пока что менее цивилизованных, чем их мужья.

В какой-то момент все турки исчезли, унося свои покуп-

ки, как солдаты по сигналу «отбой»; пришел час *намаза* — вечерней молитвы в мечети.

В ночи рамадана не только слушают рассказчиков и смотрят «Карагёза», но и выполняют ракаты¹⁴⁶, во время которых произносят десяток стихов из Корана. Каждую ночь нужно выполнить двадцать ракатов — или в мечети (это предпочтительнее), или у себя дома, или на улице, если у тебя нет жилья, ведь бывает и так, что многим негде спать, разве что в кофейне. Таким образом, добрый мусульманин должен прочесть за ночь двести стихов, а за тридцать ночей — шесть тысяч. Сказки, зрелища и прогулки — это лишь отдых от религиозных бдений.

Кондитерша рассказала мне историю, которая позволяет судить о наивности турецких чиновников. Она заказала дунайским пароходом несколько ящиков игрушек из Нюрнберга. Пошлина обычно исчисляется из объявленной стоимости грузов; но в Турции, как и в других странах, администрация имеет право во избежание мошенничества конфисковать груз, уплатив получателю объявленную стоимость, в случае, если есть подозрение, что груз стоит значительно больше.

Когда на таможне вскрыли ящики с нюрнбергскими игрушками, чиновники издали крики восторга. Объявленная стоимость была десять тысяч пиастров (две тысячи шестьсот франков). По мнению таможенников, игрушки стоили, самое малое, тридцать тысяч. Тогда они задержали ящики, оплатив их объявленную стоимость; игрушки были проданы без расходов на досмотр и распаковку. Мадам Мёнье получила свои десять тысяч пиастров, посмеиваясь над простодушием таможенников, которые разделили между собой полишинелей, деревянных солдатиков, кукол не затем, чтобы отдать своим детям, а чтобы забавляться самим.

Собираясь выйти из кондитерской, я случайно обнаружил у себя в кармане бутылку, которую купил на площади Сераскпра. Я спросил у мадам Мёнье, что это за жидкость, которую мне продали как прохладительный напиток, а я не смог сделать ни одного глотка, — испорченный лимонад, скисшее пиво или какая-то местная настойка?

Кондитерша и ее продавщицы покатались со смеху при виде бутылки; от них невозможно было добиться объяснений. Выведя меня на улицу, художник сказал, что такого рода жидкость продают туркам, достигшим определенного возраста. Как правило, в этой стране у мужчин к тридцати годам чувственность притупляется. Однако каж-

дый муж в ночь перед байрамом стремится возможно лучше выполнить свои супружеские обязанности. И бывает так, что шалости Карагёза недостаточно возбуждают его.

Настал канун байрама ¹⁴⁷: добрая луна рамадана ушла туда, куда уходят все старые луны и прошлогодний снег; когда-то об этом с грустью размышлял Франсуа Вийон. Только сейчас начинались настоящие празднества. С восходом солнца наступает месяц шавваль и кончается царствование луны, тридцать дней бывшей ночным солнцем, правда, с помощью иллюминации, фонарей и фейерверка. Персы, жившие со мной в Йылдыз-Хане, предупредили меня о времени, когда будут происходить прощание со старой луной и коронация новой, что дает повод для необычного празднества.

В эту ночь можно наблюдать большое передвижение войск. Между Эски-сералем, резиденцией султанши-матери, и большим сералем, расположенным у морской стрелки Стамбула, ставят охрану. Жители всех кварталов — от Семибашенного замка и дворца Велизария до святой Софии — тянутся к этим двум точкам.

Как описать прелесть этой необычайной ночи? Как объяснить, почему в эту ночь султан становится самым счастливым человеком в своей империи? Все правоверные в течение прошедшего месяца воздерживались даже от мыслей о любви. Еще одна ночь, и они смогут отправить одной из своих жен, если их несколько, букет цветов — знак предпочтения. Если у них только одна жена, букет ей достанется по праву. И только султан — как падишах и халиф — имеет право не ждать лейлат аль-ид, первой луны нового месяца, что соответствует началу байрама. Он имеет преимущество в одну ночь, чтобы дать жизнь наследнику, который должен родиться от новой жены.

В этом, как мне сказали, смысл церемонии, которая совершается между старым и новым сералами. Мать или тетка султана должна в парадном экипаже торжественно отвезти девственную рабыню, которую она сама накануне купила на базаре ¹⁴⁸.

И впрямь, вскоре длинный кортеж экипажей двинется по центральной улице через людные кварталы Стамбула по направлению к святой Софии, к воротам большого серала. Эти двадцать экипажей везут родственниц его высочества, а также султанш, которым дали отставку, после того как они родили принца или принцессу. Через решетки на окнах экипажей видны головы в белых покрывалах. Одна из дам поразила меня невероятной толщиной. То ли по по-

ложению, то ли по возрасту ей разрешили прикрыть голову только тонкой газовой вуалью, которая позволяла видеть черты ее некогда прекрасного лица. Будущая кадина, видимо, была в главном экипаже, однако ее невозможно было рассмотреть среди других дам. С обеих сторон кортежа бежали слуги, держа в руках факелы и светильники.

Процессия остановилась на великолепной площади, украшенной красивым фонтаном, перед воротами сераля; сам сераль с крышей в китайском стиле и блестящими бронзовыми украшениями был отделан мрамором, резьбой и позолоченными арабесками.

Через открывшиеся ворота сераля можно было увидеть ниши, с обеих сторон украшенные колонками; в этих нишах когда-то выставляли головы казненных.

ПРАЗДНЕСТВА В СЕРАЛЕ

Я не буду описывать церемонии, происходившие внутри дворца, поскольку рассказываю лишь о том, что видел своими глазами. Однако, по крайней мере частично, я уже знал место действия. Каждый иностранец в определенные дни может осмотреть мечети и резиденции султана, уплатив за это две или три тысячи турецких пиастров. Сумма эта настолько велика, что обычный турист не в состоянии ее заплатить. Но поскольку за эти деньги можно привести сколько угодно людей, любопытные устраивают складчину или пользуются тем, что эту сумму вносит какая-либо значительная персона. Я имел возможность посетить эти памятники, воспользовавшись приездом наследного принца Пруссии. По обычаю, в подобных случаях все присутствующие европейцы включаются в официальный кортеж.

Боясь повторить то, что можно прочесть в многочисленных книгах, посвященных Константинополю, скажу лишь, что строения и сады сераля занимают большую площадь в треугольнике между Золотым Рогом и Босфором. Это целый город, обнесенный высокой зубчатой стеной с башнями, стоящими на определенном расстоянии друг от друга. Она была непосредственно связана с построенными греками крепостными стенами, которые тянутся вдоль моря вплоть до Семибашенного замка и полностью прикрывают Стамбул с этой стороны.

Среди строений сераля много старинных зданий, дворцов, мечетей и часовен, а также более новых сооружений почти в европейском стиле. Сады на террасах, небольшие

беседки, выложенные разноцветной мозаикой дорожки, лужайки с подстриженными кустами и квадратными цветниками — все это предназначалось для прогулок дам. В более старой части разбиты английские парки; там есть пруды со множеством птиц, беседки, окруженные высокими платанами, ивами, смоковницами. Женщинам не полагалось заходить в эту часть сераля; днем здесь могли бывать люди, известные охране, или те, кто приходил сюда по делу. Я часто бывал здесь, направляясь в библиотеку или в казначейство. В библиотеке, куда можно попасть без труда, содержится множество книг и любопытных манускриптов, например Коран, гравированный на тонких свинцовых листах, которые так замечательно обработаны, что их можно переверачивать, как страницы книги. Изумительные орнаменты выполнены эмалью. В казначействе можно полюбоваться коллекцией императорских драгоценностей, собранных на протяжении веков. В одном из залов выставлены миниатюрные портреты султанов, начиная с работ венецианцев Беллини и других итальянских мастеров. Самый последний портрет Абдул Меджида выполнен французским художником Камиллом Рожье; он же сделал с натуры серию прекрасных рисунков костюмов современных византийцев.

Так прогресс, принесенный современными идеями, вытесняет древние обычаи затворнической и безрадостной, как принято считать, жизни мусульман. За главным входом, собственно и называющимся Врата (Порта), расположены два огромных двора, за которыми находятся главные здания сераля. Внутренний двор, окруженный низкими галереями, используется для конных и гимнастических упражнений. Внешний двор, куда может войти каждый, имеет деревенский облик, повсюду деревья и вьющиеся по стенам растения. Особая примечательность этого двора — огромная мраморная ступа, которую издалека можно принять за устье колодца. У этой ступы особое предназначение. В том случае, если муфтий, религиозный глава, почему-то уклонился от исполнения своего долга, его тело следовало растолочь в этой ступе железным пестом. Всякий раз, когда муфтий направляется к султану, его заставляют пройти мимо этой огромной ступы, где он может закончить свои дни. Страх, внушаемый ступой, приводит к тому, что еще ни один муфтий не подвергся этой казни.

Скопление народа было столь велико, что невозможно было войти даже во внешний двор. Я отказался от этого намерения, хотя простой люд обычно может наблюдать,

как обитательницы старого сераля выходят из своих экипажей. Факелы и светильники отбрасывали искры на одежды; гайдуки ударами палок заставляли потесниться первые ряды. Насколько я мог понять, все это было частью парадного ритуала. Новую рабыню султана должны были принять в апартаментах сераля три султанши и тридцать кадин; затем ничто не должно было помешать султану провести ночь накануне байрама с прекрасной девственницей. Можно только восхищаться мусульманской мудростью, не допускающей того, чтобы любовь и благосклонность главы государства распространялись только на одну фаворитку, которая может оказаться бесплодной.

Следовательно, религиозный долг, который надлежало выполнять султану в эту ночь, вызван заботой о продолжении его рода. В том же видят смысл своих супружеских обязанностей в первую ночь байрама и все простые мусульмане.

Месячное воздержание, вероятно укрепляющее мужскую силу, так же как и частичный очищающий пост, подобно аналогичным постам у евреев, наверное, придумано из медицинских соображений. Не следует забывать, что Восток дал нам медицину, химию и правила гигиены, восходящие к далеким тысячелетиям; и весьма прискорбно, что наши северные религии следуют им далеко не полностью. Можно пожалеть и о том, что, указывая на изложенные выше своеобразные обычаи, многие склонны обвинять мусульман в распутстве.

Их верования и обычаи настолько отличны от наших, что мы часто можем судить о них, исходя только из наших представлений об испорченности нравов. Достаточно сказать, что мусульманский закон не считает грехом чувственность; напротив, она необходима для существования этого южного населения, которое много раз косили чума и войны. Но при этом отношения мусульман к своим женам вопреки сладострастным картинам, созданным нашими писателями восемнадцатого века, полны достоинства и даже целомудрия.

АТМЕЙДАН

Наступил первый день байрама. На рассвете гром пушек со всех фортов и кораблей заглушил пенне муэззинов, славящих Аллаха с высоты тысяч минаретов. Празднества теперь происходили на Атмейдане — площади, прославлен-

ной византийскими императорами, оставившими здесь многочисленные памятники. Продолговатая площадь все еще сохраняет форму древнего ипподрома; на ней находятся два обелиска, у которых поворачивали колесницы «сипих» и «зеленых» во времена их противоборства в Византии. Лучшее всего сохранился обелиск из розового гранита, покрытый различными иероглифами; на его постаменте из белого мрамора вырезаны барельефы, изображающие греческих императоров в окружении придворных, эпизоды сражений и церемонии. По своим художественным достоинствам эти барельефы весьма посредственные, но то, что они уцелели, доказывает, что турки далеко не всегда уничтожали скульптурные изображения, как это считают в Европе.

Посреди площади находится колонна, образованная тремя переплетенными змеями; говорят, что эта колонна была частью треножника в Дельфийском храме.

На одной стороне площади стоит мечеть султана Ахмеда. Здесь его высочество Абдул Меджид совершает главную молитву байрама. Наверное, не менее миллиона жителей Стамбула, Скутари, Перы и окрестностей заполнили огромный треугольник, вершина которого — сераль. Мое жилище оказалось как раз на пути кортежа, который двигался к площади Атмейдан. Не меньше часа по узким улочкам, прилегающим к святой Софии, тянулся бесконечный кортеж. Обмундирование войск не представляет ничего интересного для франка. За исключением обязательных красных фесок, форма всех родов войск почти полностью повторяет европейскую. Мундиры генералов (мирлива), расшитые пальмовыми ветвями, очень похожи на наши. На всех были синие сюртуки; я не видел ни одного фрака.

В толпе довольно много европейцев из Перы; во время байрама представители всех вероисповеданий участвуют в мусульманских празднествах. Для тех, кому чужды обряды ислама, это по крайней мере народный праздник. Оркестр султана, которым дирижировал брат Доницетти, исполнял очень красивые марши; все инструменты играли одновременно, как это принято в восточной музыке. Всеобщее внимание вызывало прохождение *ич-огланов*, или лейб-гвардейцев; на них были шлемы, украшенные длинными голубыми перьями. Казалось, это движется лес, как в эпилоге «Макбета».

Наконец показался султан; одет он был очень скромно, только на феске был блестящий плюмаж. Зато попона его коня ослепляла взоры золотым шитьем и бриллиантами.

Вслед за султаном сансы вели еще нескольких коней, тоже покрытых попонами, сверкающими драгоценными камнями. За главой государства шли везиры, сераскиры, казпаскеры, главы улемов и целая толпа чиновников; шествие замыкали новые колонны войск.

На огромной площади Атмейдан участники шествия заполнили дворы и сады мечети. Султан спешил; его приветствовали имамы и муллы, которые дожидались его у входа. Площадь была заставлена экипажами, в них прибыли все дамы высшего света Константинополя — они наблюдали церемонию через позолоченные решетки на окошках карет. Наиболее высокопоставленные особы расположились на верхних галереях мечети.

Я не мог видеть, что происходило внутри, но знал, что основная церемония заключается в жертвоприношении барана. То же самое в этот день происходит во всех мусульманских домах.

На площади устраивались развлечения и игры, повсюду было множество торговцев. После жертвоприношения все набросились на еду и напитки. Печенье, сахарный крем, пирожки, кебаб — любимое в народе блюдо, состоящее из кусков жаренной на вертеле баранины, которую едят с петрушкой и пресными лепешками, — все это раздавали толпе бесплатно за счет богатых горожан. Помимо того каждый мог зайти в любой дом и сесть за накрытый стол. Бедняк или богач, любой мусульманин, у которого есть свой дом, угощает любого гостя, не спрашивая ни о его положении, ни о его религии. Подобный же обычай существует у евреев в праздник жертвоприношения.

На второй и третий день байрама, как и в первый, продолжают празднества.

Я не собирался описывать Константинополь: его дворцы и мечети, его бани и берега уже описывались столько раз. Мне хотелось только передать свои впечатления от его улиц и площадей в дни главных праздников. Этот город, как и прежде, несет на себе печать возвышенной и таинственной связи между Европой и Азией. Это красивейший город мира; многие путешественники порицают его за бедность одних кварталов, за грязь других. Но Константинополь, как и театральные декорации, следует смотреть из зала, не заглядывая за кулисы. Некоторые чопорные англичане, взглянув на сераль, прокатившись по Золотому Рогу и Босфору на паровом катере, говорят: «Я видел все, что заслуживает внимания». Это, конечно, преувеличение. Если что-нибудь и вызывает сожаление, так это то,

что Стамбул, частично потеряв свой прежний облик, не приобрел порядка и благоустройства европейских столиц. Конечно же, очень трудно проложить прямые улицы по горам Стамбула или по крутым откосам Перы и Скутари, но можно улучшить строительство и мощение улиц. Выкрашенные дома, оловянные купола, устремленные ввысь минареты восхитительны и поэтичны, но в этих тысячах деревянных домов часто случаются пожары. Восхитительны и кладбища, где голуби воркуют на тисах, но здесь же шакалы разрывают могилы, после того как дожди размигчат почву, — все это обратная сторона той византийской медали, которую еще нужно начищать до блеска, как это предложила в своих остроумных и изящных записках леди Монтегью¹⁴⁹.

Однако ныне турки не жалеют усилий для того, чтобы поднять свою столицу до европейского уровня. Они знакомы со всеми техническими достижениями. Следует только пожалеть о рутине и о приверженности к древним обычаям, свойственным некоторым слоям турецкого общества. В этом отношении турки такие же формалисты, как и англичане.

Удовлетворенный тем, что я увидел в самом Стамбуле за тридцать ночей рамадана, я воспользовался наступлением месяца шаввала, чтобы попрощаться с моей гостиницей — Йылдыз-Хан. Один из персов, с которым я подружился и который называл меня *мирза* («образованный»), хотел сделать мне подарок в день нашего расставания. Он попросил меня спуститься в подвал, где, как он сказал, находится хранилище камней. Я думал, что там будет что-то похожее на сокровищницу Абулькасема¹⁵⁰, но увидел только простые камни и булыжники.

— Смотрите, — сказал мне перс, — вот карбункулы, здесь аметисты, там гранаты, бирюза, а вот там опалы, выбирайте любой.

Я подумал, что этот человек сошел с ума; чтобы от него отделаться, я быстро выбрал опалы. Он взял топор и расколол белый камень величиной с булыжник. Меня ослепил блеск опалов, находившихся в этом куске известняка.

— Берите, — сказал он, протянув мне обломок камня.

Приехав на Мальту, я попросил оценить несколько опалов. Самые большие и самые блестящие оказались хрупкими. Однако пять или шесть из них можно было отшлифовать. Неплохая память о моих друзьях из Йылдыз-Хана.

Прежде чем вновь увидеть приветливые берега Италии и Франции, мне пришлось пройти карантин на Мальте. Тоскливое пребывание в пыльных казематах форта — довольно дорогая расплата за прекрасные дни, проведенные на лучезарном Востоке. Это был мой третий карантин; первые два — в Бейруте и в Смирне — по крайней мере проходили в тени больших деревьев, на берегу бьющегося о скалы моря, а на горизонте синели далекие земли и острова. Здесь же горизонт был ограничен пространством внутреннего порта и обрывами скал, на которых стоит город Валлетта, а перед глазами постоянно маячили солдаты с голыми коленями. Грустное зрелище! Я возвращаюсь в страну холода и дождей, и Восток для меня уже утренний сон, на смену которому скоро придут заботы дня.

Что еще сказать тебе, мой друг? Что ты можешь найти в этих сумбурных многословных письмах, перемежающихся отрывками из путевых дневников и случайно собранными легендами? Но этот беспорядок — порука моей искренности; ведь то, о чем я писал, я видел и чувствовал. Быть может, мне не следовало описывать тысячи мельчайших событий, на которые обычно не обращают внимания во время научных экспедиций или путешествий.

Следует ли мне оправдываться перед тобой за мое восхищение религиями тех стран, которые я посетил? Да, я чувствовал себя язычником в Греции, мусульманином в Египте, пантеистом среди друзей, поклонником халдейских звезд-богов на море, но только в Константинополе я понял величие той общечеловеческой терпимости, которую сегодня проявляют турки.

Турки придумали одну из самых прекрасных легенд, которые мне когда-либо приходилось слышать: «Четверо путников — турок, араб, перс и грек — проголодались и решили купить что-нибудь съестное. Они устроили складчину, каждый внес по десять пара. Нужно было выяснить, что покупать. Изюм — сказал турок, инаб — сказал араб, ингур — сказал перс, стафилион — сказал грек. Каждый хотел навязать свой выбор другим; вскоре от спора они перешли врукопашную, но вот дервиш, который понимал все четыре языка, подозвал продавца винограда, и сразу же стало ясно, что именно это и хотел купить каждый».

ИСКУССТВО НА ВОСТОКЕ

У нас, европейцев, существует предубеждение, что восточные народы — ярые противники картин и статуй. Отсюда же идет и древнее, как мир, обвинение, не уступающее тому, которое приписывается Халифу Омару, — уничтожение библиотеки в Александрии, в действительности исчезнувшей с лица земли задолго до него в результате пожара и разграбления ее Серапионом.

В то же время всем известно, что в гренадской Альгамбре¹ есть картины, нарисованные на пергаменте, и что один из мавританских правителей этого города повелел воздвигнуть стацию своей возлюбленной в Саду дев. Как я уже говорил, в Константинопольском серале находится галерея с портретами султанов; самые старые из них написаны венецианцами Беллини², приглашенными сюда за большое вознаграждение.

Мне даже удалось посетить в Константинополе выставку картин, открытую во время праздника Рамадана в предместье Галаты, неподалеку от въезда на понтонный мост через Золотой Рог. Однако следует признать, что эта выставка вызвала бы много недоумений у французской критики. Прежде всего на картинах совершенно нет изображений человека — одни лишь пейзажи и натюрморты.

Примерно пятьсот — шестьсот полотен (все в черных рамках) можно было бы разделить таким образом: картины на религиозные темы, батальные сцены, пейзажи, морские виды, изображения животных.

На первых воспроизводились самые знаменитые мечети Османской империи — только архитектурный облик и несколько деревьев, подчеркивающих красоту минаретов. Яр-

¹ Альгамбра — резиденция мусульманских правителей в Испании, близ Гренады. — *Примеч. пер.*

² Беллини — семья итальянских художников Венецианской школы XV—XVI вв. — *Примеч. пер.*

ко-синее небо, земля цвета охры, красные кирпичи и серые купола — вот все, что изображалось на полотнах, создатели которых неукоснительно следовали требованиям религиозных догм.

Что же до батальных сцен, то художники, скованные религиозными запретами, не могли изображать какие бы то ни было живые существа, будь то лошади, верблюды или всего-навсего майские жуки. Но мусульманские живописцы справляются с этой трудностью: глядя на их полотна, создается впечатление, что находишься на огромном расстоянии от картины: рельеф местности, реки и горы прорисованы достаточно четко, планы городов, линии укреплений и траншей, расположение каре и батарей выписаны с большой тщательностью, огромные жерла пушек извергают пламя, а из мортир огненной дугой вылетают ядра. Люди иногда только обозначены точками. Палатки и флаги указывают на государственную принадлежность, а в подписях под картиной сообщается имя военачальника-триумфатора. В морских сражениях общее впечатление усиливается из-за присутствия кораблей, поскольку в морских сражениях есть нечто захватывающее; определенную живость в картины вносят также группы земноводных и китообразных, только им дозволено быть свидетелями морского триумфа Полумесяца.

Интересно отметить, что ислам разрешает изображать лишь некоторых животных, относящихся к разряду монстров. Так, например, повезло сфинксу, сотни и тысячи изображений которого украшают константинопольские кофейни и цирюльни. У этих сфинксов прекрасное женское лицо и тело крылатого коня; длинные черные косы ниспадают на спину и грудь, томные глаза под дугообразными бровями подведены коричневой краской. Каждый художник вправе придать сфинксу сходство со своей возлюбленной, и все, кто будет им любоваться, сможет увидеть в нем идеал красоты, ведь, по сути дела, это изображение небесного творения, того существа, которое вознесло Мухаммеда на небо.

Итак, это единственно доступная возможность запечатлеть лицо, ибо мусульманину не дозволено дарить свои портреты ни родителям, ни любимой. Однако он все же имеет право преподнести своим близким дорогой для них образ, не противореча религиозным канонам; он может попросить художника запечатлеть крупным планом или в миниатюре, на шкатулке или на медальоне свою самую любимую мечеть в Константинополе или где-то за его

пределами. Это означает: «Здесь мое сердце, оно горит для вас под взглядом господа». Вдоль площади Сераскира у мечети Баязида, куда тысячами слетаются голуби, выстроились лавочки художников и миниатюристов. Именно сюда приходят и влюбленные, и верные мужья в какие-то памятные для них дни, чтобы заказать эти трогательные изображения мечетей. Каждый выбирает по своему вкусу краски и аксессуары; рисунок обычно сопровождается стихами, выражающими чувства дарителей.

Трудно понять, как мусульманское правоверие допускает тщательно вырезанные и искусно раскрашенные фигуры китайского театра теней, участвующие в представлениях «Карагёза», а также старинные монеты, медали и даже знамена некогда славного воинства янычар, на которых изображаются фигуры животных. Корабль султанов тоже украшается золотым орлом с распростертыми крыльями.

В Каире существует и другая странная аномалия — здесь принято расписывать дома паломников, посетивших Мекку; наверное, для того, чтобы запечатлеть те страны, где они побывали, и их жителей, в которых, впрочем, трудно узнать живых людей.

Предубеждение против изображения людей и животных существуют, как известно, только у мусульман из секты Омара (суннитов); у тех же, кто принадлежит к секте Али (шиитов), есть различного рода живопись и миниатюра. Таким образом, не следует обвинять весь ислам в неприятии искусства. Спор идет об интерпретации священного текста, позволяющего думать, что человеку не позволено творить форму, ибо он не способен сотворить дух. Как-то один английский путешественник рисовал людей на глазах у араба-кочевника, и тот серьезно спросил у него.

— Когда на страшном суде все люди, которых ты создал, предстанут пред тобой, и господь скажет тебе: «Они плачут, потому, что хотя и существуют, но не живут. Ты дал им тело, теперь вдохни в них душу!» Что ты ответишь творцу?

— Я отвечу, — сказал англичанин, — «господи, там, где дело касается души, не мне тягаться с тобой... Но если эти люди кажутся тебе достойными существовать, надели меня даром оживить их».

Араб удовольствовался таким ответом или просто не знал, что возразить. Мысль английского художника показалась мне достаточно остроумной. Если бы и впрямь на страшном суде господь захотел вдохнуть жизнь во все

творения, нарисованные или вылепленные великими мастерами, он населил бы Землю множеством дивных созданий, достойных пребывать в новом Иерусалиме апостола Иоанна.

Впрочем, нужно заметить, что турки гораздо больше, чем мы думаем, чтит памятники искусства везде, куда распространялась их власть. Именно их уважению к старине и веротерпимости мы обязаны сохранением многочисленных ассирийских, греческих и римских скульптур, которые непременно погибли бы в ходе многовековой борьбы различных религий. Как бы то ни было, изображения живых существ уничтожались лишь в начале распространения ислама, когда подозревали, что они являются объектом религиозного культа. Сегодня лучшим свидетельством веротерпимости турок служит обелиск, возвышающийся посреди площади Атмейдан, напротив мечети султана Селима. Постамент обелиска украшают византийские барельефы; на них полностью уцелело более шестидесяти фигур.

Правда, это единственные скульптурные изображения живых существ, сохранившиеся в Константинополе, не считая естественно тех, что находятся в католических церквях. На куполе св. Софии мозаичные изображения апостолов оказались покрыты слоем краски, поверх которой намалеваны цветы и арабески. Только Благовещение слегка замазано. В церкви Сорока мучеников, неподалеку от акведука Валента, сохранились мозаичные иконы, хотя сама церковь превращена в мечеть.

И завершая рассказ о доступных для всеобщего обозрения изображениях людей, назову кабачок, расположенный в Пере на обочине дороги, отделяющей этот район от предместья Сан-Димитри. Дорога эта идет вдоль склона оврага, по дну которого течет ручеек, разливающийся рекой во время ливней. Сотни крашенных домов, стоящих на вершинах или на склонах холмов и разделенных садами, выглядят весьма живописно, четко выделяясь на извилистой линии горизонта, тянущейся от Малого кладбища до европейского берега Босфора. Здесь расположены главным образом питейные заведения и кофейни. Эта мусульманская Куртилья³ запружена пестрой толпой. Кондитеры, торговцы фритюрами, фруктами и арбузами оглушают непривычными для нашего слуха криками. Греки выкликают *дека пара* (10 пара, чуть больше одного су) за вино-

³ Куртилья — квартал в Бельвиле, где размещается множество кабачков. — *Примеч. пер.*

град; дальше возвышаются пирамиды кукурузных початков, сваренных в воде, сдобренной шафраном.

Зайдем в кабачок: огромное помещение опоясано высокими галереями с резными деревянными перилами; справа стойка, где владелец без усталости наливает в белые кружки золотистое тенедосское вино. В глубине зала размещается плита, на которой готовят рагу. Желающие отведать рагу садятся на маленькие табуреты, приставленные к столикам, едва достигающим колен; остальные располагаются возле дверей или устраиваются на расставленных вдоль стен скамьях. Здесь и грек в красном тарбуше, и длиннородый армянин в черном колпаке, и еврей в сером тюрбане; они демонстрируют свою полную независимость от предписаний Мухаммеда. Дополняет эту картину декоративная роспись на стене кабачка, о которой я хотел упомянуть, — это фреска с изображением человеческих фигур. Если судить по костюмам, на ней представлено великосветское общество конца прошлого века. Здесь запечатлены в человеческий рост представители двадцати национальностей, проживающих в Константинополе. Среди них можно узнать француза в костюме эпохи Директории, что позволяет определить точную дату создания композиции. Краски не утратили своей яркости, а уровень исполнения весьма высок для неовизантийской живописи. Легкий юмор, присутствующий в этой фреске говорит о том, что ее создатель не европеец; собака подняла лапку, намереваясь испачкать ажурные чулки одного из щеголей, а тот пытается оттолкнуть ее тростью.

По правде говоря, в Константинополе мне удалось найти только одну эту картину с изображением людей, выставленную для публичного обозрения. Из этого можно заключить, что художнику здесь не очень трудно поставить свое дарование на службу владельцам кабачков, как это делал Лантара⁴. Мне остается лишь принести извинения за излишне пространное Приложение, которое по крайней мере полезно тем, что может разрушить сразу два европейских предрассудка, доказав, что в турецких странах есть и живопись, и кабачки. К тому же ряд наших художников живет здесь припеваючи, изготавливая для армян и греков лики святых.

⁴ Лантара — художник (1729—1778) — герой водевиля де Баре «Лантара — художник кабачков» (1809 г.) — *Примеч. пер.*

¹ Судан — так в европейских, в частности итальянских, документах позднего средневековья именовались мамлюкские султаны Египта (1250—1517). Каирские халифы из династии Фатимидов правили в 969—1171 гг.— *Примеч. ред.*

² Корибанты — фригийские жрецы богини Кибелы, сопровождавшие служение ей танцами.— *Примеч. пер.*

³ Луи-Франсуа Касас (1756—1827) — автор двух сборников гравюр, иллюстрирующих путешествия по Востоку (1799 г.).— *Примеч. пер.*

⁴ Феллах — крестьянин, земледелец. Но в устах турок, правивших Египтом в середине XIX в., этим словом обозначались вообще коренные жители страны, арабы-египтяне, особенно низкого звания. При таком словоупотреблении термин «феллах» звучал как «мужик», «хам», «простолудин».— *Примеч. ред.*

⁵ Элейсон (греч.) — «Господи помилуй».— *Примеч. ред.*

⁶ Франки (ифрандж) — европейцы, преимущественно из Западной Европы.— *Примеч. ред.*

⁷ Епископ in partibus (лат.) — католический епископ, имеющий сан без соответствующего прихода. В частности, этот титул носили папские представители (пунции) в мусульманских странах.— *Примеч. пер.*

⁸ Окка — мера веса, равная 1,25 кг.— *Примеч. ред.*

⁹ Мухаммед Али, правил Египтом в 1805—1849 гг.— *Примеч. ред.*

¹⁰ На службе у египетского паши Мухаммеда Али было много итальянцев и французов — бывших солдат и офицеров армии Бонапарта, которые после Ватерлоо оказались не у дел. В Египте многие из них приняли ислам и, пользуясь безграничным доверием паши, выдвинулись на ответственные посты в армии и государственном аппарате, получили титулы беев и пашей. Мушир — советник, член государственного совета; назир — директор, начальник департамента или правительственного ведомства.— *Примеч. ред.*

¹¹ Проспер Марилья (1811—1847) — знаменитый художник-ориенталист романтического направления.— *Примеч. пер.*

¹² Пик — мера длины. См. примеч. 97.

¹³ Перевод Ф. И. Тютчева.

¹⁴ Имеются в виду ваххабиты, боровшиеся против турок под флагом очищения ислама. В 1805 г. ваххабиты взяли Мекку и Медину — священные города ислама. Война Мухаммеда Али с ваххабитами происходила в 1811—1819 гг.— *Примеч. ред.*

¹⁵ Сулейман I Великолепный — османский султан, правил в 1520—1566 гг. Его жена Роксолана пользовалась большим влиянием в правящих кругах Порты.— *Примеч. ред.*

¹⁶ В а к и л ь (араб.) — доверенное лицо, представитель.— *Примеч. ред.*

¹⁷ П а р á — мелкая монета, составлявшая $\frac{1}{40}$ часть пиастра (куруша). Пиастр $\approx 0,25$ франка.— *Примеч. ред.*

¹⁸ Имеется в виду вербное воскресенье.— *Примеч. пер.*

¹⁹ Автор допускает некоторую неточность, смешивая два, по существу, разных понятия, обозначаемые одним и тем же словом «руми» — «римлянин». Дело в том, что в странах Магриба (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия) — и это было известно во Франции — слово «руми» действительно употребляется в смысле «европеец». Однако в Египте и других странах Арабского Востока западные европейцы именуется франками. Словом же «руми» обозначают выходцев из бывших провинций Византии (Восточной Римской империи, или Рума). В XVI—XIX вв. этим словом обычно обозначали турок (и вообще жителей) Румелии и Анатолии, т. е. бывшей Византии. В данном случае девушка хотела подчеркнуть, что она «византийка», т. е. греко-православного вероисповедания, а не из местных коптов-христиан, как подумал автор.— *Примеч. ред.*

²⁰ Альбрехт Дюрер (1471—1528) — немецкий живописец и график. Основоположник немецкого Возрождения.— *Примеч. пер.*

²¹ Корпус французских войск численностью 38 тыс. человек, которые во главе с Бонапартом вторглись в Египет в 1798 г. Капитулировали в 1801 г.— *Примеч. ред.*

²² Персонаж из пьесы Шекспира «Троил и Крессида».— *Примеч. пер.*

²³ Б у а с с о — древняя французская мера веса.— *Примеч. пер.*

²⁴ «Мансарда художников» — водевиль французского писателя Э. Скриба.— *Примеч. пер.*

²⁵ О с л и н ы й к о л п а к — бумажный колпак, изображающий ослиную голову, который в наказание надевают в школе на лодырей.— *Примеч. пер.*

²⁶ Сен-Фар — герой оперы Гретри «Каирский караван» (1784). «Шествие верблюдов» — ария из этой оперы.— *Примеч. пер.*

²⁷ В 1830 г. Франция начала завоевание Алжира и в 1834 г. объявила об аннексии этой страны.— *Примеч. ред.*

²⁸ Автор не точен. Внутри махмала обычно не везли ничего, кроме списков Корана. К тому же Мухаммед не оставил одеяний из золотой парчи.— *Примеч. ред.*

²⁹ Во время восстания каирских горожан 21—22 октября 1798 г. Бонапарт приказал вести массированный артиллерийский обстрел города, прекратившийся только после капитуляции повстанцев. Было много жертв и разрушений.— *Примеч. ред.*

³⁰ Амру ибн аль-Асы — древнеарабский полководец, завоеватель Египта в 639—641 гг.— *Примеч. ред.*

³¹ 713 г. нашего летоисчисления; Старый Каир основан в 643 г.— *Примеч. ред.*

³² Халиф Омар правил в 634—644 гг.— *Примеч. ред.*

³³ Автор не точен. Несмотря на все очарование старинной арабской легенды, пересказанной автором, современные историки склонны производить топоним «Фустат» (первоначальное название арабского военного городка, или «лагеря», в Вавилоне) от греко-византийского «Фоссатон», что означает «укрепленный лагерь».— *Примеч. ред.*

³⁴ Нерон (37—68) — римский император из династии Юлиев — Клавдиев. Согласно источникам, жестокий, самовлюбленный, развратный.— *Примеч. пер.*

³⁵ Гелиогабал — римский император, правивший с 218 по 222 г. Благодаря своей красоте был избран жрецом Солнца. По преданию, отличался крайней жестокостью и склонностью к разврату.— *Примеч. пер.*

³⁶ Родопа — знаменитая древнегреческая куртизанка, жившая в VI в. до н. э. Как говорят античные авторы, к концу жизни она скопила несметные богатства и якобы приказала построить для себя пирамиду.— *Примеч. ред.*

³⁷ Персонажи комедий Мольера «Шалый, или Все невпопад» и «Господин де Пурсоньяк». — *Примеч. пер.*

³⁸ Персонажи комедий Мольера «Школа жен» и «Жорж Данден, или Одураченный муж». — *Примеч. пер.*

³⁹ К у л ь к а с — колокассия, «египетский картофель». — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Приятно изучать чужой язык
Из женских уст, когда нам горя мало,
Когда и ментор юн и ученик.
(Со мной такое в юности бывало.)
(Байрон. Дон Жуан. II, с. 164, пер. Т. Гнедича). — *Примеч. пер.*

⁴¹ Имеется в виду эпизод из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (ч. I, гл. «Пульс. Париж»). — *Примеч. пер.*

⁴² Теренций Публий (ок. 195—159 гг. до н. э.) — римский комедиограф. Имеется в виду героиня его комедии «Девушка с Андроса». — *Примеч. пер.*

⁴³ В 1787 г. во Франции были опубликованы письма мадемуазель Айсе, черкесской рабыни, купленной графом де Ферриолом, послом в Константинополе, которую он затем привез с собой в Париж. — *Примеч. пер.*

⁴⁴ Н. Перрон (1798—1876) и Ф. Френель (1795—1855) — известные французские арабисты, специалисты по древнеарабской литературе. Н. Перрон — врач по образованию, сен-симонист, директор (с 1839 г.) госпиталя в Каире; Ф. Френель — путешественник и дипломат, жил в Каире в 1831—1837 гг., затем консул в Джидде. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Имеется в виду Ибрахим-паша (1789—1848), старший сын и наследник Мухаммеда Али, главнокомандующий египетской армии, наместник Палестины, Сирии и Киликии в 1833—1839 гг. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Намек на фразу Вольтера в Третьем диатрибе аббата Базена: Египет. — *Примеч. пер.*

⁴⁷ Слова из приказа Бонапарта, зачитанного войскам перед сражением у пирамид 21 июля 1798 г. — *Примеч. пер.*

⁴⁸ Джанн ибн Джанн (в египетском произношении Ганн ибн Гапн) — имя последнего правителя преадамитов — существ, которые, по египетским поверьям, населяли землю до Адама, т. е. до «сотворения» человека, и были похожи на джиннов. Иногда их вообще отождествляют с джиннами. Эпоха правителей этих существ, по мнению некоторых современных любителей разгадывать исторические мифы, охватывает период от XII до VI тысячелетия до н. э. (по А. Пошану, 11432—5619 гг. до н. э.). — *Примеч. ред.*

⁴⁹ Османский султан Махмуд II (1808—1839) в 1826 г. уничтожил корпус янычар и начал преобразования, вызвавшие ненависть старотурок, приверженцев шариа и старины. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Здесь автор отдает дань широко распространенному предрасудку, не имеющему под собой реальной исторической почвы.

Сыновья мамлюков (*авляд ан-нас*) на протяжении столетий играли большую роль в общественной, и особенно в культурной жизни Египта. Из их среды вышло немало выдающихся ученых, писателей, поэтов. Однако авляд ан-нас запрещалось служить в армии (кроме вспомогательных частей), а главное, наследовать имущество и титулы отцов. В результате дети мамлюков автоматически выбывали из правящей привилегированной прослойки, которая вследствие этого не могла превратиться в наследственную знать, пресекаясь в первом поколении. Таким образом, отсутствие мамлюков второго поколения объясняется причинами не биологического, а социального характера.— *Примеч. ред.*

⁵¹ Имеется в виду так называемая морейская кампания 1824—1828 г., во время которой египетские войска под командованием Ибрахим-паши пытались подавить революционное движение греков.— *Примеч. ред.*

⁵² В древнем Египте лук считался одним из воплощений бога Сета.— *Примеч. ред.*

⁵³ Ф е л ю г а — легкое парусное судно, используемое, в частности, для плавания по Нилу.— *Примеч. ред.*

⁵⁴ Кредевилль — персонаж из водевиля Левена и Дюмануара «Кредевилль и клятва соляного пристава» (1832). По словам контрабандиста Кредевиля, у некоторых людей существует «прискорбная» привычка оставлять свое имя на всех французских и парижских стенах.— *Примеч. пер.*

⁵⁵ Немецкая научная экспедиция, работавшая в Египте с 1842 по 1846 г.— *Примеч. пер.*

⁵⁶ Зарастро — главный персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта», жрец Солнца, олицетворяющий силы добра.— *Примеч. пер.*

⁵⁷ Царица ночи — персонаж, олицетворяющий злые силы.— *Примеч. пер.*

⁵⁸ Папагено — птицелов, персонаж оперы «Волшебная флейта».— *Примеч. пер.*

⁵⁹ С а л ь т а р е л л а — быстрый итальянский танец.— *Примеч. пер.*

⁶⁰ Большой Султан.— *Примеч. ред.*

⁶¹ М а в в а л ь — песня или, скорее, один из песенных жанров на народном разговорном языке.— *Примеч. ред.*

⁶² Имеются в виду неоднократно отмечавшиеся автором *загарит* — вибрирующие, пронзительные крики женщин, которыми они сопровождают этот обряд.— *Примеч. ред.*

⁶³ Здесь, видимо, содержится намек на некоторые стихи из суры «ас-Саффат» («Чинно стоящие»), в которых довольно явно звучат гедонистические мотивы.— *Примеч. ред.*

⁶⁴ Имеется в виду древний Суэцкий канал, связывавший Средиземное и Красное моря через Каир (древний Вавилон Египетский). Канал неоднократно восстанавливался и снова приходил в упадок. В последний раз он был расчищен в 643 г. по приказу первого арабского наместника Египта Амру ибн аль-Асы; засыпан по повелению халифа аль-Мансура в 765 г. Упомянутый автором Халиг (Каирский канал) — сохранившийся кусок этого древнего водного пути.— *Примеч. ред.*

⁶⁵ Ония IV (ум. в 145 г. до н. э.) — иудейский первосвященник, который бежал в Египет и к негодованию иудеев Палестины построил в Гесеме храм, представлявший собой уменьшенную копию Иерусалимского храма.— *Примеч. ред.*

⁶⁶ Галенова система — названа по имени знаменитого

врача древности Галена (II в. н. э.). Заключается в том, что все фармацевтические средства должны быть получены из веществ растительного или животного происхождения.— *Примеч. пер.*

⁶⁷ Финей — в древнегреческой мифологии сын Агенора, царь Салмидесса во Фракии, получивший от Аполлона дар предвидения. За убийство своих детей он был наказан богами тем, что, когда он садился за стол, прилетали гарпии и расхищали пищу. Освободили его от этой пытки аргонавты.— *Примеч. пер.*

⁶⁸ Под этим древним миром Ж. де Нерваль, по-видимому, понимал доблэйские времена преадамитов, эпоху до сотворения человека.— *Примеч. ред.*

⁶⁹ Бомбарда — двухмачтовое транспортное судно с мортирами для метания бомб.— *Примеч. пер.*

⁷⁰ Феокрит (конец IV — первая половина III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, основоположник жанра идиллии, положившего начало европейской традиции «буколической литературы». — *Примеч. пер.*

⁷¹ Имеются в виду события 15 июня 1826 г., когда по приказу Махмуда II, упразднившего янычарский корпус, в Стамбуле была учинена массовая резня янычар — поборников старины и шариата. За этим последовало истребление янычар и в провинции.— *Примеч. ред.*

⁷² Плыть по морю (*итал.*).— *Примеч. пер.*

⁷³ Ныне город в Ливане. В XIX в. эта страна нередко включалась в понятие «Сирия», охватывавшее весь регион — от Тавра до Синая.— *Примеч. ред.*

⁷⁴ На самом деле «хабиби» означает «мой любимый». — *Примеч. ред.*

⁷⁵ Вергилий. Буколики. II.— *Примеч. пер.*

⁷⁶ «Я вас!..» (*Вергилий*. Энеида. I, 135).— *Примеч. пер.*

⁷⁷ Ахмед Джебзар-паша — правитель Палестины в 1775—1804 гг. Весной 1799 г. при поддержке турецких регулярных войск (низамов) и британского флота он отразил наступление войск Бонапарта, потерпевшего под стенами Аккры свое первое поражение.— *Примеч. ред.*

⁷⁸ Английская пьеса в переработке Ш. Нодье (1822).— *Примеч. пер.*

⁷⁹ Роман Бенжамена Констана.— *Примеч. пер.*

⁸⁰ Персонаж из «Школы жен» Мольера.— *Примеч. пер.*

⁸¹ Фантазия (*араб.*) — зрелище, торжество; военно-спортивное празднество с джигитовкой и стрельбой.— *Примеч. пер.*

⁸² Имеются в виду друзы и марониты. Вооруженные столкновения между ними происходили почти непрерывно в 1841—1861 гг.— *Примеч. ред.*

⁸³ Собаки и французы.— *Примеч. пер.*

⁸⁴ В 1840 г. Адольф Кремь, вице-президент консистории французских евреев, выступил в защиту евреев Дамаска, обвинявшихся в совершении ритуального убийства отца Фомы, или Томмазо, п его слуги Ибрахима Амара.— *Примеч. пер.*

⁸⁵ Жозеф Верне (1714—1789) — знаменитый французский художник-маринист.— *Примеч. пер.*

⁸⁶ Берит (Бейрит) — древнее финикийское название города Бейрут; Юлия Феликс (полнее Юлия Аугуста Феликс) — официальное наименование города в римскую эпоху.— *Примеч. ред.*

⁸⁷ Лукиан. Спрыйская богиня.— *Примеч. пер.*

⁸⁸ Симеон Столпник — сирийский монах (390—459), родом из

Киликий; согласно христианской традиции, провел около 40 лет на вершине столба, предаваясь непрестанной молитве.— *Примеч. пер.*

⁸⁹ Эмир Бешир II (1788—1840) — представитель местной феодальной династии Шехабов, правившей Горным Ливаном. Низложен в октябре 1840 г., после поражения в Сирии войск Мухаммеда Али во время второго турецко-египетского конфликта (1839—1841 гг.).— *Примеч. ред.*

⁹⁰ Книга бытия. 24. 16; Гомер. Одиссея. VI, 85.—*Примеч. пер.*

⁹¹ Имеется в виду арабская католическая типография в монастыре Мар-Ханны (св. Иоанна) в Шувейре, которую в 1732 г. основал дьякон Абдаллах Захир ас-Саиғ — изобретатель, как писал А. Е. Крымский, «нового изящного типа арабского печатного шрифта».— *Примеч. ред.*

⁹² М е т у а л и и (от араб. *мугавали*, мн. ч. *матавила*) — шииты Ливана. В XIX в. многие востоковеды были склонны рассматривать шиитскую общину как одну из сект в исламе.— *Примеч. ред.*

⁹³ Гейне Г. На севере диком...— *Примеч. пер.*

⁹⁴ Горацій. Оды, II, XIV.— *Примеч. пер.*

⁹⁵ Перевод Е. Баевской.

⁹⁶ А к и л — букв. «сведущий, разумный», религиозный наставник у друзов, представитель друзского «духовенства». «Сведущими» могли быть не только мужчины, но и женщины, получавшие соответствующее образование и подготовку; «сведущая» называлась *акила* (ж. р. от *акил*).— *Примеч. ред.*

⁹⁷ П и к — мера длины, принятая в европейских торговых факториях Леванта, в частности при торговле тканями. Соответствует османскому аршину (68,3 см).— *Примеч. ред.*

⁹⁸ Карстен Нибур — датский путешественник-ориенталист.— *Примеч. пер.*

⁹⁹ К.-Ф. Вольней (1757—1820) — французский просветитель, ориенталист.— *Примеч. пер.*

¹⁰⁰ Сильвестр де Саси (1758—1838) — французский ориенталист.— *Примеч. пер.*

¹⁰¹ Леди Эстер Станхоуп (1776—1839) — внучка лорда Чатэма и племянница Уильяма Питта, участница тайного общества иллюминатов. с 1810 г. жила около Сайды в Ливане.— *Примеч. ред.*

¹⁰² А к о л и т (у католиков) — спутник.— *Примеч. пер.*

¹⁰³ А с - С и р а т — согласно Корану, мост, «тонкий, как волос, и острый, как лезвие меч». Праведники проходили по нему в рай, грешники срывались и падали в ад.— *Примеч. ред.*

¹⁰⁴ Мункар и Накир — ангелы смерти, подвергающие усопшего предварительному допросу еще до дня Страшного суда.— *Примеч. ред.*

¹⁰⁵ А р д е б — старинная мера сыпучих тел в Египте. Современный стандартный ардеб равен 197,75 л.— *Примеч. ред.*

¹⁰⁶ Французские издатели в наше время подвергли сомнению это утверждение Нерваля, заявляя, что такого слова вообще нет в Библии.— *Примеч. ред.*

¹⁰⁷ Легенды арабов и персов гласят, что долгие годы на земле жили преадамиты, последний повелитель которых был побежден Адамом. Серандиб — Шри-Ланка.— *Примеч. ред.*

¹⁰⁸ 13 февраля 1021 г.

¹⁰⁹ Канебер — главная улица Марселя.— *Примеч. пер.*

¹¹⁰ Мильтон Дж. Потерянный рай. I.— *Примеч. пер.*

¹¹¹ Сервантес. Дон Кихот. II, 31.— *Примеч. пер.*

¹¹² Нерваль имеет в виду фреску Рафаэля, которую он видел в

Риме в 1834 г., широко известную по репродукциям. В Риме Нерваль видел также произведение Аннибале Каррачи (1595 г.), в Палаццо Фарнезе, трактующее этот же сюжет.— *Примеч. пер.*

¹¹³ Капитуляции — соглашения об условиях пребывания и торговой деятельности европейцев в Османской империи.— *Примеч. ред.*

¹¹⁴ Неизвестно, откуда взял эти сведения Нерваль. Фридрих Барбаросса погиб в 1190 г. при переправе через горную реку Салеф (Гёксу) в Киликии (территория современной Турции).— *Примеч. ред.*

¹¹⁵ Ансарии, или нусайриты (алавиты) — одна из крайних шиитских сект Ближнего Востока.— *Примеч. ред.*

¹¹⁶ Еретические секты XII и XVI вв. в Европе.— *Примеч. пер.*

¹¹⁷ «Мещанин во дворянстве», акт IV.— *Примеч. пер.*

¹¹⁸ Имеются в виду бомбардировки Бонапарта (1799), Ибрахим-паши (1832) и английского адмирала Непира (1840).— *Примеч. пер.*

¹¹⁹ Топхане — литейный двор, казармы артиллерии и квартал в Стамбуле.— *Примеч. ред.*

¹²⁰ Центр исмаилитской пропаганды при Фатимидах делил весь мир на 12 зон, или «островов» (*джазира*), во главе с *сахиб-джазирами*, которым подчинялись все деи данного «острова».— *Примеч. ред.*

¹²¹ Георг Фридрих Крейцер (1771—1858) — немецкий филолог, профессор Гейбельбергского университета.— *Примеч. пер.*

¹²² Мари де Севинье (1626—1696) — французская писательница, прославившаяся в эпистолярном жанре как автор писем к дочери, с которой она вела переписку всю жизнь. Эти письма — живая летопись своего времени. Здесь упоминается письмо от 15 декабря 1670 г. к Эмманюэль де Куланж.— *Примеч. пер.*

¹²³ Адонирам — сын Авды, чиновник царя Соломона, сборщик податей; по преданию, был убит израильтянами-изменниками.— *Примеч. пер.*

¹²⁴ По легенде, Гомер родился на берегах реки Мелет, отсюда — его прозвище Мелетиген.— *Примеч. пер.*

¹²⁵ *Вергилий*. Буколики. III, 65.— *Примеч. пер.*

¹²⁶ Речь идет о друге Нерваля художнике Камиле Рожье.— *Примеч. пер.*

¹²⁷ По итальянским документам эпохи, Роксолана, любимая жена Сулеймана Великолепного, была родом из России.— *Примеч. ред.*

¹²⁸ Мабиль — танцевальное заведение, открытое в Париже в 1840 г. учителем танцев Мабилем.— *Примеч. пер.*

¹²⁹ «Роберт-Дьявол» — опера Дж. Мейербера, либретто Э. Скриба (1830).— *Примеч. пер.*

¹³⁰ *Гёте В.* Путешественник и поселанка. Пер. В. Жуковского.— *Примеч. пер.*

¹³¹ Принц Шарль Жозеф де Линь (1735—1814) — генерал, служил в австрийской армии, затем в России. Автор остроумных рассказов.— *Примеч. пер.*

¹³² Перевод Е. Баевской.

¹³³ Намек на пьесу А. Дюма «Нельская башня» (1832) и на историю Буридана, брошенного в мешке в Сену, из поэмы Ф. Вийона «О дамах былых времен».— *Примеч. пер.*

¹³⁴ *Лафонтен*, Басни. XII, 24.— *Примеч. пер.*

¹³⁵ Фраскати — знаменитый игорный дом в Париже до 1837 г.—
Примеч. пер.

¹³⁶ Стендаль. Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазжо, 1817; Жизнь Россини, 1824; Рим. Неаполь и Флоренция, 1817. Нерваль ошибся, соединив два имени: тенора Николы Таккинарди (1776—1859) и певицы Жозефины Ронци-Дебеньи (1800—1853).— *Примеч. пер.*

¹³⁷ Опера Пачини.— *Примеч. пер.*

¹³⁸ Розолио — ароматная настойка на лепестках роз.—
Примеч. ред.

¹³⁹ А тел л а н а — вид народной театральной импровизации в древнем Риме с постоянными типами-масками.— *Примеч. пер.*

¹⁴⁰ Александр Габриель Декан (1803—1860) — французский живописец и график.— *Примеч. пер.*

¹⁴¹ Имеется в виду Илья-пророк.— *Примеч. ред.*

¹⁴² Легенда о Семи спящих отроках нашла отражение в Коране (сура XVIII. «Пещера»).— *Примеч. ред.*

¹⁴³ Ф у с т а н е л л а — часть греческого национального костюма.— *Примеч. пер.*

¹⁴⁴ Д. Байрон. Абидосская невеста (перевод И. Козлова).—
Примеч. пер.

¹⁴⁵ Улица в Париже, где во времена Жерара де Нерваля было много кондитерских.— *Примеч. пер.*

¹⁴⁶ Р а к а т — комплекс последовательных движений (сделать поклон, встать на колени, пасть ниц и т. д.), являющихся одним из элементов мусульманской молитвы.— *Примеч. ред.*

¹⁴⁷ Автор спутал *ид аль-адха* (большой байрам) с *ид аль-фитр* (малый байрам) — праздником в честь завершения поста, который отмечается 1—2 шавваля.— *Примеч. ред.*

¹⁴⁸ Такой церемонии давно уже не существует.— *Примеч. авт.*

¹⁴⁹ Леди Монтегью (1682—1762) опубликовала в 1713 г. в форме писем описание своего путешествия по Ближнему Востоку, переводы которого были очень популярны во Франции.— *Примеч. пер.*

¹⁵⁰ Персонаж «Тысячи и одной ночи».— *Примеч. пер.*

Романтика Востока, пленявшая людей XIX в., не утратила своей прелести и сейчас. В этом секрет привлекательности «Путешествия на Восток». Поэтический дар Жерара де Нерваля, его вдохновенная фантазия, его способность сочетать реальность с вымыслом, сюрреалистичность мышления, проницательность и вместе с тем художественное восприятие действительности делают его понятным и близким современному человеку. Прямолинейность позитивизма с его наивной верой в науку была абсолютно чужда автору «Путешествия на Восток». Как уже понял читатель, книга Нерваля не имеет ничего общего ни с научным описанием страны, ни с любительскими изысканиями в области народоведения. Да Нерваль и не претендует на это. В его книге нет даже намека на стремление внести какой-либо позитивный вклад в развитие научных представлений о Востоке.

«Путешествие на Восток» — это прежде всего художественное произведение. Это цепь романтических новелл и зарисовок, более или менее искусно вплетенных в единую ткань повествования. Оно выполнено в форме путевых очерков, чем-то напоминающих «документальную прозу» наших дней. Поводом, а затем и сюжетной канвой повествования было реальное путешествие, которое автор совершил в 1843 г. Он посетил Египет, Ливан и западные районы Турции, входившие тогда в состав Османской империи. Избранная Нервалем форма путевых очерков обязывала его соотносить повествование с точными историческими и географическими координатами, давать характеристику реальным странам и людям, их обычаям, занятий и религиозных верований. Многие он почерпнул в беседах со своими друзьями-журналистами, политиками и дипломатами. Но самое главное, Нерваль использовал работы крупнейших востоковедов первой половины XIX в., в частности Сильвестра де Саси, Э. У. Лэйна, Ж.-А. Убичини. Иногда он просто пересказывает целые главы из их произведений, придавая им беллетристическую художественную форму. В книге все это представлено как лично пережитое, увиденное, услышанное и лишь изредка как где-то прочитанное. Вследствие этого «Путешествие на Восток» приобретает определенное познавательное зна-

чение, знакомит читателей с некоторыми сторонами реальной жизни Востока, с его историческим прошлым и настоящим.

Как же представлен Восток в книге Жерара де Нерваля?

Прежде всего следует отметить, что автор склонен к идеализации ислама и религиозной ситуации в Османской империи. Нерваль нельзя упрекнуть в одностороннем подходе или пристрастном отношении к какой-либо религиозной общине. В общем он понимает реальное положение вещей, видит остроту религиозных противоречий, даже их социально-политическую основу. Он правильно отмечает исключительную живучесть традиционных норм шариата, не раз говорит об эгалитаристских принципах учения Мухаммеда, заостряет внимание на вертикальной мобильности мусульманского общества, когда заезжие иностранцы, как, например, беглые офицеры армии Бонапарта, невольники и даже преступники могут достичь «известных ступеней». Но в целом он изображает османское общество в непомерно розовых тонах, весьма далеким от реальной действительности. Как «сын Вольтера», как масон и адепт некоей вневероисповедной «естественной» религии, он чувствует себя стоящим выше мелких религиозных различий. На ислам и другие восточные верования, как и на все происходящее в османском государстве, он смотрит через призму мистического поклонения Востоку. Вследствие этого многочисленные рассуждения автора о религиозной жизни в Османской империи, особенно о необычайной «веротерпимости турок», отражают не столько реальную ситуацию, сколько собственные искания автора, претендующего на роль духовного наследника тамплиеров и розенкрейцеров, всех друзей таинственного графа Калиостро.

Кроме того, Жерар де Нерваль смотрит на мир глазами завязного театрала. Его интересует не жизнь Востока, а впечатления от восточных сцен и декораций, не история Египта или Ливана, а переживания, связанные с проникновением в тайны Востока, в его мистические сказания, в магию и каббалу. Даже пейзажи он оценивает как декорации: отмечает своеобразие красок, игру света и тени, а главное, реакцию зрителя. Большинство его исторических персонажей взято не из реального прошлого Востока, даже не из библейской традиции, как таковой, а из театральной жизни Парижа, из модных тогда постановок на античные и восточные сюжеты, из романтических произведений его друзей и единомышленников. Другие персонажи — из исторических преданий французского масонства, из легенд, которые окружают таинственную историю «свободных каменщиков». Если не считать халифа Хакима, то ни Каир, ни Дамаск, ни другие города Османской империи с их многочисленными руннами и историческими памятниками, по существу, не напомнили автору ни великих героев мусульманской или арабской истории, ни событий из реального прошлого

ислама. Да и античная история Востока представлена весьма слабо. На страницах «Путешествия» нет ни Цезаря, ни Пилата, ни легендарной Клеопатры, не говоря уже о халифах Дамаска, византийских и персидских царях.

Жерар де Нерваль приехал на Восток как на театральную премьеру. Он жаждет развлечений и с упоением рассказывает о феерических сценах, которые ему удалось посмотреть в свете факелов и праздничной иллюминации. Будничная жизнь его совершенно не интересует. Все, что делается за кулисами, вся грязь и неустройство османского общества просто выпадают из поля его зрения. Народ с его повседневными нуждами и заботами лишь изредка появляется на сцене, и то в основном в роли статистов или безымянной толпы. На основании «Путешествия на Восток» нельзя составить никакого представления о политических событиях того времени, о состоянии экономики или положении народных масс. Все это скрыто огнями праздничного фейерверка. В книге Нерваля правители и народ отдыхают; паши и коммерсанты, офицеры и дипломаты, эфенди и дельцы снуют в праздничной суете, окружены красивыми женщинами, демонстрирующими экзотические прически, моды и наряды. Нерваль как никто почувствовал эту приподнятую атмосферу народных праздников и официальных торжеств. В этом большая заслуга автора. Ему действительно удалось показать радость и дыхание жизни Востока, его развлечения, самобытный характер его цивилизации и культуры, жажду нового и прекрасного.

Сосредоточив внимание на красочной стороне жизни Востока, Нерваль следовал определенной литературной моде. Он отдавал дань романтическим увлечениям эпохи, покоренной поэтическим гением лорда Байрона. Он разделял вкусы и идеалы европейской аристократии, находившейся под обаянием бессмертных произведений Ф. Шатобриана и В. Ирвинга. Вследствие этого рыцарский блеск романтизма наложил неизгладимую печать на «Путешествие на Восток», придав ему изыск чистого искусства и надреальности.

Следует, однако, подчеркнуть, что сам Нерваль, видимо, не придавал романтическим изыскам слишком серьезного значения. Он видел в них лишь игру воображения, жажду вечного и прекрасного. Может быть, поэтому лирическое повествование в «Путешествии на Восток» неожиданно перемежается иронией человека, сознающего относительную ценность всех и всяческих идеалов. Нередко Нерваль иронизирует над самим собой, над своими поисками чистой красоты и совершенства. В том же, 1843 г., когда он совершил свое путешествие на Восток, он писал в открытом письме Теофилю Готье: «Ты все еще веришь в ибиса, в алый лотос, желтый Нил; ты веришь в изумрудные пальмы, олуницу, корабль

пустыни... Увы, пбис — это дикая птица, лотос — обыкновенная луковница; Нил — это грязная вода с мутно-рыжим оттенком; пальма имеет вид потрепанной метлы, олунция — просто-напросто кактус; корабль пустыни встречается разве лишь в состоянии облезлого верблюда; альмеи — это переодетые мужчины, а что касается настоящих женщин, то глаза бы на них не глядели!»

Не хотелось бы разочаровывать читателя и превращать романтику Востока в прозу восточной жизни. К тому же не раз говорилось, как опасно смотреть на Восток воспаленными глазами европейского путешественника, который в невыносимой духоте переполненных окелей или в наскоро снятых комнатах в глинобитных домах проводит бессонные ночи в борьбе с вездесущими блохами и невероятным количеством клопов, заставляющих шевелиться стены. Тем не менее липкая пыль, мухи, антисанитарное состояние улиц, на которые, за неимением канализации, в течение веков сливались нечистоты города, стаи собак, нищие и попрошайки отравляли жизнь целым поколениям европейских путешественников, приезжавших на Восток по торговым делам, с научной миссией или просто чтобы посетить святыне места.

Во времена Нерваля Восток едва начал выбираться из трясины всеобщего запустения и тлена. К началу XIX в. арабские страны и другие земли Богохранимого государства, как официально именовалась Османская империя, находились в перигее своего развития. Они отставали от Европы на целую историческую эпоху. Некогда грозная империя, наводившая ужас на всю Европу, влачила жалкое существование. Она стала, по выражению Николая I, «больным человеком». Не дожидаясь его кончины, великие державы приступили к дележу богатого наследства. К России отошли Кубань, Крым и другие земли северного побережья Черного моря; к Австрии — Венгрия, Хорватия и побережье Далмации. Франция захватила Алжир. Англия, к негодованию Нерваля, хозяйничала в Египте, на берегах Сирии и Палестины, еще хранивших память о солдатах Бонапарта, пытавшегося завоевать эти страны.

Отставание Востока выявилось не сразу. Оно нарастало постепенно на фоне быстрого развития Европы. Начало было положено в эпоху Возрождения и Контрреформации. Именно тогда новые идеи и отношения между человеком и обществом привели к развитию философии, науки и техники, к становлению нового производства на капиталистической основе, к образованию национальных государств и армий. Рывок, который Европа совершила в XVI—XVII вв., вывел ее вперед и изменил соотношение сил, в том числе и военных. В морском сражении у Лепанто 7 октября 1571 г. дон Хуан Австрийский впервые развеял миф о непобедимости турок. «Рассеялось,— писал М. Сервантес,— заблуждение, в коем пребывали весь мир и все народы, полагавшие, что турки на море

непобедимы». После разгрома османских армий под Вепой 12 сентября 1683 г. войсками Яна Собесского, после блистательных побед Евгения Савойского Европа окончательно избавилась от страха перед турками. У европейцев появилась уверенность в своих силах. Уже в конце XVII в. на Восток, в частности на Османскую империю, стали смотреть не иначе как на общество, погрязшее в темноте и невежестве.

На Востоке также постепенно начали сознавать свое отставание. Сначала предпочитали говорить об «упадке» и лишь в последней трети XVIII в. поняли, что речь идет о значительно большем. Правда, и до этого наиболее дальновидные представители правящих кругов понимали, что Европа идет вперед и что надо что-то предпринимать, а не стоять на месте, проклиная все чужеземное. Во времена Мурада III (1574—1595) и его ближайших преемников, затем в «эпоху тюльпанов» при Ахмеди III (1703—1730) были сделаны первые робкие попытки изменить сложившееся положение. Однако без поддержки, а главное, без понимания со стороны народных масс эти начинания были обречены на неудачу. Народ по-прежнему верил мусульманскому духовенству, утверждавшему, что шариат — единственный путь к счастью и социальной гармонии. Главными поборниками шариата выступали знаменитые янычары, стоявшие на страже ислама и мусульманской законности. С фетвой шейх уль-ислама они поднимали народ, свергали султанов и убивали негодных им начальников и везиров. Они зверски расправились с Османом II (1622 г.) и Селимом III (1808 г.), которые пытались обуздать и упразднить корпус янычар, заменить его новой армией.

Лишь в 1826 г. султану Махмуду II (1808—1839) удалось ликвидировать корпус янычар и начать преобразования, или «реформу», о которой так часто говорит Нерваль как о новой точке отсчета времени. Далеко не все были согласны с характером и направлением реформы. В провинции, особенно среди «простого народа», как правильно подметил Нерваль, было много фанатичных приверженцев старины. Они ненавидели все иностранное и выступали против попыток султана переделать жизнь государства на европейский лад. Да и в правящих кругах не было единства. Мухаммед Али-паша, правитель Египта в 1805—1849 гг., выступил против нововведений султана, которого он считал изменником, пытавшимся навязать мусульманам «христианские обычаи и порядки». В результате гражданской войны 1831—1833 гг. Османская империя раскололась на две части. Одна (Анатолия, Румелия и ряд менее значительных провинций) осталась под непосредственным управлением султана; другая (Египет, Аравия, Судан, Сирия и Палестина) перешла под власть египетского паши. В каждой из этих частей османского государства сложились свои порядки, каж-

дая имела свою армию и администрацию, проводила собственный курс внешней и внутренней политики.

Во владениях султана началась ускоренная европеизация общественной и государственной жизни. Махмуд II всячески поощрял развитие торговли и частного предпринимательства, реорганизовал армию, перестроил управление, способствовал развитию грамотности и светского образования. При нем начали выходить первые османские газеты, сначала на французском (1825 г.), затем на турецком (1832 г.) языке, и, наконец, на греческом, армянском и еврейском (*ладино*). Поощрялись переводы книг и статей с западноевропейских языков. Сотни молодых мусульман отправлялись на учебу в Европу. В Париже, Вене и других европейских столицах появились первые турецкие миссии и постоянные посольства. После смерти Махмуда II его политику продолжал султан Абдул Меджид I (1839—1861). 3 ноября 1839 г. в дворцовом парке Гюльхане (Дом роз) в старом серале он обнародовал манифест о реформах — так называемый Гюльханейский хатти-шериф. Манифест провозглашал равенство всех подданных перед законом, неприкосновенность их личности и имущества. Самое главное, Гюльханейский хатти-шериф заявлял о необходимости «новых учреждений», призванных дать стране «благоденствия хорошего управления» и привести к «изменению и полному обновлению старых порядков». Началась эпоха Танзимата (реорганизации), сопровождавшаяся быстрой модернизацией социально-политических структур, открывавших путь буржуазно-капиталистическому развитию общества. В начале 40-х годов в соответствии с Гюльханейским актом происходила дальнейшая перестройка администрации, суда, финансов и системы народного образования. Школьная реформа 1846 г. отделила науку от религии, светское образование от духовного. Уголовный закон 1840 г. положил начало целой серии административных, торговых и других уложений, которые вводили во владениях султана новые буржуазные нормы права.

Своеобразие обстановки, причудливо сочетавшей вековые традиции с новыми веяниями, не ускользало от внимания путешественников. Каждый из них в зависимости от темперамента, взглядов и настроений отмечал начавшиеся перемены. Большинство с иронией и даже с насмешкой писало о раболепии «турок», о рабском подражании иноземным модам, вкусам и представлениям. Особенно много улыбок вызывало усвоение османским обществом внешних сторон западноевропейской цивилизации. К тому же оно шло значительно быстрее, чем усвоение моральных и социальных ценностей. По приказу свыше армия и чиновники надели европейские мундиры. На голове вместо чалмы было предписано носить высокую «стамбульскую» феску или тарбуш. В 1828 г. султан в первый раз появился в феске, голубых панталонах и красном

мундире при орденах. В повседневной жизни кафтан уступил место сюртуку. Абдул Меджид был первым султаном, который просматривал парижские газеты. Высокопоставленные мусульмане стали охотно беседовать с европейцами, читать что им заблагорассудится и даже посещать театральные спектакли. В 1829 г. на официальном банкете турецкие офицеры и генералы впервые сидели за одним столом с европейскими дамами. В 1837 г., к негоднованию приверженцев старины, всем османским чиновникам и офицерам было приказано укоротить бороду и подстричь усы. В 1835—1836 гг. Мустафа Решид-паша, будущий автор Гюльханейского хатти-шерифа, будучи послом в Париже, охотно посещал светские салоны. Перед отъездом на родину он в нарушение вековых запретов ислама заказал свой портрет. Затем он снял с него 300 литографий, чтобы дарить друзьям и знакомым. Молодые турецкие дипломаты считали за правило иметь цилиндр, пальто и трость с набалдашником, пристрастились к дорогим сигарам и шампанскому. Злые языки говорили, что в этом отношении они едва поспевали за своим государем, который от шампанского якобы начал переходить к водке и даже спирту. «Когда принимаешь цивилизацию,— говорили они,— не надо перебирать».

Во владениях Мухаммеда Али шампанское было под запретом, бород не стригли. Сам паша неизменно носил пышный тюрбан и окладистую бороду. Он требовал соблюдать все нормы и предписания шариата, полжизни строил в Каире огромную мечеть, напоминавшую стамбульскую Айя-Софию, и мечтал о «возвращении» Крыма и Северного Кавказа. На стамбульском троне ему мерещился халиф, достойный славы и величия ислама. В Каире портреты напоказ не выставлялись, цилиндры не заказывались, а дамы сидели в гаремах и лишь украдкой обретали общество чужих мужчин.

В отличие от твердолобых фанатиков Мухаммед Али понимал отсталость Востока. Он даже раньше, чем Махмуд II, приступил к преобразованиям. Но все они имели одну особенность: он хотел преодолеть экономическую отсталость и заимствовать научно-технические достижения Европы, ничего не меняя в социальных и политических структурах общества. В 1816 г. он с помощью бывших офицеров армии Бонапарта приступил к созданию регулярной армии, реорганизовал систему управления, способствовал развитию сельского хозяйства и промышленности. Огромные средства Мухаммед Али израсходовал на ускоренную индустриализацию Египта (1818—1830), желая затмить Манчестер и Глазго — символы индустриального прогресса того времени. Он создал военные училища, посылал египтян на учебу за границу, основал типографию, начал издавать первую в Каире газету и всячески поощрял переводы на турецкий и арабский языки.

Однако в отличие от Махмуда II Мухаммед Али препятствовал развитию частного предпринимательства. Он был против заимствования норм буржуазного права, резко критиковал европейские нравы и порядки. В полном соответствии с шариатом вся хозяйственная жизнь страны контролировалась государством. При Мухаммеде Али были учреждены правительственные монополии в области сельского хозяйства и ремесленного производства; все фабрики и заводы принадлежали государству и управлялись правительственными чиновниками. В окружении Мухаммеда Али было принято порицать социальное зло, царившее на Западе, и потешаться над «свободными нравами» европейских женщин. Египтянам, выезжающим за границу, не рекомендовалось проявлять интерес к философии, праву и художественной литературе. В Каире переводились только военные уставы и книги по естественным наукам. Наиболее полезными считались математика и баллистика, техника, в частности фортификационное дело, медицина, ботаника, искусство речи и перевода. Остальные науки считались бесполезными и даже вредными. В отличие от Стамбула в Каире мусульмане крайне неохотно шли на неофициальные контакты с европейцами. При этом они проявляли, как говорят, большую скрытность и избегали разговоров на неслужебные темы.

В 1839 г. Мухаммед Али наотрез отказался распространять на свои владения действие Гюльханейского хатти-шерифа. В Египте принципы Танзимата начали вводиться лишь в 1854 г., т. е. 15 лет спустя. Вследствие этого в Каире дольше, чем в Стамбуле, сохранялись староосманские нравы и порядки. Здесь царили чисто крепостнические формы эксплуатации народных масс, ужасающая нищета и невежество. Все это не могло не бросаться в глаза иностранцам, и даже Нервалю с его романтическим настроением пришлось наблюдать далеко не идиллические сцены. Однажды он видел, как надзиратели с палками в руках под руководством кавалерийских офицеров следили за работой «феллахов». Другой раз он оказался свидетелем массовой облавы. В квартале, оцепленном войсками, производился «набор» рабочей силы. Людей хватали прямо на улицах и в цепях отправляли на работы: на заводы и фабрики, на рытье каналов и т. п. Во времена Мухаммеда Али все коренное население Египта, или «феллахи», как его называли в окружении паши, подлежало принудительной трудовой повинности. От нее освобождались только те, кто успевал дать взятку офицеру, производившему очередную «операцию по набору». Отсюда ясно, что повседневная жизнь Каира не имела ничего общего с теми экзотическими сценами, которые описывались Нервалем: прогулками по аллею Шубры, свадьбами, выбором невольниц. В Каире в те годы были тысячи солдатских вдов, разведенных и брошенных женщин, нищенствующих в поисках хлеба насущного.

«Несмотря на все, что я слышал,— писал русский консул,— я бы не поверил, что нищета может зайти так далеко. Все население Египта одето в лохмотья; действительно кажется, что у них нечего взять». За малейшие проступки людей пороли, отправляли на земляные работы, расстреливали, а женщин бросали в Нил зашитыми в мешок.

Жерар де Нерваль посетил Египет в те дни, когда власть Мухаммеда Али пошатнулась. В результате второй войны с султаном в 1839—1841 гг. он потерпел поражение. Его армия была сокращена, флот отобран. Мухаммед Али был вынужден вернуть султану Аравию, Сирию и Палестину. В Ливане ко времени приезда Нерваля уже была учреждена новая турецкая администрация. Лишь в горах еще сохранялись старые обычаи и традиции. Здесь властвовали шейхи друзских и маронитских кланов, находили убежище различного рода сектанты. В Египте поражение привело к краху амбициозных планов Мухаммеда Али. Мечту о возрождении халифата пришлось оставить. Правящие круги сознавали неотвратимость перемен и постепенно начали подражать Стамбулу. В дворцах стали появляться кресла и канапе из красного дерева, бильярды, часы с боем, вилки и ножи. На стенах вывешивались портреты господ-сыновей, уже неплохо изъяснявшихся по-французски и с удовольствием носивших офицерскую форму. В 40-е годы Мухаммед Али с безразличием взирал на беспутство юных беев и пашей, все более отходивших от староосманских традиций. Окруженный врачами, престарелый паша утратил вкус к государственным делам и терпеливо переносил суету гяуров. Англичанам он разрешил организовать почтово-дилижансовую службу между Каиром и Суэцом, у французов брал займы и пушки. Но самое главное, в 1841 г. Мухаммед Али был вынужден распространить на Египет действие англо-турецкого торгового договора 1838 г. и тем самым «открыть» страну для иностранцев.

«Открытие» Турции и Египта положило начало колониальному порабощению этих стран. В 40-е годы XIX в. началось интенсивное проникновение иностранного капитала во все сферы хозяйственной и общественной жизни Востока. Европейцы приступили к освоению восточных рынков, предоставляли займы и кредиты. В 1840 г. внешний долг Египта достиг 80 млн. франков и в несколько раз превышал доходы от вывоза сельскохозяйственной продукции. Получая новые займы и пушки, правители Востока шли на новые уступки. Они разрешали иностранцам селиться в своих странах, заниматься торговлей и ростовщичеством. К тому же договор 1838 г. создавал максимально благоприятные условия для сбыта европейских товаров: их можно было ввозить в неограниченном количестве и продавать по ценам свободного рынка. Первыми на Восток устремились наиболее предприимчивые предста-

вители европейского делового мира, те, кто не успел «отмыть» свои капиталы в Европе. С алчностью нуворшней, не брезгающих никакими средствами, они ринулись в страны Леванта, прокладывая дорогу respectable фирмам и банкам.

Жерар де Нерваль застал первый этап иностранного проникновения. Автор «Путешествия» был на Востоке как раз в те годы, когда в Египет и другие страны Леванта хлынула первая волна искателей приключений, различного рода авантюристов и откровенных мошенников, отправлявшихся на Восток с единственной целью — разбогатеть. Встречались, конечно, миссионеры, агенты серьезных фирм, различного рода специалисты, как, например, механики или врачи. Нервалю даже попало несколько художников и дагерротипист. Но они терялись среди бесчисленного множества спекулянтов, контрабандистов, шулеров, проституток и других подонков делового мира. Многие торговали «влиянием», содержали гостиницы, сомнительные притоны, кабаки; другие занимались продажей валюты, наркотиков, различного рода снадобий и медицинских препаратов. В большинстве своем это были выходцы из средиземноморских портовых городов на юге Франции и Италии. Нередко они сохраняли родственные и деловые связи со своими собратьями из Марселя, Ливорно или Одессы, образуя своеобразную торгово-космополитическую элиту, в зависимости от обстоятельств менявшую место жительства и даже подданство.

Формально до 1856 г. все эти инакоподданные не имели права владеть недвижимостью в империи. Однако на деле они легко обходили закон. Через подставных лиц вроде «коптской вдовы» из книги Нерваля они скупали дома, садовые участки, плантации. Напомним, что эта вдова, как сказали Нервалю, считалась владелицей двух десятков домов в Каире, которые были записаны на ее имя, но принадлежали иностранцам.

Подставными лицами и контрагентами иностранных фирм, как правило, выступали представители местных иноверческих общин. В большинстве своем это были армяне, греки, евреи, иногда сирийские христиане. Но встречались также копты и даже мусульмане вроде того драгомана Абдуллы, который отнюдь не бескорыстно сопровождал иностранцев и помогал им устраивать свои дела. В 40-е годы все эти лица были тесно связаны с европейской колонией и, боясь репрессий, приобретали документы о так называемом «покровительстве». Тем самым они становились «протезе» иностранных держав; на них распространялись все капитуляционные права и привилегии, в том числе права экстерриториальности, избавлявшие их от местного суда, повинностей и налогов.

Иностранцы и их «протезе» подчинялись только своим консулам. Без их ведома местные власти не имели права привлекать иностранцев к ответу и налагать на них наказания. Во всех спор-

ных случаях консулы заявляли протест, грозили жалобами в Стамбул и даже в собственные министерства. Местные власти боялись этих «представлений», которые влекли за собой расследования, заканчивавшиеся, как правило, не в их пользу. Вследствие этого власти старались поддерживать с ними хорошие отношения и спешили удовлетворить все их ходатайства. В 40-е годы консулы начали злоупотреблять своим положением. Они ставили себя выше местных властей, вмешивались во все вопросы, связанные с деятельностью иностранцев и их «протезе». Именно в 40-е годы берет начало печально знаменитая эпоха «консульского господства» — всевластия представителей великих держав, приступивших к превращению Османской империи в свою полуколонию. В эту эпоху, как правильно замечает Нерваль, каждый иностранец воспринимался как «важная персона». Перед ним открывались двери всех канцелярий. Паши, заставлявшие трепетать целые провинции, принимали иностранцев по первому требованию. Они любезно осведомлялись об их нуждах и без всяких проволочек отдавали необходимые распоряжения. Никто не осмеливался противоречить иностранцам, оскорблять их и тем более нарушать их «права».

Местное население выражало недовольство сложившимся положением. В низкопоклонстве властей оно видело ущемление своих прав и человеческого достоинства. Однако прошло довольно много времени, прежде чем народы Востока смогли изменить положение. Потребовалось много усилий, чтобы политика Танзимата дала результаты. Лишь в конце XIX в. сформировались новые общественные силы, которые возглавили борьбу народов Востока против иностранцев. И лишь в середине XX в., после второй мировой войны, коренным образом изменившей соотношение сил на мировой арене, эта борьба увенчалась успехом. Страны Востока обрели национальную независимость и заняли достойное место в мировом сообществе наций.

В настоящее время страны Востока далеко не те, какими они были в XIX в. Нет уже ни колонизаторов с их «цивилизаторской миссией», ни послушных им султанов и пашей. Исчезли невольницы и гаремы. Забыты старые моды и увлечения. Вследствие этого многие сюжеты Нерваля, его мысли и наблюдения кажутся какими-то нереальными, почти такими же фантастическими, как его история халифа Хакима. И хотя в жизни автору «Путешествия» так и не удалось найти ни всемогущих повелителей Востока, напоминающих героев из «Тысячи и одной ночи», ни их коварных обманщиц, книга Жерара де Нерваля не утратила от этого своего интереса. Она остается ярким и непосредственным свидетельством давно миновавших дней.

Н. А. Иванов

<i>В. А. Никитин. Жерар де Нерваль</i>	3
--	---

КАИРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

I. КОПТСКИЕ СВАДЬБЫ

Маска и покрывало	22
Свадьба при факелах	26
Драгоман Абдулла	31
Неудобства безбрачия	36
Муски	40
Приключения в бедестане	44
Опасный дом	49
Вакиль	53
Розеттский сад	58

II. НЕВОЛЬНИЦЫ

Восход солнца	63
Месье Жан	65
Хавали	68
Ханум	71
Визит к французскому консулу	72
Дервиши	78
Домашние неурядицы	81
Окель джеллабов	83
Каирский театр	87
У цирюльника	89
Караван из Мекки	91
Абд аль-Керим	97
Яванка	99

III. ГАРЕМ

Прошлое и будущее	103
Частная жизнь во время хамсина	106
Домашние заботы	108
Первые уроки арабского языка	112
Любезная переводчица	114
Остров Рода	117
Гарем вице-короля	125
Тайпы гарема	129
Урок французского	132
Шубра	134
Ифриты	137

IV. ПИРАМИДЫ	
Восхождение	141
Площадка	143
Испытания	148
Отъезд	153
V. ФЕЛЮГА	
Подготовка к плаванию	155
Семейный праздник	158
Муттахир	161
Сирафа	164
Каменный лес	166
Завтрак в карантине	171
VI. «САНТА БАРБАРА»	
Спутник	177
Озеро Манзала	180
Бомбарда	182
Andare sul mare	185
Идиллия	188
Судовой журнал	191
Катастрофа	194
Угроза	197
Берега Палестины	200
Карантин	203
VII. В ГОРАХ	
Отел Планше	208
Кейф	212
Табльдот	215
Дворец паши	219
Базары-порт	222
Могила святого	226

ДРУЗЫ И МАРОНИТЫ

I. ЛИВАНСКИЙ ЭМИР	
В горах	232
Деревня со смешанным населением	236
Владения эмира	240
Охота	244
Кесруан	247
Сражение	249
II. ПЛЕННИК	
Утро и вечер	251
Посещение французского пансионера	258
Акила	261
Друзский шейх	267
III. ИСТОРИЯ ХАЛИФА ХАКИМА	
Гашиш	275
Неурожай	282
Первая дама государства	286
Маристан	291
Пожар Капра	296

Два халифа	302
Отъезд	303
IV. АКИЛЫ.— АНТИЛИВАН	
Пакетбот	310
Священник и его жена	313
Завтрак в Сен-Жан д'Акре	319
Приключения марсельца	324
Обед у пашы	328
Отрывки из писем	331
V. ЭПИЛОГ	342

НОЧИ РАМАДАНА

I. СТАМБУЛ И ПЕРА	
Балык-базар	348
Султан	351
Кладбище	354
Сан-Димитри	358
Приключение в древнем серале	363
Греческая деревня	367
Четыре портрета	370
II. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАЗДНЕСТВА	
Йылдыз-Хан	374
Посещение Перы	376
«Карагёз»	379
Любители воды	390
Паша Скутари	395
Дервиши	398
III. БАЙРАМ	
Сладкие воды Азии	404
Кануп Большого байрама	409
Празднества в серале	412
Атмейдан	414
Приложение	
Искусство на Востоке	419
Примечания	424
<i>Н. А. Иванов.</i> Послесловие	432

Нерваль Ж.

Н54 Путешествие на Восток. Сокр. пер. с франц. М. Е. Таймановой. Предисл. В. А. Никитина. Послесл. Н. А. Иванова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
445 с. с пл. («Рассказы о странах Востока»).

Книга Жерара де Нерваля (1808—1855), видного представителя французского романтизма, написана на основе впечатлений от поездки по странам Ближнего Востока (Египет, Ливан, Турция) в 1843 г. Эти впечатления писатель изложил в серии новелл («Коптские свадьбы», «Невольницы», «Гарем», «Пирамиды» и т. д.), где описаны любопытные нравы и обычаи, увлекательные приключения, в которые неоднократно был вовлечен автор.

Жерар де Нерваль

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *Н. Н. Соколова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор
Б. Л. Резников
Технический редактор
З. С. Теплякова
Корректоры *Г. Э. Пабст* и *Р. Ш. Чемерис*
ИБ № 15540

Сдано в набор 09.09.85. Подписано к печати 11.03.86. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Вкл. **отпечатана** на офсетной бум. Гарнитура **обыкновенная** новая. Печать высокая. Усл. п. л. 23,52+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 27,3. Уч.-изд. л. 27,33. Тираж 75 000 экз. Изд. № 5209. Зак. 1054. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной
литературы 103031, Москва К-31,
ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

В 1985 ГОДУ В СЕРИИ
«РАССКАЗЫ О СТРАНАХ ВОСТОКА»
ВЫШЛИ:

- Аргентов В.* Старина и новь Магриба. 247 с.
- Будревич О.* Эта проклятая засуха. 95 с.
- Габорио М.* Непал и его жители. 184 с.
- Геншорек В.* 20 000 километров по Сахаре и Судану. 160 с.
- Зика Я.* В стране белого слона. 144 с.
- Киндрова Л.* В ритмах Черной Африки. 198 с.
- Кудинов В.* На разных широтах, долготях... 160 с.
- Лобода И.* Корейская мозаика. 96 с.
- Малаховский К.* Любовь и долг. История жизни капитана Мэтью Флиндерса. 119 с.
- Полянский А.* Таиландские встречи. 94 с.
- Салтыков А.* Письма об Индии. 176 с.
- Тер-Григорян А.* Когда улыбнется Ганеш. Будни и бури Южноазиатского субконтинента. 304 с.
- Фальк-Рёнке.* Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. 192 с.
- Фроманген Э.* Одно лето в Сахаре. 192 с.
- Фурника В.* От рождения до погребального костра. 200 с.